

ЭПОС
РУССКИХ
ЦЕННОСТИ
ЧАСТЬ I: ЧЕСТЬ И СЛАВА

АРСЕНИЙ МИРОНОВ

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

А. С. Миронов

ЭПОС РУССКИХ: ЦЕННОСТИ

Часть 1

Предельные ценности
русского эпического сознания:
честь и слава

МОСКВА
2022

УДК 398
ББК 82.3(2)
М64

Миронов А. С.
М64 Эпос русских : ценности. Часть 1. Предельные ценности русского эпического сознания : честь и слава / Миронов А. С. — М. : Институт Наследия, 2022. — 354 с. — DOI 10.34685/ НН.2021.28.80.017 — ISBN 978-5-86443-361-4.

Предметом настоящего исследования являются ценности русского эпического сознания как аксиологические доминанты мировоззрения.

Аксиологическому анализу подвергнуты записи русского народного эпоса — «старин» (за исключением духовных стихов, исторических песен и скоморошин), сделанные с середины XVIII века до 1960-х годов.

Настоящее исследование высших, предельных ценностей русского героического эпоса является первой частью комплексного аксиологического анализа известных науке былинных записей.

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

© А. С. Миронов, 2022
© Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, 2022

ISBN 978-5-86443-361-4

Содержание

Введение	5
Ценностные мотивации героев русского эпоса	18
ЛИЧНАЯ ЧЕСТЬ ГЕРОЯ	31
«Честь» («почести», «чешь», «цесь»)	31
Честь личная («почести») как ценностная мотивация	37
Личная честь — девальвируемая ценность	43
Последствия недооценки личной чести актором	46
Предельная ценность личной чести в мировой эпической поэзии	47
Русский эпический концепт личной чести	60
Добываемая личная честь: «чествование» тела — вино	87
Элемент добываемой личной чести: «чествование» тела яствами	101
Элемент добываемой личной чести: «чествование» тела ласками	107
Элемент добываемой личной чести: жена/невеста героя	122
ЧЕСТВОВАНИЕ ДРУГОГО	140
Честь общая (честь всего русского богатырства)	140
Общая честь («честные» объекты) — возрастающая ценность	148
Последствия ситуации, когда актер недооценивает общепризнанные «честные» реалии	150
Коллективная честь в эпосах других народов	151
Русский эпический концепт «общая честь богатырей»	160
ЛИЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯ	174
«Славá великая», «славушка»	174
Слава личная («сосветная») как ценностная мотивация	183
Личная слава — девальвируемая ценность	187
Последствия недооценки личной славы эпическим актором	190

Пределная ценность личной славы в мировой эпической поэзии	191
Русский эпический концепт личной славы	230
Элемент личной славы: обладание чужой или знаменитой красавицей по ее согласию	239
ОБЩАЯ СЛАВА БОГАТЫРСТВА	263
Слава общая (слава всего богатырства) как ценностная мотивация	263
Соборная слава — возрастающая ценность	269
Последствия недооценки соборной славы актором	270
Пределная ценность коллективной славы героев в эпосах других народов	271
Русский эпический концепт «общая слава богатырей»	281
Выводы	295
Список использованных источников	298
Приложение (справочное)	
Аксиомативы устного героического эпоса русского народа: предельные ценности (список)	309

Введение

В основу настоящего исследования положены представления о том, что героический эпос хранит и транслирует ценности традиционной культуры; что поступки эпических героев мотивированы ценностями, которые могут являться элементами единой ценностной системы — аксиологической картины мира.

Предметом нашего исследования являются ценности русского эпического сознания — аксиологические доминанты мировоззрения, общие для всех певцов, исполнявших воспринятые традицией варианты былин. Настоящее исследование высших, предельных ценностей русского героического эпоса является первой частью комплексного аксиологического анализа известных науке былинных записей. Изучение инструментальных ценностей русского эпоса будет предпринято как продолжение представленной работы.

Объектом нашего анализа являются записи русского народного эпоса — «старин» (за исключением духовных стихов, исторических песен и скоморошин), сделанные с середины XVIII века до 1960-х годов.

Аксиологическому анализу подвергнуты записи былин из собраний Кирши Данилова, И. В. Киреевского, С. И. Гуляева, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, П. С. Ефименкова, Б. М. Соколова и Ю. М. Соколова, А. М. Астаховой и Д. М. Балашова. Исключены записи прозаические (побывальщины), записи, искаженные авторской литературной обработкой (Л. А. Мей), а также творчество М. С. Крюковой. По очевидным причинам не исследуются т. н. «новины». Также из поля нашего внимания по техническим причинам исключены записи неполные (в аксиологическом смысле), т. е. не содержащие всех этапов, связанных с поступком героя: ценностного выбора, самого действия и оценки последствий этого действия.

Для того чтобы различать ценности героя и ценности певца, ниже будет использовано понятие «ценностного центра», сформулированное М. М. Бахтиным (ценностный центр есть «смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей его действительности»¹).

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. — М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. — С. 56.

Мы различаем ценностные центры: эпического героя, эпического певца и слушателя.

Ценностный центр конкретного героя может иметь собственный набор аксиологических категорий, мотивирующих поступки персонажа. Предположительно, нам удастся выявить в ценностном центре былинных героев те аксиологические начала, на которые в свое время указывали исследователи эпических характеров: творческий дар игры на гусях, зодчества (С. Н. Глинка), силу как бремя (С. П. Шевырев, О. Ф. Миллер), любовь-сострадание (С. П. Шевырев, Л. Н. Майков), молитву и религиозность как таковую (К. С. Аксаков, С. М. Боура), семейные ценности — родители, брак (К. С. Аксаков), колдовство (К. С. Аксаков), славу (О. Ф. Миллер, Ф. М. Селиванов), свободу и служение (Р. Траутманн), религиозность (С. М. Боура), личную честь и отказ от личной чести (С. М. Боура), смелость как моральное право на победу (А. М. Панченко), дарение (Ф. М. Селиванов), почитание законной власти (Ф. М. Селиванов), понимание богатирства как подвижничества и святости (О. Р. Николаев и Б. Н. Тихомиров). Выявление ценностей, мотивирующих каждого конкретного былинного героя, — первоочередная задача настоящего исследования, однако конечной и главной нашей целью является определение элементов и структуры ценностного центра эпического певца. В текстах былинных записей перечисленные ценности могут манифестироваться в различных формах оценочных суждений — формулирование ценностной категории, прямая оценка героя и его поступка (осуждение, одобрение, прославление и др.; в том числе посредством оценочного эпитета), «выражение убежденностей или верований говорящего на основе его ценностного мотивационного отношения², а также отложенная во времени и раскрывающаяся в сюжете оценка певцом ценностей героя (и его действий, вызванных этими ценностями) и, наконец, в рамках эпического подтекста.

Несмотря на то что былины, духовные стихи, исторические песни и скоморошины нередко встречаются в репертуаре одного и того же певца (что может указывать на наличие общих ценностных категорий, отраженных в произведениях названных жанров), мы ограничили свой труд рассмотрением именно былин по ряду причин. Так, уже поверхностное знакомство с духовными стихами указывает на их принципиальное в ценностном плане отличие от

² *Серебренникова Е. Ф.* Аспекты аксиологического лингвистического анализа // *Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов / коллективная монография.* — М.: ТЕЗАУРУС, 2011. — С. 13.

былин: ценностный центр героя духовного стиха мыслится певцом и его аудиторией существенно «выше» их собственных ценностных центров: суждения и поступки такого героя не подлежат нравственному суду исполнителя и слушателей. Для характеристики героя духовного стиха оптимально определение М. М. Бахтина, данное в отношении эпического героя вообще: «...и певец и слушатель, имманентные эпопее как жанру, находятся в одном времени и на одном ценностном (иерархическом) уровне, но изображаемый мир героев стоит на совершенно ином и недостижимом ценностно-временном уровне, отделенном эпической дистанцией.³ Эта формула гораздо менее подходит для былин: степень идеализации былинного героя далеко не так очевидна, и соотношение ценностных центров эпического певца и его персонажей еще предстоит исследовать.

Что же касается исторических песен, то их, безусловно, следовало бы подвергнуть глубокому и комплексному ценностному анализу наряду с песнями богатырскими, однако мы вынуждены были отказаться от этой задачи потому, что она увеличила бы объем исследования приблизительно вдвое. Установившееся в науке (начиная с И. П. Сахарова) и с тех пор доказавшее свои права на существование выделение былин как «песен о богатырях» из группы жанров, к которым относится народный термин «старина», дает нам основания ограничиться исследованием массива собственно былинных записей. Скоморошины исключены из поля нашего внимания по причине очевидного отличия их жанровых функций от аналогичных функций былин; кроме того, уже самые первые попытки аксиологического анализа произведений этого жанра свидетельствуют о неразвитости ценностного центра их героя (ведь герой скоморошин, как правило, не совершает поступков на основании свободного ценностного выбора).

Необходимо подчеркнуть, что объектом настоящего анализа являются былины в том виде, в котором они даны нам в известных науке записях XVIII–XX веков. Следовательно, любые ценности, обнаруженные в былинах, мы будем принимать как ценности русского эпического сознания этого периода (а не X, не XIII и даже не XVI столетия). Реконструкция архаичных ценностных категорий, предположительно отразившихся в былинах, не является задачей настоящего исследования. Это не исключает того, что некоторые

³ Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. — М. : Худож. лит.-ра, 1975. — С. 457.

аксиологические концепты могли сохраниться в былинах с древних времен, однако их хронологическое приурочивание должно стать, по-видимому, предметом отдельного исследования; нас же интересует эпическое сознание носителей былинной традиции, начиная со сборника Кириши Данилова⁴.

Русскому былинному певцу не свойственны морализаторство и резонерство, он выступает почти исключительно в роли созерцателя; сказители устранились от нравоучительной «авторской» позиции. В подавляющем большинстве былинных записей отсутствуют прямые оценки ценностного выбора, сделанного героем. В частности, И. С. Климас в своем исследовании «Русское фольклорное слово», изучив «оценочные характеристики человека» в отечественной лирике и в былинах, приходит к выводу о том, что в последнем случае крайне редко встречается оценка певцом моральных качеств своих персонажей⁵.

Так называемые «оценочные эпитеты», на которые указывал, в частности, В. Я. Пропп («Русский героический эпос». Часть V. Гл. 4), весьма мало говорят слушателю о том, как певец оценивает ценностное предпочтение (поступок) героя в конкретном сюжете. В. Я. Пропп полагает, что действующие лица в былинах строго делятся на добрых, «своих» (которые всегда поступают правильно и потому «заслуживают» положительных эпитетов) и злых, «чужих» (которые всегда осуждаются и потому требуют от певца негативно окрашенных эпитетов). Однако в русском эпосе весьма часто герои поступают неоднозначно: например, когда «свои» хващаются, конфликтуют друг с другом (Илья и Добрыня, Илья и Алеша, Добрыня и Дунай, Добрыня и Настасья, Алеша и Добрыня, Алеша и Сбродовичи, Дюк и Чурила, Алеша и калики) или вызывают на бой «силу небесную» («Камское побоище»). Однако даже совершая противоречивые, неоднозначные поступки, герой сохраняет «закрепленные» за собой положительные эпитеты: его «белые груди» не становятся «черными», как у антагонистов, поездка остается «молодецкой», а сердце — «богатырским». Князь Владимир назван «ласковым» в тот момент, когда он приходит плакать на могилу заживо похороненного Потыка, однако он характеризуется этим эпитетом и тогда, когда велит заточить Илью в темницу, проигрывает русских богатырей в «карты-шахматы» соседнему королю

⁴ Т. н. «сборник Джемса» (XVII в.) содержит замечательные образцы исторических и солдатских песен, но героических былин в нем, к сожалению, нет.

⁵ Климас И. С. Русское фольклорное слово. — Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. См. также : Состав кластера «оценочные характеристики человека» в фольклорном эпосе и лирике // Традиционная культура. 2010. Т. 11. № 2 (32).

или сватается к жене Данилы Ловчанина. Кроме того, значительная часть эпитетов, которые представлялись В. Я. Проппу оценочными, на самом деле «закреплены» за определяемым словом: например, «прекрасным царем» назван лютый враг русских богатырей Василий Окулович. Как известно, и «славу поют» в русском эпосе не только «своим» героя, но также антагонистам — Соловья-разбойнику⁶, Подсокольнику⁷, Тугарину⁸, Змеищу⁹, Издолищу/Идолищу¹⁰ и др.

Нам не удалось обнаружить в былинах и оценочно окрашенных «предсказаний», проявлений убежденности в закономерном исходе событий, сделанных от лица повествователя относительно будущей победы героя или неминуемого поражения антагониста. Предсказания добра или зла — отнюдь не редкость в былинах, но озвучиваются они персонажами (матушкой героя, его конем, «сухой головой» мертвого богатыря и др.), и никогда такое предсказание не звучит от самого повествователя как субъекта оценки. При этом «прогнозы» относительно будущего далеко не всегда сбываются: например, Илья Муромец побеждает Соловья-разбойника — несмотря на то, что Бурушка спотыкается, тем самым предрекая своему седоку гибель.

Более того, даже в «затекстовых» ремарках былинщиков оценочные суждения встречаются редко. Так, А. Г. Игумнов обнаруживает в двухтомнике «Былины Севера» (М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938—1951) всего лишь четыре ремарки с открытой морализацией,

⁶ См., в частности: Первая поездка Ильи Муромца: (Он спасает Чернигов, наказывает коварную девицу, встречает разбойников и укрощает Соловья-разбойника): [Былина] № 360 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 308.

⁷ См., в частности: Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 90 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 451.

⁸ См., в частности: Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина: [Былина] № 334 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 152.

⁹ См., в частности: Купанье и бой Добрыни со Змеем: [Былина] № 370 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 371.

¹⁰ См., в частности: Встреча и поездка Ильи Муромца со Святогором, смерть Святогора и освобождение Ильей Муромцем Киева от Издолища: [Былина] № 418 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 589.

то есть с «ясным выражением моральной догмы или открытым осуждением»¹¹ — и это в поздних записях советского периода, когда сказители были склонны к оценочным суждениям, подчеркивая, что воспринимают былинный этос с оговорками, с поправками на его «древность» (одна из упомянутых выше ремарок, например, была вызвана несогласием сказительницы с обязательным для былин требованием воздерживаться от хвастовства супругой).

Отказ певцов от прямых оценок поступка героя невозможно, конечно, объяснить национальным характером жителей Русского Севера, их природным смирением, немногословием, эмоциональной сдержанностью и т.п. Оказываясь в роли слушателей, те же северорусские крестьяне, по свидетельствам собирателей эпоса, весьма часто и в самой энергичной форме высказывали свои оценки во время исполнения старин. Так, у А. Ф. Гильфердинга находим описание того, как некий крестьянин постоянно сопровождал пение своими замечаниями: «Ах она мерзкая баба», повторял он несколько раз, слушая, как княгиня Опраксия соблазняла каличьего атамана сотворить с нею грех»¹².

Можно предположить, что отсутствие прямых оценок со стороны певца — родовой признак подлинно художественного эпоса (общеизвестно, например, что Гомер воздерживался от оценивания поступков, совершенных его героями¹³). Возможно, необходимости в таких оценках просто не было — в силу существования недоступного нам «затекстового» знания, общего для певца и его аудитории, — знания, создававшего единый аксиологический «фон», некую систему ценностных координат, с которой слушатель мог соотнести поступок героя и таким образом самостоятельно выработать оценку, близкую к оценке певца.

К сожалению, исследовать аксиологический контекст былин затруднительно ввиду того, что живое бытование русского героического эпоса прекратилось, а собиратели в прошлом преимущественно фиксировали сами произведения, не справляясь о том, как поступки их персонажей соотносятся с ценностными ориентациями певцов. Попытки реконструировать эпический контекст предпринимались неоднократно и приводили к противополож-

¹¹ Игумнов А. Г. Актуальная поэтика былины. Статья 2 // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 5. — С. 207.

¹² Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. — С. 9.

¹³ См., например: Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. — М.: Наука, 1983. — С. 184.

ным выводам о картине мира русского эпического сознания. Так, «ритуалисты» (в частности, Б. Н. Путилов) полагали, что эпический контекст имеет отношение к ритуально-магическим практикам, на которые былинные сюжеты якобы прямо намекали слушателям в древности (а впоследствии, когда обрядовая составляющая была окончательно утрачена в христианской среде, певцы утратили и саму возможность транслировать свою оценку аудитории). В рамках этого подхода, например, предпринимались попытки сделать «шаг к реконструкции архаичного народного мышления», изучая «исконную лексику» фольклора в качестве «транслятора архаических ментальных установок, представлений, концептуализаций»¹⁴, в результате чего из слова «мужчина» выводилось значение «Хорс, Дажьбог»; из слова «Бог» — «культ мертвых предков»; из слова «дерево» — имя божественного первопредка, род¹⁵ и т. п.

Другие исследователи былин, напротив, полагали, что русский героический эпос бытовал преимущественно в православной среде (О. Р. Николаев, Б. Н. Тихомиров), а следовательно, эпическим контекстом являлись ценности воцерковленного православного христианина. Этот взгляд подтверждают исследования этнографов, показывающие высочайшую степень воцерковленности русских крестьян¹⁶, — вопреки популярной с конца 1970-х годов гипотезе о широком распространении так называемого «двоеверия», «народного христианства», ценностно противостоящего якобы насаждавшемуся «официальному христианству»¹⁷. В качестве примера того, как певец оценивает поступок героя в поле эпического контекста, логично привести эпизод из былины о Василии Буслаеве: протагонист наносит удар своему крестному отцу и при этом произносит: «Христос воскрес!»¹⁸; оправданно предположить, что в этом случае аудитория самостоятельно и однозначно «считывала» негативные

¹⁴ Кошарная С. А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек — Природа» в русской языковой картине мира. Автореф. дисс. ... д.ф.н. — Белгород, 2002. — С. 3.

¹⁵ Кошарная С. А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек — Природа» в русской языковой картине мира. Автореф. дисс... д.ф.н. — Белгород, 2002. — С. 23.

¹⁶ См., в частности: Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. — М.: Паломникъ, 2000.

¹⁷ См. работы Ив Левин («Двоеверие и народная религия в истории России» [М.: Индрик, 2004]).

¹⁸ См., в частности: Василий Буслаев: [Былина] № I/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 5. — М.: Тип. Бахметева, 1863. — С. 8.

ценностные координаты подобного действия; необходимости в его прямой оценке со стороны певца не возникало.

Итак, мы не можем опираться ни на одну из теоретических реконструкций русского эпического контекста и как следствие полагаем, что характеристики этого знания могут быть выявлены только в результате аксиологического анализа самих былин. Между тем расчет на контекстуальное знание слушателей не мог быть единственным способом реализовать оценки эпического певца — уже потому, что былины исполнялись в том числе молодым людям и детям, которые не могли обладать завершенным мировоззрением (ни в эпоху архаической древности, когда от них требовалось бы оценить поступки героев с позиций ритуальной практики, ни в XIX веке, когда былинные певцы могли рассчитывать на самостоятельные оценки, выносимые православной аудиторией). Сказанное позволяет нам предположить, что оценка певцом ценностного выбора героя осуществлялась не только с привлечением контекстуального знания слушателей.

М. М. Бахтин, обнаруживая разность оценки героя и автора в романе, полагает, что в эпосе, напротив, мировоззрение певца, героя и слушателя совпадает, т. е. герой «завершен» именно потому, что «задан» как воплощение идеалов носителя эпической традиции и его аудитории¹⁹. Если это так, то для выявления ценностей русского эпического сознания достаточно будет указать на ценности «любимых» народом былинных героев, выявленные в результате аксиологического анализа. Однако — пока теоретически — мы можем допустить, что оценка певца может проявляться не в момент поступка (ценностного выбора) героя, но, так сказать, в «отложенной перспективе», т. е. по мере наступления последствий этого поступка. Такое предположение мы можем сделать, основываясь на наблюдениях философов, изучавших связь ценностей актора (агента) с последствиями его ценностно ориентированных действий и указывавших на ключевую роль последствий в возникновении отношения значимости между агентом и ценностью²⁰.

Очевидно, что эпическая песнь может считаться законченной (то есть состоявшейся как взаимодействие оценок певца, героя и слушателя) лишь в том случае, если содержит не только мотива-

¹⁹ См., в частности: *Бахтин М. М.* Эпос и роман (о методологии исследования романа) // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит.-ра, 1975. — С. 460.

²⁰ См., в частности: Платон, «Протагор» (Protagoras, 353e), а также весь класс конвенционалистских этических систем с их акцентом не на мотиве действия, но на его результате.

цию героя и его поступок, но и результаты такого поступка. При этом сам герой может действовать, если допустимо так выразиться, по законам телеологической этики и не думать о результатах своего поступка, но исходить исключительно из абстрактных моральных принципов, его, героя, мотивирующих. Однако для того, чтобы песнь «состоялась» в глазах слушателя, последнему необходимо узнать о последствиях героического действия (так, например, protagonista французской «Песни о Роланде» принимает решение отказаться от вызова подкрепления не потому, что задумывается о последствиях своего поступка, но исключительно в связи со своими собственными представлениями о рыцарской чести, о необходимости избежать беславия; слушателю тем не менее важно узнать, чем обернулся подвиг Роланда для Карла и Франции).

Следует подчеркнуть, что демонстрация последствий поступка, совершенного персонажем, выражает оценку певцом не самого действующего лица, но — *его ценностного выбора, обретшего бытие в поступке*. Отличающиеся оценки одного и того же поступка — сделанные самим героем (в момент совершения им поступка) и певцом (после наступления последствий этого поступка) — разнесены в художественном времени былины и создают эстетическое «напряжение», которое вызвано, если можно так выразиться, разностью аксиологических потенциалов одного и того же действия в ценностном центре слушателя; эта неодинаковость обеспечивает развертывание эпического повествования от мотивации актора до наступления последствий его поступка (например, от момента соблазна — до наказания и преображения). Тем самым гарантируется «захват» внимания и напряженное ожидание развязки, когда слушатель (особенно тот, кто сам разделяет — или склонен разделять — описанный ценностный выбор) проходит вместе с героем путь от волевого акта до ответной реакции эпического универсума на совершенный поступок (ставший отчасти поступком и самого слушателя). Певец при этом выступает не в роли механического «транслятора» традиционного устного текста, но в качестве носителя высшего знания о духовных законах, связывающих тот или иной поступок с его последствиями, т. е. в известной мере — в ипостаси творца-демиурга былинного мира.

Таким образом, наблюдение М. М. Бахтина о тождестве оценок эпического певца и героя справедливо лишь отчасти: если мы говорим о непосредственной оценке действия накануне и в момент его совершения. Если же допустить, что этика слушателя имеет не телеологический, но консеквенциалистский характер (то есть строится не только на оценке мотивации героя, но также с учетом

последствий его поступка), то и оценочный акт певца может быть отложен и приурочен лишь к моменту изображения последствий. Певец может не выражать прямо свое отношение к тому объекту, на который направлено действие агента, поскольку он обладает возможностью «заставить» героя (и, соответственно, слушателя) изменить первоначальную оценку через демонстрацию последствий совершенного действия. Иными словами, певец не навязывает свою оценку поступка, совершенного героем, но «навязывает» последствия этого поступка (и тогда становится ясно, что в народном эпосе певец, несмотря на диктат традиции, все же обладает ограниченной творческой свободой: она проявляется в выборе героя и конкретного варианта последствий поступков этого героя — с учетом специфики коммуникативной ситуации и, в частности, личности слушателя).

В случае наступления благих для персонажа последствий его поступка позиция мотивировавшей аксиологической категории в ценностном центре героя (и слушателя) возрастет, при этом субъективная оценка иных целей, связанных с конкурирующими аксиологическими категориями, снизится. И наоборот, при наступлении дурных последствий «курс» мотивировавшей ценности относительно конкурировавших ценностей снизится. Логично предположить следующее: если некая ценность, мотивировавшая героя, не будет девальвирована после наступления последствий совершенного им действия, то это свидетельствует о том, что укрепившаяся позиция подобной аксиологической категории в ценностном центре героя соответствует изначально неявной слушателю, но столь же высокой позиции в иерархии ценностей самого певца. Если же ценность, вызвавшая поступок героя, будет девальвирована в контексте наступивших последствий этого поступка, то вполне оправданно утверждать, что эпическое сознание осуждает подобный аксиологический выбор.

Благими последствиями мы будем считать такие, которые привели к достижению цели, на которую был ориентирован герой: чем более эта достигаемая цель связана с предельной ценностью, мотивировавшей действие, тем более благими являются последствия совершенного акта. Дурными последствиями мы будем считать такие, которые не привели к достижению цели поступка, связанного с актуальной для актора предельной ценностью.

Наступление последствий поступка приводит к укреплению или девальвации мотивировавшей этот поступок аксиологической категории не только в ценностном центре героя, но и в ценностном центре слушателя. Для слушателя маркером благого или

дурного последствия является прежде всего то, привел ли поступок героя к его победе или поражению, к продолжению существования в качестве положительного персонажа — или же к гибели. Такие последствия имеют формальный «фабульный» характер: «благим» последствием в понимании эпического певца и его слушателей является победа или выживание героя, а также обретение им свободы. «Дурным» последствием для персонажа может быть гибель, поражение, утрата свободы.

Сказанное отнюдь не означает, что жизнь, победа и свобода являются конечными ценностями русского эпоса, а смерть, поражение и несвобода суть конечные «антиценности» отечественных героических песен. Названные положительные и отрицательные последствия играют роль «технических маркеров», указывают на правильное или неправильное поведения героя; с их помощью поступки, нацеленные на «правильные» ценности, утверждаются как таковые, а поступки, ориентированные на «антиценности», осуждаются. Это положение легко доказать: подавляющее большинство поступков, которые совершают эпические герои, связано с прямым риском для их жизни, а следовательно, богатыри совершают эти поступки не потому, что их целью является продолжение собственного существования любой ценой и на любых условиях. Как правило, герой решает не задачу личного выживания, он нацелен на иную ценность, «цена» которой превышает в его понимании стоимость его собственной жизни; в этом случае выживание и победа являются, как было сказано выше, не конечной целью, но лишь сопутствующим благом, своего рода «маркером» поощрения героя свыше и одобрения эпическим певцом той цели, которую выбрал для себя богатырь (и, следовательно, — необходимым условием продолжения героической активности).

Иными словами, жизнь и свобода (отсутствие неволи) являются не конечными ценностями, но условием того, что герой продолжит существовать именно как герой. Прекращение же бытия героя в его исходном качестве (смерть или несвобода) девальвирует ценность, вызвавшую тот или иной поступок богатыря; напротив, сама по себе «техническая возможность» продолжать существование в героическом качестве есть маркер правильного аксиологического выбора.

Можно сказать, что победа, сохранение жизни и свободы есть не ценностное значение, но его положительный знак, тогда как поражение, гибель или утрата свободы есть знак отрицательный. Впрочем, эти знаки действуют в том случае, если сама ценность, которую они маркируют как положительную или отрицательную, была достигнута героем. Например, если герой погибает, но при

этом обретает немеркнущую славу (как англосаксонский Беовульф, французский Роланд) или святость (как предводитель сорока калик Касьян из русской былины), то такое последствие нельзя считать отрицательным по той лишь причине, что мы видим гибель protagonista. Определяющим является то, что герой достиг той цели, к которой он изначально стремился (получение славы или спасение души). Если же победа состоялась, но цель, связанная с конкретной предельной ценностью (отличной от ценности жизни героя как таковой) не была достигнута, то сама по себе победа воспринимается слушателем как бессмысленная, а эпический нарратив становится бессодержательным в аксиологическом плане.

Итак, если подавляющее большинство ценностей, мотивирующих былинных героев, укрепляется при наступлении последствий их поступков, это будет означать, что русское эпическое сознание идеализирует своих персонажей. В противном же случае мысль об идеализации героев отечественного эпоса необходимо будет отвергнуть как ложную.

* * *

Чтобы выяснить, как певец оценивает ценностный выбор своего героя, необходимо:

- 1) выявить для каждого поступка его цель (смысл) и связанную с этой целью (смыслом) ценность, мотивирующую героя;
- 2) выявить для каждого поступка его последствия и установить изменение «курса» мотивирующей ценности и ценностей конкурирующих после наступления этих последствий;
- 3) выявить ценности, аксиологический «курс» которых укрепляется, а также девальвируемые ценности;
- 4) связать характер ценностей, укрепляемых или девальвируемых певцом, с эпическим контекстом былин.

Для того чтобы избежать опасности методологической «модернизации» и возможных упреков в попытке применить для исследования русского эпического сознания представления о ценностях и систему аксиологических координат, характерные для сознания современного человека, мы предпринимаем следующее:

Во-первых, на начальном этапе нашего анализа мы воздерживаемся от использования современных терминов, обозначающих те или иные ценности; это позволит нам не «навязывать» былинной фактуре представления, «предустановленные» взглядом современного исследователя. Мы отказываемся от возможности составить произвольный список ценностей («общечеловеческих» или выявленных трудом философов, аксиологов, эпосоведов

или же отобранных по аналогии с ценностями эпосов, созданных другими народами) и затем исследовать то, как эти ценности мотивируют былинных богатырей. Такой путь неприемлем для нас потому, что в этом случае невозможно обратить внимание на уникальные аксиологические категории русского эпического сознания, которые могут быть внешне близки к ценностям других национальных эпосов, но отличаться от них по содержанию. В качестве примера приведем понятие «честь», которое в современном словоупотреблении устойчиво связано с представлением о некоем «внутреннем нравственном достоинстве человека»²¹, а также с концептом воинской чести. Последний близок по содержанию к характерному для античного и германского эпосов представлению о «долге чести» как обязанности воина «отработать» дары, полученные им от властителя, а также к концепции «долга перед родиной», сложившейся в Европе в эпоху Просвещения и вошедшей в политический дискурс со времен наполеоновских войн. Ниже мы покажем, что понятие «честь-хвалы богатырской», обнаруживаемое в былинах, в ряде случаев не совпадает по содержанию с указанными выше понятиями.

Нам представляется целесообразным на первом этапе исследования использовать оригинальные былинные наименования тех ценностей, которые способны мотивировать героя, — несмотря на очевидное неудобство использования в тексте научной работы таких слов и словосочетаний, как «талан-участь», «неупадчивость», «сердце богатырское», «завид» и др.

Во-вторых, принципиально важно учитывать последствия аксиологического выбора (поступка) героя — и предложить определение ценности, которую предпочел герой, именно через указание на последствия его действий. Таким образом, мы получим не только список «терминов» для обозначения ценностей русского эпоса, но и их достоверные определения, как бы высказанные «изнутри» самой былины. Только после этого выявленные нами аутентичные «формулы» былинных ценностей можно будет сравнить с аксиологическими категориями, предложенными учеными-эпосоведами.

Наконец, **в-третьих**, для уточнения специфики былинных ценностей мы сравним их с а) ценностями героической поэзии, созданной другими народами, и б) аксиологическими категориями, характерными для конкретных цивилизационных типов (в частности, с ценностями христианской культуры).

²¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Честь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/375190>

Ценностные мотивации героев русского эпоса

Чтобы выявить ценности эпического героя и эпического певца, необходимо уточнить знаменитый вопрос Сократа о природе блага и добродетели — «что есть благо?» — следующим образом: «Что есть благо для эпического героя?», «Что есть благо для эпического певца?». Ответить на эти вопросы можно, если указать на то, что отличает эпического героя от обычного человека, а также от героев других фольклорных жанров. Вполне очевидно, что эпический герой наделен особенным даром, силой (не обязательно физической — это может быть колдовская сила, хитроумие и др.); с известным допущением можно сказать, что ключевой мировоззренческой проблемой эпоса является проблема силы. Вопрос о том, как должно использовать эпическую силу, логично поставить следующим образом: что наиболее полезное, ценное можно получить в обмен на нее? Заметим, что акт такого обмена необходим, иначе эпический герой не проявит себя как герой, и сама песнь не состоится в композиционном плане.

Другой характерной чертой героического эпоса является то, что поступки его акторов — как мы уже отмечали выше — преимущественно связаны с риском для жизни: обладание силой делает доступными для героя те блага, которые едва ли достижимы для большинства людей (потому, что цена этих благ превышает стоимость человеческой жизни). Только наличие чудесной силы позволяет эпическому герою рассчитывать на успех; опыт «добывания» высших благ, едва ли доступных обычным людям, и составляет предмет героического эпоса.

Исследуя ценности эпической поэзии мы будем разделять их — вслед за Аристотелем и целым рядом других философов — на конечные, предельные, терминальные (у Аристотеля — цели-результаты, *εργα*) и инструментальные, служебные (по Аристотелю, цели-деятельности, «энергии», *ενεργειαί*)²². Первый род ценностей Аристотель полагал целью, ради которой желанны все прочие цели, то есть наивысшим благом (*το ἀριστον*)²³, а И. Кант — «целью,

²² Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — С. 54–55.

²³ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. — М.: Мысль, 1983. — С. 55.

которая есть цель сама по себе»²⁴; ко второму роду ценностей автор «Никомаховой этики» относил, в частности, все «умения» (*δυνάμεις*) человека²⁵. В процессе анализа важно различать, направлено ли действие эпического героя на достижение цели, связанной с конечной ценностью, или же «целевая» ценность представляется средством для достижения ценности более высокого ранга.

Представление о ценностях эпического певца дано слушателю героической поэзии в связи с актом обмена (предпочтения), совершаемого протагонистом. Благом для эпического героя является сущность, обладающая большей истинностью, чем его собственная жизнь.

Предельная ценность есть то и только то, на что герой соглашается «обменять» собственное существование; следовательно, это — сущность, превышающая для героя цену его собственной жизни и потому мотивирующая тот или иной поступок, связанный с высокой вероятностью гибели.

Инструментальная ценность есть сущность, не превышающая для героя цену его собственной жизни, однако сопоставимая с ней — в силу того, что, обладая этой инструментальной ценностью, герой получает возможность избежать «обмена» предельной ценности на собственную жизнь непосредственно. Таким образом, в «снятом» виде инструментальная ценность оказывается равна той цене, которую имеет жизнь героя, не будучи при этом целью «обмена», но лишь «замещающая» собой цену жизни.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что русское эпическое сознание существует как взаимосвязанное единство ценностей, на которые слушателю указывают поступки главных героев, антагонистов и второстепенных персонажей былинного эпоса, а также последствия этих поступков, реализуемые в границах сюжета. При этом русский эпический певец устранился от какой-либо выраженной морализирующей позиции, принимает на себя роль созерцателя и оценивает аксиологический выбор своих героев не напрямую, но посредством подбора сюжетных вариантов, демонстрирующих действие тех или иных духовных законов по модели «поступок — последствия», — и тем самым мотивирует активную критическую деятельность слушателя, связанную с необходимостью «переоценивания» поступков, совершенных героями.

²⁴ Кант И. Основоположения к метафизике нравов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/index.php?cp=document&id=32&print=1>

²⁵ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. — М.: Мысль, 1983. — С. 55.

Следовательно, проанализировав такую переоценку аксиологического выбора, можно получить представление о ценностной картине мира русского эпического певца.

Комплексный аксиологический анализ эпоса предполагает два этапа: 1) выявление ценностей, мотивирующих главных былинных героев (а также их антагонистов и второстепенных персонажей), и 2) описание относительного изменения «курса» ценностей (с учетом последствий совершенного поступка), мотивировавших героя в момент аксиологического выбора.

Первый этап анализа предполагает выявление ценностей и смыслов, на которые указывают поступки богатырей. Если, как полагал Аристотель, высшие ценности (блага) суть то, к чему все стремятся («*καλῶς ἀπεφύνατο τὰγαθόν, οὗ πάντ' ἐφίεται*» [Eth. Nic. 1094 a.1]), то ценности русского героического эпоса суть то, к чему стремятся русские эпические герои.

В былинной вселенной — во всяком случае, в той ее части, которая известна нам по записям собирателей, — действуют или хотя бы единожды совершают свой ценностный выбор 28 протагонистов, каждому из которых посвящен по меньшей мере один эпический сюжет. Это Алеша Попович, Вавило, Василий Буслав, Василий Игнатьевич, Василиса Микулична, Вольга Буславич, Волх Всеславьевич, Глеб Володьевич, Добрыня Никитич, Дунай Иванович, Дюк Степанович, Ермак Тимофеевич, Иван Годинович, Илья Муромец, Касьян (предводитель сорока калик), Козарин, Константин Саулович, Лука Петрович («Королевич из Крякова»), Микула Селянинович, Михайло Данилович, Михайло Потык, Садко, Святогор, Соловей Будимирович, царь Соломан, Сухман Сухментьевич, Хотен Блудович и Чурила Пленкович.

Противники богатырей — «чужие» или «свои» антагонисты — совершают поступки, указывающие на некую ценность, в 30 случаях («чужие» антагонисты: Тугарин, царь Собака, Скурла(к)/Батыга, Маринка, Абатуй, Змея, Калин-царь как противник Ермака, Калин-царь как противник Ильи Муромца, Василий Окулович как противник Ивана Годиновича, Соловей-разбойник, разбойники — противники Ильи Муромца, Идолище, Сокольник/Нахвальщик, татарин — противник Казарина, Авдотья/Марья Лебедь Белая, Морской царь, Торокашка, царь Василий как соперник царя Соломана; «свои» антагонисты: братья Петровичи, Илья Муромец в схватке с Добрыней Никитичем, Настасья Микулична, Алеша Попович как жених Настасьи, Чурила Пленкович, князь Владимир в ссоре с Ильей Муромцем, он же как строгий сюзерен Ставра Годиновича, он же — в былине про Сухмана Сухментьевича, Давыд

Попов, Апраксия — в былине о сорока каликах, Часова вдова, Бермята/Перемяк).

Второстепенные персонажи былин также нередко совершают поступки, основанные на ценностном выборе, и переживают их последствия. Таковы князь Владимир, княгиня Апраксия и пирующие киевляне в былине про Алешу и Тугарина; Елена/Олена («Алеша Попович и сестра [Петровичей-]Збродовичей»); матушка главного героя, девица и мужики («Вавило и скоморохи»); матушка Василия Буслаева из одноименной новгородской былины; князь Владимир и бояре в песне про Василия Пьяницу; «мужички» («Вольга и Микула»), родственница Добрыни («Добрыня и Маринка»), киевские богатыри (старина про Добрыню и Василия Казимировича), Илья Муромец и князь Владимир («Бой Добрыни с Дунаем»), Настасья Микулична, королевна Настасья Семеновна («Дунай Иванович — сват»), Илья Муромец («Добрыня и Алеша», былины про Дюка Степановича, про Ермака Тимофеевича); отец невесты и побратим Добрыня («Иван Годинович»), странники и дочь Соловья-разбойника («Исцеление и первая поездка Ильи Муромца»); Святогор (в сюжете про Илью Муромца и Святогора); Добрыня Никитич в былине про Илью Муромца и нахвальщика; княгиня Апраксия или ее племянница (в сюжете о заточении Ильи); девица-пленница («Казарин»); Данила Игнатьевич и княгиня Апраксия («Михайло Данилович»); Алеша Попович, богатыри-побратимы Илья Муромец и Добрыня Никитич, а также дочь царя Вахромея («Михайло Потык»); корабельщики («Садко»); Забава Путятична («Соловей Будимирович»); Алеша Попович и Добрыня Никитич («Сорок калик со каликою»); Ставер Годинович; матушка богатыря («Хотен Блудович»), «девка-чернавка» («Чурило и Катерина»).

Предметное поле представленного ниже ценностного анализа составляют записи былин, содержащие не менее 150 моментов ценностного выбора, сделанного их героями. В былинах про **Алешу Поповича и Тугарина** это: выбор пути; бесчестие «по приезду»; вызов сильнейшему противнику; реакция на брошенный нож; единоборство; победа и награда. В сюжете «**Алеша и сестра Петровичей/Збродовичей**» таких моментов два: похвальба на пиру и спасение обесславленной. В былине про **Вавилу** герой совершает ценностный выбор в момент встречи со святыми, а также в связи с принятием родительского благословения.

Василий Буслаев совершает аксиологически маркированные поступки когда наносит увечья сверстникам, отказывается повиниться в этих увечьях, берется за ученье, забывает отцовский завет, набирает дружину, гневается во время кулачного боя, вызывает

на бой новгородцев, нападает на встречную женщину и затем на «старчище», гневается об избиении «дружинушки», появляется на разбойничьей заставе, совершает богомолье и бесчестит святыни.

В былине о **Василии Пьянице** — в зависимости от конкретного варианта — ценностный выбор совершается в различные моменты: герой откликается на беду князя Владимира, переходит на службу врагу, покушается на жизнь киевского князя. Для протагониста былины «Про Ставра»/«Ставер Годинович» — **Василисы Микуличны** — эпизод ценностного выбора наступает в момент получения вести о пленении ее супруга и об угрозе оказаться во власти князя Владимира.

О ценностных предпочтениях **Вольги** слушатель узнает, когда герой организует карательный поход против «мужичков» и дважды предлагает службу Микуле (до похода и после усмирения взбунтовавшихся жителей). **Микула** совершает ценностный выбор, соглашаясь принять участие в походе, а также когда жалеет побежденных «мужичков» и отвергает предложение Вольги о службе. В былине о **Волхе Всеславьевиче** таких моментов вновь несколько: когда герой заявляет о себе как о мстителе; когда учится колдовству и использует его; когда захватывает царство Турец-санталя и его жену и велит казнить жителей за исключением «душечек красных девушек». **Глеб Володьевич** совершает ценностный выбор, решаясь вызволить корабельщиков и собираясь выпить вино, предложенное Маринкой.

В былинах о **Добрыне Никитиче** мы обнаружили следующие эпизоды, в которых проявляются ценностные предпочтения героя: добровольное изгнание, состязания в силе; разгром в шатре Дуная; служба киевскому князю; первое посещение Маринки; второе посещение Маринки и отказ от связи с ней; «топтанье» змеенышей как развлечение; купание; первая победа над Змеей; заключение ложного мира со Змеей; нападение на поляницу; обручение с Настасьей; второй бой со Змеей; отказ от предложения Змеи о выкупе; освобождение «русских полонов»; добровольный отказ от связи с Забавой; согласие принять трудную «работу богатырскую»; плач на груди у своей матушки; срочное возвращение на свадьбу собственной жены и игра на гусях во время свадебного пира; тайный знак Настасьи; милость к сопернику Алеше Поповичу.

В былинах о **Дунае Ивановиче** обнаруживаем следующие поступки, указывающие на мотивирующие богатыря ценности: герой хвастается своей связью с королевной, отправляется за невестой, овладевает спящей в шатре поляницей, мстит жене за бесчестие, совершает самоубийство. **Дюк Степанович** оказывается

в ситуации ценностного выбора неоднократно: как поступить со спящими в шатре богатырями, которых герой встречает на границе русской земли? Предпочесть ли богатству богатырство? Как ответить на бесчестие, нанесенное ему Чурилой в храме? Как реагировать на недостаточное почитание киевлянами храмов, церковной службы, хлеба и других «честных» объектов? Чем хвастаться на пиру? Простить ли проигравшего обидчика? В песне про **Ивана Годиновича** ключевые в аксиологическом плане поступки — сватовство главного героя к уже просватанной, недоступной невесте и ее последующая казнь.

В песнях об исцелении и первой поездке **Ильи Муромца** ценностный выбор совершается протагонистом в следующие моменты: просьба калик о помощи; получение родительского благословения; выхаживание жеребчика; первый выезд и принятие родительской заповеди; помощь осажденному городу; свист Соловья-разбойника и слабость коня; нападение Соловьевны; предложение жены Соловья; решение о судьбе награбленного Соловьем золота; доклад князю о подвиге; реакция на бросок ножа Алешей Поповичем. В старине про Илью и Святогора нас интересуют следующие поступки героя: нападение на великана; блуд с его женой; покаяние в блуде; передача силы; встреча с отцом Святогора; в былинах про Илью и Идолище — решение отправиться в поход в одежде нищего и без оружия; принятие «зарабочего»; про Илью и Нахвальщика/Сокольника — похвальба Ильи перед поединком; его молитва; узнавание сына и его казнь в финале. В песне про бой Ильи с Добрыней «старой» совершает ценностно мотивированные поступки дважды: вначале, когда отправляется на поиски Добрыни, и затем в момент, когда поддается будущему побратиму в состязании.

Сюжет про Илью и Калина-царя также содержит моменты ценностного выбора героя: похвальба подаренной ему шубой, выход из темницы на защиту Киева, отказ служить Калину и нападение на его войско; в сюжете «Илья и голи кабацкие» ключевой в ценностном плане момент — бунт героя; в «Трех поездках Ильи Муромца» нас интересуют следующие сюжетные детали: реакция протагониста на нападение разбойников, его отказ от близости с королевной и нежелание присвоить найденное золото (клад).

Богатырь **Казарин** совершает ценностный выбор в момент, когда решает освободить пленянку и затем — когда сдерживает свое влечение к ней; **Константин Саульевич** — когда бросается в одиночку на войско Кунгура, а затем оставляет поиски отца; Лука Петрович («королевич из Крякова») — когда воздерживается от убийства побежденного им татарина.

В песне про **Михайло Даниловича** мы рассмотрим мотивацию героя в следующих ситуациях: обретение доспеха; пленение и освобождение из оков; отказ от власти над татарами; встреча с отцом и (в одном из вариантов) нападение на отца; отказ от почестей.

В былине про **Михайло Потыка** наблюдаем отказ от выполнения княжеского задания; принятие «поганой» заповеди о том, чтобы быть заживо погребенным вместе с женой в случае ее смерти; ложь о телегах с данью; погребение заживо вместе с телом жены; решение о том, чтобы броситься в погоню за неверной супругой; встреча со змеей (будущей помощницей); исполнение обещания, данного Марье Вафромеевне.

Перемяк/Бермята — протагонист былины про Чурилу и Катерину — совершает ценностный выбор, когда предлагает прощение своей неверной жене и затем когда казнит ее и вступает в брак с собственной служанкой.

Садко совершает ценностно мотивированные поступки, когда заключает первый договор с Морским царем и идет на спор с новгородцами о «рыбе золотые перья»; когда приносит жертвы Ильмень-озеру (в одном из вариантов); когда заключает второй договор с владыкой Подводного царства и спорит с жителями Новгорода о выкупе всех товаров; когда происходит бросание жеребьев; когда намеренно рвет струны своих гуслей на пиру у Морского царя и отказывается от блуда с его дочерью; когда, вернувшись в мир людей, строит обетную церковь.

Былинный царь **Соломан** принимает решение казнить свою неверную жену, что, безусловно, является для него ценностно значимым поступком; **Соловей Будимирович** совершает сопоставимый выбор, когда переживает бесчестие, возвращает невесту и решает судьбу соперника.

Касьян (предводитель сорока калик) встает перед ценностным выбором в тот момент, когда ему нужно отреагировать на предложение княгини Апраксии; **Сухман Сухментьевич** — откликаясь на жалобы Непры-реки, а также отвечая на подозрения князя Владимира. **Хотен Блудович** — в момент бесчестия, нанесенного его матушке, а также, когда ему приходится решать участь братьев Часовичей и «невольных» ратников Часовой вдовы. Ценностно мотивированными поступками протагониста в былинах про **Чурилу** являются эффектное появление героя на людях, соблазнение им Катерины и попытка подкупить «девку-чернавку».

Наконец, в былине о Камском побоище аксиологически значимы, во-первых, вызов, брошенный небесам, и, во-вторых, — покаяние героев, их отказ от победы.

В каждой ситуации выбора представляется необходимым выявить ценностное предпочтение героя — то, что В. С. Непомнящий (изучавший творчество А. С. Пушкина как «картину мира, построенную на ценностных основаниях»²⁶) считал главным объектом аксиологического анализа художественного произведения: «речь идет о ценностной иерархии: системе предпочтений и неприятий, представлений о добром и дурном, высоком и низком, черном и белом, об идеале и пользе, об интересах моего “я” и интересах “других”, о характере и уровне идеалов — обо всем том, что диктует нам наши внешние и внутренние поступки: все это своего рода несущая конструкция духовного мира человека в его умопостигаемых чертах»²⁷.

Исследовав ценностные предпочтения, диктующие русским эпическим героям их «внешние и внутренние» поступки, мы получим представление о содержании и структуре их ценностных центров и сможем судить о том, насколько мотивации этих персонажей противоречивы, случайны, спонтанны, бессмысленны — или, напротив, последовательны, закономерны, предсказуемы, осмысленны.

По результатам аксиологического анализа можно будет, в частности, судить и о том, насколько справедливы были предположения эпосоведов т. н. инициационной школы, полагавших, что психологические мотивировки былинных героев — это нечто наносное, следствие позднейших попыток носителей эпической традиции переосмыслить древние ритуально-магические нормы и практики. Даже если согласиться с приведенной мыслью, то и в этом случае задача ценностного анализа русских былин не утрачивает своего смысла: допуская, что психологические мотивировки возникли только на самом позднем этапе живого бытования русского героического эпоса, все равно необходимо признать, что именно эти позднейшие мотивировки ценны и важны для нас, потому что эпическое произведение дано нам именно с ними и никак иначе. В связи с этим представляется целесообразным в известной мере «реабилитировать» филологический подход к исследованию эпоса и рассмотреть былины как произведения словесного искусства, обладающие собственной ценностью, а не как этнографический

²⁶ Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. М. — М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001. — С. 27.

²⁷ Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. М. — М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001. — С. 26.

материал, обнаруживающий связь с древними ритуалами и магическими практиками, которые хотели бы реконструировать сторонники антропологического подхода.

* * *

Как мы уже упоминали выше, представляется вполне оправданным выделение парных взаимоисключающих аксиологических категорий (ценностей и «антиценностей»); более того, возможно даже предположение о том, что различные «морали» (аксиологические модели) могут существовать одновременно в пространстве художественного произведения и конкурировать между собой. По-видимому, в ходе предстоящего анализа целесообразно исследовать антагонистические отношения между ценностными категориями; нас будут также интересовать случаи, когда отдельные элементы аксиологических ядерных систем, конкурирующих между собой, «примиряются» и происходит частичное или полное принятие лежащих в основе этих систем стремлений и мотиваций.

Нас интересуют ситуации ценностного выбора, когда в поле оценок, выносимых героем, можно обнаружить по меньшей мере две конкурирующие ценности. В ходе нашего анализа мы будем пытаться выявить для каждой эпической ситуации «аксиологическую доминанту», определяющую ценностные предпочтения персонажа. Мы опираемся здесь на психологическое определение доминанты, предложенное психофизиологом А. А. Ухтомским²⁸, который полагал, что доминанта есть господствующая в текущий момент рефлекторная система, руководящая работой нервных центров организма и управляющая его деятельностью. А. А. Ухтомский показал, что доминанта не только руководит поведением организма в конкретный момент, но и влияет на мировосприятие субъекта, как бы «вырастая» из его прошлого опыта, «чтобы предопределить будущее» и таким образом «завладевает» индивидуумом²⁹. По мнению ученого, «если нужно выработать в человеке продуктивное поведение с определенной направленностью действий, это достигается ежеминутным, неусыпным культивированием требующихся доминант»³⁰.

Весьма близко к исследованию аксиологических доминант приблизился А. П. Скафтымов: в поисках «внутренне организующих стержней былины» ученый пришел к выводу о том, что в каждом эпическом сюжете — и в конкретном варианте сюжета — можно

²⁸ Ухтомский А. А. Доминанта. — СПб. : Питер, 2002.

²⁹ Ухтомский А. А. Доминанта. — СПб. : Питер, 2002. — С. 112.

³⁰ Ухтомский А. А. Доминанта. — СПб. : Питер, 2002. — С. 112.

ощутить некое «единое направляющее чувство», обуревающее сказителя, и только «под горением» этого чувства «проникаются единством и предметы, и краски, и свет, и вся словесная организация целого»³¹. По мнению исследователя, под воздействием этого импульса складывается «та иерархическая субординирующая взаимозависимость и неразрывность компонентов, та цельность и единство, без которых немислимо никакое произведение искусства»³². А. П. Скафтымов полагал, что «импульсом» является «психологическое состояние» героя (богатырский гнев, любовь и др.). В ходе предстоящего аксиологического анализа мы попытаемся выявить не только все известные случаи проявления этих чувств эпическими персонажами, но и те ценности, с которыми связаны обнаруженные А. П. Скафтымовым «психологические состояния».

Термин А. А. Ухтомского мы будем использовать с оговоркой, раскрывая предложенное им понятие в интенциональном плане: «аксиологическая доминанта» есть не только «наследие прошлого», которое стремится «предопределить будущее» героя. В эпической поэзии та или иная ценность наделена «силой» и «завладевает» актором потому, что в его глазах обладает большей бытийственностью, чем его собственная жизнь, а следовательно, и любое событие этой жизни может быть «обменено» героем на некую новую ценность, если последний «откроет» ее для себя посредством рассудочного или эмоционального акта (т. е. постигнув целесообразность «обмена» рационально или возжелав его сердцем). Опыт былых ценностных предпочтений важен, однако ценности имеют отношение в равной мере и к прошлому, и к будущему героя: аксиологическая доминанта есть не только данность, но и задание, возможность.

Итак, в ходе предстоящего анализа былин под аксиологической доминантой мы будем понимать ценность, которая не только мотивирует действия героя в ситуации выбора (вопреки возможным ориентациям на конкурирующие ценности), но и — после наступления благих последствий совершенного им поступка — укрепляет свои позиции в ценностном центре персонажа и влияет на его выбор в будущем. Аксиологическая доминанта есть базовый элемент ценностного центра героя на данном этапе его развития и, следовательно, смена доминанты будет свидетельствовать о том, что персонаж вступил в новый «аксиологический возраст».

³¹ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин : очерки. — М. — Саратов : В. З. Ясанов, 1924. — С. 46–47.

³² Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин : очерки. — М. — Саратов : В. З. Ясанов, 1924. — С. 47.

Приступая к выявлению оригинальных былинных понятий (и их наименований), которые способны мотивировать эпического героя, необходимо отдавать себе отчет в том, что язык русских былин обнаруживает относительно небольшое количество слов, обозначающих аксиологические категории. Былинные певцы в большинстве случаев поют о поступках, основанных на ценностном выборе, не указывая при этом на сами ценности; никогда (за редчайшими исключениями) не говорится прямо о проявлении героем совестливости, доброты, любви (в том числе, к Родине), ума, чувства долга, верности властителю, красавице или побратимам — даже в тех случаях, когда эти проявления кажутся очевидными. Как мы уже упоминали выше, русскому эпическому сознанию чуждо морализующее восхваление своих героев, демонстрация их в качестве примера того, как проявляется то или иное положительное качество человеческой натуры. Вместо прямого восхваления своих персонажей былинный певец сообщает о благих последствиях их действий. Оценочная позиция сказителя или героя может быть выражена также через определение объекта или субъекта (в этом случае необходимо учитывать, что многие былинные эпитеты имеют «закрепленный» характер: так, молодец может быть назван «добрым» даже в момент совершения им недоброго поступка или же сразу после него³³): например, в формулах «честные подарочки»³⁴, «честная вдова»³⁵, «избесчестить столы» (резко отрицательное действие в былинах)³⁶ содержится указание на ценность воздаяния чести, а в формуле «сирота маломожонна»³⁷ — на ценность мощи, силы (через отрицание).

³³ См., в частности: Дунай Иванович: [Былина] № 45 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 190; Иван Годинович: [Былина] № 33 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 201.

³⁴ См., в частности: Князь Карамышевский: [Былина] № 10 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб. : тип. Акад. наук, 1894. — С. 130.

³⁵ См., в частности: Хотен Блудович: [Былина] № 84 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 122, 124–125.

³⁶ См., в частности: Добрыня Чудь покорил // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 109.

³⁷ См., в частности: Исцеление Ильи Муромца, встреча его со Святогором и смерть последнего: [Былина] № 354 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 268.

Кроме того, нередко поется о ценностном дефиците или о поступках, связанных с недооценкой героем конкретных ценностей. В этом случае та или иная аксиологическая категория дана слушателю через отрицание: «безумной»³⁸, «немилостивой(-ый)»³⁹, «безчестье великое»⁴⁰, «нечестлив(-а)»⁴¹ и др. Например, если богатырь проявляет ум, это, как правило, остается «незамеченным» певцом (т. е. не вызывает прямого указания на ценность ума с его стороны), тогда как весьма часто сказители прямо говорят о глупости богатырей (встречаются такие формулы, как «молодешенёк умок, зеленешонёк»⁴², «полуразум»⁴³, «не мудрая дружинушка»⁴⁴ и др.); следовательно, чтобы получить представление о былинной аксиологической категории ума, необходимо исследовать все те случаи, когда герои поступают глупо.

Недостаток различных ценностей переживается богатырем как «беда» и «досада»⁴⁵, «обида»⁴⁶, «завид»⁴⁷; предстоит установить, какие именно действия антагонистов или других персонажей богатырю

³⁸ См., в частности: Скопин: [Былина] № 60 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 251; Василий Буслаев: [Былина] № 94 // [Н. Е. Ончуков] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 381.

³⁹ См., в частности: Иван Грозный: [Былина] № 49 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 205.

⁴⁰ См., в частности: О двух братьях, двух Витниках, и князе Романе Дмитриевиче: [Былина] № 74 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 438.

⁴¹ См., в частности: Добрыня и Змей: [Былина] № 64 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 482.

⁴² Царь Саул Леванидович («Царь Саул Леванидович поехал за море синяя...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 138.

⁴³ Данила Староильевич: [Былина] № 36 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 161.

⁴⁴ Вольга и Микула: [Былина] № 73 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 9.

⁴⁵ См., в частности: Илья Муромец и Соловей разбойник: [Былина] № 171 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 615.

⁴⁶ См., в частности: Император Петр: [Былина] № 95 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 195–196.

⁴⁷ См., в частности: Дюк Степанович и Чурила Пленкович: [Былина] № 145 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 618.

«не кажутся»⁴⁸, «не в любовь приходят»⁴⁹, «не по уму приходится»⁵⁰, бывают «не по разуму»⁵¹ и т. п. В каждом конкретном случае необходимо выявить (из контекста, с учетом последствий героического поступка), о дефиците какой именно ценности идет речь.

Перечень мотивирующих героя ценностей мы полагаем целесообразным начать с наиболее часто встречаемых в былинах «славы» и «чести» (с выделением конкретных слагаемых последней — от «золотой казны», «жены», «славного отечества» до «закона Божия» и «веры крещеной») и лишь затем нами будут исследованы инструментальные ценности, позволяющие достичь славы и чести, — «сила», «смелость» («ярость»), «талан-участь» («удача»), «молитва доходна», «ум» («догадка», «сметка»), «неупадчивость». Наконец, необходимо включить в наш перечень различные проявления «сердца богатырского» («обида», «завид», «досада» и др.), которые мы относим к инструментальным ценностям (по Аристотелю — «энергиям», *energeiai*) на том основании, что способность проявлять эти чувства обеспечивает богатырям прилив силы, смелости и других качеств, необходимых для достижения целей, связанных с предельными ценностями.

⁴⁸ См., в частности: Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. — С. 32.

⁴⁹ См., в частности: Чурила: [Былина] № 35 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб.: тип. Акад. наук, 1894. — С. 239.

⁵⁰ См., в частности: Про Сокольника: [Былина] № 43 // Былины Печоры и Зимнего Берега (новые записи). — М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — С. 137.

⁵¹ См., в частности: Ставер Годинович: [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 114.

ЛИЧНАЯ ЧЕСТЬ ГЕРОЯ

«Честь» («почести», «честь», «цесь»)

Весьма часто былинный герой мотивирован желанием получить то, что определяется словами «честь»⁵², «славы-почести»⁵³, «честь»⁵⁴, «честь»⁵⁵; нередко герой ощущает необходимость — или ценит умение — «честь воздать»⁵⁶ кому-то другому, «держат в чести»⁵⁷ внешний по отношению к нему объект. Для того чтобы определить «формулу» былинной чести, необходимо исследовать все те случаи, когда честь, почести мотивируют богатыря (или другого персонажа русских эпических песен) на определенные действия. С этой точки зрения честью является:

— то, что, будучи внутренне присуще властителю (князю Владимиру⁵⁸, царю Саломану⁵⁹), «требуется» найти для него невесту с непревзойденными достоинствами;

⁵² См., в частности: Илья Муромец: [Былина] № 210 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: тип. Акад. наук, 1900. — С. 63.

⁵³ См., в частности: Победа богатырей черниговского князя Олега со Святогора Романовичем во главе над войсками князя Додона; купанье Святогора с Ильей Муромцем, Добрыней и Алешей Поповичем; смерть во гробу и погребение Святогора // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 241.

⁵⁴ См., в частности: Дунай: («Как во славном было городи во Киеви...») // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 331.

⁵⁵ См., в частности: Бой Добрыни и Дуная: [Былина] № 7 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 42.

⁵⁶ См., в частности: Застава Богатырская (Илья Муромец и Сокольник): [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 8.

⁵⁷ См., в частности: Ставер Годинович: [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 116.

⁵⁸ См., в частности: Дунай Иванович: Старина № 3 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1902. Т. VII. Кн. 3. — С. 340–341.

⁵⁹ См., в частности: РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 35 об. — 42 об. (полев.), тетр. 4, л. 13 об. — 18 об. (перебел.); Про Васеньку Викулова: [Былина] № 83 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л.: Акад. наук СССР, 1938. — С. 463.

— то, что необходимо при встрече «воздать» «молодцу / «богатырю»⁶⁰ или достойным «людям»⁶¹;

— то, что воздается званому гостю (место за столом и угощение), в отличие от гостя незванного⁶²;

— то, что воздают при проводах и при встрече (включая «пальбу» из орудий, причем осуществляемую «с радостью»⁶³);

— то, что, будучи присуще царю, заставляет его врага и соперника воздержаться от немедленной казни пленного монарха⁶⁴;

— то, что князь Владимир пытается (впрочем, безуспешно) воздать Добрыне в виде «золотой казны», «славы-почестей» как награду за избавление Руси от Змеища⁶⁵;

— то, что, будучи присуще герою, требует от жены и детей Соловья-разбойника щедро преподносить первому «честный подарочки»⁶⁶;

— то, что, будучи присуще богатырю, требует от Калина-царя предложить этому богатырю самые щедрые дары в обмен на службу⁶⁷;

— то, что, будучи воздаваемо князем герою, выражается в посажении последнего за дубовой стол и в подношении ему «цары

⁶⁰ См., в частности: Застава Богатырская (Илья Муромец и Сокольник): [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 8; Илья Муромец и Сокольник : [Повторные, отрывочные записи былин (1982–1986 г.)] : [Былина] № 4 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 407.

⁶¹ См., в частности: Сокольник: [Былина] № 70 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 410.

⁶² См., в частности: «Званому честь большая здесь» — ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 507.1, 508.1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, маш., № 2 «Василий Буслаевич».

⁶³ Лука Данилович, змея и Настасья Салтановна: [Былина] № 1 / [Ончуков Н. Е.] Новые былины из записей на Печоре // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1903. Т. VIII. Кн. 3. — С. 305.

⁶⁴ См., в частности: Василий Окулович и Соломан: [Былина] № 395 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 487.

⁶⁵ Бой Ильи Муромца с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши Поповича и рассказ Добрыни о своем бое со Змеем // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 252.

⁶⁶ Илья Муромец и Соловей Разбойник: [Былина] № 3 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 23.

⁶⁷ См., в частности: Илья Муромец и Калин-царь // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 2. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 30.

да зелена вина... полтора ведра», а затем вызывает зависть у «бояр толстобрюхих»⁶⁸;

— то, что требует от Добрыни Никитича не подчиняться устрашающим надписям на шатре Дуная Ивановича и, как следствие, рисковать жизнью⁶⁹;

— то, что заставляет Василису Микуличну, уже освободившую мужа из неволи, вернуться к князю Владимиру и добиться от него признания правоты слов Ставра Годиновича, сказанных им на пиру о своей жене⁷⁰;

— то, чем обладает «Иордан-река» и в силу этого обладания требует, чтобы в ней не купались «нагим телом»⁷¹;

— то, чем обладают «благочестивые вдовы» и потому вправе рассчитывать, что богатыри будут защищать их⁷²;

— то, что заставляет богатырей выезжать против заведомо сильнейшего Нахвальщика/Сокольника не всем вместе, но выставлать, раз за разом, лишь одного поединщика («бой должен быть честный, одиночный»⁷³);

— то, что заставляет иноземных богатырей заезжать на заставу богатырскую, чтобы находящиеся там русские витязи «отдавали» им «честь молодецкую»⁷⁴.

Как можно видеть, все эти весьма различные поступки, модели поведения и оценки былинных героев — как положительных, так и отрицательных — объединяет представление о чести как о необходимом воздаянии — тому, кто такого воздаяния достоин. Важно подчеркнуть, что в былинах само слово «честь» весьма часто

⁶⁸ Васья Игнатъев: [Былина] № 4 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 30.

⁶⁹ См., в частности: РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 11, л. 18—20 об. (полев.), тетр. 3, л. 41 об. — 43 (перебел.); [«Добрыня и Дунай»]: [Былина] № 52 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 357.

⁷⁰ См., в частности: ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 502.1; 503.1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, маш., № 3 «Ставер Годинович».

⁷¹ См., в частности: Василий Буслаевич: [Былина] № 141 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 418.

⁷² См., в частности: Исцеление Ильи Муромца, встреча его со Святогором и смерть последнего: [Былина] № 354 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 268.

⁷³ Филонов А. Г. Русская хрестоматия. Т. 1. Эпическая поэзия. — СПб. : Тип. Иосафа Огризко, 1864. — С. 77.

⁷⁴ РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 10, л. 48—50, маш.

встречается в составе словосочетаний «честь воздать»⁷⁵, «держат в чести»⁷⁶, встречать (принимать) «с чesью, с радостью»⁷⁷. Таким образом, честь есть материальное и материально-знаковое (место за столом, шуба с княжьего плеча и т. п.) выражение «стоимости» присущего субъекту ценного качества (силы, красоты, богатства, благородного происхождения и др.). Иными словами, «честью» в былинах именуются как материальные и материально-знаковые блага, которых достоин субъект, так и качества самого субъекта, делающие его достойным этих благ и определяющие «цену» его личности.

Итак, былинная честь есть «цена» субъекта, требующая своего «обмена» на соответствующую меру воздаяния (даров, почестей, знаков благодарности и проч.). Однако честь может быть присуща как самому герою (и в этом случае он будет добиваться для себя адекватного воздаяния), так и «внешним» по отношению к нему объектам или реалиям, в том числе институтам и социальным нормам: «святым мощам», монастырям, вдовам, девицам, сиротам, нищим, церковной службе, церковному пению, христианскому браку («закон Божий»⁷⁸), хлебу («дар Божий»⁷⁹) и др. «Честными» являются в понимании героя все те практики или объекты, которые обладают мерой ценности, превышающей цену его собственной жизни.

⁷⁵ См., например : Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 8–13, маш.; О Скопине (Дунай-Скопин): [Былина] № 33 // Былины Печоры и Зимнего Берега. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 118; Илья Муромец и Сокольник : [Повторные, отрывочные записи былин (1982–1986 г.)]: [Былина] № 4 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 407.

⁷⁶ См., в частности: Ставер Годинович : [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 115.

⁷⁷ См., в частности: Данило Староильевич: [Былина] № 36 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 164; Михайло Карамышев: [Былина] № 93 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 374; Василий Буслаев: [Былина] № 94 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 381.

⁷⁸ См., в частности: Чурило и неверная жена Перемякина // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 73; Алеша и сестра Бродовичей // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М.: А. А. Левенсон, 1901. — С. 72; Про князя Михайлу // [Гуляев С.И.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939. — С. 128.

⁷⁹ См., в частности: Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 47 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 297.

Получить представление о реалиях, обладающих честью в былинах, несложно — достаточно выявить случаи «поруганья» (состоявшегося или угрожающего в будущем, при ожидаемом вражеском нашествии). «Поруганье» есть недостаток воздаяния чести объекту или установлению, которые этой чести заслуживает; «поруганию» в былинном мире могут быть подвергнуты святые — например, река Иордан, мощи⁸⁰, храмы⁸¹ или иконы (в частности, Скурла-царь намерен «иконы менные... на огни разлить», а «древенны — на поплахины»⁸²). Так, Дмитрий Бранской, видя, что «Присвятая Богородица в грезь стоптана», в ужасе вопрошает:

Ты пошто ищэ далася ноньце проклятым,
Ты даласе кабы им да на поруганье?⁸³

Много позже — уже в 1980-х годах — последние русские старинщики вместо слова «поруганье» будут использовать формулу «преступление... незаконное»⁸⁴ (о купании Буслаева в Иордане), что подчеркивает близость понятий «бесчестие» и «незаконие», «честь» («честной») и «закон» («законный»). «Поругание», «преступление незаконное» может угрожать легитимной власти⁸⁵, супружеству, «честному» вдовству⁸⁶ или девичеству. Символом последнего является девичья коса:

⁸⁰ Василий Буслаев купается «нагим телом» в Иордане и пинает «сухую кость» — череп богатыря, которого «Сорочина долгополая» убила за отказ отречься от христианской веры (см., в частности : Василий Буслаевич : [Былина] № 141 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 418; Василий Буслаев в Иерусалим ездил: [Былина] № 89 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 354).

⁸¹ См., в частности: Два тура: [Былина] № 15 // Былины Печоры и Зимнего Берега : (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 91.

⁸² Два тура: [Былина] № 15 // Былины Печоры и Зимнего Берега : (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 91.

⁸³ Дмитрий Бранской: [Былина] № 54 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 232.

⁸⁴ Поездка Василия Буслаева в Иерусалим : [Былина] № 249 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 239.

⁸⁵ Два тура: [Былина] № 15 // Былины Печоры и Зимнего Берега : (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 91.

⁸⁶ См., в частности: Молодость Чурилы: [Былина] № 223 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : тип. Акад. наук, 1900. — С. 160.

Уж ты ой еси, моя трубчата коса!
Ты досталася не кнезю, не боярину,
Не удалому дородню добру молодцу,
А не сильному могую храбру воину,
А досталася тотарам на поруганье!⁸⁷

Личное бесчестье также воспринимается героем как «поруганье». Илья Муромец, например, с горечью вопрошает Богородицу о том, почему он должен пережить подобный опыт⁸⁸. Иногда богатыри идут на то, что намеренно оскверняют (или планируют осквернить) останки наиболее страшных и славных своих противников: так поступает Алеша с головой Тугарина⁸⁹, так похвально Илья Муромец:

А привезу я вам погану да буйну голову,
На погáленье вам дам, на поруганье!⁹⁰

Естественно, «поруганию» может быть подвергнуто только то, что обладает честью; таким образом, в глазах русского эпического певца честь присуща и святыне, и самому богатырю, и его чудовищному врагу. Как можно видеть, слово «честь» в языке былин используется для наименования принципиально различных понятий: во-первых, чести личной, свойственной богатырю или его противнику, и, во-вторых, — чести другого, которая присуща «внешнему» объекту или установлению и требует его защиты.

В первом случае герой «обменивает» свои качества на почести, тем самым как бы «обязывая» других людей воздать ему должное. Во втором случае, напротив, «внешний» объект или установление «обязывает» героя — настолько, что тот готов заплатить за сохранность этой реальности даже своей жизнью. Тот факт, что столь различные представления о чести, действующие на героя как разнонаправленные этические силы, сосуществуют в русской эпиче-

⁸⁷ Михайло Карамышев: [Былина] № 93 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 379.

⁸⁸ См., в частности: Сокольник: [Былина] № 70 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 412.

⁸⁹ См., в частности: Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин: [Былина] № 85 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 337.

⁹⁰ Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 82 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 419.

ской аксиосфере под общим наименованием, может объясняться либо тем, что национальное эпическое сознание не различает, смешивает эти ценности (личную честь героя и честь оберегаемых им реалий), либо — вытеснением и замещением (возможно, намеренным) одного представления другим.

На финальном этапе нашего анализа мы изучим последствия богатырских поступков и выясним, имеет ли закономерный характер то, как различаются по своим последствиям а) действия, связанные с личной честью героя, и б) поступки, мотивированные «внешними» объектами, обладающими собственной честью в глазах персонажа. Однако на текущем этапе исследования мы рассмотрим оба представления о ценности чести, выявив по отдельности соответствующие мотивации действующих лиц.

Честь личная («почести») как ценностная мотивация

Перечень слагаемых личной чести героя можно составить на основании того, чем хвастают (помимо нематериальных «энергий» — силы, смелости, удачи и меткости) некоторые богатыри — друг перед другом и перед своим князем (или же перед новгородской знатью):

А один-от бы хвастат золотой казной
...
А иной-от бы несчатым скатым жемчугом,
Кабы умной бы хвастат старой матерью,
А безумной похвалятся молодой женой...⁹¹

Основным «капиталом» личной чести являются *благанаследуемые* (т. е. слагаемые родовой чести — «славное отечество»⁹², «батьюшка», «старая матушка», красавица-сестра⁹³ [в особенности недоступная

⁹¹ Василий Буслаев: [Былина] № 94 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 381.

⁹² См., в частности: Садко купец, богатый гость: [Былина] № 64 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 373.

⁹³ См., в частности: Михайло Ильич (Данило Игнатъевич): [Былина] № 340 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. 2003. — С. 170—171.

для чужих глаз⁹⁴], а также «именьё»⁹⁵, «богачесво»⁹⁶, «несчётна золотая казна»⁹⁷, «двор не хуже города Киева... на семи верстах»⁹⁸, «гридни полаты белокаменны» — если достались по наследству). Во-вторых, личная честь увеличивается за счет *благ добываемых* — насилием и торговлей — или же получаемых в качестве подарков от властителя в обмен на службу ему (конь⁹⁹, оружие и доспех/«цветное платице»¹⁰⁰, «шелков порт»¹⁰¹, «товары... заморские» и «поместья»¹⁰², «села с приселками» и «города с пригородками»¹⁰³, жена¹⁰⁴/невеста¹⁰⁵/«красна девица»¹⁰⁶, тайная связь с девицей королевского рода¹⁰⁷).

⁹⁴ См., в частности: Олеша Попович и сестра братьев Долгополовых: [Былина] № 3 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 23.

⁹⁵ Дюк Степанович: («Было во городе во Галичи...»): [Былина] № 295 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. II. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 437.

⁹⁶ Дюк Степанович: [Былина] № 71 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 422.

⁹⁷ Садко: [Былина] № 70 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. — С. 543.

⁹⁸ [Про] Ставра-боярина («Во стольном было городе во Киеве...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 71.

⁹⁹ См., в частности: Садко: [Былина] № 70 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. — С. 543; Про Дюка Степановича: [Былина] № 4 // [Ефименко П. С.] Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. — М.: Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. — С. 18.

¹⁰⁰ Добрыня Никитинец (Добрыня и Алеша): [Былина] № 150 // Онежские былины. — М.: Гос. лит. музей, 1948. — С. 598.

¹⁰¹ Ставер: [Былина] № 151 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 476.

¹⁰² Данило Ловчанин с женою: [Былина] № I/2 // Песни, собранные П. В. Киревским. Вып. 3. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 32.

¹⁰³ Ставер: [Былина] № 151 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 476.

¹⁰⁴ См., в частности: Ставер Годинович: [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 115.

¹⁰⁵ См., в частности: Дунай («В стольном городе во Киеве...») // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М.: Наука, 1974. — С. 119–120.

¹⁰⁶ Перед нашими воротами утоптана трава («Перед нашими широкими воротами...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 162.

¹⁰⁷ См., в частности: [Молодец и королева]: [Былина] № 53 // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 213.

Таков почти исчерпывающий список материальных и материально-знаковых ценностей, мотивирующих следующих богатырей, которые заботятся о личной чести:

Алеша Попович — присваивает доспех и коня поверженного противника (Змея Тугарина)¹⁰⁸;

Василий Буслаев — набирает дружину не для того, чтобы отвезти золото на Святую землю (во исполнение отцовской заповеди), но для мести новгородцам за бесчестье (угрозы); персонаж также мстит за бесчестье, нанесенное ему во время кулачного боя, и принимает от новгородцев компенсацию за этот ущерб¹⁰⁹;

Василий Игнатьевич — мстит боярам за бесчестье; покушается на убийство князя Владимира¹¹⁰;

Василиса Микулишна — стремится восстановить честь мужа (то есть и свою собственную), а также избежать еще большего бесславия (пребывания при князе Владимире в качестве безмужней пленницы);

Волх Всеславьевич — намеревается отомстить отцу-змею за бесчестное рождение; собирает дружину не для защиты Руси и захватывает чужое царство и чужую жену¹¹¹;

Вольга — стремится восстановить личную честь (удел)¹¹²;

Глеб Володьевич — желает вернуть личное имущество¹¹³;

Дунай Иванович — претендует на честь обладания королевской дочерью; мстит Симеону Леховитому за бесчестье; овладевает спящей королевной; мстит жене за бесчестье; будучи виновником

¹⁰⁸ См., в частности: Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина: («Ай во славном-то было-то в прекрасном Острови...»): [Былина] № 47 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 202–203.

¹⁰⁹ См., в частности: [Про] Василья Буслаева («В славном великом Новеграде...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 53.

¹¹⁰ См., в частности: Васька Игнатьев: [Былина] № 4 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 31.

¹¹¹ См.: Волх Святославьевич (Всеславьевич): («Ай ведь было во городи во Чернигови...») // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 217, 219.

¹¹² См., в частности: О Вольге Святославиче: [Былина] № 3 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 19.

¹¹³ См., в частности: Князь Глеб Володьевич: [Былина] № 80 // [Марков А. В.] Беломорские былины. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 431.

собственного бесчестия (потери чудесных потомков), кончает жизнь самоубийством¹¹⁴;

Дюк Степанович — хвастается личной честью (имуществом)¹¹⁵;

Иван Годинович — отказывается от возможности беспрепятственно заключить брак с девушкой из своего окружения и увозит чужую обручницу¹¹⁶;

Илья Муромец — предается плотским утехам с женой Святогора¹¹⁷;

Михайло Потык — забывает о необходимости выручить томящихся в неволе русских богатырей ради брака с королевной и лжет князю Владимиру о телегах с золотом для того, чтобы избежать бесчестия;

Садко — мстит Новгороду за бесчестие (героя не пригласили на пир); спешит приумножить богатство (добытое имущество) за морем¹¹⁸;

Соловей Будимирович — (в одном из вариантов¹¹⁹) казнит соперника за попытку бесчестия;

Сухман — не получив награды (честь) за подвиг и пережив бесчестие со стороны властителя (недоверие, заточение), убивает себя¹²⁰;

Хотен Блудович — стремится восстановить родовую честь, попорченную Часовой вдовой¹²¹.

¹¹⁴ См., в частности: Дунай Иванович: [Былина] № 45 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 185–192.

¹¹⁵ См., в частности: Дюк: [Былина] № 213 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 90–92.

¹¹⁶ См., в частности: Иван Годинович: [Былина] № 160 // Былины : В 25 т. Т. 4. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2004. — С. 347–348.

¹¹⁷ См., в частности: Святогор с Ильёю Муромцем: [Былина] № 8 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 38.

¹¹⁸ См., в частности: Садко купец, богатый гость: [Былина] № 64 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 370, 375.

¹¹⁹ Соловей Будемерович и Завапа Путевисьня: [Былина] № 124 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002.

¹²⁰ См., в частности: Сухман Рехмантьевич: [Былина] № 8 // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 117.

¹²¹ См., в частности: Хотен Блудович: [Былина] № 308 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 513.

Второстепенные персонажи былин также могут быть мотивированы ценностью личной чести: например, матушка Василия Буслаева советует сыну собрать дружину для защиты своей личной чести от новгородцев¹²²; родственница Добрыни приходит на помощь богатырю не только из сострадания, но также и для того, чтобы восстановить родовую (а следовательно, и личную) честь¹²³. Настасья (жена Дуная Ивановича) уязвлена тем, что ей достался жених, недостойный ее по чести¹²⁴; красавица, не желающая выходить за Ивана Годиновича, и ее отец ценят личную честь выше возможности породниться с богатырем «веры русской»¹²⁵. Хвастается личной честью (наследуемым имуществом, женой) Ставер Годинович¹²⁶.

Еще чаще совершают поступки, мотивированные ценностью личной чести, эпические антагонисты:

Братья Петровичи/Збродовичи более всего ценят родовую (а следовательно, и личную) честь, ради чего не только держат свою сестру «за девятью замками», но и собираются казнить ее¹²⁷;

Взбунтовавшиеся «мужички» ради добычи нападают на Микулу Селяниновича и противятся законной власти (в лице Вольги)¹²⁸;

¹²² См., в частности: Василий Буслаевич: [Былина] № 55 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 336.

¹²³ См., в частности: Добрыня и Маринка: [Былина] № 35 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 160.

¹²⁴ См., в частности: Дунай Иванович: [Былина] № 45 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 192.

¹²⁵ Иван Годинович: [Былина] № 23 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск: Губернская типография, 1864. — С. 114.

¹²⁶ См., в частности: Ставер Годинович: [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 115.

¹²⁷ Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовицей: («Во стольнем во городе во Киеви...») // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. I. — СПб.: Тропа Троянова, 2002. — С. 278–279.

¹²⁸ См., в частности: Вольга и Микула: [Былина] № 156 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 519, 522.

Голый шап Давыд Попов («Соловей Будимирович») — идет на обман ради великой чести (женитьба на племяннице князя)¹²⁹;

Дунай Иванович — ценит личную честь (драгоценное имущество — шатер и все, что в нем находится) выше общей чести киевского богатырства («Бой Добрыни с Дунаем»)¹³⁰;

Змей Тугарин — претендует на высочайшие почести на пиру у князя Владимира¹³¹;

Калин-царь (в старине про Ермака) — стремится к прибавлению личной чести¹³²;

Княгиня Апраксия («Сорок калик со каликою») — ради личной чести (элементами которой являются яства, вино и телесные утех) готова изменить мужу¹³³;

Маринка («Глеб Володьевич») — жаждет добычи, ценного имущества¹³⁴;

Нахвальщик/Сокольник — стремится восстановить личную честь, ради чего отказывается от богатырского служения, убивает мать и покушается на отца¹³⁵;

Разбойники («Три поездки Ильи Муромца»/«Илья Муромец и Соловей-разбойник») — каждый из них стремится получить богатую добычу и тем самым увеличить личную честь¹³⁶;

¹²⁹ См., в частности: [Про] Саловья Будимировича («Высота ли, высота поднебесная...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 13–14.

¹³⁰ См., в частности: Бой Добрыни с Дунаем: («Ишша было у Добрынюшки погребено...») // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. II. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 174.

¹³¹ См., в частности: Змей Тугарин и княгиня Омельфа // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908. — С. 101.

¹³² См., в частности: Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 19 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 98.

¹³³ См., в частности: Сорок калик со каликою («А из пустыни было Ефимьевы...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 124.

¹³⁴ См., в частности: Князь Глеб Володьевич: [Былина] № 80 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 430–431.

¹³⁵ См., в частности: Застава Богатырская (Илья Муромец и Сокольник): [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 14–15.

¹³⁶ См., в частности: Илья Муромец и Соловей разбойник: [Былина] № 171 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 614.

Соловей-разбойник — увеличивает личную честь (получая богатую добычу), не заботясь о том, что препятствует доступу людей к святыням Киева; ради сохранения собственного рода идет на поругание института брака (кровосмешение)¹³⁷;

Царица Соломанида (былина про царя Соломана) — ради личной чести (богатства) оставляет законного супруга¹³⁸;

Царь Василий (былины про царя Соломана) ради приращения личной чести (обладания красивой женщиной) идет на поругание святыни брака; слуга этого царя, Торокашка, также мотивирован личной честью (ожидает наград и почестей от своего господина)¹³⁹;

Часова вдова — ценит личную честь (имущество) Хотена Блудовича выше его личной славы¹⁴⁰;

Чурила (в былине про Дюка Степановича) — ценит личную честь князя Владимира выше «честных» объектов (икон/церковных строений/хлеба)¹⁴¹;

Восстановить родовую честь (которая есть слагаемое личной чести каждого представителя клана) стремятся дочь Соловья-разбойника¹⁴² и прекрасная колдунья Лебедь Белая/Марья Подоленка¹⁴³.

Личная честь — девальвируемая ценность

Итак, былинные герои весьма часто совершают поступки, мотивированные желанием восстановить личную честь (после бесчестия) или же увеличить ее «рейтинг» (за счет добывания ценного

¹³⁷ См.: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 36–37.

¹³⁸ См., в частности: Соломан и Василий Окулович: [Былина] № 273 // Былины: В 25 т. Т. 2. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 315.

¹³⁹ См., в частности: Соломан и Василий Окулович: [Былина] № 273 // Былины: В 25 т. Т. 2. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 314–315.

¹⁴⁰ См., в частности: Хотен: [Былина] № 20 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 131.

¹⁴¹ См., в частности: Дюк: [Былина] № 230 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 233.

¹⁴² См., в частности: Об Илье Муромце: [Былина] № 9 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 49.

¹⁴³ См., в частности: Михайло Потык, сын Иванович: [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 214–215.

имущества и материально-знаковых благ, в т. ч. красавицы). В редких случаях (нами обнаружено девять таких примеров) поступок, мотивированный ценностью личной чести, приводит к *благим* для действующего лица последствиям:

Волх Всеславьевич спешит восстановить личную честь после бесчестия (нанесенного его матери Змеем); высоко ценит дружину как элемент своей чести; захватывает чужую жену и царство (добыча ценного имущества). Последствия поступков: победа героя.

Нахвальщик/Сокольник, ценящий личную честь выше общей чести русского богатырства, (сначала) побеждает.

Соловей Будимирович (в варианте¹⁴⁴) для восстановления личной чести убивает противника. Последствия поступка: торжество героя.

Родственница Добрыни, чтобы восстановить родовую честь, угрожает Маринке Кайдаловне — и торжествует.

Василиса Микулична, будучи мотивированной желанием восстановить личную честь, — торжествует.

Глеб Володьевич намерен вернуть ценное имущество, т. е. восстановить личную честь — и побеждает.

Хотен Блудович, стремящийся восстановить личную (родовую) честь, — побеждает.

Из девяти рассмотренных нами случаев только три аксиологических мотива (связанные с ценностным центром Волха Всеславовича) являются примером «чистой» мотивации героя и сопровождаются безусловно положительными для него последствиями. Прочие случаи не столь показательны. Нахвальщик/Сокольник побеждает лишь в первом бою, но погибает в финале былины. Что же касается мотивации Соловья Будимировича, то в большинстве вариантов этот герой прощает своего соперника, и только в варианте, записанном от М. Д. Кривополеновой, казнит голого щapa Давыда Попова. В четырех последних случаях личная честь не является единственным мотивом персонажа: родственница Добрыни не только восстанавливает родовую (и, соответственно, личную) честь, но и сострадает богатырю, превращенному в тура; Василиса Микулична также мотивирована состраданием к мужу, а Глеб Володьевич испытывает жалость к томящимся на чужбине корабельщикам; Хотеном Блудовичем движет сострадание к матери.

¹⁴⁴ Соловей Будемерович и Завапа Путевисьня: [Былина] № 124 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 384–392.

За исключением перечисленных выше примеров, поступки, мотивированные ценностью личной чести, приводят к *дурным* для действующих лиц последствиям. Нами обнаружено 67 ситуаций, в которых ценность личной чести мотивирует главного героя, антагониста или второстепенного персонажа, а затем девальвируется к концу сюжета (по факту отрицательных последствий совершенного поступка). Из этих 67 примеров 57 могут быть поняты как ситуации, в которых ценность личной чести мотивирует действующее лицо при наличии варианта поведения, связанного с иной, конкурирующей ценностью (то есть персонаж, находясь в процессе аксиологического выбора, предпочитает личную честь, но впоследствии страдает от этого¹⁴⁵). Дунай Иванович переживает подобное положение чаще других богатырей — 7 раз; Василий Буслаев — 4 раза; Михайло Потык и Илья Муромец — по 3 раза каждый; Василий Игнатьевич, Добрыня Никитич, Иван Годинович, Садко — по 2 раза каждый; Алеша Попович, Вольга, Дюк Степанович, Сухман Сухментьевич, Чурила Пленкович — по 1 разу каждый.

Из былинных персонажей второго ряда мотивированы ценностью личной чести: князь Владимир — 1 раз, братья Збродовичи — 1 раз, Елена/Олена Збродовна — 1 раз, матушка Василия Буслаева — 1 раз; «мужики встречные» (сюжет про Вавилу и скomoroxов) — 1 раз; «мужички» (сюжет о Вольге и Микуде Селяниновиче) — 2 раза; Настасья Бугригорьевна — 1 раз; Настасья королевична — 2 раза; отец невесты (в сюжете про Ивана Годиновича) — 1 раз; Ставер Годинович — 1 раз.

Многие былинные антагонисты ориентированы на стяжание личной чести: княгиня Апраксия (в былине про сорок калик) — 2 раза; голый щап Давыд Попов — 2 раза; дочь Соловья-разбойника — 1 раз, Дунай Иванович (в сюжете про бой с Добрыней) — 1 раз; Калин-царь/Скурла — 2 раза; Лебедь Белая — 2 раза; Маринка Кайдаловна — 1 раз; разбойники («Три поездки Ильи Муромца») — 1 раз; Сокольник/Нахвальщик — 3 раза; Соловей-разбойник — 3 раза; Торокашка — 1 раз; Змей Тугарин — 1 раз; царь Василий (былина о царе Соломане) — 1 раз; царица Соломанида — 2 раза; Часова вдова — 1 раз; Чурила Пленкович — 2 раза. Во всех этих случаях антагонисты переживают отрицательные последствия своих поступков.

¹⁴⁵ Один поступок героя может быть следствием более чем одного ценностного предпочтения; например, в конкретной ситуации герой выбирает не только между личной честью и состраданием, но также между личной честью и ревнованием о святыне. В этом случае в рамках одной эпической ситуации мы выявляем два момента ценностного выбора.

Последствия недооценки личной чести актором

Выше говорилось о ситуациях ценностного выбора, в которых главные герои, их антагонисты и второстепенные персонажи русских былин совершают поступки, связанные с ценностью личной чести, и отвергают при этом альтернативные действия, ориентированные на некую иную ценность. Между тем былинные акторы весьма часто отдают предпочтение *не* личной чести (в большинстве случаев — чести «внешних» по отношению к ним реалий или же чести страдающего человека).

Таких случаев нами обнаружено 73 (в том числе 57 ситуаций ценностного выбора, сделанного не в пользу личной чести, переживают главные герои, 15 — второстепенные персонажи; из антагонистов такой выбор делают Морской царь и татарин [из былины про Казарина] — каждый по 1 разу). В 72 случаях из 73 выбор, сделанный действующим лицом не в пользу личной чести, приводит к благим для него последствиям, благодаря чему отвергнутая ценность девальвируется в сознании слушателей.

Илья Муромец 14 раз отвергает вариант действия, ориентированный на ценность личной чести, Добрыня Никитич — 11 раз, Дюк Степанович — 7, Михайло Данилович — 5, Алеша Попович и Михайло Казарин — по 4 раза каждый, Василий Игнатьевич и Садко — по 2 раза каждый; единожды совершают подобный ценностный выбор Микула Селянинович, Константин Саулович, Лука Петрович («Королевичи из Крякова»), Соловей Будимирович, Касьян («Сорок калик со каликою») и Хотен Блудович.

Из былинных персонажей второго ряда чаще других пренебрегает ценностью личной чести князь Владимир (3 примера); Илья Муромец (как персонаж былины про Дюка Степановича) делает это дважды; по 1 разу — Святогор, «владыка черниговский», Елена/Елена Збродовна, Апраксия/Забава/«дочь одинокая» (в сюжете о заточении Ильи Муромца), побратимы Михайло Потыка, Марья Афромеевна, служанка Бермяты/Перемяка и невеста героя (в редком варианте былины про Ивана Годиновича¹⁴⁶).

Антагонисты крайне редко отвергают ценность личной чести. Так поступает только Морской царь, который оценивает «честной» объект — душу Садко — выше, чем ценные приношения (бочки с золотом, серебром и жемчугом), а также один из трех татар, пленивших сестру Михайло Казарина — тот, который отказывается

¹⁴⁶ Настасья Митреяновна (Иван Годинович): [Былина] № 14 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 96–101.

относится к пленнице лишь как к ценному имуществу и обещает ей законный брак (и для которого этот ценностный выбор, как явствует из сюжета былины, становится спасительным).

Таким образом, нами выявлена следующая закономерность: поступок, ориентированный на ценность личной чести, в былинном мире с необходимостью приводит к дурным последствиям, независимо от того, кто этот поступок совершает («свой» или «чужой» персонаж). Единственным исключением из этого правила является Волх Всеславович (о возможных причинах такого исключения будет сказано ниже). И наоборот, поступки былинных акторов, связанные с пренебрежением ценностью личной чести, вызывают благие для них последствия. Таким образом, ценность личной чести может быть с полной уверенностью отнесена к числу девальвируемых: русское эпическое сознание систематически подавляет ее в ценностном центре своих героев и слушателей.

Предельная ценность личной чести в мировой эпической поэзии

Для эпосов многих народов мира характерен концепт чести как личного имущественного «счета», на который происходит «зачисление» доли добычи, соответствующей вкладу героя в дело ее получения. Основу личной чести составляет наследуемое имущество: земли, подчиненные племена, скот, дикие животные в охотничьих угодьях, здания, корабли, оружие, доспехи, кони, слуги и рабы, драгоценности. В соответствии с этим пониманием обесчещивание есть любое действие, снижающее ценность личности в имущественном плане: отъем земель, убийство подданных и рабов, угон скота и др. Убийство родственника есть снижение «стоимости» рода, к которому принадлежит герой, и следовательно, является бесчестием для последнего. Когда соперник овладевает женой героя или его дочерью, это снижает их «стоимость» как своего рода имущества, которым владеет герой.

Честь может быть восстановлена возвращением отъятого с непрямым «прибытком», т. е. прибавлением части имущества противника (добыча), либо при условии убийства виновника бесчестия, либо в случае выплаты эквивалента утраченного имущества (вергольда). Если бесчестие долгое время остается неотомщенным, обесчещенный может стать объектом насмешек и дурной молвы; таким образом, неотомщенное бесчестие может перерасти в бесславие (позор). Этот момент у Гомера так описывает Агамемнон,

опасающийся того, что его лично-родовое бесчестие (нанесение ущерба имущественной чести его брата в результате похищения жены последнего) останется в памяти потомков:

...Несовершенным останется дело.

И на высокий могильный курган Менелая героя

Вспрыгнет какой-нибудь наглый троянец и скажет со смехом:

«Если бы так и над всеми свой гнев утолял Агамемнон!

Он к Илиону ахейскому рать приводил бесполезно

И с кораблями пустыми обратно домой воротился,

В отчую землю, оставивши здесь храбреца Менелая».

Скажет он так, и тогда — расступись ты, земля, подо мною!¹⁴⁷

Сопоставимым образом неотомщенное бесчестие «обнуляет» всю добрую славу, заработанную викингами в их походах — так, в «Саге о Волсунгах» Гудрун не соглашается с Брюнхильдой в том, что Хаки и Хагбарда следует считать самыми славными конунгами прошлых лет, ведь «Сигар похитил их сестру, а потом сжег их в доме, и до сих пор они не отмщены»¹⁴⁸.

Если герой, используя силу, колдовство или другие таланты, успешно отнимает у своего соперника особо ценное имущество (удивительную красавицу, чрезвычайно большое количество золота, прославленное оружие, чудесного коня и др.), это приводит к увеличению его личного «счета» чести. Личная честь — не только воздаяние от общества за «многие и тяжкие труды», получившие одобрение этого общества¹⁴⁹, но вообще любые воздаяния, получаемые по благоволению богов, — в том числе любая добыча, захваченная силой.

Честь всегда материальна, исчислима; со времен Гильгамеша эпические певцы любят подробно описывать — буквально взвешивать, пересчитывать — добычу героя:

Когда их всех семерых убил он,

Боевую сеть и кинжал в семь талантов, —

Груз в восемь талантов, — снял с его тела...¹⁵⁰

¹⁴⁷ Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 86.

¹⁴⁸ Сага о Волсунгах. — М. — Л. : Academia, 1934. — С. 177.

¹⁴⁹ Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. — М. : Наука, 1983. — С. 132.

¹⁵⁰ «О все выдавшем» со слов Син-Леке-Уннинни, закланателя // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит-ра, 1973. — С. 186.

Когда ценность добычи превышает определенную меру и становится исключительно высокой, такая добыча может вызвать молву о том, кто ее получил. В этом случае личная имущественная честь перерастает в личную славу.

Эпический герой обладает имущественной честью и после смерти. Он подвергается бесчестью в том случае, если с его тела снимают доспехи, если его оружие становится трофеем врага, а его жена, родители или дети казнены или становятся рабами. Для того чтобы избежать бесчестья, доспехи, оружие, конь и другое значимое имущество героя должно быть либо передано по наследству, либо должным образом уничтожено (предано огню, приведено в негодность самим умирающим героем и т. п.). Так, Беовульф заботится о том, чтобы в случае его гибели доставшееся ему от деда боевое снаряжение — меч и кольчуга работы Вилунда — было передано родственнику, а Роланд спешит перед смертью уничтожить свой меч Дюрандаль.

Концепт имущественной чести в полной мере реализован и в тех эпосах, где герой является полубогом или земным воплощением бога (как Рама, Кухулин, Гэсэр и др.). В этом случае личная честь героя зависит от чести его божественного рода, владеющего миром людей; люди являются для героя буквально его родовым имуществом, которое необходимо защищать от посягательств других существ (как правило, обитателей «нижнего мира»), чтобы избежать бесчестья и бесславия.

Как можно видеть, для общеэпического сознания слово «честь» имеет исключительно имущественный смысл и обозначает почести, воздаяние, заслуженную награду; оно довольно далеко от современного представления о чести как о начале, которое «вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих)»¹⁵¹, а также от понятия «воинской чести», связанного с воинским долгом. Общеэпическая личная честь является, безусловно, не внутренним, но совершенно внешним, во многом демонстративным достоинством человека, маркером его «цены» для властителя, на службе у которого этот человек находится. Разумеется, такое достоинство вызывает уважение (но также и страх, зависть) со стороны окружающих и побуждает властителя оказать его обладателю достойное воздаяние в имущественной форме. Современное же значение слова «честь» сходно, скорее, с языческим представлением о «долге чести» — обязанностью воина бесстрашно и неутомимо

¹⁵¹ Честь / Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1087902/ЧЕСТЬ>

«отработать» материальные или материально-знаковые дары, полученные им от своего господина.

* * *

Из множества содержательных аспектов общеэпического концепта личной чести на данном этапе нам важно выделить те, которые имеют отношение к герою и антагонисту и которые проявились в русских былинах (в частности, в сюжете об Алеше Поповиче и Змее Тугарине). Это — *наследуемая честь* («отчина»), которой не обладает Алеша Попович, и *честь добываемая* (прежде всего — чудесный конь, значительное количество воинов, образующих вооруженную свиту, а также драгоценная одежда/доспех), которой, наоборот, обладает Тугарин.

В гомеровском эпосе ценность благородного или божественного происхождения и старшинства является основанием личной чести и для мужчины, и для женщины. В «Илиаде» Гера напоминает Зевсу:

Более старшей на свет произвел меня Крон хитроумный;
Честь мне двойная: за род и за то, что твоею супругой
Я называюсь; а ты над бессмертными властвуешь всеми¹⁵².

Личная честь богини, как можно видеть, складывается из чести наследуемой (от отца) и чести «добытой» (через мужа). Наследуемой честью обладает Ахиллес, который гордится своим божественным происхождением, а также многие другие эпические герои: Рама, Кухулин, Бухэ-Белигте (Гесер), Нюргун Боотур Стремительный. Персонажи армянского эпоса «Давид Сасунский» Санасар и Багдасар рождены от моря и всегда помнят об этом. Знаком того, что герой обладает наследуемой честью, является оружие предков, которое необходимо в случае утраты отыскать, а в случае кражи — отобрать у похитивших его врагов и носить напоказ. Так, для Давида Сасунского накопление личной чести начинается с восстановления прав собственности на имущество своего отца:

У отца твоего был конь Джалали,
Молния — меч,
Головной убор,
Золотой кафтан,

¹⁵² Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во. худож. лит-ры, 1949. — С. 83.

Пояс — ал,
Божья мать была Марутская с ним,
Патараза крест в деснице его¹⁵³.

Для Семетей, сына киргизского героя Манаса, важно получить в наследство имущество своего отца, потому что это — первый шаг к накоплению личной чести. Семетей не может стать богатырем, пока чем не войдет в права наследования, и поэтому он обращается к своему дяде Абыке со следующим требованием:

Когда вы забрали все имущество моего отца Манаса, в ваших руках остались собака Кумайик, белый кречет Акшумкар, верблюд Желмаян, непроницаемый для пуля околпок, меч, аккисе, конь Тайбуурул и бесчисленные табуны других коней, и кладовые, полные драгоценностей. Где это теперь? Отдай мне все это¹⁵⁴.

Восстановление поруганной чести предка (которому помешали передать свое имущество по наследству) — таков первый шаг богатыря во множестве национальных эпосов. Вступление в права на имущество, оставшееся от героического родственника или божества для эпического героя есть то же самое, что инициация для шамана или помазание, коронование для монарха. (Заметим попутно, что Алеша Попович, будучи сыном священника, не может получить по наследству ни коня, ни доспех, ни собаку с кречетом; с точки зрения общеэпического сознания такой персонаж — бесчестен от рождения.)

Герою башкирского эпоса Кусяку-бию принципиально важно узнать свое происхождение, без чего он не может начать действовать как батыр. Ради этого знания он пытается собственную мать, сжимая ее руки, в которых та держит горячее кушанье:

Жареный курмас так припекал руки Ямили, что она не выдержала: «Дитя мое, твой отец — Бабсак-батыр!» И после этого она поневоле вынуждена была рассказать сыну всю правду¹⁵⁵.

¹⁵³ Давид Сасунский // Армянский фольклор. — М.: Наука, 1967. — С. 210.

¹⁵⁴ Прозаический вариант эпоса «Манас» / Глава IX. Семетей. Поездка Семетей в Талас [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eposmanas.ru/prozaicheskyy%20variant%20epos%20manas/-177/11532814.html>

¹⁵⁵ Кусяк-бий // Башкирское народное творчество. Том I. Эпос. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. — С. 486.

Ачемез, герой балкарской и карачаевской нартиады, совершенно таким же способом выведывает у своей матери местонахождение отцовского коня и оружия, а также имя человека, убившего его родителя. Это необходимо для восстановления личной чести, без которого другие подвиги просто не имеют смысла.

Имея наследуемую честь, герой призван увеличивать ее посредством насилия и грабежа — по праву сильного. В шумерских эпических песнях посмертное восхваление главного героя — Гильгамеша — непременно включает упоминание о разграбленных им странах:

Тот, кто разорил множество стран, лежит и не поднимется
больше¹⁵⁶.

В гомеровском эпосе главное средство такого накопления чести — присвоение доспехов поверженного врага. У Гомера ратоборцы, едва успев извлечь копье из тела поверженного противника, спешат сорвать с него доспехи, и наоборот, лишение мертвого врага доспехов есть самая распространенная форма бесчестия. В «Илиаде» редкий случай, когда герой действует из альтруистических чувств, связан с особенной жалостью, проявляемой не к живым, но к мертвым. Враги пытаются сорвать доспехи с тел убитых ахейян, и Менелай, видя это, старается помешать бесчестию:

Стало повергнутых жаль Менелаю, любимцу Ареса¹⁵⁷.

Впоследствии так же поступает Аякс Теламонид. Бесчестие, наносимое мертвому в результате его обнажения, считается действительно страшным:

...Убил Ахиллес Гетиона,
Но обнажить не посмел — устранился нечестия сердцем:
Вместе с оружием искусно сработанным предал сожженью¹⁵⁸.

Впрочем, в особенных случаях, как это происходит с телом Гектора, труп врага подвергается чрезвычайному бесчестию — ему наносят множественные повреждения, расчлениают. В огузском,

¹⁵⁶ The Death of Gilgame [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/edition2/etcslgloss.php?lookup=c1813.1.A.5&charenc=gcirc> (перевод с английского наш. — А. М.).

¹⁵⁷ Гомер. Илиада. — М.: Гос. изд-во. худож. лит.-ры, 1949. — С. 116.

¹⁵⁸ Ibid. С. 141–142.

киргизском и некотором других эпосах, стремясь максимально обесчестить ненавистного врага, герой пьет его кровь из раны. Такой поступок вполне соответствует концепту имущественной чести: крайнее бесчестие связано с тем, что победитель присваивает не только коня, доспех, жену или скот убитого, но также — символически — самую суть человеческого естества, ту субстанцию, в которой «обитала» при жизни душа противника.

Личную честь общеэпического героя увеличивает не только трофейный доспех, но и любая захваченная им драгоценная одежда, а также — золотые украшения. Когда персонаж ирландского эпоса Фердиад соглашается убить своего друга Кухулина, он стремится не только избежать беславия (избавиться от позорной болезни), но и получить в собственность драгоценную бархатную одежду последнего, а также его золотую пряжку. Этот аксессуар особенно важен для Фердиада; королева Мэдб обещает ему:

Все богатства мира ты так же получишь,
Как эту пряжку, о славный герой!¹⁵⁹

В некоторых случаях личная честь ценится общеэпическим героем выше, чем жизнь не только друга, но и собственного сына. Своеобразный апофеоз ценности добычи как средства увеличить личную славу находим в немецкой «Песне о Хильдебранде»: ее протагонист отнюдь не рад тому факту, что ему придется биться с собственным сыном, однако в случае победы намеревается снять доспех с убитого. Перед поединком он произносит следующие слова:

Испытаем, который из нас
похвалиться добычею сможет,
снимет латы и поле покинет, оружием нагружен¹⁶⁰.

Количество наследованного и добытого имущества непременно учитывается при рассадке на пирах, а в случае появления новых лиц их место определяется после того, как герои меряются личной честью. Подобно персонажам Гомера, которые похваляются друг

¹⁵⁹ Бой Кухулина с Фердиадом // Ирландские саги. — Л. — М. : Academia, 1933. — С. 139.

¹⁶⁰ Песнь о Хильдебранде // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://norroen.info/src/other/hildebrand/sulina.html>

перед другом трофеями и славой, ведут себя воины, пирующие в чертоге короля данов Хродгара («Беовульф»). Появление гаутского героя раззадоривает Унферта именно потому, что честь Беовульфа превышает его собственную:

...неужто в мире
ему соперник
нашелся, воин
под небом славный,
его сильнейший¹⁶¹.

Русский перевод неточен; в англосаксонском тексте читаем: «...maérða þon má / middangeardes // gehédde under heofenum / þonne hé sylfa...»¹⁶² — буквально: «достойных чести деяний более на средней земле насчитавший под небесами, чем он сам». *Maérð* — это именно честь, а не слава (*dom*), и речь здесь идет о том, что у каждого героя есть личный «счет» чести. На пиру воины сравнивают «стоимость» своих подвигов, выраженных в добыче или наградах, полученных от властителей. Унферт, в частности, пытается принизить стоимость одного из деяний Беовульфа — его победы в состязании (заплыве). В отличие от бессмертной славы, объем которой не исчислим (ее можно достигнуть или нет, а средних значений быть не может), *maérð* есть понятие исчислимое: Беовульф говорит о том, что в его битве с Гренделем всемогущий Бог «распределит честь» («maérðo déme»¹⁶³) между сражающимися — и, разумеется, не поровну.

Честь «начисляется» Богом в битве, а конунгом — на пиру. В «Беовульфе» пир — та самая ситуация, когда личная честь учитывается, перераспределяется и прибавляется. Пир нужен именно для демонстрации личной чести перед дружиной, т. е. для фиксации ее «зачисления» на «персональный счет» героя.

Главной задачей хорошего властителя — наряду с получением от Бога, его «небесного сюзерена», необходимой чести в виде удачи в сражениях — является обеспечение справедливого, в соответствии с вкладом каждого воина, дележа добычи. Впрочем, исландский эпический певец рекомендует не только конунгу, но вообще каждому воину чествовать своих друзей, то есть дарить им имущество:

¹⁶¹ Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 53.

¹⁶² Beowulf / VIII [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heorot.dk/beorede-f8.html>

¹⁶³ Beowulf / X [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heorot.dk/beorede-f10.html>

Оружье друзьям
и одежду дари —
то тешит их взоры;
друзей одаряя,
ты дружбу крепишь...¹⁶⁴

Слагаемые личной чести одинаковы для западноевропейских рыцарей и удалых джигитов, для древних греков и персов, для викингов и создателей нартского эпоса. Помимо доспеха и оружия едва ли не на первом месте в среди предметов, прибавляющих герою «очки» личной чести, находится конь. Когда у протагониста «Шах-наме» туранцы угоняют коня, Рустам буквально уничтожен нанесенным ему бесчестьем:

И думал горестно: «Теперь куда я
Отправлюсь пеший, от стыда сгорая...»¹⁶⁵

Герой старофранцузских жест — «песен о деяниях» — Гийом Короткий Нос, сразив магометанина, первым делом стремится завладеть его мечом и конем: «Ах, как скакун у нехристя хорош!»¹⁶⁶, — радуется рыцарь. Когда у протагониста тюркского эпоса «Кероглу» похищают коня, это наносит колоссальный урон его чести: от героя отворачиваются не только подчиненные ему джигиты, но также жена и единственный названный сын. Похититель хвастает:

Увести коня у Кероглу все равно, что захватить его самого.
И даже немного больше того¹⁶⁷.

В эпосе «Книга моего деда Коркута» удалыцы-гяуры, чтобы запугать совсем юного огузского героя, последовательно осмеивают его имущество (иными словами, все то, из чего складывается личная честь джигита), и на первом месте здесь — конь:

Красный жеребец под тобой отошал, юноша; твой черный
булатный меч иступился, юноша; копьё, что в твоей руке,

¹⁶⁴ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 193.

¹⁶⁵ *Фирдоуси*. Шах-наме. — М. : Худож. лит-ра, 1972. — С. 132.

¹⁶⁶ Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985. — С. 100.

¹⁶⁷ Кероглу. — Баку : Изд-во АН АзССР, 1959. — С. 182.

сломалось юноша; твой осиновый лук тонок, юноша; девяносто стрел за твоим поясом редки, юноша; спутники у тебя нагие, юноша; твои темные глаза омрачены, юноша! ... Твой смертный час настал, негодный, сын негодного, вернись назад отсюда!¹⁶⁸

Общезпический герой не имеет права ездить на обычном коне, что означало бы личное бесчестие. В «Саге о Волсунгах» Сигурд выбирает для себя особого серого жеребца, которому «никто еще не садился на спину»¹⁶⁹; этот конь происходит от восьминогого Слейпнира, принадлежавшего самому Одину. Перечень богатырского имущества, передаваемого по наследству сасунскими удалцами, открывается упоминанием о чудесном коне Джалали. Кроме того, в мире тюркских эпосов чрезвычайно ценятся чудесные летающие кони — тулпары.

Помимо особенного коня важным элементом при описании былинного Тугарина — деталью, свидетельствующей о его личной чести, — является драгоценное «платье цветное» стоимостью в «сотню тысяч» (так в былинах называется не просто одежда, но именно доспех — например, Михайло Данилович должен достать из-под камня Латыря «платьё богатырское», именуемое им же несколькими строками ниже «сбруей богатырской»¹⁷⁰). Высокая ценность одеяния и доспехов характерна для многих эпосов. Татарский батыр Идегей, намереваясь вернуть свое имущество, даже прежде чем спросить о мече, спрашивает о шубе с панцирем, стоимостью «в девять девушек и тысячу овец»:

Что ты сделал с шубой моей?
Вся из черных она соболей,
Панцирь мой — из железных колец
Где мой панцирь, скажи, Нурадын?¹⁷¹

В башкирском эпосе, предлагая Идукаю своих дочерей в жены, хан также обещает подарить ему «черную шубу из меха куницы»¹⁷² —

¹⁶⁸ Книга моего деда Коркута. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР [Ленинградское отд-ние], 1962. — С. 87.

¹⁶⁹ Сага о Волсунгах. — М. — Л. : Academia, 1934. — С. 138.

¹⁷⁰ Михайло Данилович: [Былина] № 172 // Былины : В 25 т. Т. 4. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2004. — С. 396.

¹⁷¹ Идегей : татарский народный эпос. — Казань : Татарское книжное издательство, 1990. — С. 221.

¹⁷² Идукай и Мурадым // Башкирское народное творчество : исторический эпос. — Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1987. — С. 107.

и это одеяние упоминается прежде, чем золотая арба, жеребенок-иноходец и табун обыкновенных лошадей. Киргизскому герою Манасу дарят шубу из ыпчи, чья баснословная цена объясняется ее удивительными особенностями:

— Она хороша для боев, ее не может пробить стрела; она в огне не горит, сколько не тяни, не рвется; никогда не ветшает, ворот золотой, рукава медные, двойной панцирь с мелкими, как глаз жаворонка, колечками. Она как раз впору таким, как ты, богатырям, идущим в великий поход. Надень эти доспехи от Хизра, все, что я скажу, запомни. Я с уважением отношусь к твоей силе и с почтением — к твоему героизму. Если наденешь эти доспехи, ты даже в огне не будешь гореть. Твой враг не сможет проколоть мечом, зарубить топором¹⁷³.

Различия в содержании ценностных концептов, характерных для былинного и других эпосов, становятся очевидными, если сопоставить аксиологические координаты тех поступков, которые разные эпические герои совершают в сходных обстоятельствах (иными словами, в рамках так называемых «кочующих сюжетов»). Например, в «Книге моего деда Коркута» описывается ситуация, когда Дерсе-хана бесчестят на пиру у хана Баюндура (первому достается место не под золотым или красным знаменем, но под черным; герою подают мясо черного барана и т. п.) на том основании, что он не имеет потомства: по мнению пирующих, этого бездетного человека «проклял всевышний бог»¹⁷⁴. Дерсе-хан немедленно покидает пир и направляется домой с намерением убить жену — виновницу его бесчестия, которая, с точки зрения эпического певца, действительно «лишает» своего мужа такого ценного элемента личной имущественной чести, каким являются дети, наследники. Именно их отсутствие приводит к тому, что «стоимость» героя снижается в глазах его повелителя, и устроители пира лишь констатируют бесчестье бездетного гостя, которое перерастает в бесславие в тот момент, когда Дерсе-хан подвергается публичным проклятиям.

¹⁷³ Повесть о Манасе Великодушном / О том, как Манас поехал искать Кошоя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eposmanas.ru/maksutov/-880/>

¹⁷⁴ Книга моего деда Коркута. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — С. 249.

Другой герой огузского эпоса — Бекиль — также претерпевает бесчестье во время пира, когда хан Баюндур публично говорит о том, что замечательные охотничьи трофеи героя суть заслуга его чудесного коня, а не всадника. Тем самым у Бекиля как бы изымается существенная часть его личной имущественной чести (собственно трофеи), что делает невозможным присутствие персонажа на пиру: герой встает, рассыпает ханские дары и уезжает со словами, что он опозорен.

В обоих случаях прекращение участия в пиршестве есть единственный вариант действия для обесчещенного героя: если он стерпит и останется за столами, об этом будут говорить как о проявлении трусости, ставшей причиной нежелания отомстить властителю или как-то иначе возместить ущерб личной чести (например, совершить новый подвиг и получить еще больше охотничьих трофеев с помощью другого коня). В этом случае бесчестье может перерасти в пожизненное бесславие, позор.

Однако Алеша Попович, будучи обесчещен дурным местом на пиру (витязь и его побратим вынуждены расположиться «на печке на муравленке»¹⁷⁵ или за печью), остается в палате, потому что он свободен от духовной зависимости, определяющей поведение общеэпического героя, чья жизнь полностью подчинена ценности личной имущественной чести. Как следствие, силы русского богатыря могут быть направлены на решение задач принципиально иного уровня: герой движим милосердием, жалостью к князю Владимиру и ревнованием о святынях¹⁷⁶.

Именно такую задачу, которая заключается в акте деятельной и бескорыстной любви-жалости к страдающему человеку, решает герой сербского эпоса Марко Кралевич. Вначале этот персонаж, как и Алеша Попович, подвергается бесчестью во время пира — и тоже совершенно не заботится о личной чести и ее последующем восстановлении:

В Крушевце было в корчме высокой,
Воеводы пили там, гуляли,
А когда вина они напились,
Заводили спор между собою,
Кто юнак меж ними будет лучший?
И решили спяну воеводы:

¹⁷⁵ Алеша Попович, Еким и Тугарин: [Былина] № 64 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 261.

¹⁷⁶ Под «святынями» в данном случае мы понимаем нематериальную святыню христианского брака, попираемую Змеем Тугариным и защищаемую Алешей.

Лучший будет воевода Янко,
Самый худший — Королевич Марко.
На решение Марко не озвался...¹⁷⁷

Сербский герой сталкивается с той же проблемой, что и Алеша Попович: коллективная честь юнаков попорана (воеводы вынуждены чувствовать Арапина). Секула отказывается это делать, но не может совладать с врагом и зовет на помощь — однако тщетно. Как и Змей Тугарин, могучий Арапин не задевает личной чести никого из юнаков (за исключением Секулы), поэтому ни «лучший» Янко, ни кто-либо другой не вмешивается, избегая тем самым риска понести бесчестие и бесславие из-за вполне вероятного поражения в схватке.

Только молодой и «наихудший», лишенный чести Кралевиц Марко, движимый состраданием, помогает Секуле:

Как схватил Арап Секулу в руки,
Стиснул он его за бело горло
И ударил о холодный камень.
Крикнул-пискнул Банович Секула,
Раз он крикнул: «Мать моя, беда мне!»
А другой он: «Помогай мне, Янко!»
Рад Иван помочь ему — да страшно.
Говорил ему Кралевиц Марко:
«Не помогут тебе мать и дядя,
Разве Бог да слабосильный Марко!»¹⁷⁸

Как можно видеть, протагонист подчеркивает свою «слабосильность» (так же отзывается эпический певец об Алеше в другой былине — «он силой не силён, да только напуском смел»¹⁷⁹). Кралевиц Марко прямо говорит, что действует во славу Божию, а не ради восстановления личной чести или ее прибавления за счет добычи. Таким образом, в аксиологическом плане этот мотив сербского эпоса идентичен рассматриваемому былинному.

¹⁷⁷ Кто лучший юнак? // Сербский эпос. — М. — Л. : Academia, 1933. — С. 356–357.

¹⁷⁸ Ibid. С. 358.

¹⁷⁹ Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 392 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 467.

Русский эпический концепт личной чести

Как мы отметили выше, в языческом эпосе личная честь героя складывается из чести наследуемой и чести добываемой.

Из былинных героев наследуемой честью-имуществом обладают: Константин Саулович (сын царя), Волх Всеславович (сын княжны), Добрыня Никитич, Василий Буслаевич и Михайло Данилович (сыновья богатырей), Дюк Степанович (сын сказочно богатой «Дюковой матушки») и Чурило Пленкович (сын чрезвычайно обеспеченного феодала, занимающегося также торговлей).

На первый взгляд, былинная история Константина Сауловича содержит в своей основе классический мотив восстановления чести сыном героического отца (царя-богатыря). Царь Саул уезжает из дома на войну, оставляя «черевостую» жену; родившийся мальчик наследует удивительную силу, но его называют «выблядочком»¹⁸⁰. Повзрослев, он выведывает у матери, что его царственный отец по-прежнему сражается с «полувецким» царем Кунгуром. И здесь юноша начинает вести себя не так, как большинство молодых героев других эпосов: он не спешит унаследовать волшебное оружие или доспех отца, которые могли остаться дома. Единственное, что нужно герою, — это особое богатырское седло, в луку которого вделаны «тироны камени... самоцветные»¹⁸¹ (но не для «красы-басы», не для демонстрации наследуемой чести наездника, но для того, чтобы герой мог разыскивать отца не только днем, но и ночью):

А не для-ради мене, молодца, басы, —
Для-ради богатырские крепости,
Для-ради пути, для дороженьки,
Для-ради темной ночи осенней,
Чтобы видеть при пути-дороженьке
Темна ночь до бела света¹⁸².

Заметим, что даже это седло протагонист велит изготовить по собственному проекту, а не получает готовым в качестве наследства. Подчеркнутая «полезность» как главное качество богатырского

¹⁸⁰ Царь Саул Леванидович («Царь Саул Леванидович поехал за море синяя...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 135.

¹⁸¹ Ibid. С. 136.

¹⁸² Ibid. С. 136.

седла противопоставляется показной «красе-басе» (обозначающей, как логично предположить, личную честь владельца) и напоминает, в частности, о «ковришке волокитном» Алеши Поповича, в который самоцветы тоже вшиты не для красоты.

Юный богатырь выезжает из дома, и слушатель понимает, что им движет не жажда добычи или личной славы, но — любовь к отцу и послушание ему: сын исполняет завет родителя, который велел прислать его к себе на помощь, когда тот повзрослеет. Мотивировка героя напоминает стремление Армуруса, сына Армуруса — протагониста одноименной византийской эпической песни, — который стремился выручить из плена своего отца. Однако в русской былине отец героя не страдает в плену, его личной чести не нанесен ущерб, а следовательно, задача восстановления отцовской чести (как элемента чести личной) перед персонажем не стоит. Ценность личной чести в этой былине в принципе не заявлена как сколько-нибудь значимая, она «подавлена» ценностью любви и бескорыстного служения.

Когда мужики-угличане берут героя в плен, они лишают его оружия и доспеха, называемого, как и в случае с Тугариным, «платьем цветным»:

Взяли у нево добра коня
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд;
Сняли с нево платье цветное царское...¹⁸³

Однако «добр конь» и царское платье не убеждают угличан в особенном происхождении героя, т. е. в наличии у него наследуемой чести. Они полагают, что перед ними «вор-разбойник», присвоивший чужое имущество. Царь Саул Леванидович впоследствии укоряет взявших в плен его сына:

А вы ево назвали вором-разбойником...¹⁸⁴

Как можно видеть, русские мужики из эпического Углича по каким-то причинам не признают за честь имущество, добытое силой (как признается оно законной добычей в эпосах многих других народов мира). Ошибкой угличан является лишь то, что они не спрашивают юношу о его происхождении, на что и указывает им его отец:

¹⁸³ Ibid. С. 138.

¹⁸⁴ Ibid. С. 139.

Глупы вы, мужики, неразумные,
Не спросили удаля добра молодца
Ево дядины-вотчины...¹⁸⁵

Заметим также, что сам Костянтинушка не стал хвастать своей «дядиной-вотчиной», пугать пленивших его угличан, что является примером редкого для эпического героя смирения. По-видимому, оно вызвано тем, что юноша не считает свое происхождение и наследуемую честь действительной ценностью — по сравнению с той честью, которую ему еще предстоит добыть как богатырю.

Наследуемая честь присуща и другому былинному протагонисту, Вольге (Волху) Всеславовичу, которого дядюшка-князь наделил тремя «городками». Подобно героям эпосов, созданных другими народами, Вольга еще в детстве заявляет о своих правах на богатырское имущество — палицу, кольчугу и др. Однако, как известно слушателю, настоящим отцом героя является змей, и поэтому Вольге причитается и другое, не богатырское «наследство» — страстное желание «многой мудрости», колдовской науки, хитростями которой протагонист без труда овладевает в силу своего происхождения.

В дальнейшем Вольга/Волх нигде и никогда не проявляет себя как богатырь¹⁸⁶, ему не приходится воспользоваться той палицей, которую он требовал во младенчестве, потому что все свои подвиги этот персонаж совершает исключительно при помощи колдовства. Герой выбирает змеиное наследство, а не богатырское, в широком смысле шаманскую, а не героическую честь: соответствующий пересмотр аксиологических концептов происходит и в ценностном центре слушателя (можно, впрочем, предположить существование второй части диптиха о Вольге/Волхе, до нас недошедшей, в которой оборотень, узурпировавший трон, погибает, и ценность личной чести героя-колдуна — а также инструментальная ценность колдовства как «энергии» — резко снижается в сознании слушателей).

Добрыня Никитич — потомственный богатырь, призванный унаследовать имущественную честь своего отца, погибшего в дальних краях в бою со Змеей. Однако никакого ценного отцовского оружия, доспеха, коня и т. д. герой так и не обретает — ни у матери, как, например, упомянутый выше Армурис, ни в тайнике, ни у родственников, как сасунские удалыцы (видимо, все это утрачено из-за

¹⁸⁵ Ibid. С. 184.

¹⁸⁶ См. об этом подробнее у В. Ф. Миллера («Очерки русской народной словесности»: I, 84).

гибели Никиты Романовича). Даже конь, который достается богатырю — не отцовский, а «дедушков», то есть очень старый. Этот конь вызывает, скорее, сострадание слушателя: он стоит по колено «в назиму» (т. е. в навозе), его ценность как имущества неочевидна, и когда становится необходимым «топтать змеенышей» он не сразу с такой задачей справляется. Из оружия Добрыня не наследует ничего (впрочем, Змею и невозможно победить при помощи оружия); матушка вручает ему одну только «плеточку», которая по своей сути является «анти-оружием» и может вызывать лишь насмешки.

Итак, мы имеем здесь дело с классической ситуацией наследственного бесчестия героя, который по всем общепэпическим канонам должен теперь отправиться на поиски своего наследства и восстановить отцовскую (а значит, и собственную) честь. Именно так поступают гомеровский Телемак, Сигурд «Старшей Эдды», армянский герой Мгер Старший, огузский Кероглу, адыгейский Батараз, башкирский Кусэк, киргизские Семетей и Сейтек и многие другие. Ничего этого Добрыня не совершает и, как логично предположить, совершить не желает; очевидно, ценность личной чести его ни в малейшей степени не мотивирует. Ему не хочется покидать родной дом и матушку, а уезжает он только из-за того, что его удаления из Рязани требуют родители случайно покалеченных им сверстников:

Доходили ети жалобы великие жа,
Доходили до его ведь до матушки,
До песной вдовы Омыльфы Тимофеёвны.
А молоды Добрынюшка Микитиц млад
Он падат своей матушке в резвы ноги.
— Уж ты ой, государыня матушка!
Бласлови-тко меня иди-ехати
Да во далецё Добрыню во цисто полё...¹⁸⁷

Уже оказавшись — поневоле — в седле, Добрыня пытается поступить именно так, как положено общепэпическому герою. Он знает, что должен отомстить Змее за гибель отца, и начинает «топтать змеенышей».

Уничтожение имущества врага (и, в частности, его потомства как особо ценной части имущества) в случае, если сам враг оказывается недостижимым — наиболее распространенный вариант

¹⁸⁷ Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 151.

восстановления чести в эпосах разных народов. Так, в «Илиаде» клятвопреступнику желают, чтобы пострадавший от него был отмщен за счет жен и детей нарушившего клятву:

Пусть их мозги, как вот это вино, по земле разольются,
Их и детей их; а жен пусть другие взведут на постели!¹⁸⁸

Герои ирландских саг Фергус и Дубтах, чтобы отомстить Конхобару, убивают сначала его воинов в битве, а затем «Дубтах перебил уладских девушек, а Фергус под утро поджег Эмайн-Маху»¹⁸⁹. В «Саге о Тидреке» персонаж по имени Самсон, чтобы отомстить ярлу (а затем и королю), сжигает дома жителей в королевских селениях, убивает людей и скот. Чтобы отомстить воительнице Чимшкик-султан, сасунские герои Кери-Торос и Горлан Оган разрушают город Хлат, убивают всех его жителей, и Мгер не оставляет в живых даже кошки:

Пошел Мгер, видит — город весь разрушили,
Осталась лишь кошка, сидит на минарете.
А кери, усталые, стоят смотрят.
Мгер снова вырвал с корнем тополь,
Ударил, кошку сбил наземь,
И сказал Мгер: — Ну, кери, идем домой!¹⁹⁰

Черный пастух в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута», намереваясь отомстить обидчикам Казан-бека, говорит следующее: «пойду на гяуров, возрожусь к новой жизни, убью, даже новорожденных»¹⁹¹.

Чтобы отомстить Каракулумбету за убийство своего отца, Куэж убивает всех жен и детей первого, а затем истребляет поголовно всех людей рода хаинов, к которому принадлежит Каракулумбет. Согласно Э. Лённроту, герой карело-финского эпоса по имени Унтамо, поссорившись с братом, убивает весь его род, кроме одной беременной женщины, которую он берет с собой в качестве рабыни.

¹⁸⁸ Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во. худож. лит-ры, 1949. — С. 74.

¹⁸⁹ Изгнание сыновей Уснеха // Исландские саги. Ирландский эпос. — М. : Худож. лит-ра, 1973. — С. 570.

¹⁹⁰ Сасунские удалцы (Армянский народный эпос) : избранные варианты. — Ереван : Ван Арьян, 2004. — С. 77.

¹⁹¹ Книга моего деда Коркута. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — С. 26.

«Вытаптывание» змеенышей — единственная в русском эпосе попытка героя совершить поступок, мотивированный восстановлением личной чести (мстью), понятым в качестве ценности. Показательно, что в этот момент в некоторых вариантах Добрыня ведет себя в сущности не по-русски — он поигрывает оружием, выказывая свою силу и удаль (обычно в былинах такое поведение характерно для антагонистов — Сокольника, Тугарина, Чурилы):

Палицей булатнею Добрынюшка поигрывает...¹⁹²

В этот момент Добрыня не ставит перед собой задачу освободить пленников Змеи, «полонов расейских». В замечательном полном варианте, пропетом Т. Г. Рябиным А. Ф. Гильфердингу, указано на то, что герой выезжает с единственной целью:

Стал молоденькой Добрынюшко Микитинец
На добром коне в чисто полё поезживать,
Стал он малых змеёнышев потаптывать¹⁹³.

Впрочем, эта попытка заканчивается провалом:

Его доброй конь да богатырский
А й стал на ноги да конь припадывать.
А й поехал-то молоденькой Добрынюшка
От тых славных от гор от сорочинских
Да й от тых от нор он от змеиных,
Да й поехал-то Добрыня в стольней Киев-град¹⁹⁴.

Добрыня как будто тяготится ролью мстителя; впоследствии он уклоняется от богатырского поприща и устраивается на службу к князю Владимиру, где, впрочем, опускается и доходит до того, что начинает «приворовывать». Эпический певец как бы предлагает своим слушателям разгадать следующую загадку: отчего герою не удастся отомстить за отца? Лишь к концу быliny слушатели осознают: видимо, Бог ждет от Добрыни не уничтожения змеенышей из мести, но исполнения более важной миссии.

¹⁹² Добрыня и Змей: [Былина] № 123 // Онежские быliny, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 329.

¹⁹³ Добрыня и змей («Да й породила Добрыню родна матушка...») // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М.: Наука, 1974. — С. 5.

¹⁹⁴ Ibid. С. 6.

Действительно, помимо задачи «топтать малых змеенышей» выезд богатыря в поле к горам Сорочинским может преследовать и другую цель: «входить во норы в змеиные» и «выпускать полонов оттуль расейких»¹⁹⁵. Как мы видели выше у Т. Г. Рябинина, освобождение «полонов» не входило изначально в планы героя. Если бы Добрыне удалось растоптать всех змеенышей (и даже если бы он победил в «чистом поле» Змею), то успешно решил бы задачу восстановления личной чести, но никогда бы не освободил русских пленников, томящихся в дальних змеиных пещерах:

А й во тых норах да во змеиных
Много множество да полонов сидит,
Полонá сидят да всё расейские,
Ай сидят-то там да князя бóяра,
Сидят русские могучие богатыря¹⁹⁶.

Созданная певцами сюжетная деталь производит сильное впечатление: оказывается, Змея использует русских пленниц для выкармливания грудью своего потомства (подобная участь уготована и похищенной племяннице князя Владимира, а отнюдь не съедение, как в мифах или сказках: именно в таком виде, со змеенышами на груди, Добрыня обретает в пещерах плененную Забаву¹⁹⁷).

В освобождении несчастных пленников и заключается, в понимании эпического певца, миссия Добрыни, предсказанная «святыми отцами», о чем слышала и сама Змея:

А святы оцыи писали, те прописалисе
А сказали: «От Добрынюшки змеи смерть прйдёт»...¹⁹⁸

Для того чтобы освободить пленников, недостаточно быть мотивированным ценностью одной только личной чести: отомстить за отца можно и без спуска в «норы змеиные», тем более что никаких сокровищ там нет. Для успешного осуществления миссии

¹⁹⁵ Ibid. С. 5.

¹⁹⁶ Добрыня и змей («Да й спородила Добрыню родна матушка...») // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 14.

¹⁹⁷ Добрыня и змея // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 42–43.

¹⁹⁸ Купанье и бой Добрыни со Змеем: [Былина] № 370 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 370.

нужно, чтобы герой был ориентирован на ценность страдающего человека, на исполнение «работы богатырской» не из корысти и не из соображений мести, но во имя самого Бога, а также потому, что — на чисто эмоциональном уровне — этого требует «сердце богатырское неутерпчивое».

Неудавшаяся миссия мщения — сюжетная ситуация, когда герой вынужден поворотить коня, а затем, истомившись, попадает в змеиные «хоботы» совершенно безоружным и нагим — сопровождается рядом ярких и запоминающихся образов. Однако некоторые певцы опускают повествование о первом неудачном выезде Добрыни, и начинают песнь сразу с того момента, когда герой уже стремится освободить пленников и когда «вытаптывание змеенышей» превращается для него в попутную задачу: добраться до «нор змеиных» невозможно, не «протоптав» предварительно дорогу туда.

Аксиологическая категория восстановления личной чести (мести) настолько девальвирована в ценностном центре Добрыни, что впоследствии, вернувшись на свадьбу своей жены с Алешей Поповичем, он даже это вопиющее попрание собственной чести оставляет неотомщенным. В абсолютном большинстве былинных вариантов Добрыня ограничивается тем, что несколько раз «хлопает» Алешу гусями. Такая «расправа» с несостоявшимся женихом, обманувшим весь Киев вестью о смерти Добрыни, контрастирует с тем, как в подобных типовых обстоятельствах поступают эпические герои других народов. Кочующий сюжет «муж на свадьбе своей жены», как правило, включает сцену казни: Одиссей, как мы знаем, убивает всех женихов Пенелопы; узбекский Алпамыш сорок дней пытается Ултана, прежде чем казнить его вместе с помощниками; в итальянской средневековой поэме «Испания» («Spagna») Карл Великий расправляется с герцогом Маганцским и затем истребляет весь его род; герой английской поэмы «Король Горн» («King Horn») убивает жениха и всех присутствующих на свадебном пире, за исключением родителей невесты; казнит жениха даже протагонист чешской «Старой повести о Стоймуре и Брунцвике»¹⁹⁹, сложившейся, вопреки своему названию, достаточно поздно. Жестокость расправы — та «цена», которую обидчик должен заплатить за попытку обесчестить героя (т. е. лишить его жены как ценного имущества) — подчеркивает ценность личной чести; в русском же эпосе значение этого концепта приравнивается Добрыней к нескольким ударам «гусельками» по телу и голове Алеши Поповича.

¹⁹⁹ Stará pov st o Stojmírovi a Brunsvíkovi kní atech eských. — V Praze: Václav Hanka, 1827. S. 25–53.

О том, что Василий Буслаев — наследник могучего героя, мы узнаем потому, что его покойный отец оставляет единственному сыну завет отвезти на Святую землю «золотую казну» в качестве покаянного приношения за грехи старого Буслая («много было бито-граблено»). На отцовские деньги герой устраивает пир для всех желающих с целью отобрать достойных спутников. Однако собирается, по сути, банда разбойников, которых Василий использует для того, чтобы восстановить собственную честь, попорченную новгородцами: последние, как известно, не позвали героя на братчину. Наследуемая честь отца, который «с Новым-городом не спаривал»²⁰⁰, отвергается персонажем: он как раз увлечен местью Великому Новгороду. Убедившись в силе своей «дружинушки», протагонист отказывается от богатырского поприща и становится разбойником, об опасности чего предупреждала матушка:

То коли ты, дитя, на розбой пойдешь,
И не дам благословение великова,
А и не носи Василья сыра земля!²⁰¹

Подобно тому как Волх Всеславович отказывается от героического наследия, выбирая путь колдуна, Василий Буслаев отрекается от богатырства ради разбоя. Новгородский герой не вступает в права наследования богатырским оружием и конем: любимое оружие персонажа — разбойничий «червлёный вяз». Паломничество в Святую землю Василий трактует совершенно не так, как былинные «калики перехожие» (т. е. богатыри-богомольцы), которые принимают на себя строжайшие нравственные заповеди («Сорок калик со каликою»). Отметим, кроме того, следующий момент: Касьян и его спутники *идут* в Палестину (т. е. перемещаются по земле, движутся сухопутным путем), и это существенно затрудняет занятие грабежом по дороге, чем, однако, вполне может промышлять «дружинушка хоробрая», отправившаяся в путь к Святой земле на кораблях под предводительством Василия Буслаева. Касьян и другие калики путешествуют налегке и без оружия, их приношение имеет духовный характер, тогда как Василий, по сути, пытается откупиться от Бога и собственной совести, не утруждая себя духовной работой.

²⁰⁰ Василий Буслаев («Жил Буслав в Новегороде...») // Новгородские былины. — М. : Наука, 1978. — С. 26.

²⁰¹ Василей Буслаев молиться ездил («Под славным великим Новым-городом...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 92.

Былинный Михайло Данилович, казалось бы, принадлежит к традиционному для мировой эпической поэзии типу «наследник героя». Так, богатырь Данило Игнатьевич говорит о своем семилетнем сыне следующим характерным образом:

А-й да он ездит тепериче на моём кони,
А-й да играет моей палицей буёвую...²⁰²

Тем не менее юному герою не приходится восстанавливать честь своего отца, которого никто не убивает и не пытается убить. Старый Данило Игнатьевич всего лишь уходит в монастырь и, по-видимому, оставляет своему сыну и коня, и палицу, и «платьё богатырское», которое он снимает с себя перед тем, как облачиться в схиму. Однако выясняется, что унаследованное от отца богатырское имущество не отвечает той новой угрозе, с которой сталкиваются Киев и Русь в целом; более того, оно оказывается бесполезным. Четырнадцатилетнему Михайле для борьбы с новым врагом необходимо добыть особую «сбрую богатырскую», которая лежит под самым «камешком Латырем»²⁰³. Этим доспехом не могут завладеть другие богатыри — потому, что они не молятся Богу перед своими попытками сдвинуть «камешек». Юный герой, напротив, возносит молитву — и после этого без труда достает из-под камня Латыря свой будущий доспех.

Как можно видеть, для победы оказывается недостаточно отцовской имущественной чести; герою необходимо вступить в права особого «небесного наследства», и ключом к его получению становится молитва. Добавим, что русское эпическое сознание уверенно связывает камень Алаторь со Святой землей: в частности, матушка Василия Буслаева говорит:

Там ведь есь-то, скажут, камень Латырь есь,
Ишше Латырь-от камень-от святой-от всё;
Установил-то наш Исус Христос, небесной царь,
Шьчо на том-то камню веру православную...²⁰⁴

²⁰² Данило Игнатьевич и его сын Михайло: [Былина] № 343 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 196.

²⁰³ Данило Игнатьевич и его сын Михайло: [Былина] № 343 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 200.

²⁰⁴ Василий Богуславьевич («Ишше было в славном городе в Новгороде...») // Новгородские былины. — М. : Наука, 1978. — С. 119.

В русском эпическом сознании камень Алатырь объединяет, по-видимому, черты Гроба Господня (а именно того каменного Ложа, на котором покоилось Тело Иисуса Христа), Голгофы и, возможно, камня, расположенного, по народным представлениям, на могиле святого апостола Петра (ср.: «Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» [Мф. 16:18]). Итак, ценность наследуемой имущественной чести девальвируется и в рассматриваемой былине: слушатель понимает, что богатырю-сыну недостаточно унаследовать от своего отца оружие, доспех и коня, но необходимо также вступить в права «небесного наследства» (эта мысль подчеркивается тем, что на момент подвига, совершенного Михайло Даниловичем, его отец уже является монахом).

Дюк Степанович имеет (возможно, доставшийся ему по наследству) подчеркнуто дорогой и сложный, многослойный доспех:

Крепки доспехи на могучих плечах.

<...>

Что куяк и панцырь чиста серебра,

А кольчуга на нем красна золота;

А куяку и панцырю

Цена лежит три тысячи,

А кольчугу на нем красна золота

Цена сорок тысячей...²⁰⁵

Этот герой является наследником огромного состояния, превышающего все богатство былинного Киева, однако с радостью отказывается от богатства ради богатырства. И хотя вначале избалованного юношу удивляет бедность пира у князя Владимира, он готов служить новому господину, который беднее, чем он сам — ради того, чтобы разделить общую славу киевского богатырства.

Чурило Пленкович появляется в Киеве в сопровождении многочисленной вооруженной свиты, превышающей даже дружину Змея Тугарина, которого носят шестьдесят богатырей:

Есть молодцов за́ три ста́ и за́ пять со́т,

Жеребцы под ними латынския,

Кафтанцы на них камчатныя,

²⁰⁵ Дюк Степанович («Из-за моря, моря синева...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 20.

Однорядочки-то голуб скурлат,
А и колпачки — золоты плаши²⁰⁶.

Дружина Чурилы в цитируемом варианте состоит их двух отрядов по пятьсот молодцев и еще одного — «за тысячу молодцев». Увидев эту толпу в поле на подъезде к Киеву, князь Владимир приходит в ужас и принимает Чурилу за «короля из орды»²⁰⁷. Певец описывает богатый двор последнего, раскинувшийся «на семи верстах»:

Гридни белодубовыя,
Покрыты седых бобров,
Потолок черных соболей,
Матица-та валженная,
Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены,
Первыя у нево ворота вольящетыя,
Другия ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловянныя²⁰⁸.

Это описание дает представление о личной имущественной чести Чурилы, однако целое войско, которым располагает герой, никак в дальнейшем не используется и в сражениях не участвует, а сам гость оказывается не богатырем, но «бабским угодником»: единственным его подвигом станет соблазнение прекрасной жены Бермяты.

У Чурилы есть и чудесный конь, который участвует в состязании с конем Дюка Степановича. Однако мы никогда не видим Чурилу в доспехе и с оружием в руках: это тип выродившегося богатыря. Как и Змей Тугарин, Чурила любит пышные процессии, дорогую одежду, он не уступает Змеевичу в искусстве обольщать женщин, однако уже почти полностью лишен сколько-нибудь удивительной силы (за исключением таланта наездничества и силы любовной). В отношении к наследуемой чести Чурило представляется в известном смысле двойником и — одновременно — антиподом Дюка Степановича. Оба персонажа являются владельцами огромной наследуемой чести — и оба от нее отворачиваются (Дюк — ради общей чести киевского богатырства, а Чурила — из-за того, что не

²⁰⁶ Чурила Пленкович («Во стольном в городе во Киеве...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 87.

²⁰⁷ Ibid. С. 89.

²⁰⁸ Ibid. С. 88.

склонен увеличивать эту честь обычным для эпических героев способом, завоевывая добычу).

Итак, Чурила гордится своей наследуемой честью, но не собирается увеличивать ее «счет» подвигами и полученными трофеями. Когда же в Киеве появляется богатый и удалой соперник — Дюк Степанович — Чурила бросает ему вызов, стремясь остаться обладателем наибольшей наследуемой чести. Поражение в состязании с Дюком становится переломным моментом в судьбе героя: он посрамлен не только как наездник, но и как «щап», т. е. владелец дорогой и красивой одежды. Заметим, что Дюк не просто побеждает Чурилу, но уничтожает его в ценностном плане: этот юноша из «Индии богатой», презревший немислимое для русских богатство ради богатырства, всем своим поведением способствует девальвации личной имущественной чести как аксиологической категории и тем самым «обесценивает» Чурилу в глазах окружающих.

Таким образом, из семи героев русского эпоса, обладающих личной наследуемой честью, шестеро совершенно не ценят ее (этот концепт не влияет — и не может влиять — на мотивацию их поступков), а седьмой, сделав ставку на личную честь, проигрывает. Еще шестеро былинных героев лишены наследуемого богатырского имущества: Илья Муромец, Алеша Попович, Хотен Блудович, Михайло Казарин, Василий Пьяница и Садко.

Илья Муромец выхаживает «паршивого... жеребенка»²⁰⁹ — и тот становится его богатырским конем, а особенного оружия у «старого казака» нет вообще. Оружие и не должно ему пригодиться, ведь Илья выезжает из дома не на битву с врагами: он направляется в Киев к пасхальной службе. Герой не только не собирался воевать, но даже принимает на себя заповедь — «не кровавить сабельку» и не накладывать стрелу на лук. Все же стрела с луком у него при себе имеются, но, вероятно, самые простые (впоследствии мы услышим, что Илья заговаривает свою стрелу, однако никаких сведений об особенном происхождении этой стрелы певец не сообщает; очевидно, Илья заговаривает при необходимости любую стрелу). Никакого особенного доспеха или символически значимого элемента одежды (вроде шкуры немейского льва, алого пояса Давида Сасунского, алых шпор огузского героя Кара-Будага, золотой пряжки Кухулина) у Муромца также нет.

²⁰⁹ Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 52 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 320.

Русское эпическое сознание как будто намеренно избегает принятия героем в наследство от «старых богатырей» какого-то особенного (волшебного, божественного, прославленного) оружия. Нам известно из былины, что Илья Муромец пытается разрубить крышку гроба, в котором задыхается Святогор, используя для этого огромный меч побратима («Илья Муромец и Святогор»). Однако рассматриваемый случай — единственный, когда Илья берет в руки этот или какой-либо другой меч. Привычная последовательность боя в былинах такова: в единоборстве сначала используется копье, затем «палица буювая», после этого — «сабелька» и наконец, приходит пора для рукопашной схватки. В столкновении с многочисленными противниками «старый казак» давит их конем, колет копьем, нередко использует некий тяжелый предмет, найденный на месте, — дерево, тележную ось, или даже мертвое тело «жилистого татарина». В редких случаях богатырь прибегает к луку и стрелам (например, чтобы поразить Соловья, к которому трудно подойти вплотную из-за того, что он сидит на дереве); это оружие также может быть средством устрашения (в частности, станичников) или оповещения (как это имеет место в случае Самсона-богатыря). Итак, можно с уверенностью говорить о том, что Святогор передает Илье только свой дух, свою богатырскую силу — и ничего материального: чудесный меч (который, заметим, оказывается бесполезным в руках Муромца), по-видимому, оставляется русским героем у гроба Святогора.

Не обладает наследуемой честью и Алеша Попович (его «овечин конь»²¹⁰, возможно, имеет даже слишком смиренную внешность для богатырского скакуна). Наследуемую честь Хотена (Фатена) Блудовича высокомерная Часова вдова подвергает осмеянию. Матушке героя она указывает на его дурное наследство:

Да муж у тебя был блудищо,
Да и сын у тя будет чудищо.
По улице ходит слепой курицей,
По подстолью слепа куриця валяется,
Когда жёрнышко найдёт, тогда сыт живёт,
Когда жёрнышко не найдёт, тогда голодом живёт!²¹¹

²¹⁰ См., в частности: Змей Тугарин и княгиня Омельфа // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М.: Наука, 1974. — С. 187.

²¹¹ Хотен Блудович: [Былина] № 187 // Былины: В 25 т. Т. 2. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 87.

Лишен наследуемого имущества (именно лишен: собственными родителями, невзлюбившими своего сына) Михайло Казарин. С Василием Пьяницей эпический певец знакомит своего слушателя в тот момент, когда у героя нет не то что доспеха, но даже какой-либо верхней одежды: он пропил все свое достояние, включая «сбрую богатырскую» и коня. Нам ничего не известно об имуществе, унаследованном от героических предков Дунаем Ивановичем, Михайло Потыком, Михайло Долгополым, Екимом Ивановичем, Ермаком Тимофеевичем, Потанюшкой Хроменьким, Микитой Прешироком, дядюшкой Панутой, Лукой и Петром из Крякова, братьями Петровичами-Збродовичами, Иваном Гоудиновичем.

Если отношение к наследуемой чести у русского эпического певца сдержанное, но к чести добываемой — резко отрицательное. Общим правилом былинного героя — и его особенностью в сравнении с удальцами, представленными в подавляющем большинстве мировых, — является нежелание относить совершенный подвиг на счет личной чести. Русские богатыри, за редким исключением, отказываются присваивать добычу.

Жажда трофеев (золота, коня, красавицы, скота и т. д.) — одна из главных, наряду со стяжанием бессмертной славы, мотиваций общеэпического героя; ценности былинного богатыря, по контрасту с таким персонажем, представляются принципиально иными и предполагают совершенно другой — гораздо более высокий — уровень мышления.

Ни в одном из вариантов былины — за исключением чрезвычайно немногочисленных поздних версий — об освобождении Чернигова (Быкетовца, Себежа, Кинешмы, Сибирского царства) от «темной силушки» Илья Муромец не приемлет награды от жителей: ни воеводской должности, ни денег. Когда богатырь оставляет в живых напавших на него разбойников, те предлагают ему принять в знак благодарности «золоту казну», «цветно платье» и «добрых коней», на что «стар матер человек» отвечает:

Кабы мне брать вашу золоту казну,
За мной бы рыли ямы глубокие;
Кабы мне брать ваше платье цветное,
За мной бы были горы высокие;
Кабы мне брать ваших добрых коней,
За мной бы гоняли табуны великие²¹².

²¹² Илья Муромец [Былина] № II/3 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 18.

Образ богатыря, за которым ведут табуны и караваны, груженные добычей, вполне привычен для эпического сознания других народов и символизирует торжество героя. Так, Сигурд «Старшей Эдды» нагружает своего коня Грани золотом, отнятым у дракона Фафнира, а о бурятском Гэсэре поется, что он, убив чудовище и завладев его сокровищами, не только навьючивает на своего коня «три тысячи пудов серебра», но также три тысячи пудов мяса умерщвленного монстра²¹³. После победы над Гал Дулмэ герой и его батыры получают столько добычи, что их караван растягивается на много верст²¹⁴.

Испанский Сид Руй Диас захватывает города «мирных мавров» и угоняет их жителей на продажу в рабство, а также присваивает скот, принадлежавший врагу:

Всех мавританок и мавров ловит,
Ловит их скот, что вокруг пасется.
<...>
С Минаей округу грабят жестоко,
Вплоть до Алкалы его знамя проносят,
Скачут обратно с поживой несчетной
<...>
Вверх по Энаресу с криками гонят
Коров и баранов стадо большое,
Везут одежду и утварь с собою.
Знамя Минайи вьется высоко²¹⁵.

Соединение в одном поэтическом образе угнанных баранов и высоко вьющегося знамени для русского эпического певца немислимо, это — «не честь хвала богатырская». Но для героя, мотивированного ценностью личной имущественной чести, такое совмещение вполне оправданно и даже необходимо: мир должен видеть, что именно Сиду принадлежит столь богатая добыча.

Русские же герои продолжают упорствовать, отвергая трофеи и плату за свои подвиги, равно как и попытки иноземных царей перекупить их, привлечь на свою сторону:

Возговорил тут Кумбал-царь:
«Ой ты гой еси, добрый молодец,

²¹³ Бурятский героический эпос. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. — С. 191.

²¹⁴ Ibid. 135.

²¹⁵ Песнь о Сиде // Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. — М. : Худож. лит-ра, 1976. — С. 272.

Суровен богат сам Суздалец!
Будь ты мне названный брат,
Вот тебе палаты золотой казны,
И отдам тебе коней заповеданных».
Возговорит добрый молодец,
Суровен богат сам Суздалец:
«Ой ты гой еси, Кумбал-царь!
Видя смерть, отговариваешься...»²¹⁶

Когда в былине Т. Г. Рябинина Калин-царь пытается привлечь Илью Муромца на свою сторону, он действует, так сказать, по общеэпическим правилам, предлагая русскому богатырю именно то, что должен предложить щедрый властитель: почетное место за столом, еду и питье, «платье цветное», «золоту казну»:

Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
Ешь-ко ествушку мою сахárную,
Да и пей-ко мои питица медвянии,
И одежь-ко ты мою одежу драгоценную,
И держи-тко мóю золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину»²¹⁷.

Иноземный царь не может понять, что перед ним — герой иного типа, незаинтересованный в прибавлении личной чести. Даже освободив Русь от нашествия Калина, Илья не принимает «подароцьки» от князя Владимира, отказывается от боярства:

Обнимаёт князь Владимир-от за шею за белú его,
Прижимает он к своёму к ретивú серьцю:
«А ведь цим теперь-то я тебя дарить буду,
А дарить-то всё тебя я буду, цим ударивать?
Наградить надоть наградушкой тебя великою».

²¹⁶ Суровец Суздалец // [Былина] I/1 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 3. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 110.

²¹⁷ Илья Муромец и Калин-царь // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 30.

Говорит-то ведь старой казак Илья Муромец:
«Мне ненадобно твои-ти, князь, подароцьки;
<...>
Говорил-то князь Владимир таковы речи:
«Я могу сделать тебя князем, боярином». —
«Мне ненадобно на сём свети слава сосыветная;
Я не буду жить да на двори у тя,
Я не буду слушать-то бояр всё кособроухиих;
Лучше буду я ездить по цисту полю»²¹⁸.

Алеша и Еким Иванович, победив Змея Тугарина, отнюдь не присваивают себе его богатства как законную добычу, но передают их князю Владимиру:

Шьчо ко ласковому князю ко Владимиру,
Навезыли они от змея злата, сёребра²¹⁹.

Илья и Добрыня отказываются не только от золота и серебра, но также от «орденов и медалей»: «Мы, — григ, — и без их можем жить»²²⁰. Редкий случай, когда герой соглашается взять плату за свои труды, находим в былине об Илье и Идолище. Богатырь принимает от царя Костянтина Боголюбовича «...чашу красна золота, / А другую чашу скатна жемчугу, / А третью чашу чиста серебра»:

Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
— Это ведь мое-то заработное²²¹.

Современному человеку нелегко понять, какое именно «заработное» имеется в виду: Илья принимает отнюдь не награду за освобождение «Царя-града» от Идолища, но ту самую милостыню, которую он просил прежде у царя Костянтина, будучи в образе калики перехожего:

²¹⁸ Илья Муромец и Калин: [Былина] № 2 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 47.

²¹⁹ Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина: [Былина] № 47 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 203.

²²⁰ Про тура золота рога: [Илья Муромец и Скурлат-царь]: [Былина] № 20 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 99.

²²¹ Илья Муромец и Идолище («Как сильноё могучо-то Иванищо...») // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 160.

Заходит Ильюшенька во Царь-от град,
Закрычал Илья тут во всю голову:
— Ах ты царь да Костянтин Боголюбович!
А дай-ка мне калики перехожи
Злато мне, милостину спасёную²²².

Итак, речь идет о «зарабочем» нишего; Илья, попросив милостыню, обязан теперь принять некоторое количества царского золота (оно помещается богатырю «в карман»), тем самым давая возможность Костянтину Боголюбовичу выполнить долг милосердия. Следует подчеркнуть, что Илья осмелился просить милостыню, когда еще был жив Идолище, запретивший просить подавание «ради Христа» и повелевший отныне просить его «ради Идола» (о том, что одно только Имя Христово способно прокормить нищую братию, аудитория старинщика знала, в частности, из духовных стихов²²³). Герою, по-видимому, принципиально важно нарушить приказ Идолища и довести свою «работу» нишего до конца.

Когда Илья освобождает Царьград от Идолища, царь Костянтин Боголюбович пытается воздать богатырю честь именно так, как это принято в обобщенной эпической традиции:

Ах ты старьи казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя я воеводою²²⁴.

Илья благодарит царя за «слово уветливое» и признает, что за тридцать лет ничего не получил от князя Владимира в качестве платы за «работу богатырскую». Однако предложение Костянтина Боголюбовича он принять не может: Бог дал Илье «талан-участь» быть богатырем, а не воеводой: «Не дай Господи делать с барина холопа, / с барина холопа, с холопа дворянина, / дворянина с холопа, из попа палача, /а также из богатыря воеводу»²²⁵, — говорит он.

²²² Ibid. С. 156.

²²³ См., например : Стихи нищей братии // [Ефименко П. С.] Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. — М. : Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. — С. 38.

²²⁴ Илья Муромец и Идолище («Как сильноё могучо-то Иванишо...») // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 159.

²²⁵ Цит. по: Венедиктов Г. Л. Идеино-художественные принципы былин // Русский фольклор : историческая жизнь народной поэзии. Т. 16. — Л. : Наука, 1976. — С. 88.

Иван Гостиный сын, выиграв спор с князем Владимиром, отказывается от золота, принимая от последнего лишь три шубы, из которых две — для своих верных соратников:

«Ох ты князь да ведь Владимир!
Ты дай мне шубы соболиные,
А не надо мне три погреба золотой казны, —
Мне одеть гостей да храбрых всё —
Потаньку Малохромина,
Потаньку Малохромина да Микиту Гостина сына.
Отвори по всей твоей области дома питейные, чтобы старой и малой пили своей рукой и женской пол кому надобно и знали бы все, что был у нас велик заклад»²²⁶.

Добрыню Никитича личная имущественная честь также не интересует: Змея, пытаясь откупиться от богатыря, предлагает ему золото, коня и прекрасную девушку²²⁷. Однако три главных ценности общеэпического героя, живущего добычей и приращением личной чести — золото, конь и красавица — не производят впечатления на богатыря, сердце которого охвачено любовью-жалостью к страдающим пленникам Змеи.

Отрицательный пример добываемой личной чести — «выслуга богатырская»: награда, полученная Дунаем Ивановичем в Литве. Заслужив «чернобархатный шатер» со всей обстановкой, герой утрачивает обычную богатырскую свободу: теперь он должен охранять свое имущество не потому, что оно для него как-то особенно дорого, но потому, что любой ущерб такому имуществу будет означать ущерб его личной чести. Дунаю приходится теперь нарушать правила былинного мира: беречь не только общую «честь-хвалу богатырскую», но и личную имущественную честь. Поэтому богатырь оставляет надпись с угрозами, что любой вред шатру и его содержимому он будет воспринимать как персональное оскорбление и мстить за него. Такая надпись возмущает проезжающего мимо Добрыню Никитича — ради сохранения общей чести русского богатырства он не имеет права повести себя так, будто согласен с этими иноземными правилами. В результате Илье едва удастся разнять бьющихся у шатра богатырей, и Дунай

²²⁶ Иван Гостиный сын: [Былина] № 270 // Онежские былины. — М.: Гос. лит. музей, 1948. — С. 865–866.

²²⁷ См., в частности: Добрыня и Змея: [Былина] № 59 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 250.

попадает в «погребя глубокие» по решению князя Владимира («Бой Добрыни с Дунаем»).

Впрочем, не только в этой ситуации Дунай Иванович поступает как усредненный общеэпический герой; этот «ветхий человек», добывающийся личной чести и славы, подвержен различным страстям (блуду, пьянству и гневу). Так, он неспособен удержаться от соблазна и овладевает спящей в шатре богатыркой («Завидел он: спит паленица, разметалася, / Не мог утерпеть тогда доброй молодец...»²²⁸), и в том же печорском варианте опозоренная девушка предрекает ему наказание: «...примешь суд от царя и от Бога»²²⁹. Этот богатырь «во хмелю-то... несуразен»²³⁰: напившись на собственной свадьбе, он оскорбляет невесту; он не умеет сдерживать гнев — и на той же свадьбе он убивает беременную Настасью, после чего кончает с собой. Причина его гнева — ущерб личной чести, который наносит невеста, вызывая жениха на соревнование в стрельбе и побеждая его. В варианте, пропетом Д. К. Дуркиным в 1901 году, состязания нет, но есть угроза, которая в ценностном плане эквивалентна вызову:

Кабы я была в доме батюшка родителя,
Я бы съездила по твоей шее белой саблей вострою²³¹.

Невеста-богатырка считает себя сильнее, а значит, достойнее жениха; следовательно, в ее понимании их брак не является законным (в языческом смысле, как закрепление равной «стоимости» мужчины и женщины). Добавим, что победа героини в состязании — ситуация, изображенная в других вариантах былины, — лишь подтверждает неравноценность брачного союза между паленицей и Дунаем (жена не может быть сильнее мужа).

Чувства красавицы в данном случае сходны с теми, которые могла испытывать Брюнхильда, когда узнала, что ее муж Гунтер не является тем героем, который сумел ее победить («Песнь о Нибелунгах»). Если дева-валькирия оказывается обманутой Зигфридом, принявшим обличье Гунтера, то королевна из русской былины вынуждена стать женой Дуная, будучи обесчещенной им: если бы герой не овладел ею в шатре, она никогда не вышла бы за

²²⁸ Дунай Иванович: [Былина] № 45 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 190.

²²⁹ Ibid. С. 190.

²³⁰ Ibid. С. 191.

²³¹ Ibid. С. 192.

богатыря. Брак с королевной помогает Дунаю увеличить личный «счет» чести, однако он же становится проклятием для героя — тем наказанием «от царя и Бога», о котором предупреждает его в шатре обесчещенная девушка. Убийство невесты (и матери нерожденных детей) Дуная — суть месть, вызванная языческим страхом того, что неотомщенное бесчестие может перерасти в бесславие (позор).

Итак, Дунай мотивирован ценностью личной чести, и в русском эпосе он является олицетворением «ветхой», языческой системы ценностей; катастрофа, которой заканчивается жизнь богатыря, призвана девальвировать эти ценности в сознании слушателей.

В русских былинах есть еще один эпизод, который мог бы свидетельствовать о наличии концепта личной имущественной чести в ценностном центре богатырей. Это — дележ трофеев на камне: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Михайло Потык съезжаются после исполнения каждым из них «работы богатырской» в дальних странах и по уговору должны поделить все, что они добыли сверх «получек» и даней, которые побратимы везут киевскому князю («Михайло Потык»). Однако и в этом случае дележ планируется не сообразно личному вкладу каждого героя, как это принято по общеэпическим законам, но — на три равные доли. Персонажи не намерены меряться «очками» личной чести, как это делают Беовульф и Унферт, или «выставлять счет» за свои подвиги, как оскорбленный Гийом Оранжский, который, не получив от короля награды, начинает подробно перечислять ему свои заслуги («Нимская телега»).

Былинному певцу эта сцена дележа добычи нужна не для того, чтобы показать нам привычки и нравы богатырей, но для создания конфликта: единственной добычей Потыка является прекрасная Лебедь Белая, и по договору он должен разрубить ее на три части, к чему его и призывает мудрый Илья Муромец.

Михайло Потык отказывается выполнить договор, и слушатель понимает, что в ценностном центре героя личная имущественная честь (красавица) занимает более высокую позицию, чем общая «честь-хвала богатырская». К концу быliny слушатель увидит трагические последствия сделанного Потыком выбора: красавица Лебедь Белая оплатит супругу изменой и попытается убить его.

Впрочем, необходимо признать, что личная честь является значимым, но не доминирующим концептом в ценностном центре этого богатыря: гораздо более высокую позицию занимает здесь аксиологическая категория эротической любви. Между тем в былинном мире есть два героя, которые ценят личную честь чрез-

вычайно высоко. Обоих мотивирует личное бесчестие, оба добиваются восстановления своей чести — и оба не относятся к кругу киевских богатырей.

В песне о Василии Буслаеве позиционируется (и впоследствии девальвируется) языческий концепт личной чести.

В самом начале своего богатырского пути герой сталкивается с тем, что подвергается бесчестью: либо его пытаются изгнать из Новгорода за жестокие «шуточки» с боярскими детьми, либо — забывают пригласить на братчину. Восстановление личной чести (месть) становится главной задачей протагониста; ради ее достижения он готов использовать всю свою богатырскую силу и забыть о миссии служения.

Былина начинается с набора «дружинушки хороброй», которую Василий собирает по общеэпическому принципу «сила в обмен на честь»:

Кто хочет сладко есть да красно носить,
Тот поди на двор к Василью ко Буслаеву.²³²

Перед нами — классическое понимание чести как воздаяния, оказываемого воину предводителем дружины или правителем в обмен на службу. Впоследствии Буслаев бросается на выручку своим бойцам — потому что дружинники уже мыслятся им как часть его собственности: урон, наносимый «дружинушке», есть урон личной имущественной чести новгородца. Соответственно, Василий бросается на их защиту не столько из жалости, сколько для того, чтобы избежать личного бесчестья (а затем — в случае поражения от новгородцев — и личного же бесславия).

Итак, вместо того чтобы выполнить завет отца и отправиться на покаяние в Святую землю, герой мстит новгородцам за унижение — и побеждает. Его личная честь восстановлена и увеличена победой над целым городом; она достигает столь высокого уровня, что уже перерастает в славу-молву. Однако, в отличие от коллективной славы-молвы киевских богатырей, это слава — особая, недобрая; она вызвана не подвигами сострадания, но небывалыми бесчинствами протагониста, включая убийство им собственного крестного отца. Эту славу распространяют гордые высказывания самого героя, повсюду повторяющего, что он «не верит ни в сон,

²³² Василий Буслаевич: [Былина] № 58 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 358.

ни в чох», но полагается только на свой «червлёный вяз». Вязовая дубина превращается здесь в подобие прославленного именного оружия, фигурирующего в эпической поэзии других народов — потому, что связана исключительно с «именной» славой героя, а не с коллективной «выхвальбой» всего русского богатырства.

Василий отправляется, наконец, в Святую землю, однако его дух, преисполнившись мстью, своеволием и превозношением, не желает смириться перед тем, что действительно достойно чести и поклонения. Почитание святыни предполагает, что герой ценит ее выше собственной жизни (и личной чести как выражения мирской «цены» самого себя как человека). Однако Василий не готов ценить что-либо в мире выше собственной чести; следовательно, без подлинного смирения его покаяние может быть только показным. Он оставляет монастырям огромные пожертвования за себя и за своего покойного отца и отправляется в обратный путь — таким же нераскаянным гордецом, ревниво блюдушим личную честь и личную славу.

Подлинное покаяние в русских былинах предполагает отказ от гордости и своеволия, подчинение Божьим и человеческим законам, смирение сердца и сострадание, жалость, уважение к тому, что почитается в народе «честным» (святые места, святыни и т. д.). Буслаев же демонстративно купается в Иордане «нагим телом», нарушая тем самым благочестивый обычай и отказывается с почтением отнестись к останкам воина, погибшего за Христа и за веру в борьбе с иноплемениками.

И после паломничества в Святую землю Василий продолжает кощунствовать, превозноситься, своевольничать — покаяния не произошло и герой погибает. В одном из вариантов уточняется мотивация протагониста, решившего прыгать через роковой камень:

Еще кто этот камень ведь перескочит,
Так ведь богато будет жить²³³.

Итак, чудесная богатырская сила, данная для подвигов сострадания, оказывается растроченной героем ради получения личной имущественной чести, а затем — ради стяжания славы. Своеволие Василия (т. е. направленность его воли на личные интересы,

²³³ Василий Буслаевич: [Былина] № 284 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 418.

в частности, на похвальбу и месть) иллюстрирует эпизод, в центре которого — образ матери, цепляющейся за ногу своего сына, чтобы удержать его от «драки-кровопролития»:

Захватила ся ему да за праву ногу —
Волочилась бы она да по чисту полю²³⁴.

Просьбы матери (и вообще мать) мало значат для своевольно-го героя; здесь мы имеем не просто преслушание (как, например, в случае Добрыни, который нарушает материнскую заповедь не купаться в реке, однако впоследствии оказывает родительнице особое уважение), но подчеркнутое пренебрежение, свидетельствующее о девальвации ценности материнства и «честного вдовства»:

Да што за трепича за ногой волочитче,
Да што за онуча привязаласе?²³⁵

В этом эпизоде по своей сути языческий концепт личной чести противопоставлен русскому эпическому концепту чести как свойства, присущего не самому богатырю, но объекту защиты («честные иконы», «честные вдовы», «честные столы» и проч.). Аудитория эпического певца с замиранием сердца слышит о том, что ради восстановления личной чести охваченный гневом персонаж готов отказаться от почитания собственной матери; нет необходимости говорить, что эта сюжетная деталь способствует девальвации концепта личной чести в сознании слушателей.

Другой новгородский герой — Садко — столь же болезненно стремится восстановить личную честь после унижения: его перестали звать на «честные пиры». История этого «древнерусского Фауста» — талантливого гусяря, вступившего в сделку с Морским царем из честолюбия и тщеславия, — складывается из двух былин (про Садко-спорщика и про Садко — «богатого гостя»), связанных единым смыслом. Жажда мести новгородцам, подвергшим гусяря бесчестию, толкает его на сговор с Морским царем с единственной целью: доказать обидчикам, что он, Садко, не является простым человеком, которым можно пренебречь. Победа в первом споре с новгородскими купцами и богатство, полученное

²³⁴ Василий Буслаев и Новгородцы: [Былина] № 237 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 207.

²³⁵ Василий Буслаев и Новгородцы: [Былина] № 238 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 212.

без трудов и усилий, восстанавливает и увеличивает личную имущественную честь героя. Охваченный гордостью (превозношением), Садко отваживается на второй спор, в котором бросает вызов целому городу.

Далее сюжет строится вариативно; в каждом из двух вариантов тема преступления и грядущего наказания развивается по-своему. В первом варианте мы узнаем, что Морской царь помогает Садко выиграть и следующий спор. Герой, утолив жажду гордости победой над целым городом, становится невероятно богат и отправляется «осваивать» новые земли: превозношение требует постоянного приращения чести. Согласно другому варианту, Морской царь обманывает героя и тому удастся избежать гибели только с помощью святого Николы — однако Садко, выиграв спор при содействии Святителя, забывает про данный ему обет. В обоих случаях страсть превозношения полностью завладевает душой героя. Как следствие, гусяр становится рабом Морского царя (а по сути, дьявола): слушатель узнает об этом, и ценность личной имущественной чести в его сознании девальвируется.

Чтобы освободиться из-под власти Морского царя, Садко необходимо избавиться от своей главной страсти: превозношения. Гусяру приходится смирить гордыню и выбрать из сотен прекрасных дочерей подводного владыки самую некрасивую, нечистую, тогда как последний стремится ввести новгородца в соблазн и устраивает для него фантастическую процессию самых красивых девушек, надеясь на то, что гордость в душе героя подтолкнет его к соответствующему выбору. Но Садко выбирает именно Чернавку (в некоторых вариантах она названа даже «шелудивкой»). Для общеэпического протагониста это означало бы низведение своей собственной ценности к ценности некрасивого, презренного существа. Таким образом, приравнивая себя к той, кто названа «чернавкой» или «шелудивкой», герой очевидным образом смиряет гордыню, которая прежде требовала превосходства и вынуждала его выбрать самую прекрасную из обительниц Подводного царства.

Итак, протагонист вынужден — в общеэпическом понимании — пережить бесчестие. Однако смиренный выбор помогает Садко преодолеть греховную страсть и преобразиться.

В русском былинном эпосе страсть к прибавлению личной чести недвусмысленно осуждается в образе Волха Всеславовича, каждый шаг которого подчинен достижению именно этой задачи. Сначала герой добивается «многой мудрости», вступая в наследство своего отца — змея, а затем последовательно увеличивает «стоимость» собственной личности, подчиняя себе мятежные

«городки», расширяя и питая собственную дружину, а затем захватывая чужое царство и чужую жену-красавицу.

Как предводитель дружины Волх действует в полном соответствии с общеэпическим канонам, который предполагает, что властитель или военачальник должен одаривать своих ратников, рассчитывая на последующую отработку ими «долга чести». Р. О. Якобсон справедливо указывает на то, что в былине о Волхе позиционируется норма щедрого отношения суверена к своему окружению, которому он предоставляет богатую и разнообразную провизию²³⁶; исследователь полагает даже, что в прославлении подобной щедрости заключается смысл всей песни (для общеэпического сознания такое действительно вполне возможно — см., например, «Хвалу щедрым дарам» в составе «Ригведы» или англосаксонскую поэму «Видсид»).

Былину про Волха некоторые исследователи считали одной из древнейших именно потому, что усматривали в ней дохристианский идеал героя. Так, В. П. Аникин полагал, что эта песня «говорит о завоевании чужих земель и захвате чужих богатств в эпоху, когда такие действия признавались нормой в каждом варварском обществе»²³⁷. В образе Волха, по мнению ученого, воплотился «предел возможного», «идеальный тип воинской этики» — потому что «...его воины сыты, одеты, наделены воинской удачей, богатством»²³⁸. Действительно, общеэпический идеал предводителя именно таков. Однако сказанное не исключает возможности того, что образ Волха выстраивался русским эпическим певцом не для его прославления, но для последующего «сокрушения».

Вполне очевидно, что этос русских крестьян — а также других носителей живой былинной традиции — во второй половине XIX века не мог совпадать с варварской моралью языческого певца. Неслучайно, как отмечал В. Я. Пропп, сказители исполняли былин о Волхе редко и как бы неохотно, не до конца, избегая петь о завоевательном походе героя и о его жестокости, которая самими певцами и слушателями воспринималась как отрицательное качество²³⁹.

²³⁶ Jacobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // *Memoirs of the American Folklore Society*. Vol. 42. Russian Epic Studies. — Philadelphia : American Folklore Society, 1949. — P. 35.

²³⁷ Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и её значение для исторического исследования былин. — М. : Изд-во Московского университета, 1980. — С. 234.

²³⁸ Ibid. С. 236.

²³⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1958. — С. 75–76.

Приказ Волха об истреблении всех жителей захваченного царства (за исключением «душечек красных девиц»²⁴⁰) является беспрецедентным для русского эпоса. Другие богатыри не совершают подобных злодеяний, хотя сопоставимые приказы весьма часто отдают «положительные» герои и властители в эпосах других народов мира. Таким образом, поведение Волха соответствует героическому канону дохристианского и внехристианского эпоса; этот былинный персонаж действует подобно башкирскому Идукаю, который, захватив дворец Туктамышя, оставляет в живых его дочерей Ыньекай и Киньякай:

Лишив отца их головы,
Матери разодравши рот;
На красном месте во дворце
Я постель себе постелю²⁴¹.

В образе Волха идея личной чести достигает апофеоза, и русское эпическое сознание вычеркивает этого героя из списка киевских богатырей — он превращается в иноземного властителя, одного из многих опасных соседей князя Владимира.

Добываемая личная честь: «чествование» тела — вино

Слагаемыми личной чести героя в эпической поэзии разных народов может быть наследуемое или добываемой ценное имущество (конь, удивительное оружие, доспех, труднодоступная красавица — законная жена благородного происхождения или же пленница, наложница — побежденные и перешедшие на службу к новому господину богатыри, дружина, шатры, стада и табуны, земельные угодья и любая другая добыча «эпического» масштаба), а также материально-знаковые блага: почетное место за пиршественным столом, бунчук или стяг, шуба с плеча властителя и др. Объем настоящего исследования не позволяет подробно рассмотреть вопрос о том, насколько высоко ценится в русских былинах — сравнительно с эпосами других народов — каждый из этих

²⁴⁰ Волх (В)сеславьевич («По саду, саду, по зеленому...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 36.

²⁴¹ Идукай и Мурадым // Башкирское народное творчество : исторический эпос. — Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1987. — С. 115.

«элементов» личной чести. Поэтому ниже мы помещаем результаты аксиологического анализа эпических памятников лишь в отношении нескольких таких слагаемых. Речь пойдет о ценности яств и питья, которыми чествуют героя, женских ласк (другая форма «чествования» эпического протагониста), а также о ценности красавицы как добычи, трофея. Здесь необходимо подчеркнуть следующее: именно насильственное добывание будущей жены или наложницы увеличивает — как и стяжание любой ценной добычи — «рейтинг» личной чести героя, тогда как обладание знаменитой красавицей, ранее принадлежавшей другому и отдавшейся герою по своей собственной воле, способствует лишь распространению молвы о таком герое (т. е. личной славы).

***Ценность вина и ценность его отвержения
в общеэпической традиции***

Неумеренность на пиру, чрезвычайное количество выпитого и съеденного не препятствуют славе героев в эпическом творчестве многих народов, но, скорее, символизируют их исключительный психологический масштаб и великую физическую силу. В шумерской эпической песне «Гильгамеш и небесный бык» протагонист перед боем обращается к своему музыканту со следующим повелением:

...подай мне пива! Наполни мою бронзовый кувшин еще раз!²⁴²

Агамемнон в «Илиаде» Гомера признается, что наиболее чтит Идоменея по причине его страсти к вину:

Ибо, где прочие длинноволосые мужи-ахейцы
Мерою пьют, никогда ты пустым, как и я, не оставишь
Кубка, — сейчас же наполнишь и пьешь, если дух твой
прикажет²⁴³.

Вино у Гомера вообще связано с честью, оказываемой герою; Агамемнон называет этот напиток «почетным» и «искрометным»²⁴⁴.

²⁴² Gilgame and the Bull of Heaven. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.8.1.2#> (A Version from Me-Turan: D/5; перевод с английского наш. — А. М.)

²⁴³ Гомер. Илиада. — М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 89.

²⁴⁴ Ibid. С. 89.

В «Беовульфе» обильно пируют гауты и даны, а Хродгар призывает протагониста «усладиться винопитием»²⁴⁵, как и положено отважному воину. Современные исследования показывают²⁴⁶, что в этой песни в полной мере сохранилась дохристианская ценность умеренного «героического» винопития (и последующей похвалы героя) — в отличие, например, от англосаксонской поэмы «Даниил», где пьянство и похвальба-превозношение однозначно осуждаются с христианских позиций.

Ирландский эпос не знает концепта хмеля, наносящего ущерб славе героя: после битвы Кухулин и Фердиад для восстановления сил обильно вкушают «вкусного, укрепляющего хмельного напитка, что доставляли Фердиаду мужи Ирландии»²⁴⁷. В «Старшей Эдде» («Речи Высокого») содержится совет «пей на пиру, но меру блюди»²⁴⁸, однако такая умеренность объясняется не опасением бесславия, но требованиями осторожности: пьяный часто становился жертвой, причем не только врагов, но и собственных вождей и соратников. Так, Снорри Стурлусон в «Круге земном» повествует о том, как Ингьяльд конунг созвал других конунгов в Упсалу на тризну по своему отцу, а затем, «когда вечером люди опьянели», велел поджечь палаты, в которых спали гости: «сгорели шесть конунгов и все их люди»²⁴⁹. В том же «Круге земном» описан другой случай, когда конунг, не желая пережить бесчестье от неминуемого поражения в предстоящей битве, напоил собственных воинов допьяна, а затем поджег палаты: «сгорели и палаты, и весь народ, что был в них»²⁵⁰. Как можно видеть, в последнем случае винопитие становится способом избежать бесславия.

Насколько можно судить по памятникам эпической поэзии, южные и восточные соседи Киевской Руси — а позже Московского царства и Российской империи — также считали большое количество выпитого свидетельством героического характера. В тюркском эпосе вино есть безусловная ценность, а способность потреблять его в огромных количествах является «маркером» богатства.

²⁴⁵ Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 113.

²⁴⁶ Яценко М. В. Древнеанглийская поэма «Даниил» в контексте Кодекса Юниуса // Вестник КГУ. 2016. № 6. — С. 48.

²⁴⁷ Ирландские саги. — Л. — М. : Academia, 1933. — С. 153.

²⁴⁸ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 191.

²⁴⁹ Стурлусон Снорри. Круг земной. — М. : Наука, 1980. — С. 31.

²⁵⁰ Ibid. С. 33.

В частности, протагонист «Кероглу» пьет вино каждый раз перед выездом на подвиг:

Рассказывают, что каждая чаша Кероглу вмещала ровно полбурдюка вина. Выпив одну, Кероглу сказал Дели-Мехтеру:

— А ну-ка, оседлай Гырата!²⁵¹

Позже эта ситуация повторяется:

Эйваз принес вино. Кероглу осушил семь чаш подряд, затем позвал Дели-Мехтера и приказал:

— Седлать коня!²⁵²

Как поет ашуг Джунун, в эпическом Ченлибеле, горной столице разбойников Кероглу, отважных удальцов-игидов, «льется вино наподобье Куры»²⁵³.

В армянском эпосе обильные возлияния не являются грехом и не угрожают герою бесславием, вино лишь делает последнего уязвимым для врагов (так, Исмил-хатун опаивает Мгера Старшего и затем семь лет держит в заключении). Герои нартского эпоса пьют очень много, это — почти неперенный атрибут богатырства. Так, персонаж карачаевской и балкарской нартиады Рачыкау несколько раз подряд осушает огромный кувшин с бузой, который можно поднять только совместными усилиями девяти мужчин.

Не будет преувеличением сказать, что эпическое сознание многих восточных народов связывает винопитие не с риском бесславия, но исключительно с угрозой гибели. Например, мстительная старуха при помощи красавиц опаивает вином узбекского Алпамыша и его спутников, после чего героя сбрасывают в подземелье. В бурятском эпосе «Гэсэр» нойон Хара Сотон подсказывает трем шараблинским ханам напасть на батыров Гэсэра, когда те спят, будучи опьяненными.

Объем выпиваемого свидетельствует о богатырстве и способствует распространению славы — например, герой калмыцкого эпоса Хонгор «семьдесят раз подряд опорожняет кубок с хмельным напитком»²⁵⁴, и это должно говорить слушателю о его силе.

²⁵¹ Кероглу. — Баку : Изд-во АН АзССР, 1959. — С. 103.

²⁵² Ibid. С. 158.

²⁵³ Ibid. С. 94.

²⁵⁴ Джангар : калмыцкий народный эпос. — Элиста : Калмиздат, 1971. — С. 371.

Впрочем, вино способствует хвастовству и вызывает ссоры между соратникам. Тот же Хонгор во хмелю хвастается и бесславит воинов из своего окружения: он вспоминает (и эти воспоминания вполне обоснованны), что все остальные богатыри Джангара были в свое время пленены им и покорились ему:

Хонгор хмельной, опьяненный арзой-аракой,
Буйные речи повел²⁵⁵.

Однако в рассматриваемом случае вино не оборачивается бесславием для пьющего, скорее, наоборот; заметим также, что эпизод свидетельствует об отсутствии концепта коллективной славы батыров Джангара: у каждого из них — слава личная.

Примечательно, что в словесности ряда православных (после 1054 года) стран винопитие не мыслится в качестве ценности или же считается явлением отрицательным. Такое отношение характерно, в частности, для византийской традиции, как фольклорной, так и ученой, книжной (например, вино не играет сколько-нибудь принципиальной роли в византийской эпической поэме «Дигенис Акрит», а Лев Диакон в своей «Истории» подчеркивает, что единственный недостаток императора Иоанна «состоял в том, что он сверх меры напивался на пирах»²⁵⁶). В системе ценностей сербского эпоса винопитие также имеет отрицательные аксиологические координаты: например, когда Кралевиц Марко напивается допьяна, он утрачивает свои положительные черты, становится гневлив и неразумен, и даже внешне в таких случаях напоминает «змея, едущего верхом на змее»²⁵⁷.

В последнем случае вино есть «антиценность», но не потому, что оно угрожает общей славе национального богатырства. Вино оказывает негативное влияние на духовную и физическую силу героя, однако для сербского эпического певца концепт воздержания от пьянства не может включать в себя идею о том, что пристрастие конкретного богатыря к вину способно нанести ущерб общей славе всех юнаков. Тот же эпический Марко, вынужденный служить султану, не имеет возможности хранить и поддерживать коллективную честь юначества как сообщества героев на службе у православного царя.

²⁵⁵ Ibid. С. 185.

²⁵⁶ Диакон Лев. История. — М. : Наука, 1988. — С. 53.

²⁵⁷ Сестра Лека капитана // Сербский эпос. — М. — Л. : Academia, 1933. — С. 339.

Таким образом, ни в одном из рассмотренных случаев воздержание героя от хмельных напитков — если оно вообще имеет место — не продиктовано необходимостью избежать ущерба для коллективной «чести-хвалы» национального богатырства. Высказанное Алешей Поповичем опасение насчет «славушки недоброй», связанной как раз с употреблением вина²⁵⁸, прозвучало бы весьма странно в мире Ахиллеса, Беовульфа, Волсунгов или Кероглу.

Русский эпический концепт «вино»

Вино в русских былинах представляет собой:

— соблазн, «прелюдию» к более тяжким грехам — блуду²⁵⁹ или хвастовству (которое оборачивается бесчестьем, потерей того, чем хвастались²⁶⁰) или же приводит к преступной беспечности;

— печальную, но не бесславную альтернативу «работе богатырской» в случае, если эту работу невозможно выполнить из-за клеветы, опалы, бесчестия и т. п.²⁶¹;

— будучи поднесено от князя — предложение доложить о произведенной «работе богатырской» либо предложение вновь заступить на службу, в том числе свидетельствующее о прекращении опалы²⁶²;

— будучи прилюдно поднесено кем-либо — символ оказываемой чести или просьбы²⁶³.

²⁵⁸ Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин: [Былина] № 85 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 333.

²⁵⁹ См., например, былины о Михайло Потыке.

²⁶⁰ См., например: Про Ставра: [Былина] № 27 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 112; Добрыня [Бутман]: [Былина] № 48 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 154.

²⁶¹ См., например, былины о Василии Пьянице и о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром.

²⁶² См., например: Дунай: [Былина] № 377 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 419.

²⁶³ См., например: Про Фатена: [Былина] № 41 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 131–132.

Вино как соблазн

В былинах о Михайло Потыке колдунья Лебедь Белая вновь и вновь лишает героя свободы, предварительно опоив его вином²⁶⁴; когда капли вина попадают на гриву богатырского коня, она вспыхивает²⁶⁵. Коварная королевна, заманивающая Илью Муромца на «кроватьку обмансливую» (т. е. в ловушку: ложе опрокидывается и легший на него падает в подземелье), сначала предлагает богатырю вина, как можно предположить по упоминаниям в тексте былины еде и питью²⁶⁶. В полуразрушенной, но не бессмысленной пудожской старине, записанной в 1938 году, Илья попадает в терем, наполненный красавицами, где воздерживается от вина и потому успешно противостоит соблазну:

Как подъехал-то стоят терема высокия
И светлицы-то светлыи
А красавицы-то сидят все писаные,
И встречают русского богатыря
Угощают ясьвами сахарными
Как приводят в палаты белокаменны
А Илья Муромец на то догадлив был
Как вином-то он не упивается
Он красавицами не соблазняется²⁶⁷.

Вино угрожает не только русскому богатырю, но вообще любому герою, даже отрицательному — так, опоенный вином, погибает Идойло²⁶⁸. Скопина убивает яд, опущенный в его чашу:

Наливала она да чару зеленá вина,
Положила она да зелья лютого
И положила она сала змеиною

²⁶⁴ См., например: Михайло Потык: [Былина] № 52 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894.

²⁶⁵ Путилов Б. Н. Примечания // Былины : Сборник. — Л. : Сов. писатель, 1986. — С. 528.

²⁶⁶ Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 221 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 148.

²⁶⁷ Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром // Былины Пудожского края. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1941. — С. 91.

²⁶⁸ Про Василия турецкого [Идойло сватает племянницу князя Владимира]: [Былина] № 83 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 236.

И подносит Скопину сыну Ивановичу.
А вся чара вина да как огонь горит,
По краям-то у чары словно ключ кипит²⁶⁹.

Упившись на пиру, русский эпический герой, как правило, начинает хвастать. Вино — причем не отравленное, а обыкновенное — губит Скопина еще до того, как жена Малюты опускает яд в его чару: герой хвастает во хмелю. У Кирши Данилова девица пеняет любимому, что тот «безчисла болно упивается» и во хмелю похваляется их связью, «насмехается» над ней²⁷⁰ — то есть похваля-ба оборачивается бесчестьем девицы, как и в былинах об Алеше Поповиче и сестре Петровичей-Збродовичей.

В печорском варианте Дунай Иванович во хмелю оскорбляет собственную невесту, после чего красавица начинает его бесче-стить и их ссора заканчивается трагедией:

Напился Дунай до пьянешинька,
Во хмелю-то он, детина, несуразен был,
Из речей детина вышибается,
Худыма словами он да похваляется:
«Ох ты бледь, Авдотья дочь Семеновна!»²⁷¹

В старине «Борис Шереметев» из сборника Кирши Данило-ва царь велит «мазору голову отляпать»²⁷² за то, что тот во хмелю проболтался о малочисленности гарнизона в крепости Орешек. В том же сборнике (песня «Поход селенгинским казакам») каза-ки, напившись вина, хвастают своей силой и утрачивают бдитель-ность, в результате чего им приходится «хвастать» своими ранами уже в качестве калек:

побазарамъ казаки оне похаживают, аихва|стають казаки
селендинскій, молодцы, асвоими веть дырами широкими²⁷³.

²⁶⁹ Про Скопина: [Былина] № 57 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 170.

²⁷⁰ Перед нашими воротами утоптана трава («Перед нашими широкими воро-тами...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 162.

²⁷¹ Дунай Иванович — сват: [Былина] № 118 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 539.

²⁷² [Про] Бориса Шереметева («Во славном городе в Орешке...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 167.

²⁷³ Поход селенгинским казакам : [Воспроизведение рукописи «Сборника Кирши Данилова»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 314.

Вино как альтернатива «работе богатырской»

Вино мыслится в былинах как отрицательная аксиологическая категория, как «антиценность», потому что винопитие несовместимо с исполнением «работы богатырской». Эта несовместимость проявляется двояко: во-первых, соблазнившись вином, герой сбивается с пути богатырского служения (об этом говорит Алеша Попович на росрани), а во-вторых, именно пьянство является естественной альтернативой (и противоположностью) богатырской «работе» в случае невозможности исполнять таковую.

С точки зрения эпического певца, ценностью обладает воздержание от вина в конкретный момент испытания героя «здесь и сейчас» (как в былине про Алешу Поповича), потому что винопитие лишает былинного протагониста правильной мотивации, свободы, богатырского имущества или неким иным образом затрудняет исполнение его миссии. Однако продолжительное пьянство как результат духовного кризиса, вызванного опалой, бесчестьем и т. п., не отнимает силы героя раз и навсегда и не наносит ущерба коллективной славе русского богатырства.

Пропивание коня, доспеха и оружия, нательного креста и даже крестов, сбитых с церковных куполов, является демонстративным актом вынужденного самоуничтожения для богатыря, которого власть лишает возможности использовать данную ему свыше силу (или другой «талан») для служения Богу и ближнему (инвариантом такого акта является демонстративное исполнение песен не людям, но «синему морю» — в былине о Садко). Спивающийся герой не позорит русское богатырство, потому что при первой возможности он прекращает пьянствовать и возвращается к исполнению своей миссии, как это происходит с Ильей Муромцем или Василием Пьяницей.

Когда богатырь просит у князя или царя право пить вино «безденежно», это не может быть понято как проявление недостойной страсти, но должно рассматриваться как скрытый упрек правителю, так или иначе лишаящего героя его «работы». Рассмотрим, например, следующий случай из былины про Бутмана: царь в благодарность за свое спасение предлагает протагонисту «города с пригородкам», однако принятие такой чести означает для последнего отказ от богатырского призвания. Перспектива управлять городами, стать князем или «боярином большебрюхим» исключена для богатыря, он может либо исполнять свою миссию, либо — пить. Поэтому ответ героя оправдан бинарной логикой доступного ему выбора:

Уж ты гой еси, надежда, доброй молодец!
Ты возьми-ко города да с пригородками,
Ты возьми-ко селá да со деревнями». —
«Мне не надо селá да со деревнями,
Мне не надо города да с пригородками.
Ты доверь-то ли мне да зеленá вина,
Зеленá мне вина да пить безденежно»²⁷⁴.

В одном из вариантов цитируемой былины царь в благодарность за спасение своей жизни буквально предлагает Бутману занять его место, самому стать царем («Ах ты будешь у нас царем, а я слугой твоей»²⁷⁵), однако и это будущее предполагает отказ от богатырского «талана-участи» и потому отвергается.

В других случаях просьба «пить-гулять безденежно» подчеркивает бескорыстие героя. Богатырь воспринимает свою силу как бремя, он обязан применять ее не для собственного блага, не для приращения личной славы или прибавления личной же добычи:

А встречал ёго Владимир, князь стольне-киевьской —
Он ведь нёс ёму подарочки не маленькие,
Он ведь нёс ёму много злата-серебра,
Он ведь нёс ёму всяки вещи разные.
Не прымат тут Василей злата-серебра,
Не прымат он вещей стих разных-е.
Он просил-де у князя-та такой приказ:
«Уж ты дай мне, Владимир-князь, такой приказ,
Щобы пить по кабакам вино безденёжно!..»²⁷⁶

Поэтому на вопрос властителя о вознаграждении — или на его же попытки одарить героя — со стороны последнего следует истинно богатырский ответ. Все, что русский витязь может получить от князя или царя, — это новая «работа». Ведь иначе богатырь

²⁷⁴ Добрыня [Бутман]: [Былина] № 48 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 155.

²⁷⁵ Про Бутмана: [Былина] № 54 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 168.

²⁷⁶ Васька-пьяница и Кудреванко-царь: [Былина] № 369 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 368.

перестанет быть богатырем и превратится в «князя-боярина» или в одного из «людей торговых».

Итак, русское эпическое сознание осуждает винопитие не потому, что это грех, наносящий духовный ущерб человеку, и не потому, что зрелище спившегося героя вредит коллективной славе богатырей (мы видели выше, что это не так). Певца заботит именно несовместимость вина с «работой богатырской», а также то, что хмель повышает риск хвастовства *до* подвига или *без* подвига. Именно хвастовство — а не вино само по себе — способно обесславить героя и таким образом нанести ущерб коллективной репутации русского богатырства.

***Подношение чаши с вином как призыв к «работе богатырской»
или как предложение доложить об уже совершенном подвиге***

Когда князь на пиру подносит — или приказывает поднести — витязю чашу, это означает предложение взяться за «работу богатырскую» или же рассказать об ее исполнении (выражаясь былинным языком, «похвастать»).

Единственно допустимый вариант хвастовства в русском эпосе — похвальба уже совершенным подвигом. Если же подвиг еще не совершен, то, приняв чашу, необходимо не говорить, но действовать. Так, в печорском варианте былины «Илья Муромец и сила неверная» князь Владимир

...стал старóго казака Илью Муромца выспрашивать:

«Да что же ты сидишь, старóй, ничем не хвастаешь?

Не доходили до тебя, видно, чары винные?

<...>

Берет солнышко Владимир-князь чару зеленá вина,

Не малу, не большу чару — полтора ведра,

Поддает старому казаку Илье Муромцу:

«Старой казак, Илья Муромец!

Выкушай чару зеленá вина!»

Тут берет стар чару во правú руку,

Выпивает чару за единой дух,

Ковригу хлеба берет за щеку.

Стал стар казак Илья Муромец по полу похаживать.

Да сапог о сапог стал пощалкивать,

Да за рукав шубу стал поволакивать.

<...>

Стал просить старой казак Илья Муромец
У солнышка князя Владимира лошадь добрую²⁷⁷.

Намереваясь набрать себе «дружинушку», Василий Буслаев подносит «мужикам новгородским» чару, тем самым приглашая их к совместным подвигам:

У Васильюшки верно у Буслаевича
На дворе стоят чаны полные,
Зеленá вина чаны накурены,
Пива пенного чаны верно наварены,
Испусканы в чаны ковшики медные.
Как выходит Васильюшка сын Буслаевич:
«Уж вы гой еси, мужики вы новгородские,
Кто истерплет мой черлёный вяз,
Тот и будет мне другом, братом названным,
Наливайте ноне чару полную»²⁷⁸.

Князь Владимир выпускает Дуная Ивановича из заточения и приказывает налить ему чару «зелена вина» (или три чары — пива, вина и «водок заморских») в знак прекращения опалы и возобновления службы:

И тут приказал же князь Владимир же,
Он же брать-то им да золоты́ ключи
И отмыкать-то приказал им тёмны тёмници,
Выпускать-то Дуная сына всё Ивановича,
Он велел вести его во грину княженескую
<...>
И приказал им чарочку же наливать ёму...²⁷⁹

Пока князь не нальет ему «чарочку», Дунай отказывается разговаривать с киевским правителем и приниматься за «работу богатырскую»:

Говорит тут Дунай как да сын Ивановичь:
«Уш я где не бывал, да ноньце фсё забыл:

²⁷⁷ [Илья Муромец и сила неверная]: [Былина] № 49 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 156.

²⁷⁸ Василий Буслаевич: [Былина] № 86а // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 248–249.

²⁷⁹ Как женился князь Владимир: [Былина] № 102 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 322.

Уш я долго сидел нонь да ф тёмной тёмници».
Ише ф та поре Владимир да стольнекиевской
Наливал ёму цяру да зелена вина...²⁸⁰

Поднесение чары князем непременно связано с «накидыванием» «работы богатырской». Показательна в этом отношении реакция русского богатыря Василия Казимировича:

Кабы сам же он за чарой выговариват:
«Кабы сколько ле я рад, право, чáры-то пить,
Я вдвоём-де, втроём рад службы служить...»²⁸¹

«Чарочка», подносимая князем, символизирует общую «честь-хвалу» русского богатырства, к которой конкретному герою предлагается приобщиться. Будучи поданой, она напоминает и самому князю, и пирующим, и слушателям эпического певца о том, что останется единственной платой богатырю, который не требует — и не потребует — от властителя ни золотых колец (как герои скандинавских саг), ни расшитого знамени, коней и легендарного оружия (как Беовульф или персонажи огузского эпоса), ни земельных наделов (как Гийом Короткий Нос, протагонист французских «песен о деяниях»). Соответственно, образ богатырской «чарочки» говорит не о пьянстве русских богатырей, как полагали иные исследователи²⁸²; он есть свидетельство того, что в эпическом сознании народа, певшего былины, полностью девальвирован концепт личной имущественной чести, требующий от властителя платы за услуги отважного рыцаря или джигита.

Если княжеская чара есть символ чести, воздаваемой герою за подвиг, то она должна быть велика и объемна. В свою очередь, осушая чару до дна, богатырь выказывает не физическую силу и крепость, как герои эпосов многих других народов, а также — о чем мы говорили выше — не страсть к винопитию. Любой православный человек — и певец, и слушатель былины — помнил о той Чаше, которую испил Христос в ознаменование добровольного

²⁸⁰ Дунай: [Былина] № 377 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 419.

²⁸¹ Добрыня Никитич и Василий Казимирович: [Былина] № 17 // Былины: В 25 т. Т. I. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 194.

²⁸² См., в частности: *Стасов В. В.* О происхождении русских былин // В. В. Стасов. Собрание сочинений В. В. Стасова: В 4 т. Т. III. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. — С. 1117.

принятия Своей искупительной миссии; принимая свою миссию бескорыстного служения, русский богатырь испивает поднесенную ему чашу — чару — до дна:

Подносили ему чару зелена вина,
Хоть не малу, не велику — полтора ведра.
Он беретца, детинка, единой рукой,
Выпивал эту чару единым духом,
Единым духом да одним помахом —
Не оставил во чарочки и в глаз пустить²⁸³.

Заметим, что осушение огромных чар отнюдь не является обыкновением русских эпических героев. Со знаменитыми чарами «в полтора ведра» они имеют дело только в момент принятия очередного задания на княжьем пиру, а в обычной жизни довольствуются подчеркнуто малым. Тот же Илья Муромец, например, «хлеба ест по три калачика крупивчатых, / А пьет зелена вина на три пятачка медных»²⁸⁴.

Наряду с почетным «местом средним» на дубовых скамьях, которое богатыри занимают на княжьем пиру, подношение чары есть знак того, что они по-прежнему в чести у князя — вопреки проискам и наветам бояр и просто «людей лукавых», которыми тоже славится былинный Киев.

Представление о вине как о «детонаторе» беспричинного богатырского гнева для русских эпических песен нехарактерно. Единственная былина²⁸⁵, в которой Илью Муромца после вина «ошамбурило» настолько, что он убивает всех пирующих в палатах князя Владимира, являет нам образ безжалостного и безумного протагониста и представляется творчеством неизвестного автора, возможно, настроенного против власти. Свидетельством разрушения аутентичной былинной семантики в рассматриваемом случае является, в частности, то, что автор «принуждает» Илью после совершения массового убийства пирующих людей мгновенно исчезнуть — буквально испариться, подобно злему духу — что

²⁸³ Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 60 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 342.

²⁸⁴ Илья Муромец и Идолище // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 1. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1894. — С. 331.

²⁸⁵ Илья Муромец (Народная сказка) // Москвитянин. 1843. Ч. 6. № 11. — С. 7–16. Былина была передана в редакцию учителем из Шенкурского уезда Никифором Борисовым и якобы записана «со слов крестьянина» И. А. Ядовиным.

в других былинах не происходит. Этот вариант не был воспринят и поддержан народной традицией, однако во второй половине XIX века привлек незаслуженно большое внимание российских собирателей фольклора, педагогов и публицистов — возможно, по причинам политического характера.

**Элемент добываемой личной чести:
«чествование» тела яствами**

Ценность яств в эпосах других народов

Огромное количество съедаемой пищи — примета подлинного героя в большинстве эпосов народов Востока. В частности, автор «Шах-наме» описывает, как Рустам

Ствол дерева сломил слоновотелый,
Огромный вертел вытесал умело.

И, насадив онагра целиком
На вертел тот, изжарил над костром.

И разорвал, и съел всего онагра...²⁸⁶

В сказаниях о сасунских героях горный богатырь-пастух узнает Санасара по количеству выпитого последним молока и съеденного хлеба. Он признается герою, что всегда испытывает прохожих, предлагая им целое корыто молока. И только Санасар оказывается способным выпить корыто целиком.

В адыгейском нартском эпосе Сатаней объясняет небывалую силу Тотреша тем, что «Полтора десятилетия / Матери сосал он груди»²⁸⁷, а славного Бадынооко узнают по тому, что тот съедает на закуску целого быка, а на обед — целого оленя. Герой осетинского нартского эпоса Батрадз еще ребенком прославился тем, что «взял из рук Урызмага лодыжку быка и три больших пирога с начинкой из сыра, широко открыл рот и съел все сразу»²⁸⁸. В эпосе балкарцев

²⁸⁶ Фирдоуси. Шах-наме. — М.: Худож. лит.-ра, 1972. — С. 131.

²⁸⁷ Кабардинская эпическая поэзия: избранные переводы. — Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956. — С. 69.

²⁸⁸ Сказания о нартах: осетинский эпос. — Цхинвали: Ирыстон, 1981. — С. 242.

и карачаевцев сила Рачыкау проявляется в мгновенном поедании им огромного количества еды (хлеб, приготовленный из четырех мешков муки; туша лошади).

Главный герой тюркского эпоса Кероглу опять-таки поражает слушателя количеством съеденного: в Тогате он поглощает плов, приготовленный на десятирех, а перед свадьбой плешивого Хамзы на кухне опустошает множество котлов и бурдюков. Женщина, у которой узбекский Алпамыш остается на ночлег под видом странника, догадывается, что имеет дело с батыром-пахлавом, когда тот в ее отсутствие съедает всю пищу в доме. Тот же Алпамыш, путешествуя на свадьбу своей собственной жены с Ултаназом, съедает всю снедь, которую женщины готовились принести с собой для угощения гостей.

Протагонист киргизского эпоса еще во младенчестве проглатывает за раз три сосуда с маслом и так жадно сосет молоко матери, что «хлынула кровь из груди»²⁸⁹. Взрослый Манас съедает за день столько верблюдов, что его отец, уже ставший ханом в Таласе, упрекает сына, принуждая того уехать в дальние края.

О калмыцком эпическом богатыре Гюзан Гюмбе пели, что он съедал так много и был так огромен, что занимал на пиру место сорока человек. Когда бурятский Гэсэр, будучи еще ребенком, вместе с двумя братьями съедает семьдесят телят, которых им доверили пасти, то старик-отец не бранится, но, напротив, преисполняется радости:

Сыновья растут у меня —
От врагов завидующих ограда,
От врагов загребущих броня!²⁹⁰

В системе ценностей якутских олонхо богатырский голод — несомненный маркер положительного героя. Так, Нюргун Боотур Стремительный

Мяса толстые ломти брал;
Он руками горячее мясо брал,
Проворно его пожирал.
Клал он в рот огромные мяса куски,
Величиною с кошму,
Он глотал огромные мяса куски,

²⁸⁹ Манас : эпизоды из киргизского народного эпоса. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. — С. 28.

²⁹⁰ Гэсэр : бурятский героический эпос // Байкал. 1973. № 1. — С. 82.

Шириною в конский потник,
В рот он горячее мясо кидал
С правого края губ,
Кости выплевывал изо рта
С левого края губ.
Насытился, взял высокий чорон,
Весело поднял его
И в свою разверстую пасть,
В широкое горло свое
Опрокинул пенный кумыс.
Много съел, много выпил он...²⁹¹

Богатырь Иркиничэн — положительный герой эвенкийского нимнгакана «Храбрый Содани-богатырь» — в один прием пищи съедает «самых лучших из трехсот тридцати трех холощеных оленей», «первейших из семидесяти семи яловых оленей», «самую жирную из шестидесяти шести яловых кобылиц», «разжиревшего быка», а также «отборных яловых коров»²⁹². Обычная трапеза эвенкийского эпического героя («Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде») выглядит так:

Кусок черного мяса
С черного глухаря он клал в рот
И проглатывал...
Положив в рот белого сала
С целого зайца,
Он проглатывал его...
Не замечая твердости
Костей быка,
Он разжевывал их с хрустом,
Вместе с мясом и жилами,
Быстро проглатывая,
Будто мешок набивал,
Все он съел до конца,
Не оставив ни одного кусочка.
Навар в огромном котле

²⁹¹ Якутский героический эпос Олонхо. Нюргун Боотур Стремительный / Песнь вторая. Стих 32. Голос Байаная [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jakut.ru/pesn2/stih_32_golos_bajanaia.htm

²⁹² Храбрый Содани-богатырь // Эвенкийские героические сказания : Храбрый Содани-богатырь, Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. — Новосибирск : Наука, 1990. — С. 187.

Он выпил разом.
Когда стукнулся лбом
О край котла,
Понял, что навар кончился.
Богатырем был этот человек²⁹³.

Впрочем, не только на Востоке огромное количество съеденного свидетельствует о силе эпического героя: например, персонаж «Калевипоэг» по имени Алев

Между рог быка ударил
Топором своим тяжелым,
Перерезал бычье горло,
Крови выпустил сто бочек,
Снял семьсот кадушек сала.
Подкрепляться сели мужи,
Утолять свирепый голод²⁹⁴.

Во время этой же трапезы богатырь Калев

Нагрузил живот едою
Так, что он горою вздулся²⁹⁵.

Во французской эпической поэзии о весьма высокой ценности «доброй пищи» (мяса) свидетельствует, в частности, обещание римского папы разрешить Гийому Оранжскому вкушать скоромное в любой день, не соблюдая постов, — при условии, что рыцарь защитит Рим от неверных:

...Рыцарь честный,
Апостол Петр да будет мне свидетель!
Коль за него вы вступите в сражение
Вам можно будет мясо есть вседневно...²⁹⁶

²⁹³ Эвенкийские героические сказания : Храбрый Содани-богатырь, Все-
сильный богатырь Дэвлэчэн в расшитой-разукрашенной одежде. — Новосибирск :
Наука, Сибирское отделение, 1990. — С. 319.

²⁹⁴ Калевипоэг : эстонский героический эпос // Героический эпос народов
СССР : в 2 т. Т. 2. — М. : Худож. лит.-ра, 1975. — С. 497.

²⁹⁵ Ibid. 497.

²⁹⁶ Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука,
1985. — С. 94.

Герой византийской (трапезундской) песни «О Порфире» в первый день своей жизни съедает «круг хлеба», на второй день — целого барана, а на пятый — предается любовным утехам с пятнадцатью замужними женщинами, восемнадцатью вдовами и одной попадией²⁹⁷. Как можно видеть, в рассматриваемом случае чревоугодие тесно связано с плотской любовью; забегая вперед, отметим, что в ценностном центре русского эпического героя обе эти ценности отвергаются — и, соответственно, не мыслятся в качестве атрибутов истинного богатыря.

Как будет показано ниже, в отношении к ценности яств русские былины значительно отстоят от эпической поэзии многих других народов, прежде всего восточных: например, былинный рассказ о том, как поглощает пищу Змей Тугарин (безусловный антагонист), почти буквально совпадает с описанием трапезы таких однозначно положительных героев, как Рустам, Кероглу, Рачыкау, Нюргун Боотур, Дэвэлчен и др.

Русский эпический концепт «яства»

Неумеренность в пище — безусловная «антиценность» русского эпоса. В отличие от эпической поэзии других народов — где концепт угощения связан с идеей чествования героя, соответствующей его статусу пищей (например, персонаж огузского эпоса чутко реагирует на то, какого цвета был баран, поданный лично ему на пиру у хана; удалыцы и батыры различают мясо яловых и холощенных оленей, и т. п.), — русскому сказителю и его герою как будто совершенно все равно, чем кормят на пиру у князя, «на приезде» у иноземного властителя, каково «меню» на заставе богатырской и т. д. Коллективную честь русского богатырства символизирует лишь место за столом и непременная «чарка зелена вина в полтора ведра», о чем было сказано выше. Гастрономический словарь былинного певца скуден, чтобы показать роскошь княжеского стола, сказитель говорит разве что о печеном лебеде, о «калачиках» и ковригах. В былинах само слово «мясо» имеет выраженную негативную коннотацию и обычно используется для характеристики того, что не принято употреблять в пищу (например, мясо «черна

²⁹⁷ [Былина] 17. О Порфире // Дестунис Г. С. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода : Опыт перевода и объяснения // Сборник Отдела русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 34. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1884. — С. 81.

ворона»²⁹⁸), а также при описании поступков отрицательного персонажа («захотелось Овдотье мяса голубиного»²⁹⁹) или недостойного поведения персонажа в целом положительного (княгиня Апраксия «рушала мясо лебединое, / Смотрячись-де на красоту Чурилову, / Обрезала да руку белу правую»³⁰⁰). Названия разных видов мяса встречаются там, где речь идет о трапезе врагов, иноверцев:

Да едят-то все мясо да кобылятину,
Кобылятину-мясо да жеребятину!³⁰¹

Если певец создает образ Идолища поганого, можно быть уверенным, что он упомянет о пожираемом им мясе: («Я всё кушаю хлеба по семи пудов; / Я ведь мяса-та ем — к выти всё быка я съем»³⁰²). Напротив, насколько нам известно, русский сказитель никогда не говорит о том, что его любимые герои едят мясо (за исключением, впрочем, мяса птицы).

Отметим также, что при описании княжеского пира используется расплывчатый собирательный образ «ясыва сахарные»; впрочем, эти же «ясыва» упоминаются и в тех случаях, когда героя хотят опохмелить, очаровать, пленить³⁰³.

Резко отрицательное отношение к поглощению большого количества пищи и к разборчивости в еде — столь контрастирующее с высокой ценностью яств в эпосах, созданных другими народами, особенно восточными, — объясняется, как логично предположить, желанием былинного певца подчеркнуть духов-

²⁹⁸ См., в частности: Добрыня и Алеша: [Былина] № 49 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 1. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1894. — С. 335–336; Королевици из Крякова: [Былина] № 302 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 3. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1900. — С. 476.

²⁹⁹ Иван Гордѣнович: [Былина] № 144 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 464.

³⁰⁰ Молодость Чурилы: [Былина] № 223 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 3. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1900. — С. 164.

³⁰¹ Козарин: [Былина] № 196 // Былины : В 25 т. Т. 4. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2004. — С. 523.

³⁰² Илья Муромец в изгнании и Идолище: [Былина] № 43 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 190.

³⁰³ См., в частности: Илья Муромец: [Былина] № 3 // Былины Пудожского края. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1941. — С. 91.

ную, а не физическую, природу богатырской силы. Русские витязи буквально не нуждаются в обильной или особенной пище (подробнее о былинных концептах силы и «сердца» как источника силы — см. ниже).

**Элемент добываемой личной чести:
«чествование» тела ласками**

Ценность телесных ласк в эпосах других народов

Общезпической героике неизвестны понятия блуда и прелюбодеяния как греха; никто в мире Гомера не может осудить Одиссея за его связь с Цирцеей или Калипсо, а Нестора — за то, что почтенный старец обращается к единоплеменникам со следующим призывом:

Пусть же никто из ахейцев домой не спешит воротиться,
Не переспавши в постели с плененной женою троянца...³⁰⁴

Однако и былинный Алеша Попович опасается блуда не как смертного греха, но в связи с угрозой бесславия. Здесь мы сталкиваемся с общим правилом, исключением из которого становится русский богатырь: в эпосах разных народов любовная связь приводит не к бесславию, но, напротив, к увеличению личной славы героя (т. е. к возрастанию молвы о нем).

Так, например, карельские руны передают нам историю «прекрасного Каукомели», который

...на острове далеко
Летнею одной лишь ночью
С сотней переспал девиц,
С тысячей невест сошелся³⁰⁵.

Когда герой уплывает, «девы острова горюют, / Плачут острова невесты»³⁰⁶, но для самого персонажа, покрытого отныне славой непревзойденного любовника, дурных последствий отнюдь не

³⁰⁴ Гомер. Илиада. — М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 48.

³⁰⁵ Пир в Пийвеле. Посещение дев Острова: [Песнь] № 11 // Рода нашего напевы: избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. — Петрозаводск: Карелия, 1985. — С. 68.

³⁰⁶ Ibid. С. 69.

наступает; блуд, таким образом, остается ценностью и для героя, и для слушателя. В варианте Мийхкали Перттунена любовные подвиги на острове совершает «старый верный» Вяйнемейнен. Уплывая, герой глядит на удаляющийся купол церкви, и в его прощальной песне фиксируется нулевая ценность воздержания от блудного греха:

Не грустил бы я по церкви, —
Девы острова мне любви,
Дороги мне прихожанки³⁰⁷.

Герой карело-финского эпоса Лемминкяйнен спит со всеми девушками в стране Саари, при этом никаких дурных последствий для него опять-таки не наступает. Красавица Кюллики, сетуя на дурную славу Лемминкяйнена, говорит о том, что он известен как драчливый задира (а отнюдь не как ветреный любовник).

Ирландский полубог Кухулин с ранней юности успешно соблазняет дочерей единоплеменников, а также их жен, однако наказанием для него становится принудительная женитьба. Склонность героя к блуду объясняется в саге тремя «недостатками»: «он был слишком молод, слишком смел и слишком прекрасен»³⁰⁸.

Певец «Старшей Эдды» ценит любовь красавиц очень высоко: («...мне ярла власть / не была так желанна, / как светлая дева»³⁰⁹) и дает прямую рекомендацию удальцу:

Красно говори
и подарки готовь,
чтобы жен соблазнять;
дев красоту
неустанно хваля,
будь уверен в успехе³¹⁰.

У вайнахов Сеска Солса известен как женолюбец («Сказание о нарте Сеска Солсе и Охкыр Канте», «Любимая Альбике», «Две

³⁰⁷ Кантеле: [Песнь] № 36 // Рода нашего напевы : избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. — Петрозаводск : Карелия, 1985. — С. 124.

³⁰⁸ Сватовство к Эмер // Ирландские саги. — М. — Л. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. — С. 53.

³⁰⁹ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 198.

³¹⁰ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 127.

дочери, мать и Сеска Солса», «Предание о Сеске Солсе»). Героических обольстителей встречаем и в эпосе осетин; это Сослан («Сказание о Деденаге», «Как Сослан отправился в царство мертвых») и Хамыц, обладатель чудесного зуба, а также в адыгейской нартиаде («Аканда», «Смерть Сосуко»). В эпическом мире карачаевцев и балкарцев вступать в связь с красавицами — по сути, прямая обязанность героя:

Ёрюзмек говорит: «Нет, я так не уйду! У меня на правой лопатке — кач, моя клятва — делить ложе со всеми красивыми женщинами, которых я встречу»³¹¹.

Одного из героев огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» по имени Алп-Эрен «седобородые старцы» славят за то, что он захватил «сорок дочерей-красавиц беков тридцати семи крепостей», одну за другой обнимал их за шею, целовал в лицо и в губы³¹².

В аксиологических системах, свойственных эпосам разных народов, обладание женщиной, и особенно чужой, есть ключ к личной славе. Впрочем, в «Повести о рождении и победах Александра Великого» из Бамбергского сборника — произведении, достаточно далеко отстоящем от фольклорных источников, но прямо соотносящимся с европейским героическим дискурсом, — находим понятие о прелюбодеянии как о грехе. Правда, грех этот именуется не смертным, а «постыдным», что указывает на важную особенность концепта: блуд страшен только в случае огласки. Александр призывает свою мать Олимпиаду, прелюбодейно зачавшую его самого от египтянина Нектанеба, простить царя Филиппа, которого Александр почитает как отца: «Мать моя, не держи зла на отца, ибо, несмотря на постыдный грех, он защитил тебя от осуждения»³¹³. Как можно видеть, в понимании героя «Повести...» грех прелюбодеяния не страшен, если он не обернулся бесславием («осуждением»).

И хотя о Нектанебе, который овладел Олимпиадой обманом и колдовством, автор «Повести...» говорит как о сотворившем «прелюбодеяние»³¹⁴, все же читатель убеждается в том, что нега-

³¹¹ Нарты : героический эпос балкарцев и карачаевцев. — М. : Наука, 1994. — С. 349.

³¹² Книга моего деда Коркута. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — С. 30.

³¹³ Повесть о рождении и победах Александра Великого. — СПб. : Азбука-классика, 2006. — С. 39.

³¹⁴ Ibid. С. 34.

тивных последствий этого греха для соблазнителя не наступает. Иными словами, на уровне сюжета деяние не осуждается и не отрицается, а следовательно переоценки любовной связи как зла, влекущего за собой расплату, в ценностном центре героя и читателя не происходит; напротив, читатель (и латинской повести, и сербской «Александрии») видит, что от блудной связи родился величайший из смертных — Александр.

Такой же концепт обнаруживаем в исландской «Саге о Ньяле»: связь Хрута с матерью конунга не грозит герою дурными последствиями (смертью, проклятием, болезнью, потерей силы — не говоря уже о гибели души), если только она останется тайной для всех:

Они провели там ночь вдвоем, а утром принялись пировать. И все те полмесяца они спали одни в ее горнице. А людям, бывшим при ней, Гуннхильд сказала:

— Вы поплатитесь жизнью, если хоть слово пророните о том, как повелось у нас с Хрутом³¹⁵.

В обоих случаях речь идет о возможном бесславии замужней женщины; что же касается героя, то для него огласка будет означать, напротив, прибавление личной славы (т. к. все будут говорить о его связи со знаменитой красавицей или женой правителя). Огласка грозит Нектанебу, как и Хруту, не бесславием, но смертью — по эпическим законам властитель обязан отомстить за личное бесчестие («похищение» у него жены как особенно ценной части собственности), пока это бесчестие не переросло в личное же беславие.

В случае, когда общеэпическому герою не грозит месть, он вступает в блудную связь, не опасаясь огласки, — подобно Гуннару, который после смерти Брюнхильд живет с Оддрун, сестрой Атли. Тем не менее для женщины это положение является позорным:

Многие родичи
речи вели
о том, что вместе
видели нас;
и Атли молвил,

³¹⁵ Сага о Ньяле // Исландские саги. Ирландский эпос. — М.: Худож. лит.-ра, 1973. — С. 168.

что мне не пристали
греховный поступок
и дело позорное³¹⁶.

Что же касается Гуннара, то его личная слава никак не уменьшается от огласки этой связи.

На первый взгляд, в эпической поэзии западноевропейских христианизированных народов ценность телесной любви со многими женщинами должна быть девальвирована под влиянием отношения католической церкви к блуду и прелюбодеянию. Однако, судя по сохранившимся записям, этот концепт удерживает весьма высокие позиции в иерархии ценностей, характерных для европейского рыцарства. Так, папа римский призывает Гийома Оранжского оказать сопротивление иноверцам — и в качестве награды разрешает герою вступить в связь со множеством женщин:

...Вам можно будет мясо есть вседневно
И жен держать, коль хватит сил, хоть десять³¹⁷.

Вместе с тем необходимо отметить, что в эпосах многих народов Востока (татарском, калмыцком, якутском, эвенкийском и других) концепт эротической любви занимает невысокое положение в ценностном центре героя. Богатыри не влюбляются и не женятся по любви, но вступают в брак лишь для того, чтобы получить права на обладание красавицей как драгоценным «имуществом», которое станет элементом их личной чести. Так, протагонист татарского эпоса Идегей, прежде чем освободить прекрасную Акбияк от великана-гяура, спрашивает у красавицы о награде за предстоящий подвиг:

Так отвечала Акбияк:
«Если Алыпа ты победишь,
Если меня освободишь,
Если Тимиру доставишь меня, —
Мой отец тебе даст коня,
Он тебе шубу-одежду даст,

³¹⁶ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит.-ра, 1975. — С. 311.

³¹⁷ Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985. — С. 94.

Он тебе столицу даст,
Душе твоей — надежду даст,
Для удоя — кобылицу даст,
Край вечнозеленый даст,
Меня тебе он в жены даст,
Тебя назначит за подвиг твой
Войска своего главой,
Все, что ты попросишь, даст!»³¹⁸

По-видимому, красота Акбияк не мотивировала героя *per se*; впрочем, и сама девушка оценивает свою любовь весьма скромно, располагая ее в общем списке воздаяний между конем и войском.

Не страстная любовь, не телесная красота определяют выбор невесты, но — равенство имущественной чести. Герой калмыцкого эпоса Мингйан, которого певец называет самым красивым из мужчин чудесной страны Бумбы, освобождает девушку из плена; по-видимому, он не испытывает к ней влечения, потому что передает ее другому богатырю на том основании, что его личный «рейтинг» чести недостаточно высок для обладания такой дивной красавицей:

«В жены красавцу — красавицу отдадим,
Пусть она будет Мингйану доброй женой!» —
Крики слышались.

<...>

Молвил Мингйан: «Ее недостойн Мингйан...
Равным красавице я не могу себя счесть,
Девушку эту назвать не посмею своей». —
Эти шесть тысяч двенадцать богатырей,
Долго советуясь, изрекли приговор:
«Сын ясновидца, отважный Аля Шонхор
Пусть эту девушку спутницей изберет»³¹⁹.

Другая распространенная мотивация героя, добивающегося невесты, — стремление избежать бесславия, которое грозит ему в случае отказа от девушки. Так, якутский герой Нюргун Боотур Стремительный покоряет богатырку Кыыс только потому, что та

³¹⁸ Идегей : татарский народный эпос. — Казань : Татар. книж. изд., 1990. — С. 95.

³¹⁹ Джангар : калмыцкий народный эпос. — Элиста : Калмиздат, 1971. — С. 235.

грозится его победить и тем самым обесславить. Певец не говорит нам ничего о красоте девушки, ни о чувствах, которые она пробуждает в душе героя. Более того, когда Нюргун Боотур заходит в юрту и видит там Кыыс, которая спит, сняв доспехи, он ложится рядом с ней и засыпает сам. При этом певец опять-таки не говорит ничего о красоте героини. Проснувшись утром, протагонист видит: девушка успела облачиться в доспехи, и только теперь мы слышим о том, что ее мощь и красота поражают Нюргуна. Таким образом, чувства богатыря сложно назвать эротическим влечением; это скорее любование девушкой как достойным, равным по славе противником.

Ценность супружеской любви и ценность любовной связи вне брака почти идентичны в ряде национальных эпосов. Например, протагонист якутского олонхо Непобедимый Мюльджю Бёгё, кажется, готов отказаться от поисков похищенной супруги, если бы не риск беславия: «Умыкнул этот вор / Мою суженую жену, / Если от битвы откажусь, / Позором покрою себя. / Чем так ославиться, / Лучше бы вовсе я не родился...»³²⁰.

Впрочем, и на Западе эпические герои нередко относятся к девушке не как к объекту полового влечения, но как к добыче, увеличивающей личный «счет» чести (а если дева отличается исключительной красотой, то еще и гарантирующей личную славу-молву). В «Песне о Сиде» удалые инфанты говорят меж собой о дочерях Сиды:

Становится Сид славней что ни день.
Попросим же в жены его дочерей,
Приумножим свое богатство и честь³²¹.

В скандинавской балладе «Альф из Оддерскера» два брата сражаются за дочь короля, при этом ни один из них не влюблен в нее (как, впрочем, не влюблена ни в кого из них и сама королевна). Герой другой баллады («Хемминг и троллиха») уже не оставляет у слушателя сомнений насчет иерархии мотивирующих его ценностей:

Слушай, старуха, что я скажу,
Только не вздумай браниться:

³²⁰ Говоров Д. М. Непобедимый Мюльджю Бёгё : олонхо. В двух кн. Кн. II. — Якутск : Бичик, 2010. — С. 245.

³²¹ Песнь о Сиде // Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. — М. : Худож. лит.-ра. 1976. — С. 312.

Мне нужно золото твое,
А еще — вот эта девица³²².

Негативный концепт женской прелести, наиболее близкий к былинному, обнаруживаем в византийском эпосе: Дигенис Акрит тяжело переживает свое двойное грехопадение — сначала с освобожденной им пленницей, а затем с раненной им же богатыркой Максимо. Названный концепт включает в себя представление о том, что женская красота является могучей силой, способной поработить героя, подчинить его волю. Великая ценность телесной любви прекрасной женщины, унаследованная византийским эпосом от античного и отмеченная неувядающей памятью о выборе Париса, здесь утверждается через отрицание — впрочем, не всегда убедительное для слушателя и читателя. Так, образ раненой Максимо, юной и невинной, целующей руки своего победителя, разительно отличается от того, как выглядят коварные соблазнительницы в русском эпосе (например, Маринка Потравница или Лебедь Белая, которая на глазах у слушателя превращается в змею).

Когда Дигенис убивает Максимо, этот поступок может быть понят в символическом ключе как своего рода духовный подвиг (герой умерщвляет собственную страсть, воплощенную в образе девы-воительницы и навсегда выбирает супружескую верность), однако расправа протагониста над влюбленной в него и оставленной им девушкой едва ли могла вызвать у слушателя и читателя такое же безусловное одобрение, какое вызывала у традиционной аудитории русского былинного певца казнь коварной и склонной к разврату ведьмы Маринки Потравницы или же Лебеди Белой — девы-оборотня, четырежды пытавшейся убить собственного мужа.

Чрезвычайно высока ценность супружеской любви в эпосе сербов. Притом что эпическое сознание этого народа знает множество случаев женской измены, сербский певец повествует о не имеющем аналогов в других национальных эпосах подвиге Бановича Страхины, протагониста одноименной героической песни. Когда последний пытается отбить у турка Алии собственную жену, иноверец говорит красавице, что муж, если добьется своего, с неизбежностью казнит ее, ведь она уже обещана. Красавица, поверив турку, покушается на жизнь сербского героя — но Страхиня, вопреки сказанному врагом (и даже вопреки беспощадной позиции

³²² Хемминг и троллиха // Скандинавская баллада : сборник. — Л. : Наука, 1978. — С. 24.

родственников жены), прощает ее. Как можно видеть, в ценностном центре этого персонажа супруга занимает более высокую позицию, чем личная честь и личная слава. Похожую структуру имеет и ценностный центр былинного Михайло Потыка, однако русский богатырь, трижды простив неверную жену, на четвертый раз все же убивает ее.

Забегая вперед, скажем, что русское эпическое сознание отдаст себе отчет в ценности телесной любви красавицы и, как следствие, не исключает названную аксиологическую категорию из списка мотивирующих целей: ситуация, как мы видели выше, нехарактерная для ряда национальных эпосов. Телесная любовь позиционируется в былинной концептосфере как изначально имеющая относительно высокую значимость и девальвируется лишь на сюжетном уровне — уже в процессе сказывания конкретной эпической песни.

Русский эпический концепт «прелести женской»

Для обозначения «антиценности» телесной любви вне брака русский эпический певец использует понятия «прелесть женская» и «женской блуд» — в частности, когда поет о специальных богатырских заповедях, добровольно накладываемых на себя героями. Так, Илья Муромец приравнивает названный негативный концепт к воровству и убийству:

А й налагает ведь Илья не себе заповедь
А й заповедь Илья себе великую:
А й не красть бы-то Ильюше да не воровать,
Не укинуться на прелесть бы на женскую,
А й не кровавить бы Ильи да сабли вострыи,
А й не кровавить бы да стрелочек каленных
А ехать бы дорожкой прямоезжею...³²³

Калики перехожие (те же богатыри, только безоружные и пешие, отправившиеся на богомолье) накладывают на себя — на время путешествия в Святую землю — совершенно такую же заповедь:

...кто украдетъ или кто солжеть | али кто пуститца нажен-
скои блудъ не скажетъ | болшему атаману атаманъ прото

³²³ Илья Муромец и Соловей Разбойник: [Былина] № 56 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 1. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1894. — С. 416.

дело проведает | едина оставить вочистомъ поле иокопать |
поплеча восыру землю...³²⁴

Добровольное соглашение о смертной казни для нарушившего заповедь говорит не только о том, что ценность воздержания от блуда занимает весьма высокую позицию в аксиологической иерархии персонажей. Оно свидетельствует также об осознании эпическим певцом великой силы соблазна, которому герои намерены противостоять. Как замечает в другой былине мудрая Марфа, жена Данилы Ловчанина,

А всё ради гузна да ради женского
Погибают удалы да добры молодцы!³²⁵

В понимании былинного певца Дунай Иванович трагически заканчивает свою жизнь именно потому, что ранее насильно овладел спящей в шатре поляницей, причем уже тогда красавица предупреждала его о неминуемом действии духовного закона и последующем воздаянии:

Не мог утерпеть тогда доброй молодец:
.....,
.....,
Утешился удалой доброй молодец, —
.....
Проснулася тогда красна девица,
Глянула на удала добра молодца:
«Просмешник Дунай да сын Иванович,
Надсмеялся надо мной, да красной девицей,
За это примешь суд от царя и от Бога;
Ты засеял мне, может, три отрока, —
Куда топерь я деваюсь?»³²⁶

Однако будучи максимально строги к самим себе, калики-богатыри склонны простить согрешившей княгине ее слабость, «плоть женскую» — тем более, что за грехом неотвратимо последует

³²⁴ Сорок калик со каликою: [Воспроизведение рукописи «Сборника Кирши Данилова»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 290.

³²⁵ Данило Ловчанин: [Былина] № 166 // Былины: В 25 т. Т. 4. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2004. — С. 366.

³²⁶ Дунай Иванович: [Былина] № 45 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 190.

Божья кара. Наблюдая последствия греховного поступка, слушатель постигает логику духовного закона, согласно которому, блудные помыслы и клевета, приведшие к убийству невинного Касьяна, навлекают на княгиню Апраксию позорную болезнь. После своего преступления последняя «лежала встраму»³²⁷ (т. е. во гноище, покрытая зловонной коростой) полгода, пока не раскаялась.

Впрочем, эпический певец отдает себе отчет в слабости рода человеческого: даже после чудесного исцеления греховные помыслы продолжают преследовать княгиню:

...вышла искожуха какъ испропости, | скоро она убирала-
ся инарежалася тутже | книмъ кстоу пришла снянками
смакками їсенными | красными девицами молоду касья-
ну поклоняетца бестыда | безсорому агрехъ свои науме
держить...³²⁸

Женская красота весьма часто прельщает богатырей, представляя серьезное испытание для их нравственности и воли («неупадчивости»). Былинные красавицы — за счастливым исключением Настасьи Микуличны, Василисы Микуличны, Марьи Афромеевны, супруги царя Константина и «благочестивых вдов» — весьма склонны к чувственной любви вне брака. Так, сожительствует со змеем Маринка Потравница. Изменяет мужу (или, по крайней мере, намеревается это сделать) княгиня Апраксия, которая поочередно влюбляется в Тугарина, в Чурилу Пленковича и в Касьяна; неверны своим мужьям жена Святогора и прекрасная Катерина, вступившая в связь с тем же Чурилой. Оставляют своих супругов Марья/Авдотья Лебедь Белая и Соломаниха, жена царя Соломана. Вступает в телесную связь до брака королевна Настасья (дочь Симеона Леховитого) и Олена/Елена (сестра богатырей Збродовичей); «любовь телесную» предлагает Добрыне Никитичу племянница князя Владимира Забава Путятична и она же — бесстыдно — является «сватать саму себя» к Соловью Будимировичу. Даже наиболее целомудреннейшие из былинных красавиц — Настасья Микулична и Марья Афромеевна — сами предлагают себя в жены Добрыне Никитичу и Михайло Потыку соответственно.

Красота Чурилы производит чрезвычайно мощное психическое — если не буквально физиологическое — воздействие на

³²⁷ Сорок калик со каликою: [Воспроизведение рукописи «Сборника Кирши Данилова»] // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 293.

³²⁸ Ibid. С. 294.

киевских «девок», «молодиц» и «стариц». «Вольные дома» и кабаки этого города полны «девок прелестливых», готовых провести время с «добрыми молодцами». В тереме Маринки собираются «дочери отецкие» и «жены молодецкие», которые с готовностью «приговаривают» (т.е. привлекают, подзывают к себе) заглянувшего в этот дом Добрыню Никитича³²⁹. В поздних вариантах, записанных уже в советское время, в тереме Маринки присутствуют даже попадьи:

Как идет Чурило он по Киеву,
Завернул в переулок Мариинский,
Со девицами да призабавился,
С попадьицами да призабавился...³³⁰

В этом мире красивых женщин герой находится в состоянии напряженной внутренней борьбы, постоянного противостояния соблазнам. Так, Добрыня Никитич становится объектом любовной магии («присухи») — встав утром, когда все идут к церковной службе, герой проходит мимо храма и направляется к прекрасной колдунье в «переулки Игнатьевские», а протагонист другой былины, Михайло Казарин, страстно желает молодую пленницу, освобожденную им из татарской неволи. В обоих случаях связь грозит позором; оба персонажа воздерживаются от физической близости, но это удастся им с огромным трудом. Другой герой — Михайло Потык — неспособен противостоять очарованию коварной девы-оборотня, ради союза с которой он обманывает князя Владимира и побратимов, отказывается от «работы богатырской» и позже отправляется искать сбежавшую жену по свету.

Воздержание от телесной страсти становится вызовом для главного героя и его ключевой задачей в старинах об Илье Муромце, Святогоре и жене Святогора, об Илье и его сыне, о трех поездках Ильи (дорожка «женату быть»), о Добрыне и Маринке, о втором бое Добрыни со Змеей, об Алеше и сестре Петровичей (Збродовичей), о Дунае и Настасье (сюжет «Молодец и королевна»), о сорока каликах, о Михайло Потыке, о Михайло Казарине, об Иване Годиновиче /Горденовиче, а также о Садко в Подводном царстве.

³²⁹ Три года Добрынюшка стольничел // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М.: Наука, 1974. — С. 161.

³³⁰ Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром // Илья Муромец. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 250.

Воздержание от блуда является, по-видимому, одним из самых «выстраданных» концептов русского эпического сознания: как правило, в начале былины блуд достаточно высоко позиционируется в ценностной иерархии героя и девальвируется лишь к концу песни (либо к концу диптиха или триптиха, образованного несколькими песнями об одном персонаже).

Адюльтер (прелюбодеяние, супружеская измена) — популярная тема средневековых куртуазных романов («Тристан и Изольда» и др.) — в былинном эпосе заявлен в песнях о Тугарине, о Михайло Потыке, о Чуриле и Катерине, о царе Соломане. Однако в русском эпическом сознании внебрачная связь кого-либо из супругов является «антиценностью»: духовные законы былинного мира требуют, чтобы согрешивший персонаж был непременно наказан, — смертью (как Чурила Пленкович, мать Сокольника, невеста Ивана Годиновича) или позорной болезнью (как княгиня Апраксия и, возможно, жена Святогора).

Отрицательные ценностные координаты этого концепта, характерные для восточнохристианских культур, могут указывать, в частности, на влияние этики византийского рыцарского романа, отвергающего ценность адюльтера (так, даже в весьма эротизированных повествованиях о любви XII–XIV вв., созданных на греческом языке, адюльтер не встречается за единственным исключением истории Клитовоса и Миртаны, изображенной в анонимном романе «Ливистр и Родамна»³³¹).

Былинный идеал воздержания от блуда и супружеской верности по своему содержанию почти тождествен сходному концепту византийского рыцарского романа, утверждающему ценность эротической любви-верности, которую герой может испытывать только к одному человеку. В последнем случае это чувство отрицает возможность измены, утверждает равенство влюбленных и предполагает их духовное преображение, а также безграничное счастье в супружестве.

Русский эпос являет нам идеальную пару влюбленных супругов — Добрыню и Настасью, сохранивших самую нежную привязанность друг к другу, несмотря на многолетнюю разлуку и несостоявшуюся «измену» Настасьи, согласившейся выйти вторым браком за Алешу Поповича. Однако былинный сказитель помнит и трагическую историю Михайло Потыка и Лебеди Белой — дурной пример разрушительной любви-страсти обманутого мужа,

³³¹ Подробнее см.: *Алексидзе А. Д.* Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). — Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1979. — С. 146.

слепого чувства, вызванного наваждением; в этом случае, как логично предположить, в сознании слушателя девальвируется ценность «вечной» любви к одной женщине. Потык находит свое счастье, только когда обнаруживает в себе силы выйти из-под власти Лебеди Белой и жениться на дочери иноземного царя Афроея. Как можно видеть, любовные истории в русских былинах реалистичнее, чем в византийском рыцарском романе; тот же Добрыня до женитьбы на Настасье вступает в опасные отношения с Маринкой, а Алеша Попович посещает незамужнюю Елену Петровну-Збродовну и бесчестит ее перед всем Киевом, прежде чем пойти с красавицей под венец.

В былинах нет, с одной стороны, идеала пожизненного союза героев, который характерен для житий святых супругов (Акилы и Прискиллы, Адриана и Наталии, Петра и Февронии Муромских и др.). Однако в них нет и тени симпатии певца к юным, красивым, безумно влюбленным, страдающим — или, наоборот, ловким и удачливым — прелюбодеям, образы которых находим в средневековой поэзии трубадуров. Былинный Чурила красив, но для эпического певца он — «Чурило сухоногое»³³² и не может быть отнесен к числу богатырей. Русский сказитель опасается вызвать у своей аудитории симпатию к красавцу-прелюбодею — тогда как западноевропейский трубадур вполне намеренно вызывает ее у своего слушателя, молодого и влюбленного воина, предлагая ощутить душевное сродство с героем по сходству «любимых» страстей. Однако при сопоставимом позиционировании «антиценностей» блуда и прелюбодеяния русская былина и византийский роман различаются прежде всего в том, какие положительные аксиологические категории они противопоставляют нарушению супружеской верности.

Греческий средневековый роман развлекал читателя, предлагал ему тонкие аллегории и загадки, оказывал вполне определенное воздействие эротической образностью (не порывая при этом с традиционными представлениями о благочестии), однако утверждал не ценность брака, но ценность идеализированного страстного чувства, как бы «очищенного» браком. Былине концепт вечной чувственной любви супругов неизвестен; русский эпос преследует скорее духовно-терапевтическую задачу: девальвировать в ценностном центре слушателя аксиологическую категорию внебрачной

³³² См., в частности: Дюк: [Былина] № 230 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 233.

«любви телесной» (той самой «свободной любви», которую так ценили трубадуры и которую считали несовместимой с супружеством). А также — указать на христианский брак как на «честной» институт, требующий защиты от насильников (Тугарин, Идолище), клеветников-завистников (Алеша Попович, «голый шап» Давыд Попов), соблазнительниц (Лебедь Белая, Забава) и соблазнителей (Чурило, «прекрасный царь» Василий Окулович), а также от всех, кто владеет любовной магией (Маринка, Лебедь Белая и т. д.).

При этом для русского эпического сознания брак значим не как ритуал, не как обрядовая форма, имеющая ценность сама по себе, независимо от поведения супругов, но как честный «договор» равноправных людей (например, Добрыня и Настасья в момент обручения суть совершенно равноправные и самодостаточные договаривающиеся стороны). И если духовное содержание семейной жизни утрачено (как это происходит, например, в случае Михайло Потыка и Лебеди Белой), брак вырождается в сожительstwo и, будучи христианским институтом и церковным таинством, подвергается бесчестию.

Сосредоточенность на проблеме физической страсти как ценности, которая должна быть девальвирована — а также на задаче сохранить высокую «цену» христианского брака в сознании своего слушателя, — сближает русские былины с византийской эпической поэмой о Дигенисе Акрите и с народными греческими песнями, в которых «отсутствует какой-либо мистицизм страсти, физическое влечение выражено в чрезвычайно естественной форме, что подчеркивает ее жизненно важное для человека значение»³³³. Отметим, что легализация физического влечения в упомянутой византийской эпической поэме (магометанин Амир и его христианская возлюбленная, Дигенис и Евдокия) — а также в греческих народных песнях и в русских былинах, — происходит с помощью аксиологического концепта законного христианского брака.

³³³ Dimaras C. Histoire de la littérature neo-hellenique. [Цит. по: Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). — Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1979. — С. 117.]

Элемент добываемой личной чести: жена/невеста героя

Ценность обладания чужой красавицей в эпосах других народов

Женщина есть весьма ценное «имущество» для гомеровского героя; ее присвоение кем-либо другим требует отмщения (т.е. компенсации равноценным имуществом) под угрозой упреков в трусости, ведущих к дурной славе-молве. Воспетый Гомером «гнев» Ахиллеса, которого соратники обесчестили, отняв законную добычу — прекрасную Брисеиду, — задает отправную точку, главный конфликт «Илиады».

О чрезвычайно высокой позиции, которую женщина или девушка занимает в ряду других элементов личной имущественной чести языческого героя, говорит и то, что на устроенных Ахиллесом поминальных играх в честь Патрокла именно «в рукодельях искусная дева младая»³³⁴ является главным призом. Если рабыня, пусть даже умелая, ценилась так высоко, то логично предположить, что «ценность» благородной, законной жены царя являлась буквально немыслимой (на это указывает и опыт Париса, похитившего супругу Менелая и тем обеспечившего себе не только великую честь, но и бессмертную славу).

Утрата жены, ее присвоение другим (наряду с убийством сына) — страшнейшее проклятие в гомеровском мире; клятвопреступникам желают, чтобы их женами обладали другие мужчины³³⁵. Необходимость защитить супругу от врага и таким образом избежать бесчестия является одним из важнейших побудительных мотивов для троянского воина — так, Сарпедон обращается к Гектору с призывом убедить подначальных последнему ратоборцев не отступать в бою «и за жен своих храбро сражаться»³³⁶.

Восстановление героем собственной чести, пострадавшей в результате попыток отнять у него женщину (жену или наложницу), является главной темой и другой гомеровской поэмы — «Одиссеи». Для хитроумного повелителя Итаки жена — ценнейшее «имущество», лишившись которого, он будет обесчещен в глазах всего мира (особую ценность Пенелопе придает ее верность,

³³⁴ Гомер. Илиада // Гомер. Илиада. Одиссея. — М. : АСТ, 2005. — С. 407.

³³⁵ Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 74.

³³⁶ Ibid. С. 114.

изумлявшая богов и людей³³⁷). Неслучайно Одиссей считает необходимым доказать свои права на женщину, которой может обладать лишь самый достойный из женихов. Для этого он принимает участие в общем состязании, натягивает лук и поражает цель сквозь проушины в рукоятках топоров.

Пенелопа в глазах Одиссея не обладает — и в принципе не может обладать — свободной волей, ее чувства не могут учитываться, как не учитывается мнение коня, доспеха или золотого браслета о том, кому он должен принадлежать. Гомеровский герой не знает ни ценности брака самого по себе (как института), ни ценности женской любви, когда женщина выступает в качестве существа, наделенного свободной волей. Право на добычу имеет сильнейший, и Одиссей подтверждает такое право; только после этого он получает достаточные моральные основания для того, чтобы расправиться с женихами. Гомеровский этос потребовал бы от былинного князя Владимира того же: силой доказать свои права на Апраксию, а затем лично (непременно лично) убить Змея Тугарина, чтобы тот ценой своей крови компенсировал ущерб, нанесенный персональной имущественной чести киевского правителя.

Будучи ценным «имуществом», законная жена героя или анти-героя есть желанная цель для его соперников, стремящихся захватить женщину и тем самым увеличить «счет» своей личной чести. Любовное влечение при этом, как правило, не подразумевается. В нартском эпосе карачаевцев и балкарцев богатырь Алаутан, убив великана-эмегена, женится на уродливой пятиголовой жене последнего — конечно, не потому, что был пленен ее красотой, но ради приращения личной чести. Во многих национальных эпосах богатырь буквально обязан (как, например, протагонист башкирского эпоса «Идукай и Мурадым») вступить в права владения женой или дочерью поверженного противника, ведь в противном случае он покажет себя недостойным такой добычи.

Аналогичным образом в «Рамаяне» чудовищный демон Равана похищает Ситу, жену Рамы, и держит ее в плену не для того, чтобы насладиться ее красотой. Равана стремится обесчестить мужа (Раму), а для этого отнюдь не обязательно бесчестить саму жену, достаточно просто ее добыть, сделать трофеем. В свою очередь, Рама стремится вернуть Ситу не потому, что любит ее и не может без нее жить: герою важен сам факт возмещения личной имуще-

³³⁷ Гомер. Одиссея. Песнь двадцать четвертая : 195–199. Русский перевод и оригинальный греческий текст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitir/t.htm?a=1344030024>

ственной чести. Вернув Ситу, он отправляет ее в глухие леса, потому что пребывание в плену у Раваны снизило «стоимость» женщины как имущества в глазах его подданных, и связь с Ситой уже может стать бесчестьем для героя.

Дохристианская ценность обладания чужой женой, в особенности женой царя, определяет мотивацию и героя латинской «Повести о рождении и победах Александра Великого» — египетского царя и вохва Нектанеба, который обманом и чародейством овладевает царицей Олимпиадой, женой Филиппа. Автор «Сербской Александрии» замечает в связи с авантюрой Нектанеба, что «лестен бо есть ко всякому падению прелщати жены»³³⁸. Герой осуждается на словах, однако никакому наказанию за грех не подвергается, что увеличивает ценность адюльтера в глазах читателя.

В мире «Старшей Эдды» для героя великим бесчестьем являются притязания на его жену; такие притязания требуют немедленной мести под страхом всеобщего презрения (бесславия). С другой стороны, обладание чужой женой — безусловная честь для похитителя или соблазнителя:

Локи [сказал:]
«Ты, Тюр, молчи!
От меня родила
жена твоя сына;
за бесчестье с тобой
я не расчелся —
стерпел ты, презренный!»³³⁹

Гуннару «Саги о Волсунгах» кажется «тяжким позором, если уйдет от него жена»³⁴⁰, — как можно видеть, не потеря любимого человека и не судьба христианского брака волнуют героя, но утрата важнейшего элемента личной имущественной чести. В «Старшей Эдде» одноименный персонаж называет жену «сокровищем», и это не фигура речи, потому что Брюнхильд «дорога» ему именно как имущество, многократно превосходящее аналогичное «имущество» других конунгов:

³³⁸ Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. — М. — Л. : Наука, 1966. — С. 10.

³³⁹ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 232.

³⁴⁰ Сага о Волсунгах. — М. — Л. : Academia, 1934. — С. 201.

Всех мне дороже
Брюнхильд, дочь Будли,
всех женщин она
лучше и краше;
скорее готов я
с жизнью расстаться,
чем этой жены
потерюю сокровища!³⁴¹

Представление Гуннара о жене как об имуществе связано еще и с тем, что обладание Брюнхильд автоматически обеспечивает ему обладание частью земель, принадлежащих ее роду. Потеря жены означает потерю этих земель, о чем Брюнхильд прямо говорит мужу:

Гуннар, ты скоро
навек потеряешь
землю мою
и меня вместе с нею...³⁴²

Гуннар осведомлен о том, что Брюнхильд тоскует о Сигурде; следовательно, о любви между супругами речь идти не может, их связывают исключительно отношения обмена. Будучи мужем Брюнхильд, Гуннар получает имущественную честь и славу обладателя прекраснейшей и мудрейшей из женщин; в обмен Брюнхильд рассчитывает получить сильнейшего из воинов (единственного, кто смог победить ее), однако в результате подлога ей навязывают супруга, чей «счет» личной чести не является достаточно высоким в сравнении с ее собственной «стоимостью» как жены.

Брюнхильд угрожает Гуннару тем, что оставит его, и для конунга это будет означать не только бесчестие (т. е. потерю ценнейшего имущества), но и бесславие, потому что уход Брюнхильд создаст позорный прецедент, который будет навеки связан с его, Гуннара, именем:

прежде такого
еще не бывало,
чтоб конунгов жены
царство бросали³⁴³.

³⁴¹ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М : Худож. лит-ра, 1975. — С. 294.

³⁴² Ibid. С. 294.

³⁴³ Ibid. С. 294.

Уход от мужа — страшная месть женщины, которую встречаем и в адыгейском нартском эпосе: жена Химиша, происходящая из племени маленьких людей испов, таким образом бесчестит (т. е. лишает возможности обладать собой как важнейшим элементом личной имущественной чести) оскорбившего ее супруга.

Потеря жены в результате похищения — великое бесчестие для нарта Сослана (осетинский эпос). Герою не удастся отбить красавицу у Алдара Хизы, и он умирает неотомщенным; восстановление отцовской имущественной чести становится главной задачей юного Батразда, ради чего он собирает всех нартов и ведет их на штурм крепости своего противника.

Если протагонист огузского эпоса потеряет любимого коня или жену, то и войско отвернется от обесчещенного предводителя. Удальцы говорят Кероглу:

Что коня похитили, что жену — одно бесчестье. Раньше и птица не осмеливалась пролететь над Ченлибелем, при одном имени твоём паши и беки трепетали, как листья. А теперь, посмотри, до чего дошло, — какой-то плешивый крадет отсюда коня. Весть об этом разнесется повсюду. Враги наши обнаглеют. Ты сам, своими руками, сделал то, чего весь свет не мог бы сделать³⁴⁴.

За посягательство на свою жену внезапно вернувшийся из плена герой узбекского эпоса Алпамыш не просто казнит несостоявшегося жениха Ултаназа, но предварительно пытается его сорок дней. Для героя бурятского эпоса Гэсэра перспектива отдать жену великану Абарга Сэсэну неприемлема: такое бесчестие хуже смерти. Неслучайно и могучий Мангна-хан требует у Джангара, протагониста одноименного калмыцкого эпоса, чтобы тот отдал ему свое наиболее ценное «имущество» — жену.

Богатырь Мюльдзю Бёгё (якутский олонхо) тяжело переживает утрату красавицы-жены, похищенной Арджаманом-Джарджаманом; однако не любовь к супруге заставляет героя отправиться на ее поиски, но необходимость избежать бесчестия: «Если от битвы откажусь, / Позором покрою себя»³⁴⁵. Другой герой

³⁴⁴ Кероглу // Народная поэзия Азербайджана. — Л. : Советский писатель, 1978. — С. 320.

³⁴⁵ Говоров Д. М. Непобедимый Мюльдзю Бёгё : в 2 кн. Кн. 2. — Якутск : Бичик, 2010. — С. 245.

якутского эпоса Юрюн Уолан также опасается бесчестия, которое угрожает ему в случае, если кто-либо завладеет его суженой, красавицей Туйаарыму Куо.

В сербском эпосе находим замечательный пример того, как подвергается девальвации языческая идея об обладании чужой женой, — идея, согласно которой подобная практика является ценностно значимой, поскольку обеспечивает стяжание личной имущественной чести и распространение славы. Король Вукашин, убив богатыря Момчилу, по языческой «привычке» намеревается завладеть неверной женой последнего, «сукой Видосавой», спланировавшей убийство собственного мужа. В точном соответствии с каноническим поведением языческого героя Вукашин вступает во владение добычей, под которой понимаются не только жена убитого Момчила и его «хоромы», но также доспех. И тут выясняется, что это воинское облачение слишком велико для своего нового владельца:

Выходила сука Видосава...
Отвела его в свои хоромы,
И за стол сажает золоченый,
Предлагает вина и ракию,
Угощает всякими сластями.
А потом пошла в светлицу мужа
И оттуда выносила платье
И оружие светлое Момчила.
Поглядите на такое чудо:
Что Момчилу было до колена,
Вукашину до земли доходит;
Ровно в меру шапка для Момчила, —
Вукашину ж до плеча упала...

Когда в подобной ситуации оказывается общеэпический герой, он торжествует: уникальный трофей огромных размеров обеспечит победителю не только прибавление личной имущественной чести, но и славу-молву. Так, французский протагонист Гийом Короткий Нос («Коронование Людовика») без промедления садится на гигантского коня, доставшегося ему от убитого великана Корсольта, предварительно укоротив слишком длинные стремена³⁴⁶. Но с Вукашином происходит нечто необъяснимое с точки

³⁴⁶ Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985. — С. 110.

зрения общеэпического миропонимания: он осознает собственное ничтожество по сравнению с убитым Момчилой:

Говорит тогда король Вукашин:
«Боже правый, что же я наделал!
Вот так курва эта Видосава!
Уж когда юнака загубила,
Что другого не найдешь и в свете,
То меня погубит верно завтра».

На глазах у слушателя происходит преображение: эпический «чужой» становится «своим» в тот момент, когда отказывается от по сути языческой ценности личной славы. Вчерашний недруг король (краль) Вукашин казнит Видосаву, женится на сестре убитого Момчилы, и та рождает ему младенца — Марка Кралевича, будущего героя сербского эпоса.

Концепт, выявленный в былине о Момчиле и Вукашине, уже не языческий (хотя и не вполне христианский): в оппозиции «я — другой» предельная значимость чести связывается не с собственным «я», но с кем-то (или чем-то) внешним по отношению к герою. Это предполагает признание персонажем за некой внешней по отношению к нему реалией большей «стоимости», чем его собственная, — ситуация, для языческого эпоса совершенно немыслимая. Однако для определения ценности «внешнего» начала Вукашин использует не духовные, но физические критерии (огромный рост Момчилы, поразивший кралья, является типично языческим маркером богатства). Результатом такого признания становится в рассматриваемой песне то, что Вукашин, по сути, восстанавливает личную честь убитого Момчилы (мстит его убийце, возвышает его род). В этом случае речь еще не идет, конечно, о защите общей чести сербского богатства (юначества) как некой единой — в том числе, с точки зрения своих целей — корпорации.

Ценность насильственного обладания чужой красавицей в русском эпосе

В ряде былин (про Волха Всеславовича; про Ивана Годиновича; про Добрыню, Натасью и Алешу) главный герой мотивирован ценностью красавицы как добычи, которую он должен получить для приращения личной имущественной чести. Так, Ивану Годиновичу хочется не просто жениться (герой отказывается по совету

князя взять невесту в родном Киеве или в соседнем Чернигове), ему непременно нужно вывезти будущую жену как трофей из недружественного «царства Ляховиньского».

Мне не надоть у купья-гостя торгового,
Мне не надоть у хресьянина у подлого:
Я поеду к королю-де лех(о)винскому...³⁴⁷

В варианте, пропетом А. М. Крюковой, главный герой поясняет, отчего женитьба на обычной девушке не может его устроить:

Мне не честь-хвала молодецкая.
Мне не выслуга богатырская!³⁴⁸

После этих слов Иван отправляется не просто свататься: он намерен перехватить невесту у самого Идолища «великого и превеликого... поганого»³⁴⁹ (именно подобное обстоятельство заставляет нас рассматривать эту былину в связи с ценностью отнятия «чужой» красавицы). Богатырю подходит только та невеста, которая «сидит за сорок замков шурупчатых»³⁵⁰ (вариант: «за двенадцати замоцьками ... за тринадцать ... сторожоцьками»³⁵¹), — чем сложнее добыть красавицу, тем выше ее цена и тем больше честь для героя.

У Кириши Данилова князь Владимир поддерживает протагониста в его предприятии и подчеркивает, что богатырю пристало брать невесту именно там, где ему отказывают:

Честью не даст, ты и силою бери³⁵².

³⁴⁷ Иван Годинович: [Былина] № 300 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 458.

³⁴⁸ Настасья Митреяновна (Иван Годинович): [Былина] № 197 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 581.

³⁴⁹ Ibid. С. 582.

³⁵⁰ Ibid. С. 582.

³⁵¹ Иван Годинович: [Былина] № 300 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 459.

³⁵² Иван Гаденович («Во стольном во городе во Киеве...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 79.

Выражение «честью не даст» указывает на лежавший в основе успешного сватовства принцип равноценности: с одной стороны, девицы как особого «имущества», а с другой — личного «рейтинга» жениха, его унаследованной и приобретенной имущественной чести.

В мезенско-кулойском варианте князь, напротив, сомневается в том, что богатырь сможет совладать с Настасьей Бугригорьевной:

Ох ты гой еси, Иван сын да Годинович,
А [и] той-те невесты не владать будёшь!³⁵³

Герой, для которого личная честь значит немного, мог бы прислушаться к предостережению князя и отказаться от иноземной невесты, богатырский нрав которой, а также горячее желание стать царицей (о чем известно заранее) могут угрожать судьбе будущего брака. Но для языческого персонажа — а именно таким является по своей сути Иван Годинович — замечание князя есть личное бесчестье: предположение, что герою не достанет силы смирить девицу, суть его недооценка и принижение.

Выше мы уже приводили примеры того, как персонажи разных национальных эпосов сватаются не потому, что влюблены, но исключительно для того, чтобы избежать упреков в трусости, слабости или в недостатке достоинства. Именно в соответствии с этим канонем поведения Иван Годинович устремляется в Ляховинское царство. Однако когда он приезжает, то выясняется, что Настасья уже просватана за «арапа заморского»; Иван силой увозит красавицу, и на обратном пути в Киев их настигает суженый Настасьи — арап. В поединке богатырей девица принимает сторону своего жениха и оказывает ему помощь, действуя против Ивана. Последнему, впрочем, удастся остаться в живых и увидеть конец арапа, после чего он казнит Настасью.

Итак, сбывается предсказание князя Владимира о том, что герою не суждено владеть иноземной красавицей. Иван Годинович не добыл ценное «имущество» и не может вернуться в Киев с живым трофеем; обратной дороги на княжеский пир у этого языческого по своей сути персонажа нет. В ряде вариантов протагонист является на глаза одному только князю, и тот насмехается над ним:

³⁵³ Иван Годинович: [Былина] № 160 // Былины : В 25 т. Т. 4. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2004. — С. 348.

Говорит кнесь Владимир да стольнекиевской:

«Ты здорово, Ваня, женилсэ, да, видно, не с ким спать?»³⁵⁴

В этом варианте, пропетом А. П. Чуповой на Мезени, подчеркивается, что вместо личной чести герой обретает дурную славу-молву:

Затем-то веть Ванюшки славы поют,

А славы-ти поют да и старины скажут³⁵⁵.

Слушатель видит, что герой — наделенный поистине богатырской силой, способный победить в единоборстве Кощея/Идолище/Вахромей/ «арапа заморского», — не совершает ни одного подвига, который мог бы укрепить общую славу русского богатырства. Будучи изначально мотивирован ложной ценностью, Иван Годинович не видит возможности оставаться богатырем после того, как эта ценность девальвирована в его сознании. Для него недоступно еще понимание общей богатырской чести как миссии служения, защиты «честных» объектов и Божьих установлений на земле. Он не в силах претерпеть бесчестие и бесславие:

Пожылы-ти люди да фсе удивляюще,

Малы-ти робята над им дак надсмехающе...³⁵⁶

Согласно самой древней из известных науке записей (хотя и неполной) этой былины³⁵⁷, в финале Иван Годинович принимает постриг, то есть отказывается от богатырской судьбы. Одновременно в сознании слушателей окончательно девальвируется представление о невесте как о ценной добыче, обеспечивающей прибавление личной чести.

Хотя языческий этос требует казнить девушку, пытавшуюся обесчестить героя и лишить его жизни, сам герой тяжело переживает убийство Настасьи. В мезенском варианте Иван с горечью

³⁵⁴ Ванюшка Маленькой (Иван Годинович) и Настасья Митреевична: [Былина] № 375 // *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа* : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 411.

³⁵⁵ Ibid. С. 411.

³⁵⁶ Иван Горылович (Годинович): [Былина] № 414 // *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа* : В 3 т. Т. III. СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 561.

³⁵⁷ <Отрывок былины об Иване Годиновиче> / *Ширяева П. Г., Кравчинская В. А.* Две былины в записях конца XVII–XVIII вв. // *Труды Отдела древнерусской литературы*. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — С. 349–353.

говорит сам себе: «жанил я свою саблю вострую»³⁵⁸. В этом смысле монашеский постриг, отказ от брака в будущем с необходимостью следуют из совершенных ранее действий героя, являются логически оправданным финалом старины. В пудожском варианте Т. Романов, поведав о казни красавицы, резюмирует: «Только-то Иванушко и женат бывал»³⁵⁹; А. М. Крюкова, забывшая в 1899 году пропеть о ключевой сцене поединка и о последующей казни девицы, отнюдь не забывает упомянуть в конце песни, что Иван Годенович

...написал ведь клятву великую:

«Щобы век мне не жинитце,

Щобы век мне, добру молоцу, век холостому волочитьце»³⁶⁰.

В беломорском варианте, записанном в 1909 году, герой говорит о себе самом: «Не фсякому женидба издавайтце!»³⁶¹. Наконец, в 1958 году (когда певцам в общении с «городскими» фольклористами уже неудобно было упоминать о принятии богатырями монашества) Ф. Г. Илатовская, почти полностью забывшая сюжет, упоминает о том, что герой «...больше век не женился, и век так жил»³⁶²; сказывая повторно для магнитофонной записи, она вновь завершает былинку финальной фразой: «...а сам век не женился, Иван Гоудинович»³⁶³.

Русский эпос знает еще один пример насильственного добывания красавицы — дочери Симеона Леховитого/Леховиньского, юной Апраксии/Афросиньи — для князя Владимира. И хотя

³⁵⁸ Иван Гоудинович: [Былина] № 300 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463.

³⁵⁹ Иван Гоудинович: [Былина] № 23 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск : Губернская типография, 1864. — С. 118.

³⁶⁰ Настасья Митреяновна (Иван Гоудинович): [Былина] № 197 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 583.

³⁶¹ Иван Косьянович (Гоудинович): [Былина] № 253 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 680.

³⁶² Иван Гоудинович: [Былина] № 165 // Былины : В 25 т. Т. 4. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2004. — С. 363.

³⁶³ Иван Гоудинович: [Былина] № 164 // Былины : В 25 т. Т. 4. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2004. — С. 362.

формально Дунай Иванович, выступающий в этой былине в роли свата, не увозит чужую невесту, однако нередко упоминается о том, что Апраксия уже просватана за другого — это обстоятельство побуждает нас трактовать сватовство именно как отнятие красавицы силой, придающее «честь-хвалу» насильнику. Жестокость свата Дуная и его помощников, других богатырей, буквально прорубающих дорогу к терему невесты и заливающих дворец Симеона кровью, объясняется тем, что этот герой использует свой «визит» в Леховинское царство для того, чтобы отомстить его правителю. Ранее Дунай служил Симеону (об этом помнит большинство певцов) и вступил в блудную связь с его дочерью Настасьей, а затем опозорил ее, похваставшись лестным для себя «подвигом» на пиру. Как можно предположить, план Дуная состоял в том, что достойные женихи отвернутся от опозоренной им девушки и ее постараются поскорее выдать замуж — пусть даже и за соблазнителя. Но отец Настасьи принял иное решение: казнить Дуная, тем самым показав, что богатырь недостоин жениться на его дочери, даже обесчещенной и обесславленной. Любовница, однако, помогла молодцу избежать казни, и тот скрылся в Киеве.

Будучи эпическим героем дохристианского типа, Дунай Иванович должен теперь любой ценой заполучить девушку и тем самым восстановить свою честь. При этом он заинтересован в максимальном кровопролитии: с точки зрения языческого героя женщина, взятая силой как добыча, есть более ценный трофей. Дунай использует в своих интересах (для отмщения и насильственного добывания невесты) поручение князя Владимира; он полагается на приданных ему для сватовства богатырей-помощников. На Печоре не забыли важный эпизод: Дунай-сват едва не попадает повторно в руки Симеона Леховитого, который

Нагонил силы многим множество —
Сохватили удаля добра молодца,
Свезали во пугенки шелковые,
Сажали на тележку-двоеколючку,
Повезли-то ко казни ко смертной,
Ко смертной казни к позорной:
<...>
Кабы плацёт Дунай, да как река тецёт³⁶⁴.

³⁶⁴ Дунай: [Былина] № 86 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 339–340.

Дунай не может добыть Апраксию и Настасью без помощи Добрыни и других киевских богатырей — то есть герой, по языческим меркам, действительно недостоин обладать королевной. Однако он добивается своего при помощи «сметки» — хитрости, позволившей ему использовать киевских витязей в своих интересах.

Таким образом, виновником насилия над Апраксией является не князь Владимир, но его сват Дунай — и расплачивается за это насилие именно он (если не считать того, что Владимир обречен на жизнь с супругой, которая, как мы отмечали выше, постоянно влюбляется в заезжих героев — от Тугарина и Чурилы до калики Касьяна).

Если в эпической поэзии других народов насильственное добывание невесты из «чужого мира», как правило, проходит успешно, то в русских былинах честолюбивая авантюра богатыря завершается крахом. Певец девальвирует ценность подобной «силовой операции» в сознании слушателей; истории Ивана Годиновича и Дуная Ивановича в ценностном плане прочитываются как обращенное к аудитории предостережение от намерения жениться исключительно ради имущественной чести.

Бесславие ожидает и другого былинного жениха — Алешу Поповича, посватавшегося к жене Добрыни Никитича во время многолетнего отъезда последнего. Отличие от истории Ивана Годиновича заключается, однако, в том, что Алеша, во-первых, мотивирован не прибавлением имущественной чести, но стремлением снискать личную славу, а, во-вторых, в том, что он добивается добровольного согласия красавицы, не пытаясь взять ее силой. На этом основании упомянутый мотив будет рассмотрен нами отдельно в связи с концептом личной славы, который в русском эпическом сознании противопоставляется концепту жалости/сострадания.

Яркий пример героического действия, мотивированного ценностью обладания чужой женой, находим в былине о Волхе Всеславьевиче, который успешно присваивает прекрасную супругу «царя Индейского» Турец-санта — вместе с его царством.

Однако князь-оборотень, будучи сыном змея, с очевидностью не мог восприниматься русским эпическим сознанием как «свой» богатырь (этот герой никогда и не действует по-богатырски, он отказывается от богатырского призвания и становится одним из иноземных царей). Его история — своего рода эталон жизненного пути языческого героя, который добивается исключительно приращения личной чести. Добавим в этой связи следующее: названная аксиологическая категория доминирует как в ценностном центре

Вольги, так и в ценностном центре Волха, что является, на наш взгляд, более надежным основанием для отождествления этих двух героев, чем простое созвучие их имен.

С младенчества Волх/Вольга показывает окружающим, что достоин особой чести: он необычайно громко кричит, требует себе шлем, богатырскую палицу и кольчугу (которыми, впрочем, не пользуется), затем с рвением постигает колдовскую науку, наследуя таким образом честь своего отца-змея. Затем молодой богатырь восстанавливает личные права на взбунтовавшиеся «городки» (их жители, отказываясь подчиниться, лишают героя части полученного им от сюзерена имущества и, по понятиям языческого эпоса, должны быть жестоко наказаны). Герой наращивает личную честь тем, что создает дружину и затем укрепляет ее. То, что дружина не может прокормить себя сама и нуждается в помощи князя, следует расценивать в качестве мотива, обозначающего представление о воинах как об «имуществе», характерное для общеэпического дискурса (таковы удалыцы Кероглу, неперменные «сорок джигитов» у любого бека в «Книге моего деда Коркута», богатыри Джангара, рыцари Сида и др.). Главный герой постоянно подчеркивает свое превосходство над дружинниками; никто из них неспособен обернуться диким зверем, и воины признают:

Нету у нас такова молодца
Опричь тебя, Вол(ь)ха Всеславьевича³⁶⁵.

Когда Вольга приглашает в свою дружину Микулу Селяниновича, он мотивирован ценностью личной чести: «стоимость» Микулы как воина превышает «стоимость» всей дружины Вольги, и честолюбивый князь всеми силами пытается заполучить Селяниновича (тот, впрочем, соглашается послужить ему лишь однажды — из жалости к своему новому знакомому и взбунтовавшимся «мужичкам» Микула предотвращает их столкновение). Вольга обращает внимание на любое ценное имущество, обладание которым увеличивает личный «счет» чести; так, он приценивается даже к крестьянской лошади.

Неявная угроза Руси, исходящая от Турец-санталя, который только говорит о своих завоевательных планах, но отнюдь не выступает в поход (в отличие от действительных агрессоров — Калина, Кудреванки, Скурлата, Батыги, трех королевичей, братьев

³⁶⁵ Волх (В)сеславьевич («По саду, саду, по зеленому...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 34.

Ливиков и др.), — всего лишь повод для захвата царского трона. Как показывает финал былины, Волх нацелен отнюдь не на защиту Киева и русских земель, но на приращение личной чести, на стяжание царского титула и причитающихся такому титулу атрибутов: царицы и царства. Если бы Волх действительно заботился о защите Руси, то, победив Турец-санталя, он должен был вернуться в Киев и служить князю Владимиру; очевидно, что защита Руси не требует убийства иноземного царя (достаточно обложить его данью в пользу Киева), и уж тем более не предполагает овладение иноземной царицей. Между тем именно царевубийство, добывание чужой жены и узурпация власти нужны герою, ориентированному на ценность личной чести:

И тут Вольх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну...³⁶⁶

Волх остается править в чужой земле потому, что, после захвата Индейского царства, «счет» его собственной личной чести становится выше, чем у его прежнего сюзерена, князя Владимира. В этой ситуации для языческого героя отказ от трона и возвращение в Киев суть бесчестие.

Итак, результатом действий князя-честолюбца становится обладание прекрасной добычей, женой Турец-санталя Еленой Азвяковной, — и это совершается на фоне массового изнасилования девушек в захваченном городе. Волх не просто уничтожает жителей Индейского царства: отдав приказ дружине овладеть дочерьми казненных горожан, он совершает максимальное бесчестие в отношении врага, уже мертвого. Имущественная честь каждого из его воинов увеличивается от обладания пленницами, а следовательно, вырастает и честь самого князя.

Великое злодеяние обеспечивает Волху уже не только приращение личной чести, но также — славу-молву. На распространение славы рассчитана и щедрая раздача дружине добычи:

Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей³⁶⁷.

Именно так в эпических песнях разных народов поступают достославные языческие правители и военачальники — от царя

³⁶⁶ Ibid. С. 36.

³⁶⁷ Ibid. С. 36.

Бхавьи («Ригведа») до властительницы Эальххайль («Видсид»), от конунга Хельги, который «щедро давал... верной дружине жаркое золото, кровью добытое»³⁶⁸ до испанского героя Сиды Руя Диаса («Песнь о моем Сиде»).

История Волха есть идеальная «история успеха» в понимании общепического героя и тех слушателей, для которых актуальны ценности «ветхого» человека. Однако услышав об уничтожении протагонистом населения целого города (за исключением «душечек красных девушек»), традиционная былинная аудитория — православные люди — не могла симпатизировать герою. Тем не менее русское эпическое сознание не «наказывает» князя-колдуна — его поступки не влекут за собой никаких негативных последствий (как это происходит, например, в былинах об Иване Годиновиче или Василии Буслаеве). Вместе с тем Волх Всеславьевич представляется чужаком в русском былинном мире — он настолько соответствует канону общепического, «языческого» героя и настолько непохож на остальных былинных богатырей, что мы находим возможным предположить: известная нам песня о захвате «царства Индейского» есть лишь первая часть исторически существовавшего диптиха (или триптиха), посвященного Волху. Если история Ивана Годиновича «умещается» в одну песню (т. к. честолюбивый герой сразу терпит поражение), то в случае с Волхом требуется больший объем, поскольку этот персонаж вначале добывается желаемого. Таким образом, его история гипотетически предполагает два этапа — «путь к успеху» и последующее крушение. Первая, известная нам, часть завершается торжеством (с этой точки зрения, *временным*) языческого героя, удовлетворением всех его страстных желаний — подобно тому, как заканчивается победой Садко первая часть диптиха об этом новгородском честолюбце. И, по аналогии с диптихом о Садко, вторая часть предполагаемого диптиха о Волхе могла содержать повествование о змеевиче воцарившемся, могущественном, угрожающем своей прежней родине — и в финале терпящем поражение от одного из киевских богатырей.

Ценность насильственного обладания чужой женой девальвирована также в былине об Идолище, захватившем Царьград. Отметим сразу, что жена царя Костянтина Боголюбова не влюблена в своего поработорителя, — в отличие, например, от княгини Апраксии, очарованной Тугариным; эта ключевая в ценностном плане

³⁶⁸ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит.-ра, 1975. — С. 74.

дифференциация не позволяет нам, в частности, говорить о том, что «царьградский» сюжет есть вариант истории об Алеше и Тугарине. Идолище — это именно «идол», враг христианской веры; если проанализировать его ценностный центр, то мы увидим, что для антагониста главной ценностью является личная слава, которую он пытается распространить, требуя, чтобы жители Царьграда теперь просили милостыню не ради Христа, но «ради Идола». Соответственно, амбиции Идолища чрезвычайно высоки, он ставит себя на один уровень с Христом и хочет, если можно так выразиться, «похитить» славу Сына Человеческого, сделать так, чтобы добрые дела и подвиги не совершались более в Его честь. Претендуя на бессмертную славу божественного уровня, Идолище не заинтересован в распространении славы-молвы о своих любовных подвигах и поэтому даже не пытается очаровать греческую царицу, добиться ее любви. Ему достаточно силой присвоить жену царя Костянтина, чтобы обесчестить последнего и тем самым показать всем в Царьграде, что он, Идолище, более достоин всяческой чести, чем христианский царь.

Языческий по своей сути концепт личной чести, которую обеспечивает ценная добыча, — в данном случае красавица, отнятая у другого властителя, — противопоставлен в рассматриваемой былине русскому эпическому концепту чести как качества, присущего не герою, но объекту защиты (так, Илья Муромец, прибыв в Царьград, защищает «честные» институты христианского нищенства и христианского брака). Соответственно, бесславный конец Идолища побуждает эпическую аудиторию скорректировать свои представления о ценности личной чести или даже полностью отказаться от них.

Личная честь как идеал «ветхого человека»

Картина мира, которая основана на аксиологической доминанте личной чести и связанных с ней начал (героического гнева, вызванного недостатком личной чести, и героической силы как «актива», подлежащего обмену на личную честь), совпадает с осуждаемым в христианстве мировоззрением «ветхого человека». Так, в послании апостола Павла к Ефессянам содержится призыв «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях» (Еф. 4:22–23), а блаж. Феофилакт Болгарский указывает, что апостол «ветхим человеком называет развращенное произволение, выражающееся и в соответственных

ему делах»³⁶⁹. Таким образом, человеческая «ветхость» проявляется в свободном выборе мотивации и в следующем за подобным выбором поступке; при этом ориентация сердца на личную честь и ее слагаемые воспринимается в христианстве как симптом «развращенной» воли.

Отцы Церкви утверждают, что «ветхий человек» пребывает в падшем состоянии, главной особенностью которого является себялюбие («самость», «самоугодие»), проявляющее себя, в частности, в виде таких пороков, как сребролюбие, чревоугодие, похоть³⁷⁰. Названные пороки отражают христианское понимание ценностных ориентаций человека на такие важнейшие составляющие личной чести, как золото, дорогое имущество, «чувствование плоти» любовными утехами, яствами и питием.

В ценностном центре общеэпического героя все эти интенции, имеющие негативный характер в христианском учении, выступают, безусловно, как оправданные и, более того, сущностные, принципиально-значимые: «стоимость» их реализации в целом ряде национальных эпосов превышает цену человеческой жизни.

Девальвируемая в русских былинах картина мира в главных своих элементах соответствует осуждаемому в христианстве мировоззрению «ветхого человека», которое, согласно Отцам Церкви, свойственно не только язычникам, но может быть присуще человеку любого вероисповедания, в том числе принадлежащему к сообществу христиан, однако не исполняющему на деле заповеди Христа о любви к Богу и ближнему.

³⁶⁹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Толкование на группу стихов : Кол: 3: 9–9 // К Колоссянам послание ап. Павла, Глава 3, стих 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/k-kolossanam-poslanie-ap-pavla/glava-3/stih-9/>

³⁷⁰ См., в частности: Преп. Макарий Египетский. Слово 2. О добродетелях и пороках, бывающих с согласия человека, о древе жизни и познания добра и зла и о медном змие // Преп. Макарий Египетский. Духовные слова и послания. — М. : Индрик, 2002. — С. 414–433.

ЧЕСТВОВАНИЕ ДРУГОГО

Честь общая

(честь всего русского богатырства)

Если личная честь общеэпического героя есть совокупность материальных и материально-знаковых объектов (объектов, образующих его «цену» и требующих защиты для того, чтобы избежать его, героя, обесценивания в глазах окружающих) то общая честь русского богатырства есть совокупность «честных» реалий, подлежащих защите силами всех киевских витязей, — по причине присущей этим реалиям высокой меры истинного бытия (их «узако-ненности» самим Богом). Например, когда былинный певец сообщает о том, что Василий Буслаев бесчестит «Иордан-реку» (купаясь в ней «нагим телом»), он прямо характеризует этот поступок как «преступление... незаконное»³⁷¹. Напротив, статусом «законности» обладает действие, направленное, например, на защиту института христианского брака, который во многих былинах именуется «законом Божиим»³⁷².

Итак, общая честь русского богатырства определяется служением тем «законно» сущим реалиям, значение которых, по мнению богатырей, превышает значение их собственных жизней. К таковым «честным» реалиям — материальным святыням, особым состояниям, правилам, качествам или богоустановленным социальным институтам — относятся следующие:

Законный (т. е. христианский) брак — его защищает Алеша Попович (от Тугарина)³⁷³; Добрыня Никитич (от Алеши)³⁷⁴; Илья

³⁷¹ Поездка Василия Буслаева в Иерусалим: [Былина] № 249 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 239.

³⁷² См., в частности: Чурило и неверная жена Перемякина: [Былина] № 317 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. 3. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 73; Алеша и сестра Бродовичей: [Былина] № 7 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 72; Про князя Михайлу: [Былина] № 38 // [Гуляев С. И.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939. — С. 128.

³⁷³ См., в частности: Алеша Попович, Еким и Тугарин: [Былина] № 64 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 261—262.

³⁷⁴ См., в частности: Алеша Попович женится: [Былина] № 95 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 393.

Муромец (от Идолища, разлучившего с женой царя Константи́на Боголюбовича/Атаульевича³⁷⁵ и впоследствии от Калина-царя, угрожающего забрать жену у князя Владимира³⁷⁶). Добрыня Никитич ценит законный брак выше телесных утех (и отказывается от связи с освобожденной им пленницей Змеи)³⁷⁷; Василиса Микулична наказывает князя Владимира за попытку разлучить супругов³⁷⁸; Ермак не позволяет Калину отобрать княгиню Апраксию «от живаго мужа»³⁷⁹. Илья Муромец (в варианте) защищает от поругания «закон Божий» (брак) и уничтожает семью Соловья-разбойника за кровосмешение³⁸⁰; искренне пытаются (правда, безуспешно) защитить свой брак от поругания царь Саломан³⁸¹ и Бермята/Пермята³⁸². Настасья Микулична ценит законный брак и добровольно налагает на себя «заповедь... женскую», чтобы избежать риска поругания этого таинства³⁸³; ревностно чтит святыню законного брака служанка Бермяты/Перемяки — его будущая жена³⁸⁴.

³⁷⁵ См., в частности: Илья Мурович и чудище // [Озаровская О. Э.] Бабушкины старины. — М.: Гос. изд-во, 1922. — С. 36.

³⁷⁶ См., в частности: Илья Муромец и Калин царь: [Былина] № 92 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 178.

³⁷⁷ См., в частности: Добрыня женится: [Былина] № 24 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 127.

³⁷⁸ Здесь мы имеем в виду саму ситуацию, когда героиня, чтобы освободить мужа, вынуждена переодеться в мужское платье и посвататься к племяннику князя.

³⁷⁹ Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 19 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 98.

³⁸⁰ См., в частности: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 37.

³⁸¹ См., в частности: Саломан и Василий Окулович: [Былина] № 273 // Былины: В 25 т. Т. 2. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 315.

³⁸² См., в частности: Про Чурилу: [Былина] № 75 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1938. — С. 438.

³⁸³ См., в частности: Добрыня. Жена за другого: [Былина] № 7 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 25.

³⁸⁴ См., в частности: Чурило и неверная жена Перемякина: [Былина] № 317 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 73.

Вдовство — Илья Муромец, по его собственным словам, всю жизнь стоит «за вдов за благоверных»³⁸⁵; Дюк Степанович чтит «честное вдовство» (в лице собственной матушки)³⁸⁶.

«*Вера крещеная*» — Илья Муромец и Ермак Тимофеевич защищают ее от Калина-царя; Михайло Данилович — от Шкурлака/«силушки... неверной»³⁸⁷, Сухман — от татарского войска³⁸⁸. Голова погибшего богатыря (в варианте — Василия Игнатьевича³⁸⁹) рассказывает Василию Буслаеву о борьбе с «сорочиной долгополою» за «веру русскую». Марья Афромеевна (дочь соперника Михайло Потыка) мечтает выйти за русского богатыря и перейти в «веру русскую».

Законная власть — этот институт, установленный Богом, сохраняет от поругания Илья Муромец (когда, например, берет «под пазушку»³⁹⁰ князя Владимира и княгиню Апраксию). Он же «повинуются закону государеву» (т.е. воле князя Владимира), притом что понимает, что «мог бы победить да нынче весь город»³⁹¹. Ценность законной власти имеет универсальный характер для героя, который отпускает на свободу трех «чужих» (татарских) царевичей, — воздавая честь «царским семинам»³⁹².

Девичество — на его защиту встает Добрыня Никитич, заповеда Алеше Поповичу «не стыдит-тко... да личка белого» Забавы

³⁸⁵ См., в частности: Исцеление Ильи Муромца, встреча его со Святогором и смерть последнего: [Былина] № 354 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 268.

³⁸⁶ См., в частности: Женитьба Дюка Степановича: [Былина] № 52 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 316.

³⁸⁷ См., в частности: Михайло Данилович: [Былина] № 183 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 551, 552.

³⁸⁸ См., в частности: Сухман Рехмантьевич: [Былина] № 8 // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 116.

³⁸⁹ См., в частности: Сухман Рехмантьевич: [Былина] № 8 // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 116.

³⁹⁰ Василий Буслаев в Иерусалим ездил: [Былина] № 89 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 357.

³⁹¹ Илья Муромец в опале: [Былина] № 2 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 17.

³⁹² [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 35.

Потятичны³⁹³; Илья Муромец называет девиц в одном ряду с прочими объектами защиты, которые он «не выдавал поганым на поруганье»: «церевами соборными», «верой крещеной», Богородицей и «всей силой небесной»³⁹⁴. Казарин избегает греха кровосмешения благодаря тому, что вовремя вспоминает о чести юной полонянки и спрашивает ее о происхождении³⁹⁵. Когда Забава Путятична сватается сама за себя, Соловей Будимирович воспринимает это как поведение, недостойное статуса девицы³⁹⁶.

Душа (собственная бессмертная душа воспринимается героем как внешний по отношению к нему самому «честной» объект, который необходимо «спасти») — ради спасения души отправляются на богомолье Василий Буслаев³⁹⁷ и каждый из переходящих калек, включая Касьяна³⁹⁸. Богатыри, участвовавшие в Камском побоище (за исключением братьев Долгополых или — в одном варианте — Алеши Поповича³⁹⁹), ценят святыню (собственную душу) выше жизни и потому прекращают бой с «силой небесной». Илья Муромец отказывается от богатства, потому что, по его словам, «на старость богатство — души па́губа»⁴⁰⁰. Именно ради спасения своей души Садко стремится покинуть Подводное царство, а Илья перед схваткой с собственным сыном спешит к киевским святыням — «покаяться» («Надо, надо мне с души грехи снести, / Может стать — убьют меня»⁴⁰¹).

³⁹³ Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. — С. 48.

³⁹⁴ РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 425, л. 567–579, маш.

³⁹⁵ См., в частности: Козарин: [Былина] № 60 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. I. — СПб.: Тропа Троянова, 2002. — С. 233.

³⁹⁶ См., в частности: Соловей Будимирович: [Былина] № 53 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 324.

³⁹⁷ См., в частности: Васьяк Буслаев: [Былина] № 28 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 151–152.

³⁹⁸ См., в частности: Сорок калек со каликою («А из пустыни было Ефимьевы...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 121

³⁹⁹ Камское побоище: [Былина] № 94 // [Марков А. В.] Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М.: А. А. Левенсон, 1901. — С. 485–486.

⁴⁰⁰ РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 12, л. 2–6 (полев.), тетр. 3, л. 54 об. — 57 (перебел.).

⁴⁰¹ РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 425, л. 567–579, маш.

Нищенство «Христа ради» — Илья Муромец, еще будучи сиднем, испытывает жалость к нищим странникам⁴⁰² и впоследствии защищает институт христианского нищенства от Идолища⁴⁰³; Касьян хранит заповеди прехожих калик (т. е. богатырей, которые добровольно становятся нищими странниками на время богомолья) и потому отказывает Апраксии/Апраксевне⁴⁰⁴; в другой былине нищенство — временное состояние богатырей, добровольно принятое на себя «ради Христа», для спасения души⁴⁰⁵. Честь нищенствующих паломников старается соблюсти Добрыня/Добрынюшка Никитич («Сорок калик со каликою»)⁴⁰⁶. Весьма напоминают нищих странников и «святые скomorохи» Кузьма и Демьян, которых привлекают и чествуют Вавило и его матушка⁴⁰⁷.

Обручение — честь этой заповеди соблюдает Добрыня Никитич, сохраняя верность своей обручнице Настасье Микуличне/Никуличне⁴⁰⁸; хранят честное обручение — несмотря на разлуку — Соловей Будимирович и Завава Потятична⁴⁰⁹.

Родитель, родительское благословение — Вавило⁴¹⁰, Василий Буслаев⁴¹¹, Добрыня Никитич, Дюк Степанович ценят благосло-

⁴⁰² См., в частности: Об Илье Муромце. Воспитание: [Былина] № 2 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 2.

⁴⁰³ См., в частности: Об Илье Муромце и поганом Идолище: [Былина] № 17 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 91–93.

⁴⁰⁴ См., в частности: Сорок калик со каликою («А из пустыни было Ефимьевы...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 124.

⁴⁰⁵ Калики перехожие: [Былина] № 47 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 197.

⁴⁰⁶ См., в частности: Сорок калик со каликою («А из пустыни было Ефимьевы...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 125.

⁴⁰⁷ См., в частности: Вавило и скomorохи // [Озаровская О. Э.] Бабушкины старины. — Пг.: Огни, 1916. — С. 77–79.

⁴⁰⁸ См., в частности: Добрыня и Настасья: [Былина] № 32 // Былины: В 25 т. Т. I. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 239.

⁴⁰⁹ См., в частности: [Про] Саловья Будимировича («Высота ли, высота поднебесная...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 14–15.

⁴¹⁰ См., в частности: Вавило и скomorохи // [Озаровская О. Э.] Бабушкины старины. — Пг.: Огни, 1916. — С. 79.

⁴¹¹ См., в частности: Василий Буслаев в Иерусалим ездил: [Былина] № 89 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 352.

вание своих матерей (однако два последних героя нарушают его, что приводит в случае Добрыни к наказанию⁴¹²); Алеша Попович, как видно из контекстуального сближения, заботится о том, какая слава о его поступках дойдет до его отца⁴¹³; Илья Муромец старается хранить родительское благословение («Не помысли злом на татарина, / Не убей в чистом поле христианина»⁴¹⁴); Хотен Блудович спешит восстановить поруганную честь своей матери⁴¹⁵.

Святые угодники — их чтят Вавило (Кузьму и Демьяна, как явствует из самого сюжета былины) и Добрыня Никитич («святых отцов», предсказавших его победу над Змеей⁴¹⁶).

Святыни (иконы, честные мощи, церкви, монастыри, богослужебные «пецятны больши книги»⁴¹⁷) — на их защиту встают Василий Игнатьевич, Илья Муромец (в былинах про Калина-царя и про Сокольника⁴¹⁸), Ермак Тимофеевич, Михайло Данилович, Сухман; Добрыня Никитич, получив знак от ворона, беспокоится о святынях Киева; Илья Муромец восстанавливает доступ христиан к церковной (конкретнее, пасхальной) службе, а впоследствии жертвует все золото из найденного им клада на строительство

⁴¹² См., в частности: Добрыня и Маринка: [Былина] № 379 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 431–432; О Дюке Степановиче: [Былина] № 27 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 135–136.

⁴¹³ См., в частности: Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин: [Былина] № 85 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 333–334.

⁴¹⁴ [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 34.

⁴¹⁵ См., в частности: Хотен Блудович: [Былина] № 308 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. — Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 513.

⁴¹⁶ См., в частности: Старина про Добрыню Микитьевича (Добрыня и змей): [Былина] № 21 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908. — С. 37.

⁴¹⁷ Застава Богатырская (Илья Муромец и Сокольник): [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 7.

⁴¹⁸ См., в частности: РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 425, л. 567–579, маш.; Про Сокольника: [Былина] № 43 // Былины Печоры и Зимнего берега. Новые записи. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 139–140; Илья Муромец и Сокольник: [Повторные, отрывочные записи былин (1982–1986 гг.)]: [Былина] № 4 // Былины: В 25 т. Т. 2. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 406–409.

церкви⁴¹⁹. Так же поступает Садко, который выполняет — пусть и не сразу — свой обет о строительстве «церкви Божией»⁴²⁰. Когда Дюк Степанович бесстрашно указывает князю Владимиру на то, что в Киеве недостаточно исправно почитают святые (церкви ненадежно построены и буквально не выдерживают громкого пения, над въездом в город слишком мало «честных икон», а «дар Божий» [т. е. хлеб] выпекается с небрежением), не только Илья Муромец принимает сторону Дюка, но и сам князь Владимир не пытается наказать юного героя, признавая его правоту. Впрочем, в другой былине певец делает оговорку, что в «стоимость» Киева (которая оказывается ниже, чем стоимость драгоценных нарядов Дюка) не входит цена «знаменья Богородицы» и других святынь⁴²¹.

Сиротство — Илья Муромец говорит о себе, что всегда вступался за сирот⁴²²; он не только прощает угрожавших ему детей Соловья-разбойника⁴²³, но и оставляет им награбленное их отцом золото⁴²⁴.

«Честные столы/полаты» — Алеша Попович отказывается отвечать на оскорбление Змея Тугарина во время пира, чтобы не «кровенить» полаты князя Владимира⁴²⁵. Добрыня Никитич призывает Настасью «не бесчестить столы»⁴²⁶, и о том же просит

⁴¹⁹ См., в частности: Три поездки Ильи Муромца: [Былина] № 13 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 53.

⁴²⁰ См., в частности: Садко: [Былина] № 236 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 196.

⁴²¹ Дюк: [Былина] № 225 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 181.

⁴²² См., в частности: Илья Муромец и Калин царь: [Былина] № 296 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 458.

⁴²³ См., в частности: Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 43 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 285.

⁴²⁴ См., в частности: Три поездки Ильи Муромца и [его] ссора с Владимиром: [Былина] № 63 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 345.

⁴²⁵ См., в частности: Алеша Попович и Еким Иванович: [Былина] № 40 // Былины и исторические песни из южной Сибири. — Новосибирск : Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939. — С. 133.

⁴²⁶ См., в частности: Добрыня Чудь покорил // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 109.

свою племянницу князь Владимир в былине про Соловья Будимировича⁴²⁷.

Наконец, одним из оберегаемых «честных» объектов является само по себе *русское богатырство* как особый институт подвижного служения, как общественное явление былинного мира, драгоценное для эпического певца и многих его героев. Так, Добрыня Никитич заботится о репутации богатырства и поэтому нарушает запреты Дуная («Бой Добрыни с Дунаем»), а затем — оставляет в живых своего соперника, Алешу («Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»). Дюк Степанович, чтобы не запятнать честь всего русского богатырства, отказывается — несмотря на смертельный риск — проехать мимо спящих в шатре Ильи и Добрыни/Самсона⁴²⁸; этот персонаж вообще чтит богатырство выше богатства и личной чести. Илья бережет честь богатырства (и потому, например, не отвечает Алеше Поповичу, метнувшему в него нож⁴²⁹); он всегда стремится помирить сражающихся русских витязей, чтобы сберечь «семена богатырские». Именно ради восстановления чести богатырства как общественного института Илья идет на конфликт с киевским правителем («Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром»), а Добрыня — побеждает страх и выходит против богатырей, стрелков и шахматистов Абатуя, пытающегося принизить славу русских витязей⁴³⁰. Побратим Ивана Годиновича/Горденова (в вариантах — Илья или Добрыня) проявляет ревнование о чести русского богатырства, когда репутации киевских витязей угрожает отец красавицы, которую добивается герой⁴³¹. Когда Сокольник пытается проехать мимо «заставы богатырской», для находящихся на ней это бесчестье: «Нас, богатырей, ни во что кладешь, / Не отдаваешь нам честь молодецкую!»⁴³².

⁴²⁷ См., в частности: [Про] Соловья Будимировича («Высота ли, высота поднебесная...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 15.

⁴²⁸ См., в частности: Дюк Степанович: [Былина] № 31 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск: Губернская тип., 1864. — С. 179–180.

⁴²⁹ См., в частности: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 39.

⁴³⁰ См., в частности: Василий Казимирович: [Былина] № 65 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 269.

⁴³¹ См., в частности: Иван Горденюк: [Былина] № 80 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 316–317.

⁴³² Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 79 // Былины: В 25 т. Т. 1. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 404.

Некоторые былинные персонажи второго ряда тоже ценят «честные» реалии: например, в споре Тугарина с Алешей «владыка Черниговский» один из всего Киева ручается за Поповича, пытающегося защитить от поругания институт законного брака⁴³³. Матушка Вавилы чествует «святых людей» и благословляет сына на служение им — несмотря на то, что это надолго лишит ее единственного кормильца⁴³⁴. Князь Владимир ценит общую честь богатырства и решает спор Дуная с Добрыней в пользу последнего, хотя тот нанес очевидный ущерб имуществу своего противника⁴³⁵.

Некоторые эпические антагонисты осведомлены о высокой значимости тех реалий, которые подлежат защите со стороны киевских богатырей. Так, один из трех татар предлагает пленной русской девушке законный брак⁴³⁶, а Морской царь ценит душу Садко выше бочек с золотом и серебром, которые герой пытается ему пожертвовать⁴³⁷.

Общая честь («честные» объекты) — возрастающая ценность

Итак, былинные герои совершают поступки, мотивированные желанием обеспечить или восстановить честь той или иной «внешней» реалии, ценность которой, по их мнению, превосходит значение их собственных жизней. Поступки главных героев (53 примера), персонажей второго плана (17 примеров) и антагонистов (2 примера), мотивированные этим желанием, приводят к *благим* для них последствиям (71 пример). Только в одном случае актер-антагонист (Морской царь из былины о Садко) не

⁴³³ См., в частности: Алеша Попович // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 104.

⁴³⁴ См., в частности: Вавило и скоморохи // [Озаровская О. Э.] Бабушкины старины. — Пг.: Огни, 1916. — С. 79.

⁴³⁵ См., в частности: Бой Добрыни с Дунаем // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 576.

⁴³⁶ См., в частности: Козарин: [Былина] № 56 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. I. — СПб.: Тропа Троянова, 2002. — С. 225.

⁴³⁷ См., в частности: Садко купец, богатый гость: [Былина] № 64 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 375.

переживает ни благих, ни дурных последствий от выбора, сделанного им в соответствии с рассматриваемой интенцией. Негативных последствий от предпочтения ценности «честных» реалий для действующих лиц русского героического эпоса не наступает.

Выше мы упомянули 72 примера (перечень см. в *приложении*), из них 51 отражает ситуацию, при которой ценность «честных» объектов мотивирует героя при наличии варианта поведения, связанного с иной, конкурирующей ценностью. Находясь в ситуации аксиологического выбора, многие богатыри предпочитают встать на защиту «честных» объектов — и всегда «выигрывают» от этого. Чаще других героев такой выбор в пользу материальных святынь и Божьих установлений делает Илья Муромец (14 примеров); Добрыня Никитич предпочитает подобную модель поведения 10 раз, Дюк Степанович с риском для собственных интересов встает на защиту «честных» реалий 6 раз, Алеша Попович — 5; Вавило — 3; Касьян, Михайло Данилович, Хотен Блудович и Перемяк/Бермята — дважды; по 1 разу — Василий Буслаев (исполняя отцовскую заповедь отвезти «приношеньеице» на Святую землю), Василий Игнатьевич, Василиса Микулишна, Ермак Тимофеевич, Казарин, Садко, Соловей Будимирович, царь Соломан и Сухман.

Из всех былинных персонажей второго ряда наиболее часто оценивает «честные» реалии выше собственной жизни тот же Илья Муромец (дважды в былине про Дюка Степановича и единожды в старине про Калина и Ермака). Вновь мотивирован этим выбором, уже в качестве второстепенного персонажа, Добрыня Никитич (как побратим главного героя в былине «Василий Казимирович и Добрыня» и в роли княжеского посыльного в песне про сорок калик). Совершают ценностный выбор в пользу «честных» реалий также следующие былинные акторы второго ряда: «владыка черниговский», Забава Путятична, князь Владимир, Марья Афромеевна, матушка Вавилы, Настасья Микулишна (дважды, в девичестве и в замужестве), невеста Ивана Годиновича — в редком варианте (см. выше), побратим Ивана Годиновича, Святогор, служанка Бермяты/Перемяка. Два былинных антагониста оценивают «честной» объект или «честное» установление выше личной чести (Морской царь и татарин из былины про Казарина).

Последствия ситуации, когда актер недооценивает общепризнанные «честные» реалии

Выше говорилось о ситуациях ценностного выбора, когда главные герои, второстепенные персонажи и антагонисты совершают поступки, связанные с ценностью личной чести, и отвергают при этом альтернативные действия, ориентированные на иные ценности. Между тем в былинах весьма часто действующие лица предпочитают «честным» реалиям как раз нечто иное. Таких случаев нами обнаружено 57, из них «свои» (т. е. русские) протагонисты недооценивают важность «честных» реалий 24 раза, персонажи второго плана — 11 раз и антагонисты — 22 раза. Обращает на себя внимание сравнительно высокая доля таких поступков, совершаемых *главными* героями былин: они действуют подобным образом немногим чаще, чем их противники. Во всех этих случаях без исключения акторы (и протагонисты, и второстепенные персонажи, и антагонисты) «расплачиваются» за недооценку материальной святости или «честного» института наступлением неблагоприятных для них последствий.

Чаше прочих героев пренебрегает ценностью «честных» реалий Василий Буслаев — 8 примеров, Добрыня Никитич — 3 примера, Илья Муромец и Садко — по 3 примера, Дунай Иванович и Михайло Потык — по 2 примера, Иван Годинович и хвастающий(е) побратим(ы) («Камское побоище») — по 1 примеру.

Из былинных персонажей второго плана князь Владимир чаще других недооценивает «честные» реалии (христианский брак, богатырство и др.) и затем переживает неблагоприятные для себя последствия — 4 раза. По одному разу совершают ценностный выбор не в пользу святости и установленных Богом институтов следующие второстепенные персонажи русских былин: Алеша Попович («Сорок калик со каликою»), княгиня Апраксия, Василий Игнатович, встречные мужики («Вавило и скоморохи»), Забава Потятична («Соловей Будимирович»), киевляне («Алеша Попович и Змей Тугарин»), Настасья Бутригорьевна, Настасья королевична, Олена Сбродовна, отец невесты («Иван Годинович»), «старшие» и «младшие» богатыри (в былине про Василия Казимировича).

Из противников русских богатырей меньше всего ценят «честные» реалии Соловей-разбойник, Нахвальщик и Лебедь Белая (по 2 примера), а также «свой» антагонист Чурила Пленкович («Дюк Степанович», «Чурило и Катерина»). Единожды совершают поступок, угрожающий «честным» реалиям былинного мира, княгиня Апраксия («Сорок калик со каликою»), «голый шап» Давыд Попов,

Идолище, Калин/Скурлак, разбойники («Три поездки Ильи Муромца»), Змей Тугарин, Часова вдова, а также царица Соломаниха, царь Василий Окулович и Торокашка (былины о царе Соломане).

Обобщая, можно сказать, что поступок, мотивированный ценностью другого, «внешнего» по отношению к герою «честного» объекта или общественного установления, института в былинном мире, приводит к благим для этого героя последствиям. И напротив, поступки эпических акторов, связанные с пренебрежением ценностью «честных» реалий, с необходимостью влекут за собой дурные для персонажей последствия. Таким образом, русское эпическое сознание последовательно, во всех без исключения проанализированных нами сюжетах, укрепляет «курс» рассматриваемой аксиологической категории (относительно личной чести и др.) в ценностном центре своих героев и слушателей.

Коллективная честь в эпосах других народов

В языческих эпосах развитый концепт коллективной, «сборной» чести той или иной группы героев совершенно отсутствует: он логически невозможен, как невозможна практика обобществления имущества нескольких равноправных персонажей. Ценная собственность (добытая женщина, конь, доспех и т. д.) всегда имеет только одного владельца. В шумерских песнях о Гильгамеше и Энкиду последний — всего лишь раб или слуга первого⁴³⁸; сам Энкиду называет Гильгамеша господином или хозяином⁴³⁹. Если Энкиду есть ценное имущество Гильгамеша, то и все добытое совместными усилиями увеличивает личную честь царя, а не его слуги.

Однако для аксиологической системы аккадского «Эпоса о Гильгамеше» характерна ценность дружбы (выше которой ценится только личное бессмертие) и, на первый взгляд, герои-побратимы

⁴³⁸ См., в частности: Gilgame and Huwawa / Version A, line 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.8.1.5#>; Gilgame and Huwawa / Version B, line 22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr18151.htm>; Gilgame, Enkidu and the Nether World / Version A, line 176 и далее. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.8.1.4#>

⁴³⁹ См., в частности: Gilgame and the Bull of Heaven / Segment B, line 90. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.8.1.2#>

обладают общей имущественной честью. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что аккадские Гильгамеш и Энкиду, похожие как близнецы и близкие «как муж и жена», — ипостаси одного существа: первый есть царь и маг, взаимодействующий с богами и «накапливающий» личную славу для того, чтобы стяжать бессмертие, тогда как второй является великим силачом, чьи усилия направлены на получение добычи или на «отработку» той чести, которую оказывает ему царственный брат. В этой паре один получает имущественную честь в обмен на совершаемые подвиги, а другой — использует подвиги, совершенные соратником, для преумножения личной славы. Действительно, Гильгамешу нужна только слава-молва, тогда как Энкиду отнюдь не претендует на личную славу. Даже победив Гильгамеша, последний признает его власть над собой и таким образом царь Урука избегает бесславия, ибо слава победителя переходит к фактически потерпевшему поражение.

Как заметили А. Клей и М. Ястров, не Гильгамеш, а Энкиду, который один знает дорогу в лес чудовищного Хумбабы, и есть «изначальный убийца» чудовища, однако эпос «нацелен на то, чтобы надежнее скрыть этот факт *ad maiorem gloriam* (курсив авторов. — А. М.) Гильгамеша»⁴⁴⁰. Любопытно, что и дурная молва о поступках Энкиду связывается с именем Гильгамеша: А. Клей и М. Ястров обращают внимание на то, что именно Энкиду «оскорбляет Иштар тем, что бросает ей в лицо части туши небесного быка», однако «несмотря на это Иштар в гневе обвиняет Гильгамеша в совершенном убийстве»⁴⁴¹.

Иштар хорошо знает, что является главной ценностью для царя Урука; именно поэтому она обещает ему небывалую славу:

...преклонят колени государи, цари и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов и равнины...⁴⁴²

Энкиду, напротив, представляется не самостоятельным героем, способным накапливать «именную» славу, но лишь «героической ипостасью» Гильгамеша. А. Клей и М. Ястров объясняют это так: «Гильгамеш похож на Энкиду потому, что он изначально и есть

⁴⁴⁰ Jastrow M. Jr., Clay A. T. An Old Babylonian Version of the Gilgamesh Epic. On the Basis of Recently Discovered Texts. — New Haven : Yale University Press, 1920. — P. 36. (перевод с английского наш. — А. М.)

⁴⁴¹ Ibid. P. 37. (перевод с английского наш. — А. М.)

⁴⁴² «О все выдавшем» со слов Син-Леке-Уннинни, заклинателя // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит.-ра, 1973. — С. 187.

Энкиду»⁴⁴³. Итак, любые сведения о действиях Энкиду связываются с высшей, царственной ипостасью этого «двойного» героя (и перед смертью Энкиду сетует на такое положение вещей, напоминая своему другу, что они «вместе труды делили», и просит защитить его имя от забвения, что Гильгамеш охотно исполняет).

Приращение личной чести возможно только в акте дележа общей добычи, отказ властителя от дележа чести между героями есть бесславие для него самого, а для его воинов — бесчестие. Так, у Гомера прекрасная Бризеида, доспех Гектора или драгоценный котел не могут принадлежать одновременно Аяксу, Одиссею и Ахиллесу; столь же немыслима в гомеровском мире и общая честь, ценность которой превышала бы для героя значение его личной имущественной чести.

В свою очередь, честь рода не является коллективной честью группы героев-родственников, это лишь своеобразный базовый элемент, входящий в состав личной чести каждого из сородичей. Защищать и восстанавливать честь рода каждому необходимо лишь потому, что родовое бесчестие пропорционально снижает наследуемую составляющую чести всех представителей этого рода по отдельности.

В гомеровском эпосе находим лишь нечто отдаленно похожее на представление о коллективной чести группы героев; это — концепт личной чести царя. Агамемнон (и вообще любой царь) одаривает воинов за совершение подвигов в его интересах, поэтому он относится к «своим» ратоборцам как к ценному имуществу, которым временно располагает (пока имеет возможность одаривать). На этом основании царь требует от воинов «отработки» полученных ими подарков. Суть речей, с которыми цари обращаются к «своим» ратоборцам с целью воодушевить их, состоит зачастую в напоминании о том, сколько даров последние получили от властителя, сколько пищи и вина поглотили на устроенных им пирях.

Так, Агамемнон обращается с подобным упреком к Менесфею и Одиссею:

Вам надлежало б обоим в передних рядах находиться,
Первыми в жаркую битву бросаться, других увлекая.
Первыми вы от меня ведь о пиршествах слышали наших,

⁴⁴³ Jastrow M.Jr., Clay A.T. An Old Babylonian Version of the Gilgamesh Epic. On the Basis of Recently Discovered Texts. — New Haven : Yale University Press, 1920. — P. 39. (перевод с английского наш. — А. М.)

Если собирались пир мы, ахейцы, задать для старейшин.
Было приятно тогда насыщаться вам жареным мясом,
Пить, сколько хочет душа, медосладкие вина из кубков?⁴⁴⁴

Когда Гектор теснит ахеян, Агамемнон напоминает последним о пирах, во время которых герои выказывали готовность к подвигам:

Мясо быков пряморогих в обилии там поедая,
Чаши до дна выпивая, вином до краев налитые,
На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших
Выступит смело на бой...⁴⁴⁵

Диомед со своей стороны признает право царя добиваться от героев «отработки» полученных ими угощений и подарков:

Я не могу на Атрида, владыку народов, сердиться,
Если на бой побуждает он пышнопоножных ахейцев⁴⁴⁶.

«Долг чести» воина состоит в том, чтобы смело и неутомимо сражаться по приказу того царя, который его одаривал. О близнецах Крефоне и Орсилохе в «Илиаде» сказано, что он приплыли к Трое для того, чтобы защитить часть «славных Атрея сынов, Агамемнона и Менелая»⁴⁴⁷. Это не значит, что выше личной имущественной чести каждый из близнецов ценит некую коллективную честь царского рода Агамемнона и Менелая. В мире «Илиады» действует закон обмена чести (щедрых даров) на воинскую доблесть, поэтому честь ахейских царей имеет ценность для Крефона и Орсилоха ровно до тех пор, пока эти цари их одаривают. Кроме того, «отработка» щедрых даров, полученных от царя, нередко заключается в защите других героев, находящихся у этого же властителя на службе.

Когда Арес, приняв вид фракийского вождя Акаманта, призывает троян поспешить на помощь окруженному врагами Энею, он рассчитывает не на жалость соратников к последнему, но вызывает к их «долгу чести» по отношению к общему «одаривателю» — Приаму. В понимании Ареса, троянские ратоборцы являются

⁴⁴⁴ Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 91.

⁴⁴⁵ Ibid. С. 170.

⁴⁴⁶ Ibid. С. 93.

⁴⁴⁷ Ibid. С. 116.

«детьми» по отношению к щедрому царю Трои, а следовательно, раненый Эней — «брат» каждого из них. Таким образом, бог войны предлагает — по аналогии с представлением о родовой чести — своеобразный концепт общей чести боевого братства с «отцом»-Приамом во главе:

Дети владыки Приама, вскормленные Зевсом великим!
Долго ль народ избивать вы позволите гордым ахейцам?
<...>
В бой же, вперед! И спасем благородного друга из свалки!⁴⁴⁸

Но если герою приходится выбирать между личной честью и честью царя, выбор всегда предсказуем. Так, ахеец Диомед и троянец Главк отказываются биться друг с другом потому, что их предки были дружны. Если герой атакует потомка того, кто был другом его собственного отца или деда, он нанесет ущерб чести своего рода и тем самым обесчестит себя самого:

«...оба с тобою мы дедовской дружбой гордимся».
Так говорили они. Со своих колесниц соскочили,
За руки крепко взялись и клятвы друг другу давали⁴⁴⁹.

Как можно видеть, личную честь гомеровский герой ценит несравненно выше, чем «командную» честь группы ратоборцев, находящихся на службе у одного царя. Вместе с тем, если защита этой «коллективной» чести не грозит уменьшением чести личной, воин призван совершать подвиги в общих интересах, «отрабатывая» царские дары. Таким образом, Диомед обязан сражаться с прочими троянцами, за исключением Главка, исполняя «долг чести» по отношению к Агамемнону.

Для французских *chansons de geste* характерен концепт «честь христиан», позиционированный в ценностном центре героя. В частности, Гийом Оранжский молится следующим показательным образом перед поединком с великаном-язычником:

Мне, богоматерь, помоги в борьбе,
Чтоб христиан не уронил я честь...⁴⁵⁰

⁴⁴⁸ Ibid. С. 113.

⁴⁴⁹ Ibid. С. 136.

⁴⁵⁰ Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985. — С. 102.

В оригинале в этом месте находим другое выражение («Saint Marie, s'il vos plaist, secorez, / Par coardise ne face lacheté»⁴⁵¹), но перевод Ю. Б. Корнеева в данном случае верно отражает смысл молитвенного обращения героя, занимающего в тексте поэмы без малого сотню строк. Коллективная «честь христиан» в понимании Гийома — это не совокупность объектов, обладающих ценностью, превышающей ценность его собственной жизни, но — честь, которую воздает христианам их «небесный сюзерен», то есть Бог. Принципиальное, как можно видеть, отличие в содержании русского и французского концептов объясняется тем, что в эпическом сознании французов сохраняется языческое понимание чести как платы, которую повелитель должен предоставить воину в обмен на его честную службу. Такое понимание предполагает, что рыцарь-христианин должен отдать «долг чести» (вассалаж) в максимально полном объеме, тогда как христианский Бог со Своей стороны буквально обязан обеспечить героя честью посредством дарования ему победы.

Нужно оговориться, что вассальные отношения с «небесным сюзереном» обычно присущи не рыцарю или рыцарству, но королю — помазаннику Божию. Однако, как представляется западноевропейскому эпическому певцу, в особенных случаях Бог устанавливает прямые отношения вассалажа с выдающимся рыцарем; это происходит, если честь последнего превышает честь его сюзерена (как в случае с Гийомом и Людовиком), а также в ситуации, когда рыцарь находится в незаслуженной опале у своего короля (как Сид Руй Диас). В подобных ситуациях «небесный сюзерен» посылает герою ангела — Своего вестника и представителя.

Соответственно, рыцарь, который служит своему «небесному сюзерену» честно, т. е. без тени трусости, может буквально требовать у Бога дарования помощи и победы, ведь в противном случае Господь нарушит долг справедливого чествования своей земной дружины. Если спроецировать земные эпические порядки на отношения рыцаря с его небесным покровителем, то можно предположить, что «несправедливое» поведение второго автоматически дает первому право «сменить сюзерена», то есть перейти в другую религию. На это намекает в своей молитве и папа римский, который, по сути, шантажирует Бога и Его святых: если последние недостаточно сильны, чтобы обеспечить победу «своему» рыцарству, то рыцари — их земные вассалы — отвернутся от них:

⁴⁵¹ Couronnement de Louis [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.francaisancien.net/activites/textes/Couronnement/col800.htm>

И вторит папа, побелев лицом:
«За своего слугу встань, Петр святой!
Коль он умрет, навеки нам позор:
Во храм твой больше не придет народ,
Не будет месс и проповедей в нем»⁴⁵².

Таким образом, в понимании французского эпического певца (и его героев) Бог и святые «нужны» для того, чтобы даровать победу герою, а если победы даровано так и не будет, то христиане откажутся от «небесного сюзерена», оказавшегося «бессильным». То же самое Карл говорит своему сыну Людовику о королевской власти: если тот не будет достойным сюзереном, вассалы взбунтуются и поделят его богатства и земли.

Такое же отношение к Магомету — ошибочно понимаемому здесь как «бог» мусульман — демонстрируют и эпические недруги французов. Галафр, например, убежден, что если эмир не справится с Гийомом, то «Магомету грош цена»⁴⁵³. Увидев, что христианский рыцарь победил, Галафр немедленно принимает христианство, потому что Магомет «уже не в силах мне помочь» («Que Mahomez ne me puet plus aidier»⁴⁵⁴). Укажем, что в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» легко различим сходный концепт:

Юноша поднял гяура, ударил его об землю; из его носа зажурчала кровь, как дудка; (юноша) вскочил, как сокол, схватил гяура руками за горло; гяур говорит: «Пощади, юноша, что говорят, когда принимают твою веру? Я принял твою веру»⁴⁵⁵.

Итак, содержание французского эпического концепта сводится к тому, что «честь христиан» есть совокупность заслуг рыцарей «на службе» у Бога, за которые Тот должен воздать им должное, одаривая новыми и новыми победами (а стало быть, и добычей).

Если в былинном эпосе «честь-хвалу» русского богатырства должны беречь сами герои, то в понимании французского певца сбережение «честь христиан» является прерогативой — и даже «обязанностью» — Бога.

⁴⁵² Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985. — С. 108.

⁴⁵³ Ibid. С. 99.

⁴⁵⁴ Couronnement de Louis [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.francaisancien.net/activites/textes/Couronnement/col800.htm>

⁴⁵⁵ Книга моего деда Коркута. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР [Ленинградское отд-ние], 1962. — С. 88.

Рассматриваемый французский концепт представляется нам уникальным, как уникален и былинный концепт «честь-хвалы богатырской». Так, в испанском героическом эпосе понятие о коллективной чести национального рыцарства, по-видимому, отсутствует. По крайней мере, Сид Руй Диас беспокоится исключительно о личной имущественной чести (о захвате добычи для содержания своей дружины); герой совершенно не думает о том, что его победы над «мирными маврами», подданными испанского короля, бесчестят последнего. В понимании же французского эпического певца — если позволить себе такой мысленный эксперимент — подвиги Сиды, безусловно, наносят ущерб чести христианского рыцарства, ведь герой, по сути, «перехватывает» у законного монарха ту долю побед, которые выделяет последнему его «небесный сюзерен». Иными словами, для эпического сознания испанцев, по-видимому, нехарактерно понимание коллективной чести как совокупного достоинства национальных рыцарей, которых Бог должен почтить победами за их общие заслуги.

Анализ сербского эпоса позволяет выявить ценность чести как атрибута не самого героя, но некого «внешнего» по отношению к нему начала, подлежащего защите. Так, в песне «Урош и Мрлявчевичи» юному королевичу Марко доверено выбрать нового монарха. Три кандидата, в том числе король (краль) Вукашин (отец самого Марко), предлагают юному герою щедрые подарки и почести. Кроме того, если Марко выберет Вукашина, то сам станет наследником престола и таким образом обеспечит себе личную имущественную честь:

Говорил тут сыну краль Вукашин:
«Благодать Господь мне посылает:
Это сын мой, дорогой мой Марко, —
Он наверно мне присудит царство,
Будет править сам, как я скончаюсь»⁴⁵⁶.

Другой претендент (Гойко) предлагает Марко не отдавать царство отцу, чтобы самому взойти на трон без промедления:

«Если, Марко, мне присудишь царство,
Я всю власть отдам тебе: ты первым
Будешь в царстве, я вторым уж буду».
Слышит Марко, но не отвечает...⁴⁵⁷

⁴⁵⁶ Урош и Мрлявчевичи // Сербский эпос. — М. — Л. : Academia, 1933. — С. 327.

⁴⁵⁷ Ibid. С. 327.

Марко тем не менее указывает на единственного законного наследника — юного и слабого Уроша. С точки зрения языческого героя такой выбор — чистое безумие: Марко бесчестит своего отца (лишая его возможности увеличить имущественную честь) и самого себя как будущего наследника, а также выказывает трусость, неготовность претендовать на царство; более того, нарушает повеление собственного родителя и подвергает свою жизнь риску (разгневанный Вукашин бросается на Марко с ножом). В действительности же поступок Марко продиктован исключительно ревностью о святине законной царской власти как общественного института. Таким образом, ценность личной чести в рассматриваемой эпической песне полностью девальвируется, уступая место представлению о чести (т. е. абсолютном значении) некоего «внешнего» начала (материальной или нематериальной святости).

Если западноевропейская рыцарская честь — это своеобразная «плата», причитающаяся герою за совершенные им подвиги, то в русском и сербском эпосах концепт чести не предполагает акта обмена вассальной верности на господское чествование, потому что честь является здесь ценностью «внешней» по отношению к герою, — т. е. ценностью, объективно существующей. В песне «Царь Лазарь и царица Милица» в качестве такой ценности, более значимой, чем жизнь самих героев, выступает символизированная Честным Крестом христианская вера. Жена царя Лазаря, царица Милица, получив предварительно разрешение у мужа, уговаривает своего брата Бошку Юговича не участвовать в Косовской битве, чтобы остаться ей опорой и защитой (по сути, царица хочет сохранить от уничтожения свой род и защитить себя от бесчестия). Бошка отказывается; он, наоборот, стремится:

За Крст часни крвцу пролевати
И за своју вјеру умријети!⁴⁵⁸

Христианская вера, Честной Крест, законная царская власть — вокруг этих ценностей в сербском эпосе складывается совокупность «честных» реалий: начал и категорий более значимых, чем сама жизнь эпического протагониста. Если языческий герой готов

⁴⁵⁸ Цар Лазар и царица Милица // [Караџић Вук Стефановић] Српске народне пјесме. Књ. 2: у којој су пјесме јуначке најстарије. — Беч : Штампарија Јерменског манастира, 1845. — С. 290. Ср. в русском переводе Н. Гальковского : «Кровь пролить за крест святой до капли, / Положить живот за веру в битве» (Царь Лазарь и царица Милица [Битва на Косовом поле]: [Песня] № 11 // Сербский эпос. — М. — Л. : Academia, 1933. — С. 289).

умереть во имя личной чести и личной славы (или, что одно и то же, — ради того, чтобы избежать личного бесчестия и личного позора), то герои христианского сербского эпоса готовы претерпеть личное бесчестие и умереть за «внешние», предельные ценности — в рассматриваемом случае за Божьи установления на земле.

Русский эпический концепт «общая честь богатырей»

Как было сказано выше, общая честь русского богатырства есть «суммарная стоимость» тех реалий, ценность которых, по мнению богатырей, превышает ценность их собственных жизней. Иными словами, честью в былинном понимании обладает не сам герой, но некое «внешнее» по отношению к нему начало: человек, материальная святыня, социальный институт или принцип. Перечень подобных «честных» начал, достойных защиты, может быть составлен, прежде всего, в ходе аксиологического анализа тех былин, в которых повествуется о внешней агрессии и перечисляется то, что в результате этой агрессии может быть утрачено.

Как правило, враждебно настроенный правитель угрожает «все церкви божьи на дым спустить»⁴⁵⁹, уничтожить святыне образа («пре-святу мать Богородицу в ногах стоптать, Вседержителя Спаса — на поплáв рекí»⁴⁶⁰), а православную веру «облатынить всю»⁴⁶¹. Звучат также угрозы «силу крещону привырубить», «черных мужичков да всех повырубить»⁴⁶², «кнезей-то, бояр да всех привыбити, / Прожиточных христьян да во свою веру ввeстí»⁴⁶³.

Перечисляются и другие цели, уже не связанные с религией: князя Владимира «под меч склонить»⁴⁶⁴, «Кнегину Опраксею за

⁴⁵⁹ Василий Игнатьевич и Батыга: [Былина] № 213 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 166.

⁴⁶⁰ Илья Муромец и Калин-царь: [Былина] № 101 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 485.

⁴⁶¹ Василий Игнатьевич и Батыга: [Былина] № 199 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 138.

⁴⁶² Илья Муромец и Соловей-разбойник: [Былина] № 131 // Былины Севера : В 2 т. Т. II. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — С. 173.

⁴⁶³ Васья-пьяница и Кудреванко-царь: [Былина] № 105 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 321.

⁴⁶⁴ Михайло Данилович // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : В 3 т. Т. 2. — Петрозаводск : Карелия, 1990. — С. 8.

собя ... взеть»⁴⁶⁵, «Добрынюшку Никитиця — во писари определить», «красных девиц к сорому привести», «молодых молодушек прибезчестить», «старых старух обеззичить», «над честными вдовами надругаться»⁴⁶⁶. Захватив Царьград, Идолище не только распоряжается «в божьих-то церквах... коней кормить»⁴⁶⁷, но также запрещает просить милостыню «ради Христа» и велит просить «ради Идола».

В некоторых случаях с интересующей нас точки зрения показательны и былины, не описывающие вражеские нашествия. Так, Змья бесчестит «святых отцов», которые якобы «прописались»⁴⁶⁸, оставив ложное предсказание о ее гибели от рук Добрыни Никитича. В другой эпической песне Добрыня предупреждает Алешу Поповича, чтобы тот, сопровождая до Киева освобожденную им из плена «Забаву дочь Потятичну», не нанес ущерб ее девичьей чести:

Ты прими от нас Забаву дочь Потятичну.
Вез же я Забаву да во честности,
Да от нас прими Олешенька во честности,
Не стыди-тко ей да личка белого,
Ты пристыдишь ей да личико белое,
Мне-ка-ва она да тут пожалится,
Я те завтра тут, Олешка, голову срублю!
А связи-ко ты к Владимиру во честности...⁴⁶⁹

Бесчестью также могут быть подвергнуты «честные столы»⁴⁷⁰ и сам пиршественный зал («полата белокаменна») князя Вла-

⁴⁶⁵ Васья-пьяница и Кудреванко-царь: [Былина] № 105 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 320.

⁴⁶⁶ Молодость Чурилы: [Былина] № 223 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1900. — С. 160.

⁴⁶⁷ Илья Муромец и Идолище («Как сильноё могучо-то Иванищо...») // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 153.

⁴⁶⁸ Старина про Добрыню Микитьевича (Добрыня и Змей): [Былина] № 21 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М. : Моск. высш. жен. курсы, 1908. — С. 37.

⁴⁶⁹ Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 48.

⁴⁷⁰ См., в частности: Добрыня Чудь покори! // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 109.

димира⁴⁷¹. В каждом из упомянутых случаев русский эпический герой проявляет благочестивую ревность о некоей святыне, и эти ситуации необходимо рассмотреть подробнее.

* * *

Когда Илья узнает о том, что Идолище запретил просить милостыню «ради Христа», герой встает на защиту института нищенства, который в понимании носителей русского эпического сознания был установлен самим Богом. Во времена живого бытования былин (т. е. до 30-х годов XX века) каждый русский крестьянин знал из Евангелия о следующих прямых указаниях Спасителя: «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад» (Лук. 6: 30), «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матф. 25: 40). Из чтений Святых Отцов, звучавших во время служб и на трапезах в монастырях, которые посещали крестьяне-богомольцы и т. н. «трудники» (люди, работающие по обету, бесплатно), они узнавали о том, что «подавать милостыню — большая благодать, нежели мертвых воскрешать» (Иоанн Златоуст)⁴⁷², равно как и о том, что, по слову Василия Великого, «приемлет Сам Христос, на небеси сидящий, то, что получает от рук твоих бедный, на земле лежащий»⁴⁷³. Грамотные могли прочесть в Ветхом Завете указание, данное Господом через Моисея: «не ожесточи сердца своего и не сожми руки твоей перед нищим братом твоим» (Втор. 15: 7–8); читатель же «Притчей» находил слова о том, что «благотворящий бедному дает взаимы Господу» (Притч. 19: 17).

Сознание современного человека не всегда улавливает различие между простой просьбой о помощи — и просьбой, сопровождаемой указанием на то, что просящий побирается «ради Христа». Последнее обстоятельство могло свидетельствовать не только о том, что нищий осознает свою обязанность молиться за благодетеля. В былинном мире нищими «ради Христа» — на время богомолья, Великого поста, епитимии или для исполнения добровольно принятого на себя обета — могли становиться люди вполне обеспеченные, например, те же богатыри. Такими «нищими»

⁴⁷¹ См., в частности: Алеша Попович и Змей Тугаретин: [Былина] № 21 // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск : Наука, 1991. — С. 86.

⁴⁷² Цит. по: Гурьев П. В. Пролог в поучениях. — М. : Директ-Медиа, 2014. — С. 64.

⁴⁷³ Цит. по: Гурьев П. В. Пролог в поучениях. — М. : Директ-Медиа, 2014. — С. 64.

странниками (в одежде которых, правда, сохраняются отдельные элементы, свидетельствующие о высоком достатке ее обладатель) являются сорок калик под предводительством Касьяна — эти могучие молодые люди смиренно поют духовные стихи на главной площади Киева, чтобы «заработать» себе на пропитание. В былинах о Михайло Потыке Илья Муромец и Добрыня Никитич по совету некоего «старичка» (им оказывается святой Никола Можайский) совершают путешествие по чужим краям и питаются подаянием — своеобразный подвиг юродства позволяет богатырям отыскать «запечатанного» в камне побратима.

Когда Илья Муромец спешивается, снимает доспех и надевает «гуню калицкую», чтобы отправиться в Царьград в образе нищего, мы имеем дело не с маскировкой догадливого героя, не с «военной хитростью». Илья действительно становится на время нищим; таким образом он намеревается на собственном опыте проверить, запрещают ли в Царьграде просить милостыню «ради Христа». При этом «превращение» богатыря не предполагает притворства и снисхождения к самому себе: герой действительно идет в Царьград пешком, действительно питается подаянием; ему важно на самом деле стать таким, как все нищие (и поэтому в подавляющем большинстве былинных вариантов он не прячет под одеждой оружие, как это делают в похожих ситуациях герои армянского и некоторых других национальных эпосов). Став плоть от плоти нищей братии, Илья получает моральное право на защиту всего нищенства как социального института. Это моральное право придает ему, безоружному, смелость и особую — почти сверхъестественную — силу:

Етот стар казак да Илья Муромець
Закрыщял милостинку Христа ради,
Закрыщял как громким голосом:
Тут все есвы потреслись у них,
[у Идолища и пирующих с ним. — А. М.]
Все стоканы да заплескались...⁴⁷⁴

Ревность о святине (наряду с жалостью/состраданием) придает и другому русскому эпическому герою чудесную силу, избавляет его от гибели. Так происходит с Добрыней Никитичем, которого

⁴⁷⁴ Илья Муромец и Идолишко: [Былина] № 90 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 291.

Змея застигает нагим и безоружным, когда он заплывает в реке «за третью струечку» вопреки материнской заповеди⁴⁷⁵.

Чтобы указать на благочестивую ревность как на источник той силы, которую обретает герой, следует прежде всего выяснить причины его изначального бессилия. Добрыня вторгается на «чужую» территорию, в «горы Сорочинские», отнюдь не из соображений сострадания или любви — то есть не для того, чтобы освободить «полонов расейских», томящихся в пещерах Змеи. Так, перечисляя мотивы героя, сказитель не называет главного — сострадания к пленникам:

Похотелось-то молодому Добрынюшке
Ёму съездити во далече чисто поле,
Да й ко тым горам ко сорочинским,
Да й ко тым норам да ко змеиньым⁴⁷⁶.

Цель героя — потоптать «малых змеенышей» и тем самым отомстить Змее за гибель своего отца. Впрочем, и эта мотивация недостаточно сильна; Добрыня не настроен мстить так же решительно и самозабвенно, как ахейцы Гомера, Сигурд и Гудрун («Сага о Волсунгах»), Самсон («Тидрек-сага»), Дубтах и Фергус (ирландский эпос), Вёлунд («Старшая Эдда»), император Карл («Песнь о Роланде»), Секрек или Бисат («Книга моего деда Коркута»), Кери-Торос и Горлан Оган («Сасна црер»), Сосруко и Батрадз (нартский эпос), Алпамыш (узбекский эпос), Мурадым (башкирский эпос), Идегей (татарский эпос), а также Манас, Джангар, Гэсэр, Алтай-Бучан, богатыри якутских олонхо или герои многих других эпических песен. Добрыня даже палицу берет с собой не для битвы, а для «потехи» (которая заключается, как видим из других былин, в подбрасывании этого оружия к небу и в ловком подхватывании его у самой земли)⁴⁷⁷. В русском эпосе отсутствие мотивации означает отсутствие силы, и в результате, взявшись было топтать змеенышей, богатырь оказывается неспособным справиться с этой задачей и поворачивает назад⁴⁷⁸.

Такое бессилие удивительно для нас, но совершенно понятно сказителю, мировоззрение которого выстроено в соответствии

⁴⁷⁵ Добрыня и огненный змей: [Былина] № 14 // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1991. — С. 75, 77.

⁴⁷⁶ Добрыня и змей («Да й породила Добрыню родна матушка...») // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М.: Наука, 1974. — С. 6.

⁴⁷⁷ Ibid. С. 6.

⁴⁷⁸ Ibid. С. 6.

с логикой духовных законов былинного универсума: желание восстановить личную честь не дает — и не может дать — герою право на победу. Когда же наконец появляется Змея, Добрыня оказывается безоружен и слаб, застигнут на «чужой территории» в неловкий момент праздного времяпровождения (купание в реке). По логике духовных законов былинного мира спасти героя в этой ситуации может только немедленное принятие им миссии любви-сострадания или любви-ревнования (что «автоматически» дает богатырю право на победу). К счастью для Добрыни, принять эту миссию ему помогает сама Змея. Собираясь пожрать богатыря либо скормить его своим змеенышам, она глумится над теперь уже якобы несбыточным предсказанием «святых отцов» о том, что именно Добрыня должен погубить Змею и выручить «полонов»:

Налетела Добрынюшку на синём мори,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка сын Микитич млад!
А святы оьци писали-те — прописалисе;
А сказали: „От Добрынюшки Змеи смерть прыдѣт”, —
А тепере от Змеи Добрыни смерть прышла!»⁴⁷⁹

В этот миг в сердце богатыря вспыхивает любовь-ревнование о чести «святых отцов». Он впервые слышит о предсказании — и ощущает личную ответственность за то, что авторитет предсказавших будет теперь ниспровергнут Змеей. Тем самым Добрыня принимает наконец завешанную «отцами» миссию. Это придает ему силы чудесным образом избежать смерти (богатырь уплывает от Змеи и замечает на берегу «колпак земли греческой», догадывается наполнить его «хрущатым песком», «землей греческой» и таким образом отбивается от своего противника). Наказуемый и наказывающий теперь меняются местами: если ранее моральное право на победу было у Змеи, то теперь — у Добрыни: он выступает как орудие Божией воли, действует во исполнение пророчества:

А святы оьци писали-те — не прописалисе:
А сказали: „От Добрыни Змеи смерть прыдѣт”, —
А тепере ну от Добрынюшки Змеи смерть прышла!»⁴⁸⁰

⁴⁷⁹ Добрыня Никитич и Змей: [Былина] № 8 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 132–133.

⁴⁸⁰ Добрыня Никитич и Змей: [Былина] № 8 // Былины : В 25 т. Т. 3. СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 133.

В этот момент лишенный мотивации персонаж — богатырь, тративший свою силу на жестокие шутки, увечившие сверстников, и на «потехи молодецкие» — преобразается в героя христианского эпоса, который ориентирован на защиту «честных» реалий.

Итак, одной из подобных защищаемых реалий в русском эпосе является честь «святых отцов». Сопоставимым образом в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике протагонист ревнует о чести христианского праздника — Светлого Христова Воскресения. Главным героем движет отнюдь не желание совершить подвиг и снискать славу, победив злодея, с которым никто не мог справиться «тридцать лет и три года». Нет у него и мотивации добыть имущественную честь, присвоив несметную «золотую казну» Соловья — ценности, награбленные последним за все эти годы. Илья всего лишь стремится успеть в Киев к пасхальной службе — дабы исполнить свой долг христианина и реализовать свое право на доступ в церковь. Соловья-разбойника он убивает лишь потому, что тот препятствует этому законному праву и тем самым бесчестит Светлый Праздник. Таким образом, Соловей для героя — не цель, а «помеха» на пути к цели (пасхальной службе):

Да на дороге мне было три помешиньки:
Перва помеха — очистил я Чернигов-град;
Другá помеха — я мостил мосты на пятнадцать верст
Через ту реку, через Самородину;
Третья помеха — я сошиб Соловья-разбойника⁴⁸¹.

Подчеркнем здесь, что общеэпический герой все свои подвиги совершает ради приращения личной чести, и любой внешний объект имеет для него ценность лишь в аспекте добычи, то есть в перспективе добавления его стоимости к «стоимости» самого персонажа. Былинный богатырь, напротив, готов саму свою жизнь «добавить» к стоимости любой «честной» реалии. Каждая из подобных реалий по отдельности является для богатыря настолько ценной, что при попытке кого-либо нанести такой реалии бесчестие сердце героя разгорается благочестивой ревностью, — и это с необходимостью вызывает прилив чудесной силы.

⁴⁸¹ [Первая поездка Ильи Муромца] // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 29.

В перечень «честных» реалий, которые необходимо защищать былинному герою, помимо христианского брака⁴⁸² и других церковных таинств, праздников, храмовой службы⁴⁸³, института святоотеческого предания, царской и княжеской власти (недопустимость цареубийства⁴⁸⁴), общественных норм «честного» девичества⁴⁸⁵, материнства⁴⁸⁶, вдовства, сиротства, института нищенства «Христа ради», входит сам институт богатырства. Этому институту, как было показано выше, угрожают планы иноземного царя «силу крещону привырубить», а любимого народного героя-змееборца сделать писарем (в данном случае бесчестьем для богатырства является ситуация, когда человек, имеющий чудесный «талан», оказывается лишенным возможности служить этим «таланом» Богу и ближнему).

Таким образом, коллективная «честь-хвала богатырская» не имеет прямого отношения к личности конкретного персонажа, к его имени или имуществу. Богатырская честь для былинного героя — ценность почти такая же «внешняя», как монашество, христианский брак или «честное» девичество. И если защита коллективной чести богатырства требует пожертвовать личными интересами, личной честью и даже жизнью, такое решение принимается незамедлительно. Так, Дюк Степанович с риском для жизни будит спящих в шатре Илью Муромца и Добрыню Никитича — чтобы отдать должное богатырству как «честному» институту. По этой же причине Добрыня вынужден вернуться в шатер Дуная Ивановича и выпить вино, хранящееся там: чтобы не дать повода думать, будто русских богатырей можно напугать угрожающими надписями⁴⁸⁷.

Подобно тому как у концепта коллективной славы («хвалы», «выхвальбы») русского богатырства имеется два аспекта (содержа-

⁴⁸² См., в частности: Ставер // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 487.

⁴⁸³ См. различные варианты былины «Первая поездка Ильи Муромца».

⁴⁸⁴ См., в частности: Соломан и Василий Окулович: [Былина] № 275 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 320.

⁴⁸⁵ См., в частности: Козарин: («Во городи да во Цернигови...») // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. 1. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 233.

⁴⁸⁶ О двух братьях, двух Ливиках, и князе Романе Дмитриевиче // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 425.

⁴⁸⁷ Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 134 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 579.

тельно она есть совокупность подвигов во Славу Божью, а функционально — фактор, позволяющий «отпугивать» потенциальных завоевателей), так и коллективная честь («выслуга») киевских витязей обретает свое содержание как совокупность подвигов, совершаемых по благочестивой ревности о Божьих установлениях на земле, являясь с функциональной точки зрения тем началом, которое обеспечивает признание ценности богатырства в былинном Киеве.

Понимание героем чести как атрибута «другого», а не самого себя, позволяет отойти от ложного истолкования былинной «чести-хвалы» как ритуала, который «четко регламентирует действия лица относительно чести»⁴⁸⁸. В былинах одно и то же действие князя — например, размещение богатыря на «низком» крае стола — в случае с Ильей Муромцем является бесчестьем, а в случае с Алешей Поповичем — отнюдь нет. Если допустить ритуальное происхождение концепта чести в русском эпосе, то ритуал нарушается в обоих случаях и это должно привести к одинаковым последствиям. Подобного, однако, не происходит — потому, что Алеша оказывается на «низком» месте в самом начале своего богатырского поприща, и его личное бесчестье не влечет за собой бесчестье всего русского богатырства. Когда же из-за интриг «бояр кособрюхих» на «низком» краю стола оказывается Илья — «старой», то есть старший из богатырей, возглавляющий и олицетворяющий всех русских витязей — то это означает прямое бесчестье киевского богатырства. И на такое бесчестье «старой» должен отреагировать не потому, что задета его личная честь, и не потому, что в его отношении нарушен некий ритуал. Илья ссорится с князем потому только, что тот принижает одну из ключевых ценностей былинного мира, наряду с «честным» вдовством, сиротством и др.

Сопоставимым образом попытка Настасьи перепрыгнуть через свадебные столы⁴⁸⁹ является посягновением на честь столов, а не попранием некого ритуала: как более чем логично предположить, в сознании русских крестьян XIX века любой стол (а тем более пиршественный, свадебный) напоминал о жертвеннике в храме, а также о таинственном «великом совете» трех Ангелов, ипостасей Святой Троицы, и об их пребывании в гостях у Авраама и Сарры. Кроме того, в восприятии русского крестьянина любой праздничный стол был освящен воспоминанием о Тайной Вечере Спасителя, а любой

⁴⁸⁸ Харитонов В. И. Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека. Дисс... к.ф.н. — Курск, 1997. — С. 111.

⁴⁸⁹ Добрыня Чудь покори («В стольном городе в Киеве...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 109.

свадебный стол напоминал о браке в Кане Галилейской, где Сын Человеческий сотворил Свое первое чудо.

Когда Настасья собирается прыгнуть к мужу через столы, Добрыня останавливает жену не потому, что она рискует нарушить некий формальный ритуал, якобы доставшийся былине в наследство от языческой системы запретов и предписаний. Не формальность, но ценность стремится соблюсти герой, ведь речь идет о ценностно «окрашенном» поступке — лишении чести.

Подчеркнем особо тот факт, что русское эпическое сознание присваивает столу, кресту, мощам и некоторым другим реалиям состояние чести не потому, что эти реалии являются сакрализованными составляющими ритуала, но в силу того, что они связаны с конечными ценностями — с Богом и с ближними): в частности, указывают на искупительную жертву Христа и на подвиги мучеников.

В сказаниях и песнях разных народов (как и в некоторых авторских произведениях, разрабатывающих сюжет о возвращении мужа на свадьбу своей жены) красавица, узнав супруга, прыгает к нему через пиршественный стол или пытается это сделать. Так происходит в «Декамероне» Боккаччо (девятая новелла десятого дня, история мессера Торелло и его жены), в чешской «Древней повести о Стоймире и Брунцвике», моравской песне «Про Вихторынека»⁴⁹⁰, польских песнях про солдата⁴⁹¹ и др. В русской былине Настасья сдерживает свой порыв прыгнуть на шею Добрыне через столы, и эта сдержанность возможна только в том случае, если для героини ценность «честного» объекта является исключительно высокой. Отказ от бесчестия столов — ключ к разгадке аксиологического кода всей былины, который заключается, в частности, в понимании чести как атрибута «другого». Так, Добрыня сохраняет верность своей жене, чтобы не обесчестить ее; Настасья ждет Добрыню дольше положенного срока, оберегая честь своего мужа; Добрыня спешит вернуться к свадьбе, чтобы защитить честь жены, и, вернувшись, воздерживается от порчи свадебного угощения и от кровопролития, ревнуя о чести брачного пира; он же оставляет в живых Алешу Поповича, потому что заботится о чести киевского богатырства.

⁴⁹⁰ См., напр.: *Su il Fr. Moravské národní písní s náp vy do textu v ad nými.* — Brno : K. Winiker, 1860. — S. 131.

⁴⁹¹ См., напр.: *Federowski M. Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy.* Т. I. — Warszawa : Skład Główny w Księgarni M. Arcy, 1888. — S. 180; *Kozłowski K. Lud. Pieśni, podania, baśnie, zwyczaje i przesady ludu z Mazowsza Czerskiego wraz z tańcami i melodyami.* — Warszawa : w drukarni Karola Kowalewskiego, 1869. — S. 35.

Известно, что русские эпические герои нередко оказываются в ситуации, когда они как будто не знают как поступить. Например, Дюк Степанович колеблется перед шатром со спящими богатырями (эпизод, о которой мы уже упоминали выше) — и в данном случае вполне очевидно, что русское эпическое сознание не располагает памятью о ритуальном предписании для данной ситуации. Герой ищет решение, соотносимое с ценностным концептом «честь-хвалы богатырской» и понимает, что не может обесчестить Илью и Добрыню, выставив их нерадивыми стражами русской земли (и тем самым девальвируя ценность богатырства как социального института). Таким образом, Дюк в этой ситуации заботится не о ритуале, но о соблюдении чести других богатырей.

Дунай Иванович оставляет дерзкую надпись у входа в свой шатер — и так возникает конфликт двух героев, в котором каждый из них прав: Дунай потому, что не покидает шатра «без угроз богатырских», а Добрыня Никитич потому, что «не слушает угроз богатырских» («Бой Добрыни с Дунаем»). Для логики ритуального поведения эта ситуация немыслима, ритуал требует признать единственно правильным либо предписание оставлять угрожающие надписи, уходя из дома, — либо запрет на них. Но логика русского эпического сознания не является бинарной, она оперирует концептом «честь хвалы-богатырской» как коллективного атрибута. Так, Дунай оставляет угрозы не для сбережения своей личной имущественной чести, а миролюбивый, обычно склонный уклоняться от конфликтов Добрыня вынужден нарушить это предписание опять-таки не потому, что угроза наносит личное оскорбление ему самому. Он должен продемонстрировать, что презрение к угрозам свойственно всем русским богатырям. Как можно видеть, соблюдение чести в русских былинах требует одновременно и угрозы, и презрения к ней. Формальный ритуал неспособен включать подобные ситуации в свое нормативное поле, здесь руководством для героя при принятии решения может быть только та или иная ценностная категория.

Сложно представить себе ритуал, требующий от богатыря оказать помощь змее, которая просит погасить ее горящее гнездо. Тем не менее именно так поступает Михайло Потык, главный герой одноименной эпической песни, и не потому, что его поступок отражает забытый культ тотемного предка-рептилии (гипотеза о змее как тотеме разбивается о многочисленные примеры самого негативного отношения к змеям русского эпического сознания⁴⁹²;

⁴⁹² См. былины о Добрыне и Змее, о Добрыне и Маринке, об Алеше Поповиче и Змее Тугарине (Тугарине Змеевиче).

например, в той же былине Потык безжалостно убивает змею в подземелье). Герой помогает змее и ее «малым детушкам» (представителям «чужого» мира) как раз вопреки общему правилу, движимый главной богатырской эмоцией — жалостью-состраданием.

Принимая решение, герой должен совершить духовную работу, сделать нравственный выбор — исходя из собственного чувства чести, совести, милосердия. Пожалеть и защитить всякого, кто в беде, — такой императив несовместим с логикой ритуала, этого требует «сердце богатырское неутерпчивое» (и сердце певца, владеющего эпическим знанием). Коллективная честь богатырского рода предполагает жалость к любому страдающему существу, уважение к «честному» институту материнства — и Потык помогает змее именно потому, что для него, как для русского богатыря, ценность материнства чрезвычайно высока. Таким образом, характер поступка — честного или бесчестного — определяется не тем, насколько он соответствует ритуальному протоколу, но ценностными координатами самого деяния.

Будучи описанным и продемонстрированным, аутентичное содержание концепта коллективной «честь-хвалы богатырской» исключает попытки навязывать героям русского эпоса несвойственные им мотивации, связанные с ценностями личной имущественной чести. Утверждение о том, что «оказание чести действующему лицу... обусловлено его заслугами» и «сопровождается материальным вознаграждением... что подчеркивает выгодность чести»⁴⁹³ справедливо в отношении героев большинства национальных эпосов, однако не применимо к былинным богатырям.

Верное наблюдение Ю. М. Лотмана, сделанное в отношении западноевропейской эпической поэзии («честь неизменно связывается с актом обмена, требующим материального знака, с некоторой взаимностью социальных отношений, дающих право на уважение и общественную ценность»⁴⁹⁴), категорически неприменимо к концептосфере русских былин. Нет, например, никакой возможности подтвердить цитатами из былинных записей предположение о том, что «почестность» пиров у князя Владимира связана с ритуальной раздачей подарков. Упоминания о подарках богатырям за столом у князя Владимира крайне редки, буквально единичны, и, как прави-

⁴⁹³ Харитонов В. И. Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека. Дисс. ... к.ф.н. — Курск, 1997. — С. 25.

⁴⁹⁴ Лотман Ю. М. Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах киевского периода // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. В 3-х т. Т. II. — Таллинн : Александра, 1992. — С. 123.

ло, такое дарение оборачивается проблемой для самого одаренного (так происходит, например, с шубой с княжьего плеча, которую получает Илья Муромец).

Как можно видеть, былинный концепт чести не основан на принципе обмена, о котором писал Ю. М. Лотман, опираясь на формулу «дара-обмена» М. Мосса⁴⁹⁵. Напротив, в русском эпическом сознании представление о чести основано на принципе дарения: герой как бы дарит свою силу (или другой чудесный талант) «честному» объекту, человеку или установлению просто потому, что этот последний достоин богатырской защиты и даже *должен быть защищенным* — в силу самой своей внутренней ценности, по зову сердца, не ожидая награды.

Представление о коллективной чести буквально заставляет русского богатыря не обменивать свой талант (физическую силу, смелость, сметку, творческую энергию, вежество и др.) на золото, ценное оружие, доспех и проч., но «передаривать» его, т. е. направлять свои способности на соблюдение и восстановление чести других людей и прочих «честных» реалий (монастырей, икон, «Непры-реки» и т. д.). В противном случае русский эпический герой рискует утратить свою чудесную силу, как это происходит с Добрыней Никитичем (битва со «змеенышами», первая битва со Змеей, битва с Настасьей), Ильей Муромцем (битва с Сокольником), Михайло Потыком (каждая его встреча с Лебедью Белой, кроме последней), Сухманом (смертельное ранение героя в конце сражения) и, наконец, со всеми русскими богатырями (битва с «силой незнамой»).

Честь богатырства и идеал христианского благочестия

Картина мира русского эпического певца, которая основана на аксиологической доминанте любви и благочестивой ревности, совпадает с утверждаемым Отцами Церкви мировоззрением «нового человека». Суть «совлечения с себя ветхого человека» и внутреннего обновления состоит, согласно христианскому учению, в замене «хищного самоугодия» — отвержением самости.

Согласно преп. Феофану Затворнику, таким образом будут отвергнуты как «страсти, которые прямо порождаются самоуго-

⁴⁹⁵ См.: Мосс М. Опыт о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. — М. : КДУ, 2011. — С. 228–230.

дием, то есть страсти похоти», так и те, которые «порождаются из самости вследствие столкновений и сопротивлений» между людьми⁴⁹⁶. Именно это и происходит с былинными персонажами, в ценностном центре которых утверждается доминанта благочестивого (т.е. почитающего святыни) «сердца богатырского». Герои этого типа, с одной стороны, не желают личной чести (выражаясь былинным языком, они свободны от «зависти»), а с другой стороны, не гnevаются в случае причинения им личного бесчестия (лишения ценного имущества, материально-знаковых благ).

Таким образом, картина мира, утверждаемая русскими эпическими певцами, в сущностных своих чертах тождественна христианским представлениям о «новом человеке», отвергающем себялюбие и исполняющем на деле заповеди Христа о любви к Богу и ближнему.

⁴⁹⁶ *Феофан Затворник*. Толкование на группу стихов: Кол: 3: 9–9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/k-kolosanam-poslanie-ap-pavla/glava-3/stih-9/>

ЛИЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯ

«Славá великая», «славушка»

Богатыри и их противники часто мотивированы ценностью «славы», «славушки великой»: не только о первых, но также и о вторых по смерти «славу поют»⁴⁹⁷. Для былинного певца «славушка» героя есть не что иное, как молва. Это может быть молва кратковременная (слух) — например, расходящийся по миру слух о «бессмертной»⁴⁹⁸ жене Михайло Потыка или о том, что в Киеве, после ухода Данилы Игнатьевича в монастырь, не осталось богатырей, или же — слава длящаяся, «вечная» (память об уже умершем герое, передаваемая из поколения в поколение). Второй род «славушки» — слава как память потомков — тесно связан с представлениями русского эпического сознания о жанровой функции старин, благодаря которым слава богатырей «не минует»⁴⁹⁹. Рассматриваемые понятия, впрочем, почти синонимичны: о героях «славы-ты поют да старины скажут»⁵⁰⁰.

Для того чтобы уточнить содержание былинной «славы»/«славушки», необходимо рассмотреть все те случаи, когда она мотивирует кого-либо из персонажей совершить тот или иной поступок. Так выясняется, что русская эпическая «слава» есть, в частности:

— то, что «гремит» по миру, будучи вызвано чудесным рождением Волха Всеславьевича, его требованием «принадлежности богатырской», высказанным еще в колыбели, а также умением «оборачиваться» волком, соколом, вороном и т. д.⁵⁰¹;

⁴⁹⁷ См., в частности: Илья и Соловей разбойник: [Былина] № 74 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 19.

⁴⁹⁸ Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 9 // Былины Пудожского края. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. — С. 143.

⁴⁹⁹ См., в частности: Селиванов Ф. М. Общественно-эстетическая функция былин // Полифункциональность фольклора. — Новосибирск : НГПИ, 1983. — С. 47–50.

⁵⁰⁰ Дунай: [Былина] № 377 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 426.

⁵⁰¹ См., в частности: Волх Святославьевич (Всеславьевич): [Былина] № 51 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 256.

— то, что вызвано юношескими подвигами Добрыни Никитича (он побеждает и калечит всех тех, кто выходит против него бороться), а затем становится известно Илье Муромцу и побуждает последнего немедленно отправиться на поиски Добрыни, чтобы вызвать его на поединок⁵⁰²;

— то, что распространяется по всему миру как весть о чудесной, «бессмертной» жене Михайло Потыка, и мотивирует многих неженатых «царевичей и королевичей» из разных стран отправиться в Киев, чтобы требовать руки красавицы⁵⁰³;

— то, что заставляет царя Васеньку/Василия Окуловича воздержаться от убийства царя Соломана «скоро-наскоро», но попытаться казнить его при народе «во чистом поле», чтобы избежать дурной славы⁵⁰⁴;

— то, что вынуждает Змею предоставить Добрыне возможность выбраться на берег, чтобы впоследствии не распространилась молва о том, что богатырь был убит в нечестной схватке, «на жидкой воде»⁵⁰⁵.

В отличие от ценности «чести», «почестей» — аксиологической категории, которая всегда имеет материальный, имущественный характер, — былинная «слава» есть благо невещественное. Это позволяет отождествить названное понятие с русской эпической «выхвальбой богатырской» («выслугой богатырской») — так, Алеша Попович именно «выхвальбу» противопоставляет «славушке недоброй»⁵⁰⁶.

Более того, именно с ценностью «славы-молвы», а не чести («почестей») следует сблизить былинное понятие «честь-хвала

⁵⁰² См., в частности: Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 46 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 231; Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 71 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 364—365; Бой Добрыни с Ильей Муромцем: [Былина] № 108 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 536—537.

⁵⁰³ См., в частности: Потык: [Былина] № 374 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 399.

⁵⁰⁴ Про Васеньку Окуловича: [Былина] № 25 // Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — С. 106—107.

⁵⁰⁵ Добрыня Микитич и Змеише Тугарыше: [Былина] № I / [Копержинский К. А.] Былины Восточной Сибири (Новые записи) // Русский фольклор. Т. II. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — С. 243.

⁵⁰⁶ Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин: [Былина] № 85 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 333.

богатырская». В русском эпосе эта ценность мотивирует персонажей на поступки, которые имеют своей целью отнюдь не приобретение тех или иных материальных благ (слагаемых личной чести общеэпического героя), но почти исключительно — свободу от бесславия или, напротив, распространение доброй молвы.

Так, Василий Буслаев собирается «скакать да вдоль по камешку»⁵⁰⁷ Алатырю (или даже совершить такие прыжки «назад глазами»⁵⁰⁸, т. е. спиной вперед) не ради получения имущественных благ, но для того, чтобы распространить молву о нарушенном им запрете. Соблюдение же запрета для этого героя равноценно проявлению трусости, последствием чего является дурная слава («не честь-хвала богатырская/молодецкая»). Напротив, слава-молва отождествляется Василием Буслаевым с «выслугой» и «честью-хвалой»:

Не чёсь-то хвала да молодецкая,
Не выслуга будёт богатырская —
Мы станём скакать да вдоль по камешку...⁵⁰⁹

Когда герой или антагонист (например, иноземный посол Игнатий в былине «Илья Муромец и Калин-царь») принимает решение не въезжать в Киев через ворота, но «скакать... через стену городовую», через «башню наугольную»⁵¹⁰, суть этого действия состоит в демонстративном нарушении общего правила, в преодолении запретов, границ, привычных рамок. Результатом такого поступка становится молва. И напротив, отказ от нарушения запрета, подчинение общим правилам поведения есть — как мы уже видели выше — бесславие, «не честь-хвала»:

Едет Игнатий и роздумыват:
«Мне дорогой ехать — мне не честь-хвала,
Мне не выслуга будет богатырская»⁵¹¹.

⁵⁰⁷ Василий Буслаев в Иерусалим ездил: [Былины] № 89 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 357.

⁵⁰⁸ Васька Буслаев: [Былина] № 28 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 154.

⁵⁰⁹ Василий Буслаев в Иерусалим ездил: [Былины] № 89 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 357.

⁵¹⁰ Добрыня и Калин-царь: [Былина] № 101 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 485.

⁵¹¹ Добрыня и Калин-царь: [Былина] № 101 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 485.

Итак, «честь-хвала» отличается от «чести» именно своим акцентом на молву как высочайшую ценность. Дунай Иванович отказывается убивать спящего Добрыню Никитича потому, что боится дурной славы:

Вынимал тогда чинжалишо предолгоё
И хотел рубить у его да буйну голову,
Думуци себе да природзумалси:
«Мне не честь-хвала да молодецкая,
Не выслуга будет богатырская»⁵¹².

Когда Михайло Карамышев (Казарин) понимает, что не может проехать мимо вражьего «чернобархатного» шатра, его мотивирует не добыча (т. е. личная честь), но — желание избежать бесславия:

А нельзя-то бы шатра протти-проехать,
А надь во шатре людей проведати —
Мне не честь будёт, хвала да молодецкая,
Да не выслуга будёт богатырская!»
Поворачивал коня тут ко черну шатру...⁵¹³

Неимушественный характер славы-молвы («чести-хвалы», «выслуги богатырской») подчеркивается в те моменты, когда герой хвастает на пиру не каким-либо из элементов личной чести (конем, золотом, женой и др.), но претендует на поступок, который обеспечит ему персональную известность. Вполне логично, что такой поступок должен быть необычным, удивительным (например, Садко обязан поймать в «Ильмень-озере» небывалую рыбу с золотыми перьями, а Сухман — добыть «лебедь белую... не кровавлену»⁵¹⁴). Удивительное есть условие распространения молвы — как доброй, так и дурной, — при этом личная слава всегда соединяется с именем героя, положительного или отрицательного. «Славы поют» даже тем персонажам, чья смерть современному человеку показалась бы в собственном смысле слова бесславной:

⁵¹² [Добрыня и Дунай]: [Былина] № 52 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 357.

⁵¹³ Михайло Карамышев: [Былина] № 93 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 378.

⁵¹⁴ Сухман: [Былина] № 195 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 122.

Дунаю Ивановичу⁵¹⁵, Василию Буслаеву⁵¹⁶ (при этом, когда матушка оплакивает богатыря, она называет его «глупешеньким»⁵¹⁷, подчеркивая то, что смерть ее сына была бессмысленной), Михайло Потыку, которого во цвете лет хоронят заживо⁵¹⁸. Недобрую славу, печальную известность может обеспечить герою не только его гибель, но и особенное, удивительное несчастье — например, Ивану Гоудиновичу «славы-ти поют да и старины скажут»⁵¹⁹, хотя богатырь, убив собственную невесту, прославился лишь тем, что «жанил... свою саблю вострую»⁵²⁰, а сам ушел в монахи. Синонимом дурной славы является «стыд великий»⁵²¹, он может «роздёрнуться»⁵²², то есть разойтись по городу, по всему миру.

Дурная слава по сути обеспечена врагам Руси (о которых также говорится, что им «славы поют» после их гибели от рук киевских богатырей) — Соловью-разбойнику⁵²³, Подсокольнику⁵²⁴,

⁵¹⁵ См., в частности: Дунай: [Былина] № 377 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 426.

⁵¹⁶ См., в частности: Василий Буславьевич: (Путешествие и смерть): [Былина] № 390 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 462.

⁵¹⁷ Василий Буславьевич: (Путешествие и смерть): [Былина] № 390 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463.

⁵¹⁸ См., в частности: Потык: [Былина] № 333 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 144.

⁵¹⁹ Ванюшка Маленькой (Иван Гоудинович) и Настасья Митреевична: [Былина] № 375 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 411.

⁵²⁰ Иван Гоудинович: [Былина] № 300 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 463.

⁵²¹ Алеша и сестра Бродовичей: [Былина] № 7 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 72.

⁵²² Алеша и сестра Бродовичей: [Былина] № 7 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 71.

⁵²³ См., в частности: Первая поездка Ильи Муромца: (Он спасает Чернигов, наказывает коварную девицу, встречает разбойников и укрощает Соловья-разбойника): [Былина] № 360 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 308.

⁵²⁴ См., в частности: Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 90 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 451.

Тугарину⁵²⁵, Змеишу⁵²⁶, Издолищу/Идолищу⁵²⁷, Маринке⁵²⁸, Златы-горке⁵²⁹, «царишшу Демьянишшу»⁵³⁰.

Необходимо заметить, что в духовных стихах (которые часто исполнялись теми же певцами, что и былины⁵³¹), само слово «слава» нередко используется как синоним другого слова — «гордость». Так, неправедный богач в стихе про Лазаря сокрушается: «Слава моя, гордось дамнó минулась»⁵³². Действительно, в большинстве рассмотренных случаев «слава великая», на стяжание которой устремлен богатырь, есть именно личная «именная» слава, которая может быть предметом «гордости» Волха Всеславовича или юного Добрыни, жены Потыка или посла Игнатия, Василия Буслаева или Дуная Ивановича, «прекрасного» царя Василия Окуловича или Змеи. Дурная слава также непременно связана с именем конкретного действующего лица.

Однако те же самые слова — «слава», «честь-хвала богатырская» — сказители используют и тогда, когда воспевают поступки

⁵²⁵ См., в частности: Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина: [Былина] № 334 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 152.

⁵²⁶ См., в частности: Купанье и бой Добрыни со Змеем: [Былина] № 370 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 371.

⁵²⁷ См., в частности: Встреча и поездка Ильи Муромца со Святогором, смерть Святогора и освобождение Ильей Муромцем Киева от Издолища: [Былина] № 418 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 589.

⁵²⁸ См., в частности: Молодость Добрыни, жалоба на него князю Владимиру, оправдание Добрыни; Добрыня и Маринка: [Былина] № 359 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 297.

⁵²⁹ См., в частности: Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей Муромцем: [Былина] № 320 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 93.

⁵³⁰ См., в частности: Васька-пьяница и Кудреванко-царь: [Былина] № 314 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 62.

⁵³¹ См., в частности: *Ляцкий Е. А.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. — М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1895. — С. 13.

⁵³² Про Лазаря: [Духовный стих] № 301 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 735.

своих героев, направленные отнюдь не на распространение молвы о личных подвигах, но имеющие своей целью укрепление доброй славы о русском богатырстве как таковом. О. Ф. Миллер первым из исследователей русского эпоса заметил, что Илья Муромец стремится не к личной славе, но заботится о поддержании славы «вообще про богатырей, и то для того лишь, чтобы такая общая слава о богатырстве удерживала насильников от вторжения в Землю Русскую»⁵³³. Действительно, рассеяв «темную силушку», нагнанную под Чернигов тремя иноземными царевичами, этот богатырь оставляет последних в живых неслучайно:

Вы поедьте по svým местам,
Вы чините везде такову славу,
Што святая Русь не пустá стоит,
На святой Руси есть сильны-могúчи богáтыри⁵³⁴.

По этой же причине «...на тот ли тот ли стольне Киев град, / А идет честь ведь слава великая»⁵³⁵. В былинном мире Киев славится не богатством (он значительно уступает эпической «Индее», «Кореле богатой»), не огромной армией (у Калина войско намного больше), не искусствами, технологиями и «хитростями», как «Цареград» или «земля немецкая», но — богатырями. Именно слава последних привлекает в Киев молодого Дюка Степановича — и, едва оказавшись на границе Руси, Дюк рискует нанести ущерб общей славе киевских витязей: ситуация, о которой мы упоминали выше. Если герой проедет мимо спящих в шатре Ильи и Добрыни, то тем самым выставит старых сторожей Руси на посмешище:

Я проеду русских могучих богатырей
Им за преку будет за великую
За досаду будет за немалую⁵³⁶.

⁵³³ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское : Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. — СПб : Тип. Н. Н. Михайлова, 1869. — С. 802.

⁵³⁴ [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860. — С. 35–36.

⁵³⁵ Дюк Степанович: [Былина] № 31 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 179.

⁵³⁶ Дюк Степанович: [Былина] № 31 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 179.

Слово «прека» в рассматриваемом случае есть синоним бесславия. Дюк ищет не личной славы, он хочет стать членом *прославленного сообщества русских богатырей* и потому с риском для жизни будит Илью и Добрыню (первый, как и ожидалось, спросонья бросает в него нож).

В мезенском варианте былины об Ильи Муромце русские богатыри перед боем с великой силой Мамаю надеются отнюдь не на стяжание личной славы:

...пройдет славушка про нас не малая⁵³⁷.

Как справедливо заметил Ф. М. Селиванов, богатырская слава «начинается по завершении эпического события»⁵³⁸, т. е. *после* подвига, о котором герою необходимо поведать («похвастать») на княжеском пиру — не ради личной известности, но с практической целью: оповестить князя и всех присутствующих о своей «выслуге» — исполненной миссии:

Да у нас на Руси
Прежде дела не хвастают,
Когда дело сделают,
Тогда и пофастають⁵³⁹.

Напротив, иноземные персонажи, действующие в былинах, часто хвастают еще не одержанной победой — они так и называются: «нахвальщики»⁵⁴⁰.

Общая слава киевского богатырства может быть и доброй, и дурной. Так, князь Владимир опасается, что уход последнего богатыря из столицы былинной Руси приведет к тому, что об этом узнает соседний царь:

⁵³⁷ Старина про Илью Муромца: [Былина] № 8 // [Ефименко П. С.] Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. — М. : Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. — С. 34.

⁵³⁸ Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). — М. : Кругъ, 2009. — С. 145.

⁵³⁹ Кострюк // [Миллер В. Ф.] Исторические песни русского народа XVI–XVII вв. — Пг. : Тип. Имп. Акад. наук, 1915. — С. 148.

⁵⁴⁰ См., в частности: Илья и нахвальщик // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 222–224; Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 83 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 422–424.

Да пройде(ё)т же тут славушка великая,
Великая славушка по фсей земли, —
Да пройдёт нонь славушка ко Шкурлаку!...⁵⁴¹

Действительно, когда престарелый богатырь Данила Игнатьевич удаляется «во три-де монастыря душу спасать»⁵⁴², подвиги русских витязей прекращаются и происходит вражеское нашествие:

А как узнал вор-собака да злодей Курган-царь...
<...>
А не вёшная вода ле облелеяла, —
Опступила Орда-сила да неверная...⁵⁴³

Но если для распространения славы о всем киевском богатырстве необходимы удивительные подвиги, способные породить молву, — те подвиги, отметим особо, которые не могут быть совершены в корыстных интересах конкретного богатыря, то есть с целью принести некому одному витязю личную честь (добычу) и личную славу (гордость), — то единственной «альтернативой», доступной богатырству, становятся подвиги бескорыстные. Именно такие подвиги — совершаемые «во славу Божию» ради страдающего человека, не имеющего даже возможности отблагодарить своего защитника, — наиболее удивительны и потому обеспечивают славу Илье Муромцу и его побратимам.

Как и в рассмотренном выше случае с понятием «честь», русские эпические певцы, по-видимому, используют один и то же субстантив «слава» для обозначения как личной славы героя, так и общей славы всего сообщества киевских богатырей. Впрочем, в одном из былинных вариантов находим редкий эпитет, кото-

⁵⁴¹ Данило Игнатьевич и его сын Михайло: [Былина] № 385 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 447.

⁵⁴² Данило Игнатьевич и его сын Михайло: [Былина] № 385 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 447.

⁵⁴³ Данило Игнатьевич и его сын Михайло: [Былина] № 289 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 396–397.

рый применяется певцом для характеристики именно личной славы. Илья Муромец — главный хранитель общей славы русского богатырства — отказывается от наград и боярского титула под предлогом того, что избегает земной, прижизненной и «сусветной» — то есть, по В. И. Далю, «всесветной, общей, повсюдной, повсеместной»⁵⁴⁴ — славы:

Мне ненадобно на сём свети слава сосветная...⁵⁴⁵

Ниже мы воспользуемся этим былинным определением для того, чтобы различать личную славу конкретного богатыря — и общую славу всего русского богатырства.

Слава личная («сосветная») как ценностная мотивация

Ценность личной славы (молвы) мотивирует следующих героев русского эпоса:

— Алеша Попович — въезжает в город с отрубленной головой Змея Тугарина⁵⁴⁶; хвастается тем, что обладает недоступной красавицей, сестрой братьев Бродовичей/Збродовичей (овладение запретным)⁵⁴⁷; похвывается превосходством русских богатырей над «силой небесной»⁵⁴⁸;

— Братья Бродовичи/Збродовичи — кидают нож в Алешу Поповича, обесславившего их на пиру⁵⁴⁹;

— Василий Буслаев — мстит за бесславие новгородцам и нарушает запрет на проживание в Новгороде; гневается за понесенное

⁵⁴⁴ Сусветный / Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/361442>

⁵⁴⁵ Илья Муромец и Калин: («Ай во славном было городи во Киеви...») // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 47.

⁵⁴⁶ См., в частности: Алеша Попович («Из Славнова Ростова, красна города...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 105.

⁵⁴⁷ См., в частности: Алеша и сестра Бродовичей: [Былина] № 7 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 69–70.

⁵⁴⁸ См., в частности: Камское побоище: [Былина] № 94 // [Марков А. В.] Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 485–486.

⁵⁴⁹ См., в частности: Алеша и сестра Бродовичей: [Былина] № 7 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901. — С. 70.

бесславие в кулачном бою; мстит за бесславие встречной женщине⁵⁵⁰; преодолевает заставы (т.е., в контексте былины, символические запреты на беспрепятственное движение) по пути на Святую землю⁵⁵¹; нарушает разнообразные запреты уже на Святой земле⁵⁵²;

— Волх Всеславович/Вольга Буслаевич — достигает превосходства в охоте и получает признание собственной исключительности со стороны дружины⁵⁵³; овладевает городом и страной Турец-санталя⁵⁵⁴;

— Добрыня Никитич — в юности участвует в состязаниях ради славы⁵⁵⁵; бьется с Ильей Муромцем⁵⁵⁶; выезжает в поле для того, чтобы «топтать» змеенышей⁵⁵⁷; заплывает в реке до «средней струечки», чтобы избежать возможного бесславия⁵⁵⁸; заключает мир со Змеей ради славы ее «бóльшего брата»⁵⁵⁹;

⁵⁵⁰ Василий Буслаев в Иерусалим ездил: [Былина] № 94 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 355.

⁵⁵¹ См., в частности: Василей Буслаев молиться ездил («Под славным великим Новым-городом...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 94–95.

⁵⁵² См., в частности: Василий Буслаев в Иерусалим ездил: [Былина] № 89 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 355.

⁵⁵³ См., в частности: Волх (В)сеславьевич («По саду, саду, по зеленому...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 34.

⁵⁵⁴ См., в частности: Вольга: [Былина] № 91 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 177.

⁵⁵⁵ См., в частности: Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем: [Былина] № 113 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 354.

⁵⁵⁶ См., в частности: Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем: [Былина] № 113 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 356.

⁵⁵⁷ См., в частности: Добрыня женится: [Былина] № 24 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 122.

⁵⁵⁸ См., в частности: Добрыня женится: [Былина] № 24 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 123.

⁵⁵⁹ Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со змеем): [Былина] № 3 // Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосибирск. обл. гос. изд-во, 1939. — С. 47.

— Дунай Иванович — похваляется своей связью с королевной (обладание запретным)⁵⁶⁰;

— Илья Муромец — похваляется подаренной ему шубой⁵⁶¹; похваляется скорой победой над Нахвальщиком⁵⁶²;

— Константин Саульевич — выказывает силу и ищет «сопротивника»; стремится стать «царем» в Угличе⁵⁶³;

— Михайло Потык — оставляет миссию богатырского служения и принимает «поганные заповеди» ради брака с королевской дочерью⁵⁶⁴; жлет о телегах с казной ради того, чтобы избежать бесславия; с той же целью спускается в могилу⁵⁶⁵ и пытается вернуть себе неверную жену⁵⁶⁶;

— Садко — мстит новгородцам⁵⁶⁷; спорит о выкупе товаров со всеми городскими купцами⁵⁶⁸;

— Святогор/Самсон — превозносится перед Богом и ангелами, угрожает смешать «земных со небесными»⁵⁶⁹;

⁵⁶⁰ См., в частности: Дунай и Настасья королевична (Молодец и королевична) // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 107.

⁵⁶¹ См., в частности: Илья Муромец: [Былина] № 11 // Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — С. 77.

⁵⁶² См., в частности: Застава Богатырская (Илья Муромец и Сокольник): [Былина] № 1 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 11.

⁵⁶³ Царь Саул Леванидович («Царь Саул Леванидович поехал за море синяя...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 138.

⁵⁶⁴ См., в частности: Михайло Потык сын Иванович [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 215–216.

⁵⁶⁵ См., в частности: Михайло Потык сын Иванович [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 219.

⁵⁶⁶ См., в частности: Михайло Потык сын Иванович [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 222.

⁵⁶⁷ См., в частности: Садко купец, богатый гость: [Былина] № 64 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 372.

⁵⁶⁸ См., в частности: Садко купец, богатый гость: [Былина] № 64 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 373.

⁵⁶⁹ Самсон богатырь: [Былина] № 1 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск : Губернская типография, 1864. — С. 2.

— Царь Соломан — стремится избежать бесславия (в связи с добровольной изменой жены, которую он впоследствии казнит)⁵⁷⁰;

— Василиса Микулична (былины про Ставра) — стремится избежать бесславия⁵⁷¹.

Ценность личной славы в былинах мотивирует также ряд второстепенных персонажей — например, Забаву Путятичну, которая стремится выйти замуж за славнейшего жениха («Соловей Будимирович»)⁵⁷² и особенно часто — антагонистов, как «своих», так и «чужих»; в частности:

— Алеша Попович — стремится обладать лучшей женой былинного Киева, Настасьей Микуличной, несмотря на то, что она является супругой его побратима (обладание запретным) («Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»);

— Змей Тугарин — обладает славнейшей женщиной, супругой властителя (княгиней Апраксией)⁵⁷³;

— Змея — отказывается атаковать Добрыню «на жидкой воде», чтобы не лишиться себя славы⁵⁷⁴;

— Издолище, противник Ивана Годиновича — отказывается убивать спящего, чтобы не распространить дурную молву о себе самом⁵⁷⁵;

— Скурла/Скурлык, противник Василия Игнатьевича — пытается завоевать Русь ради великой славы⁵⁷⁶;

⁵⁷⁰ См., в частности: Соломан и Василий Окулович: [Былина] № 273 // Былины: В 25 т. Т. 2. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 315.

⁵⁷¹ См., в частности: Ставер Годинович: [Былина] № 23 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 115.

⁵⁷² См., в частности: Соловей Будимирович: [Былина] № 53 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 324.

⁵⁷³ См., в частности: Алеша Попович, Еким и Тугарин: [Былина] № 64 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 261.

⁵⁷⁴ Добрыня Микитич и Змеище Тугарыще: [Былина] № I / [Копержинский К. А.] Былины Восточной Сибири (Новые записи) // Русский фольклор. Т. II. — М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — С. 243.

⁵⁷⁵ См., напр.: Иван Горылович (Годинович): [Былина] № 414 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 557.

⁵⁷⁶ См., в частности: Илья Муромец и Скурлык: [Былина] № 86 // Былины Севера. Т. I. — М. — Л.: Акад. наук СССР, 1938. — С. 475.

— Соловей-разбойник — будучи плененным и привезенным в Киев, свистит в полную силу для демонстрации своей удивительной способности (что, как совершенно логично предположить, должно обеспечить распространение молвы о нем)⁵⁷⁷;

— Царь Василий Окулович, соперник царя Соломана — жаждет получить персональную известность через обладание запретным и славным (знаменитой красавицей, которую предстоит добыть у другого) и впоследствии пытается казнить царя Соломана публично для того, чтобы избежать дурной молвы о себе самом⁵⁷⁸;

— Часовичи (в одном из вариантов) — желают прославиться как победители Хотена Блудовича⁵⁷⁹.

Личная слава — девальвируемая ценность

Действующие лица в былинах нередко совершают поступки, мотивированные ценностью личной славы (нами выявлен всего 51 пример подобного поведения; протагонисты поступают таким образом 36 раз, персонажи второго плана — 1 раз и антагонисты — 13 раз).

Только в девяти случаях поступки, мотивированные этой ценностью, приводят к *благим* для действующего лица последствиям. Так, Волх Всеславович трижды предпочитает действия, направленные на распространение личной славы: он с младенчества удивительным образом заявляет о своей богатырской судьбе и приятизаниях мстителя-змееборца, затем утверждает свою репутацию единственного, кто может проникнуть в крепость Турец-сантала, и наконец, прославляется массовыми казнями и захватом для своей дружины «красных девушек» в Индейском царстве.

Царю Соломану удается не только компенсировать ущерб, нанесенный его славному имени неверной супругой, но и распространить о себе еще большую добрую славу благодаря рискованной хитрости с публичной казнью, в ходе которой палачи и их жертва меняются местами.

Добрыня Никитич пользуется своей силой для того, чтобы распространять славу о своих победах в состязаниях — и эта слава доходит до Ильи Муромца.

⁵⁷⁷ См., в частности: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 38.

⁵⁷⁸ См., в частности: Соломан и Василий Окулович: [Былина] № 273 // Былины: В 25 т. Т. 2. — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. — С. 315.

⁵⁷⁹ Хотен Блудович: [Былина] № 22 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 120–121.

Алеша Попович, добиваясь личной славы, въезжает в Киев с отрубленной головой Тугарина, воздетой на копье, и даже (в варианте) прилюдно глумится над страшным трофеем.

Михайло Потык, стремящийся восстановить личную славу после бесславия, нанесенного сбежавшей от него женой (широко известной за пределами былинной Руси благодаря своему мнимому бессмертию), достигает цели (казнит супругу-изменницу и женится на королевне, т. е. не теряет в статусе личной чести).

Василисе Микуличне удастся восстановить и увеличить личную славу после бесчестящих ее действий князя Владимира (сюда относится, в частности, и попытка князя силой доставить героиню к своему двору в тот момент, когда ее муж находится в заключении).

Нахвальщику, который обесславлен как незаконнорожденный (по вине Ильи Муромца) и стремится восстановить ущерб за счет общей славы русского богатырства, сначала удастся одержать победу над Добрыней Никитичем, а затем и над самим Муромцем.

Из девяти рассмотренных выше случаев только четыре первых (старины про Волха Всеславовича и царя Соломана) являют пример «чистой» мотивации героя и сопровождаются положительными для него последствиями (эти последствия, впрочем, не столь благоприятны для Соломана, который все же не обретает новой жены взамен казненной). Прочие случаи не столь показательны.

Так, Добрыня Никитич в финале признает «моральную» победу Ильи Муромца, т. е. последний вынуждает его отказаться от ценности личной славы в пользу соборной славы всего русского богатырства (после чего, собственно, Добрыня и поступает под начало «старого»).

Алеша Попович в финале быliny про Тугарина торжествует, однако аксиологическая категория личной славы, укрепившись в ценностном центре этого героя после его триумфального въезда в город, в дальнейшем приводит последнего к предательству: ради личной славы Алеша стремится овладеть женой побратима, что завершается осмеянием Поповича, т. е. бесславием («Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»). Таким образом, если рассматривать быlinу про Алешу и Тугарина в «стратегической перспективе» (как первую часть диптиха⁵⁸⁰), то мы придем к выводу о том, что в конечном итоге ставка на ценность личной славы влечет за собой дурные последствия для протагониста.

⁵⁸⁰ Точнее говоря, триптиха, потому что в быline про сестру Сбродовичей мы видим, что личная слава занимает важное место в ценностном центре героя, который сначала хвастается связью с недоступной красавицей, но в финале старины переживает бесславие (женится на обесславленной им же девушке).

Мотивация Михайло Потыка достаточно сложна. В этом случае следует говорить не только о его стремлении восстановить личную славу, но также о его сострадании к Марье Афромеевне и о той высокой ценности, которую имеет для героя институт законного брака («честь» этого таинства попрана «поганой заповедью» и последующей изменой Лебеди Белой, однако именно о законном браке с русским богатырем мечтает и молит Бога дочь «неверного» царя Афромея).

Мотивацию Василисы Микуличны также можно трактовать двояко: это не только месть князю Владимиру за попытку бесславия, но и сострадание к томящемуся в неволе Ставрү.

Что касается нахвальщика, то он, как было сказано выше, одерживает победу лишь сначала, в конечном же счете описание его страшной смерти от руки собственного отца едва ли способствует укреплению ценности личной славы в сознании слушателей.

Таким образом, в 41 случае поступок, мотивированный ценностью личной славы, приводит к *дурным* для действующего лица последствиям. Нами обнаружено 28 примеров того, как эта ценность мотивирует главного героя, еще в 12 ситуациях — антагониста и еще в 1 случае — второстепенного персонажа. Вместе с тем рассматриваемая аксиологическая категория всегда девальвируется к концу сюжета (по факту отрицательных последствий совершенного деяния). Добавим, что из указанных случаев 29 предполагают ситуацию, когда ценность личной славы мотивирует героя при наличии варианта поведения, связанного с иной, конкурирующей ценностью (то есть персонаж, находясь в ситуации аксиологического выбора, предпочитает личную славу, но впоследствии страдает от этого).

Василий Буслаев чаще других героев русского эпоса совершает поступки, ориентированные на ценность личной славы и вызывающие дурные для него самого последствия (9 примеров), Михайло Потык поступает таким образом в 5 ситуациях. По 3 раза совершают аналогичный ценностный выбор (и переживают его негативные последствия) Добрыня Никитич и Садко, единожды — Илья Муромец, Алеша Попович, Святогор, Дунай Иванович, Константин Саулович, а также богатырь, хвастающий в былине про Камское побоище (Алеша или некто другой).

Для былинных персонажей второго плана, в отличие от главных героев и их антагонистов, нехарактерны поступки, вызванные желанием личной славы (единственное исключение — Забава Путятична, стремящаяся выйти за жениха, прославившегося своими удивительными теремами и богатствами; поведение героини приводит к тому, что жених наносит определенный ущерб ее личной

славе, негативно оценивая то, что княжеская племянница «сама за себя сватается» [«Соловей Будимирович»]).

Из былинных антагонистов наиболее «славолюбив» Змей Тугарин (3 мотивации); иноземные цари — Батыга (из былин про Василия Игнатовича/Пьяницу) и Василий Окулович (соперник царя Соломана) — также стремятся к личной славе (2 примера для каждого); Змея, Соловей-разбойник, братья Часовичи, невеста Ивана Годиновича и Алеша Попович (выступающий в роли «своего» антагониста в былине про Добрыню, Настасью и Алешу) — по 1 разу каждый.

Все поступки антагонистов, вызванные желанием личной славы, завершаются дурными для них последствиями (гибелью или поражением, осмеянием).

Последствия недооценки личной славы эпическим актором

В былинах весьма часто (31 пример) действующие лица предпочитают личной славе некую иную ценность — и в этом случае для них могут наступить как благие, так и дурные последствия. В подавляющем большинстве случаев (28) именно главные герои совершают ценностный выбор не в пользу личной славы, а в оставшихся трех случаях действуют второстепенные персонажи.

Все поступки былинных действующих лиц, связанные с отвержением личной славы и ориентацией на некую иную ценность (как правило, соборную славу всего русского богатырства или же на «внешние» по отношению к героям «честные» реалии), приводят к наступлению благоприятных последствий — за единственным исключением, о котором речь ниже. При этом, как логично предположить, отвергнутая ценность (личная слава) девальвируется в сознании слушателей.

Нами выявлен единственный случай, когда ценность личной славы, будучи недооценена актором, приводит к дурным для него последствиям: антагонист Часова вдова (старины про Хотена Блудовича) ценит личную честь (материальные и материально-знаковые блага) выше, чем личную славу (молву): героиня отказывается отдать свою дочь за Хотена, указывая на его бедственное имущественное положение и не принимая во внимание его личную героическую славу (о чем в ряде вариантов впоследствии говорят ее сыновья, воевавшие вместе с героем). В этом случае «курс» личной славы как аксиологической кате-

гории укрепляется в сознании слушателей относительно другой ценности — личной чести.

Илья Муромец пренебрегает личной славой ради других ценностей 9 раз, Добрыня Никитич и Алеша Попович — по 5 раз каждый, Бермята/Перемяк и Михайло Данилович — дважды, Микула Селянинович, Дюк Степанович, Михайло Потык и Лука Петрович («королевич из Крякова») — по 1 разу. Персонажи второго плана жертвуют личной славой ради некой другой ценности значительно реже (в двух случаях из трех это те же богатыри: Добрыня [в былинне про Сокольника] и Алеша [в былинне про Михайло Потыка]), а «чужие» противники киевских витязей — никогда (насколько можно судить, русское эпическое сознание устойчиво связывает образ «чужого» антагониста с аксиологической доминантой личной славы).

Соответственно, по итогам второго этапа ценностного анализа былин нами выявлена следующая закономерность: поступок, ориентированный на ценность личной славы, приводит в русском эпосе к дурным последствиям, независимо от того, кто такой поступок совершает («свой» или «чужой» персонаж). Единственным исключением из подобного правила является Волх Всеславович (о возможных причинах этого см. ниже). И наоборот, поступки былинных акторов, жертвующих личной славой ради некой другой ценности, вызывают благие для них последствия (победу, обретение свободы, увеличение чести почитаемых ими реалий или распространение молвы об их подвигах во славу Божию).

На этом основании аксиологическая категория личной славы может быть с полной уверенностью отнесена к числу девальвируемых: русское эпическое сознание последовательно, от сюжета к сюжету, подавляет ее в ценностном центре своих героев и слушателей.

Предельная ценность личной славы в мировой эпической поэзии

Безусловно, личная слава — одна из высших ценностей в мировом эпическом фольклоре. В подавляющем большинстве случаев — в «Эпосе о Гильгамеше», поэмах Гомера, «Махабхарате» и «Рамаяне», европейских и восточных средневековых героических песнях — слава соотносится с молвой о конкретном персонаже и понимается как специфический субститут индивидуального бессмертия или же как залог посмертного блаженства.

Так, в шумерской песне, озаглавленной по началу первой строки «Жрец к “Горе Бессмертного”...», главный герой — Гильгамеш — планирует совершить свои подвиги с единственной целью:

В горы пойду, добуду славы!
Среди славных имен себя прослаблю!⁵⁸¹

Как видим из аккадского варианта эпоса о Гильгамеше, представление о славе-молве устойчиво соотносится с именем протагониста:

...Вечное имя себе создам я!⁵⁸²

Притом что Гильгамеш и Энкиду совершают свои подвиги вместе, слава-молва связывается с именем одного только Гильгамеша. В шумерских эпических песнях Энкиду в принципе не может претендовать на именную славу потому, что он — раб Гильгамеша. В аккадском эпосе Энкиду не раб и не слуга, но любимый «брат» протагониста, однако он сознательно отказывается от личной славы в пользу царственного побратима. Даже победив Гильгамеша в единоборстве у брачных покоев, Энкиду спасает царя Урука от бесславия, признавая его власть и превосходство. Таким образом, победа Энкиду неожиданно оборачивается приращением славы побежденного — как властелина, обладающего столь могучим помощником.

Слава как своего рода обещание бессмертия — главная и единственная ценность, мотивирующая протагониста шумерского эпоса. В песне, описывающей путешествие Энкиду в мир мертвых, все начинается с того, что Гильгамеш, изготовив из дерева *halub*, выращенного богиней Инанной, два чудесных предмета под названием *ellag* и *ekidma* (вероятно — шар и молот⁵⁸³), начинает играть в некую игру, нанося удары одним предметом по другому (очевидно, молотом по шару), и тем самым прославляя самого себя. Если бы эти «спортивные снаряды» не упали на самое дно нижнего мира, Гильгамеш продолжал бы прославлять себя, не переставая:

⁵⁸¹ «Жрец к “Горе Бессмертного”...» // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит.-ра, 1973. — С. 130.

⁵⁸² «О все выдавшем» со слов Син-Леке-Уннинни, заклинателя // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит.-ра, 1973. — С. 176.

⁵⁸³ См., напр.: *Schmidt M. Gilgamesh: The Life of a Poem.* — Princeton : Princeton University Press, 2021. — P. 95.

Он играл в *ellag* на обширной городской площади, и не было такого, чтобы он хотел прекратить эту игру, и он прославлял себя на обширной городской площади, и не было такого, чтобы он хотел прекратить прославлять себя⁵⁸⁴.

Слава — главная ценность и для юного Рама, она определяет его мотивацию в эпизоде со священным луком Шивы. Певец «Рамаяны» не скрывает, что многие пытались поднять вросший в землю лук и привести его в боевую готовность — из жажды славы, превозношения:

...Надеть на него тетиву, обуянные гордыней,
Соседние раджи напрасно пытались донине⁵⁸⁵.

Протагонист подчиняется общеэпическим правилам: он не просто поднимает небесный лук, но ломает его, выказывая исключительную силу и тем самым распространяя молву о себе. Необходимо отметить, что Рама порой совершает поступки, которые могли бы нанести ущерб коллективной чести богов, чьим посланцем и представителем на земле он является. Но концепт «коллективного» бесславия в поэме используется только в отношении обезьян, и поэтому Рама — приведем лишь один пример — позволяет себе, находясь в засаде, застрелить Валина из лука в тот момент, когда герой бьется с Сугривой. В мире русского эпоса такой поступок стал бы бесславием для всего киевского богатырства.

Для большинства памятников мировой эпической поэзии характерен концепт личной славы как молвы, возникающей вокруг имени конкретного героя. Говорить и петь могут о победе в состязании или поединке (при условии, что поверженный противник тоже был известен или обладал выдающейся силой, могуществом), об умерщвлении чудовища, о получении исключительной добычи (золота, первой красавицы, лучшего коня, особого оружия или доспеха и др.). Молву вызывает также восстановление личной чести (или чести родственника, которая является ее составляющей), осуществленное с особой жестокостью или изобретательностью.

⁵⁸⁴ Gilgame , Enkidu and the Nether World / Version A, from Nibru, Urim, and elsewhere; line 151. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr1814.htm> (перевод с английского наш. — А. М.)

⁵⁸⁵ Рамаяна // Махабхарата. Рамаяна. — М. : Худож. лит.-ра, 1974. — С. 392.

В шумерском эпосе слава — это все то, что можно «присоединить» к имени человека, рассказывая о его жизни; в отличие от славы, честь — материальна, она складывается из того, что можно положить в могилу героя и тем самым как бы отправить вместе с ним в загробный мир. Слава Гильгамеша хранится в памяти последующих поколений как повествование, как нарратив: прошел все земные пути, срубил кедры, убил Хуаву, воздвиг множество сооружений в память о себе и основал множество храмов, достиг до самого создателя ковчега Зи-уд-суры, вернул людям забытые законы и обряды и т. д.⁵⁸⁶ Иначе «исчисляется» имущественная честь умершего героя, это — его жены и дети, наложница, музыкант, слуги, которые подлежат умерщвлению вместе с ним, а также драгоценные «любимые вещи» покойного:

Его возлюбленная жена, его возлюбленные дети, его любимая наложница и младшая жена, его любимый музыкант, виночерпий и, его любимый брадобрей, его любимый, его любимые дворцовые слуги, старшие и младшие, и его любимые вещи были разложены надлежащим образом как будто во дворце, очищенном специальными обрядами...⁵⁸⁷

В понимании древних — и шумерских эпических певцов, и Гомера — отличием личной славы от личной чести является возможность удивляться совершенному поступку. Прибавлению личной чести (в результате присвоения достойной части добычи) удивляться нельзя. Личная честь переходит в личную славу только тогда, когда герой обретает не обыкновенную добычу, но нечто совершенно исключительное. Рассмотрим в этом отношении представления древних греков: с их точки зрения, простой доспех, сорванный с тела поверженного врага, увеличивает личную честь победителя (*τιμή*), но если это доспех уникальный, принадлежавший известному или чудовищному противнику, то такое приобретение обеспечивает своему новому владельцу не честь, но славу (*κλέος*); подобный доспех можно носить напоказ (как Геракл носит шкуру немейского льва).

⁵⁸⁶ The Death of Gilgamesh / A version from Me-Turan. Segment F; lines 5–19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr1813.htm>

⁵⁸⁷ The Death of Gilgamesh / Another version from Nibru. Lines 1–7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr1813.htm> (перевод с английского наш. — А. М.)

Удивительное есть залог распространения молвы. Неслучайно Пиндар в своих одах вместо *κλέος* использует синонимичное *κῦδος* (ср., рус. «чудо»): «Бог... иным дарит нестареющую славу» — «θεός... ἐτέροισι δὲ κῦδος ἀγήραον παρέδωκε»⁵⁸⁸.

В гомеровском эпосе каждый из значимых персонажей непрестанно заботится не только о личной чести (добыче), но и о личной бессмертной славе — «имени». Жена Одиссея удостоилась славы-молвы за свою верность и благочестие, которые поражали дохристианского человека:

Как она помнит о муже законном своем Одиссее!
Да! Между смертными слава (*κλέος*) ее добродетели вечно
Будет сиять на земле. И на полные прелести песни
О Пенелопе разумной певцов вдохновят олимпийцы⁵⁸⁹.

Для того чтобы снискать личную бессмертную славу, которую Ахиллес ценит намного выше добычи, этому герою необходимо совершить не просто великие, но «небывалые» подвиги, в полном смысле слова достойные удивления:

...Тебя, как бессмертного бога,
Чтить они будут, и славой покроешься ты небывалой.
Гектора ты поразишь⁵⁹⁰.

В свою очередь, Гектор, предчувствуя скорую гибель, утешается тем, что отважное сопротивление Ахиллу сделает его имя бессмертным:

...во прах я паду не без славы;
Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!⁵⁹¹

В эпосах, где это допускается верованиями певца, непревзойденная слава-молва, распространяясь не только среди людей, но

⁵⁸⁸ Русский перевод см. в. : 2 пифийская песнь <«Иксион»>. Гиерону Сиракузскому // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. — М. : Наука, 1980. — С. 66–67. Оригинальный греческий текст цитируется по: Pindar I : Olympian Odes. Pythian Odes. — Cambridge, MA and London : Harvard University Press, 1997. — P. 242.

⁵⁸⁹ Гомер. Одиссея. Песнь двадцать четвертая. Русский перевод и оригинальный древнегреческий текст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1344030024>

⁵⁹⁰ Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во. худож. лит-ры, 1949. — С. 192.

⁵⁹¹ Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во. худож. лит-ры, 1949. — С. 476.

и среди богов, может обеспечить посмертное блаженство в обществе последних, как это происходит, например, с Гераклом. В аккадском эпосе Гильгамеш, всеми силами пытаюсь избежать смерти, хочет выяснить,

...для смертного

Гильгамеша

Было ль в собрание богов поставлено кресло⁵⁹².

Боги, буквально польщенные предстоящим обществом прославленного героя (особенно если такой герой сам является полубогом), могут обеспечить ему пропуск в свой мир. В частности, из песни о Гильгамеше мы узнаем, что Утнапиштим, переживший потоп,

...в собрание богов был

принят и жизнь обрел в нем...⁵⁹³

«Спасительная» функция героической славы указывает на ее личностный и неимущественный характер: пропуск в бессмертие «выдается» на имя конкретного героя, а не для всех представителей рода или народности. Впрочем, если герой, подобно тому же Гильгамешу или Ахиллу, все же попадает в подземное царство мертвых, на земле остается память о нем, которая тоже связана с личным именем.

Боги, часто настроенные против героя, не могут повлиять ни на его славу, ни на память о нем среди людей, что нередко превращает свершения последнего в протест против воли небожителей и против смерти как таковой. Тем не менее, если при жизни герой принимает от соплеменников почести, сравнимые с теми, что воздаются богам, то после гибели или мирной кончины он, подобно Гильгамешу, в ряде случаев не может достичь подлинного бессмертия — пусть даже его подвиги затмевают деяния самих бессмертных (тому же Гильгамешу достается лишь «должность» управителя в царстве мертвых).

После смерти Агамемнона и Ахиллеса их души встречаются в Аиде, и тень вождя аргиев говорит, обращаясь к тени великого ратоборца:

⁵⁹² «О все выдавшем» со слов Син-Леке-Уннинни, заклинателя // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит.-ра, 1973. — С. 211.

⁵⁹³ Ibid. С. 212.

Так, и умерши, ты имя свое сохранил. Никогда уж
Светлая слава (*κλέος*) твоя, Ахиллес, меж людьми не
погибнет⁵⁹⁴.

Из сказанного следует, что для языческого — и даже общеэпического — героя критически важен тот момент, когда его личная честь (т. е. «персональный счет» накопленной добычи) переходит в личную славу (молву). Этому способствуют, как мы отмечали выше, не просто ценные, но исключительные трофеи — прежде всего, доспехи, снятые с известных ратоборцев. У Гомера даже бессмертные боги срывают доспехи с поверженных врагов — разумеется, не для того, чтобы эти доспехи продать или обменять. Так поступает сам «кровью залитый Арес», принявший участие в сражении между ахейцами и троянцами:

Труп Перифанта огромного он (Арес. — *А. М.*) обнажал
от доспехов, —
Лучшего меж этолийцев, Охезия сына⁵⁹⁵.

Разумеется, олимпиец намерен использовать трофей по назначению: носить его напоказ и кичиться честью — поэтому Ареса интересует именно броня огромного Перифанта, подходящая ему по размеру.

Если не удастся убить прославленного противника и завладеть всем его доспехом, то даже отдельные элементы подобного воинского облачения приносят славу тому, кто сможет отобрать их у владельца. Очевидно, что шлем Париса интересует Менелая не в плане его меновой стоимости — но как боевой трофей:

Шлем лишь один очутился в могучей руке Менелая.
В воздухе шлем Менелай закружил и швырнул его быстро
К пышнопоножным ахейцам; и шлем тот друзья подобрали⁵⁹⁶.

Доспех врага, и особенно драгоценный, бросающийся в глаза и вызывающий молву, — одна из главных ценностей общеэпиче-

⁵⁹⁴ Гомер. Одиссея. Песнь двадцать четвертая. Русский перевод и оригинальный греческий текст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1344030024>

⁵⁹⁵ Гомер. Илиада. — М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 124.

⁵⁹⁶ Гомер. Илиада. — М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 77.

ского сознания. У Гомера Аякс убивает себя потому, что не может получить доспехи Ахиллеса и присвоить его славу.

Добавим, что гомеровский концепт славы (*κλέος*) как молвы, которая начинается после «накопления» личной чести выше определенной меры и приводит к тому, что соплеменники почитают героя «как бессмертного бога», соответствует аристотелевскому пониманию божественных почестей как высшего блага, доступного человеку⁵⁹⁷.

Как можно видеть, почести, приличествующие богам, но в редчайших случаях воздаваемые смертному, давали чествуемому редчайшую для дохристианского человека надежду избежать общей участи в царстве мертвых и осуществить «индивидуальный прорыв» в «лучшее» бессмертие.

Приведем дополнительные примеры. По выражению Гераклита, именно герои («самые доблестные») «выбирают одно вместо всего — вечную славу у смертных. А большинство обжираются как скоты» («αἰρεῦνται γὰρ ἐν ἀντία πάντων οἱ ἄριστοι, κλέος ἀθάνατον θνητῶν, οἱ δὲ πολλοὶ ἐκὸρῇνται ὅσῳ περ κτήνεα»)⁵⁹⁸. У Еврипида слава — всегда «нестареющая», «вечная» («κλέος ἀγήρατον βιοτᾶ»⁵⁹⁹), и этим выгодно отличается от чести, которая воздается при жизни и забывается по смерти чествуемого и чествовавших. Вакхилид называет славу «бессмертной» («ἄθᾶνατον κλέος»⁶⁰⁰), и великие победы атлетов становятся у него своеобразной жертвой на алтарь божества, залогом неумирающей славы:

Кто кладёт на жертвенник первовластного Зевса
Цветы, сплётенные славящею Победою,
Тем и живые,
Пусть хоть немногим,
Золотая сияет слава меж смертных,
А когда тёмным облаком их окутает смерть, —
Бессмертна пребудет слава их дел,
Никаким не колеблемая жребием⁶⁰¹.

⁵⁹⁷ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : В 4 т. Том 4. — М. : Мысль, 1983. — С. 130.

⁵⁹⁸ Цит. по: Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). — СПб. : Наука, 2014. — С. 189.

⁵⁹⁹ Euripides. Iphigenia at Aulis // Euripides. Bacchae. Iphigenia at Aulis. Rhesus. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. — P. 222.

⁶⁰⁰ The Poems of Bacchylides: from a Papyrus in the British Museum. — London : British Museum. Department of Manuscripts, 1897. — P. 117.

⁶⁰¹ Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. — М.: Наука, 1980. — С. 255.

Гомер вкладывает в уста Одиссея следующее заявление: «до небес моя слава (*μέγα κλέος*) доходит»⁶⁰²; этот образ звучащего моста, восходящего к небесам, — ключевой для понимания концепта гомеровского *μέγα κλέος*. Впрочем, сходный образ находим и в «Махабхарате»: мать Арджуны получает предсказание о судьбе сына: «Твой сын покорит всю землю, и слава (*yaśas*) его достигнет небес!»⁶⁰³. То же в «Ригведе» («Хвала щедрым дарам»): царь Бхавья вознаграждает певца Какшиванта за то, что тот «выпевает» ему славу до небес: «До неба возвел он бессмертную славу»⁶⁰⁴.

В «Рамаяне» Ангада стыдит обезьян, бегущих во время битвы с ракшасами, и напоминает, что бесстрашный воин получит славу в любом случае: выживший и победивший обретет славу-молву на земле, а погибшему эта слава обеспечит бессмертие:

Блаженство посмертное ждет нас в обители Брахмы.
А если врагов уничтожите в битве кровавой
И целы останетесь — быть вам с пожизненной славой⁶⁰⁵.

Личная слава — главная мотивация эпических героев разных народов. В тексте т. н. «Йельской таблицы» аккадского эпоса говорится о том, что Гильгамеш выходит на бой с Хумбабой ради молвы и бессмертной памяти о себе. Сам факт отважного нападения на чудовище обеспечивает славу при любом исходе поединка:

Если паду я — оставлю имя:
«Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!»
Но родился в моем доме ребенок, —
К тебе подбежал: «Скажи мне, все ты знаешь:
Что совершил мой отец и друг твой?»
Ты ему откроешь мою славную долю!⁶⁰⁶

Несмотря на теснейшую дружбу Гильгамеша и Энкиду, совершающих подвиги совместно, слава каждого из них существует

⁶⁰² Гомер. Одиссея. Песнь девятая. Русский перевод и оригинальный греческий текст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1344030009>

⁶⁰³ Махабхарата. Книга пятая : Удйогапарва или книга о старании. — Л. : Наука, 1976. — С. 191.

⁶⁰⁴ Цит. по: *Malati J.S. The Civilized Demons: The Harappans in Rigveda.* — New Delhi : Abhinav Publications, 2011. — Р. 220. (перевод с английского наш. — А. М.)

⁶⁰⁵ Рамаяна // Махабхарата. Рамаяна. — М. : Худож. лит-ра, 1974. — С. 524.

⁶⁰⁶ «О все выдавшем» со слов Син-Леке-Уннинни, заклинателя // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит-ра, 1973. — С. 177.

отдельно, будучи «привязана» к имени конкретного героя. Умиравший Энкиду просит Гильгамеша сохранить память о нем:

...Мы с тобою вместе все труды делили, —
Помни меня, друг мой, не забудь мои деянья!⁶⁰⁷

Посмертные торжества в честь Энкиду (те самые почести, достойные богов), устроенные Гильгамешем, имеют единственную цель: прославить героя:

Да плачут жены, что видали, как Быка мы убили,
Да плачет земледелец доброго града, твое славивший имя,
Да плачет тот, кто, как древними людьми, гордился тобою...⁶⁰⁸

Бессмертная слава-молва, слава-память взамен реального бессмертия — вот все, что может предъявить богам Гильгамеш в качестве упрека и своеобразной мести за их отказ даровать Энкиду вечную жизнь.

Как можно видеть, эпическое сознание языческих народов движется к пониманию того, что стяжание личной славы дает лишь слабую надежду на подлинное бессмертие; это понимание отражено, в том числе, в образе жалкой, безутешной тени Ахиллеса, которая попадает в Аид, несмотря на всю прижизненную славу героя («Одиссея»; XI, 488–503). В аккадском эпосе, как мы только что видели, увековечивание славы-молвы об Энкиду превращается для Гильгамеша в то средство, которое позволяет ему отомстить богам, лишившим его друга бессмертия. Наконец, кризис дохристианского сознания, выразившийся в деконструкции концепта славы-молвы, находит свое предельное выражение в образе Александра Великого, протагониста множества дошедших до нас позднеантичных и средневековых текстов.

Александр — герой, стяжавший величайшую прижизненную и посмертную славу, доступную человеку. С ранней юности он стремится только к славе. В частности — согласно произведению, приписываемому в ряде случаев Псевдо-Каллисфену, — спешит принять участие в состязаниях на колесницах, потому что так «можно стяжать величайшую славу»⁶⁰⁹; позже «всевидающий бог» обещает Александру:

⁶⁰⁷ Ibid. С. 196.

⁶⁰⁸ Ibid. С. 198.

⁶⁰⁹ История Александра Великого // Поздняя греческая проза. — М. : ГИХЛ, 1961. — С. 398.

При жизни, словно божеству, тебе всегда
И всюду поклоняться будут люди все,
А после смерти будешь сопричтен к богам.
Дары примешь от царей. И обитать
Здесь будешь ты, умерший, но всегда живой...⁶¹⁰

К этому и стремится герой, ради этого он бросает вызов персидскому царю Дарию, которому пишет следующие строки:

Если я нанесу тебе поражение, я прославлюсь и сделаюсь
великим царем у варваров и эллинов — ведь я уничтожу
великого царя персов Дария⁶¹¹.

Александр последовательно действует по правилам языческого этоса: необходимо завладеть всем имуществом — включая родителей, жену и детей — противника, чтобы присвоить себе его славу:

Александр из честолюбия стремился захватить Дария
и преследовал его всюду, какой бы путь ему ни указывали.
Колесницу Дария, его вооружение, мать, жену и детей
Александр захватил, преследуя его на протяжении шести-
десяти стадий⁶¹².

Все перечисленное протагонист захватывает не ради добычи самой по себе, не из любви к богатству и не из-за влечения к жене Дария, но для того, чтобы способствовать молве. Судя по поступкам Александра как персонажа позднеантичных и средневековых текстов, он хорошо знает те способы, которыми слава распространяется в мире, и поэтому особенно ценит певцов, воспевающих подвиги. Так, в «Жизни св. Иллариона» блаженный Иероним Стридонский пересказывает случай с Александром, когда македонский царь с некоторой завистью отозвался об Ахиллесе — не потому, что тот заслужил большую, чем сам Александр, славу, но по той лишь причине, что «Пелееву сыну» достался величайший и непревзойденный провозвестник подвигов — Гомер⁶¹³.

⁶¹⁰ Ibid. С. 408.

⁶¹¹ Ibid. С. 412.

⁶¹² Ibid. С. 414.

⁶¹³ *Иероним Стридонский. Жизнь святого Иллариона* // Иероним Стридонский. Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 4. — Киев : Тип. Е. Т. Керер, 1880. — С. 12.

Итак, призвание Александра как литературного персонажа заключается в том, чтобы «собрать» максимальную славу, возможную для человека: покорить весь мир и не проиграть ни одной битвы. Александр как бы исполняет «заказ» человечества, которое нуждается в том, чтобы познать на его примере истинную стоимость главной ценности языческого этоса — славы. Однако к концу своей короткой жизни македонский царь «перерастает» этот концепт, он безуспешно ищет некую иную, абсолютную славу — и не находит ее. Протагонист сербской «Александрии» созерцает тени умерших героев со связанными за спиной руками и понимает, что концепция героической славы-молвы как «пропуска» в языческий рай является ложной⁶¹⁴.

Ниже мы увидим, что уже после Христа эпическое сознание некоторых западноевропейских народов вернется к языческому по своей сути концепту земной славы как «моста в бессмертие». Например, Гильом Короткий Нос и Сид Руй Диас будут полагать, что великая слава борца с неверными обеспечивает отважному рыцарю доступ в рай независимо от состояния его души и количества неисповеданных им грехов. Однако Александру как язычнику недоступен особый путь к бессмертию, открытый, с точки зрения средневекового западноевропейского сознания, римской церковью. Македонский царь не может сражаться с неверными (собственно, народы, которыми он повелевает, и есть неверные в понимании того же Сиды или Гильома), в мире Александра нет римского папы, защита которого сама по себе даровала бы герою прощение всех грехов и вечное блаженство после смерти.

Ценностный центр Александра (речь идет, повторим еще раз, о персонаже художественной литературы, а не о реальной исторической личности) может быть понят как отсылающий к сознанию одинокого человека, который уже духовно перерос язычество, но не имеет возможности быть христианином. Один во всем мире Александр осознает, что величайшая земная слава не обеспечивает бессмертия. Его армии продолжают свое движение к краям света, и великий полководец поневоле продолжает «накапливать» славу, уже постигая ее тщетность, бесполезность для своей души. Чем больше земель он завоевывает, тем печальнее становится. С психологической точки зрения македонский царь уже превосходит языческих богов и познает, что их бессмертие — не то, к чему должно стремиться.

⁶¹⁴ См., в частности: *Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.* — М. — Л. : Наука, 1966. — С. 57–58.

Таким образом, в позднеантичных и средневековых романах об Александре (а также в связанных с ними текстах) происходит последовательная деконструкция личной славы как положительной ценности. Приведем несколько примеров. В беседе с певцом Китомидом протагонист говорит, что «куда больше хотел бы стать учеником Гомера, чем стяжать славу, которой удостоился Ахилл»⁶¹⁵; умирающий Дарий предупреждает своего победителя о том, чтобы его дух не возгордился от славы: «даже если твои деяния подобны деяниям богов и десница твоя простирается до небес», когда-нибудь Александр тоже будет «повержен во прах»⁶¹⁶. Наконец, прибыв в страну гимнософистов, герой обещает дать им все, что они пожелают, однако мудрецы просят у Александра бессмертия. Услышав, что великий завоеватель сам является смертным, гимнософисты спрашивают: «Если ты — смертный, то почему скитаешься повсюду и делаешь то-то и то-то?»⁶¹⁷. Языческий мудрец должен был ответить на это, что цель великих деяний Александра — стяжать бессмертную славу, но сам Александр ничего не отвечает: личная слава-молва для него уже не имеет ценности.

Крайнюю степень девальвации личной славы переживает вместе с главным героем читатель сербской «Александрии»: великий завоеватель встречает в подземных пещерах душу недавно убитого им индийского царя Пора, которая сообщает, что обречена на мучения именно потому, что ее обладатель искал при жизни бессмертной славы:

Поръ же к нему рече: «Тако мучатся вси здѣ, иже земскою славою превозносящися. Блюдися и ты, Александре, да не превозносишя, да не сведешися здѣ мучитися»⁶¹⁸.

Здесь мы обнаруживаем уже христианский концепт тщетной земной славы («здешняя слава — слава пустая и суетная»⁶¹⁹;

⁶¹⁵ Эккехард из Ауры. Всеобщая хроника. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ekkehard_Uraugiensis/text6.phtml?id=4367

⁶¹⁶ Эккехард из Ауры. Всеобщая хроника. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ekkehard_Uraugiensis/text6.phtml?id=4367

⁶¹⁷ Эккехард из Ауры. Всеобщая хроника. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ekkehard_Uraugiensis/text6.phtml?id=4367

⁶¹⁸ Александрия // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV века. — М.: Худож. лит.-ра, 1982. — С. 140.

⁶¹⁹ Иоанн Златоуст. Беседа XXIX на Иоан. III, 22 // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 8. — СПб.: Изд. С.-Петерб. Дух. Акад., 1902. — С. 190.

«ничего не станем делать из-за людской славы»⁶²⁰, «истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу, считать ее за ничто»⁶²¹ — Иоанн Златоуст). В христианском понимании слава язычников является искушением и грозит не только посмертными муками, но и кознями завистников еще при жизни человека. Например, протагонист византийского «Прекраснейшего рассказа об удивительном муже Велисарии» одерживает множество военных побед, но великая слава становится причиной зависти и, как следствие, клеветы, которая и приводит к его опале⁶²².

Между тем описанный выше кризис языческого сознания — равно как и резко отрицательное отношение ранних христиан к стяжанию земной славы — по-видимому, не повлиял на те ценности, которые были характерны для эпической поэзии многих народов, соседствовавших с Римской — и позже Византийской — империей. Например, в армянском эпосе личная слава является безусловной ценностью, мотивирующей героев. Так, Санасар отправляется свататься к нелюбимой невесте-чародейке единственно для того, чтобы избежать упреков в трусости и бесславии; брат предупреждает героя, что отказ от участия в поездке окажется унижительным и даст повод для слухов о его, Санасара, неспособности увести девушку.

Сходную мотивацию обнаруживаем у персонажа адыгейских сказаний Сосруко: узнав, что отец красавицы Бадах не считает никого в мире достойным руки своей дочери, герой полагает необходимым любой ценой заполучить девушку — опять-таки, чтобы избежать бесславия. В другой песне богатырь Бадынооко, отомстив за знакомого нарта, отказывается от его дочери, предложенной ему в качестве благодарности. Взамен девушки герой обретает самое драгоценное: личную славу (отмщенный нарт прославляет Бадынооко в веках, сложив о нем песнь).

По тем же соображениям персонаж осетинского эпоса Сослан мечтает добыть на охоте золотую лань:

⁶²⁰ Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу Бытия / Беседа VIII // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 4. — СПб. : Изд. С.-Петербург. Дух. Акад., 1896. — С. 65.

⁶²¹ Иоанн Златоуст. Беседа III на Иоан. I, 1 // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 8. — СПб. : Изд. С.-Петербург. Дух. Акад., 1902. — С. 32.

⁶²² См., в частности: Попова Т. В. Византийская народная литература. История жанровых форм эпоса и романа. — М. : Наука, 1985. — С. 48; Merry B. Belisarius, the Tale of // Encyclopedia of Modern Greek Literature. — Westport, London : Greenwood Publishing Group, 2004. — P. 42.

Если бы попал мне в руки этот зверь, не было бы славнее меня среди нарттов, — тихо сказал себе Сослан⁶²³.

В другом случае, когда сам Бог предлагает нарттам выбрать между вечной жизнью и вечной славой, те отвечают:

— Для чего нам вечная жизнь? Нам вечная жизнь не нужна. Пусть он (Бог. — *А. М.*) даст нам вечную славу⁶²⁴.

Это не означает, впрочем, что герои заботятся об общей славе нарттов: подразумевается, что каждый из них должен стяжать личную, «именную» славу. Сказанное подтверждается, в частности, тем, что Сослан, умирая, распоряжается о золотом гробе для самого себя, ведь именно такой ритуальный аксессуар может обеспечить приличествующее его чести погребение, а следовательно, подобающую ему молву и славную память о нем у будущих поколений.

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев Шауай намеренно притворяется сыном бедной старухи, является в дурном одеянии и на уродливой лошади, чтобы тем сильнее поразить соплеменников своими подвигами и добыть славу-молву.

Во времена, когда византийцы читали романы об Александре и стихотворные повести о Велисарии, не только к востоку, но и к северо-западу от границ империи создавались эпические песни, герои которых были мотивированы преимущественно личной славой. В ирландских сагах Кухулин совершает подвиги, чтобы получить в жены первую красавицу Эмер и тем самым прославиться. Слава дает героям ирландского эпоса пропуск в «обитель, где нет скорби», «Страну Женщин»⁶²⁵, куда избранные (Бран, Кондла, Кухулин) попадают еще при жизни. Как подчеркивает А. А. Смирнов, сохранившиеся редакции саг фактически говорят о том, что эта область — «отнюдь не местопребывание умерших вообще»⁶²⁶. В частности, герои, попавшие в «обитель, где нет скорби», не встречают — и не могут встретить там — своих ранее умерших родичей.

⁶²³ Сказания о нартах : осетинский эпос. — Цхинвали : Иристон, 1981. — С. 165.

⁶²⁴ Осетинские нартские сказания. — Дзауджикау : Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1948. — С. 483.

⁶²⁵ См., в частности: Плавание Брана, сына Фебала // Ирландские саги. — М. — Л. : Academia, 1933. — С. 244.

⁶²⁶ Смирнов А. А. Древний ирландский эпос // Ирландские саги. — М. — Л. : Academia, 1933. — С. 36.

Слава — главная цель Кухулина: убив своего друга Фердиада, герой первым делом перетаскивает его тело на «свой» берег реки, чтобы завладеть славным «трофеем победы» — оружием и доспехами убитого, и только после этого начинает сокрушаться о гибели своего товарища.

Для языческой трактовки славы характерно представление о том, что ей награждают боги, которые впоследствии заботятся о том, чтобы «поддерживать» свой дар на протяжении веков, вдохновляя певцов (см., например, рассмотренный выше пример с прославлением Пенелопы в «Одиссее» Гомера). Это понимание сохраняется и в сознании англосаксонского певца; в частности, оно легко различимо в «Беовульфе», где «распределителем» славы выступает Единый Бог. О «старом» Беовульфе певец говорит:

Ему Господь,
Небес правитель, земную славу дал:
[Бео] был знаменит, — слава далеко пошла⁶²⁷.

Как можно видеть, повествователь считает, что Бог раздает славу по Своему выбору; тем самым утверждается богоданный характер этой языческой ценности. В древнеанглийской поэме «Исход», посвященной одноименному ветхозаветному сюжету, также сохраняется языческое представление о Боге как о «подателе удачи», который награждает «дружинников» Моисея вековой славой⁶²⁸. Однако с христианской точки зрения Бог не может награждать славой, потому что земная слава есть искушение — ср. у Иоанна Златоуста: «на земле нет славы, но истинная слава на небесах; кто хочет прославиться, тот (здесь) пусть терпит бесчестие»⁶²⁹. Тем не менее в понимании англосаксонского эпического певца именно Бог дарует герою победу, буквально снабжая персонажа трофеями (золотом, кольцами и др.) чтобы увеличить его славу. Когда Беовульфудается оторвать руку Гренделю, певец констатирует:

⁶²⁷ Беовульф. Тексты : вступление (строки 1–73) (древнеанглийский оригинал и дословный русский перевод) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/texts.htm>

⁶²⁸ Древнеанглийская поэма «Исход». Глава VIII / *Яценко М. В.* О древнеанглийской поэме «Исход» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3 : Филология. 2014. — № 4 (39). — С. 158.

⁶²⁹ *Иоанн Златоуст.* Беседа IV на 2 Тим. II, 1–7. // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского. Т. 11. — СПб. : Изд. С.-Петербург. Дух. Акад., 1905. — С. 783.

Беовульфу была
В битве слава дана⁶³⁰.

Рука чудовища — особо ценная добыча; она дороже монет, коней и доспехов, так как это уникальный трофей, о котором будут рассказывать (именно поэтому мать Гренделя, чтобы избежать посмертного бесславия сына, является в Хеорот за рукой своего убитого отпрыска). Эпический певец различает, с одной стороны, добычу как имущество, которая накапливается на «счету» личной чести (*maérð*) героя, повышая его «стоимость» в глазах окружающих, включая властителей и женщин, и, с другой стороны, добычу славную, обладание которой имеет не имущественный, но «информационный» эффект, обеспечивая славу-молву (*dóm*).

Староанглийское *dom*, как и старосаксонское *dōm*, означает также «приговор», «суд»⁶³¹ (ср.: *dómes dæg* — «судный день»⁶³²). Эпическому концепту личной славы соответствует представление о людском суде, который выражается в похвале или осуждении, доброй или злой памяти. Подразумевается своего рода общественный приговор, который выносится великому человеку еще при его жизни («суд до смерти» [*glory before death*], *dómes aér déape*⁶³³), сохраняется в памяти потомков и тем самым как бы «обязывает» Бога соответственно судить героя после его кончины. Таким образом, *dom*, будучи концептуализированным в «Беовульфе», воспроизводит языческую трактовку славы как «моста в бессмертие», которая знакома нам по гомеровскому эпосу, «Махабхарате» и другим памятникам.

В отличие от общественного суждения о герое, его личная честь (в тексте «Беовульфа» — *maérð*; от протогерманского *meriþo* [«похвала», «лесть»]; ср. современное англ. *merit* — «заслуга», «достоинство») зависит от унаследованного или награбленного имущества, а также — от той доли, которую воин получает от властителя при дележе добычи. Обладающий большей честью получает большее количество добычи, и таким образом, честь героя имеет конкрет-

⁶³⁰ Беовульф. Тексты : Битва с Гренделем (строки 710–836) (древнеанглийский оригинал и дословный русский перевод) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/text2.htm>

⁶³¹ См., в частности: *Algeo J., Butcher C. A. The Origins and Development of the English Language*. — Cengage Learning, 2013. — P. 256.

⁶³² См., в частности: *Bosworth J. A Dictionary of the Anglo-Saxon Language*. — London : Longman, 1838. — P. 91.

⁶³³ См., в частности: *Beowulf. Diacritically-marked text and facing translation / XXI. 1388*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heorot.dk/beo-rede-f21.html>

ное материальное выражение в количестве колец, кораблей, рабов и т. д. В случае бесчестия, которое есть не что иное, как отнятие части имущества (земельного надела, женщины, коня, материальных ценностей, принадлежащих родственнику и др.) герой должен как можно скорее восстановить честь, вернув свое имущество с прибытком за счет имущества обидчика.

Грендель не имел возможности обесчестить ни самого Беовульфа, ни кого-либо из его родственников; следовательно, месть чудовищу не может быть причиной появления героя в Хеороте. Приращение личной чести (*maéþð*) за счет отъема материальных благ также не является целью Беовульфа: он намеревается просто убить монстра, не рассчитывая на его имущество. Хродгар в свое время спас от смерти отца Беовульфа, однако вовсе не сострадание к злосчастному конунгу влечет героя навстречу опасности. Герой-гаут является к данам потому, что до него дошла молва: весть о «деяниях» (*daéda*) Гренделя. Последний обладает славой, он долго остается непобедимым в противостоянии с целым племенем, и Беовульф надеется сделать его славу своей, став для всего мира достославным убийцей монстра. Певец устами самого Беовульфа так формулирует то, что является для героя высшей ценностью:

Бео говорит:
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!⁶³⁴

Пир в «Беовульфе» — та ситуация, когда личная честь каждого героя учитывается, перераспределяется и прибавляется на его личный «счет»; при этом выше всего ценится такая добыча, которая позволяет *maéþð* перерасти в *dómt*. Не награбленный скот, захваченные корабли и угнанные в рабство люди свидетельствуют о последнем, но вещи, специально созданные для того, чтобы выказывать славу их владельца: знамена, особое оружие и т. д. Так, за победу над Гренделем

Наследник Хальфдана
пожаловал Беовульфу
знак победный —

⁶³⁴ Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975. — С. 95.

ратное знамя,
стяг златовышитый —
и шлем с кольчугой;
многие видели
и меч знаменитый...⁶³⁵

Ошибочно полагать, что слава нужна герою потому, что она «дает материальные выгоды (уважение, почет, драгоценное оружие, дары, золото и другие сокровища)»⁶³⁶. Слава есть «конечная ценность» (по Аристотелю, *το αριστον*) потому, что она имеет отношения к посмертной судьбе эпического персонажа, тогда как знаки почета и уважения, драгоценное оружие и проч. — всего лишь «инструментальные ценности» (согласно Стагириту, *ενεργειαί*)⁶³⁷, позволяющие достичь славы. Золотой клад для Беовульфа имеет ценность как «гарантия» его земной и посмертной славы; герою буквально не пришлось бы в голову покупать на это золото земли, стада, корабли и проч., потому что он «разменял» бы тогда на земные материальные блага высшее нематериальное благо — бессмертную славу.

Если славу героя обеспечивают уникальные трофеи, то слава властителя зависит от его побед в битвах. Подобно тому как воины получают честь от властителя, так сам властитель получает свою честь — удачу в сражениях — от Господа, «небесного сюзерена». В «Битве при Мэлдоне» король, поразив врага, благодарит Бога за дарованную победу: «...государь удачливый, / и благодарность Господу / воздал за страду денную, / от владыки ему дарованную»⁶³⁸.

Однако честь правителя («личный счет» его побед) перерастает в бессмертную славу только при том условии, что он щедро делится полученной добычей со своими воинами. Особенная, удивительная щедрость, будучи достойной того, чтобы быть воспетой стихотворцами, способствует вящей славе наделенного властью. В «Видсиде» *dóm* — это слава властителя: «lof se gewyrseð / hafað under heofonum / heahfæstne dom» («под сводом небесным /

⁶³⁵ Ibid. C. 77.

⁶³⁶ Акименко Н. А. Языковое сознание эпического сказителя в поэме «Беовульф»: цели, ценности, стратегии // Альманах современной науки и образования. 2009. — № 12 (31). Часть 2. — С. 137.

⁶³⁷ См., напр.: Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : В 4 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1983. — С. 54–55.

⁶³⁸ Битва при Мэлдоне // Древнеанглийская поэзия. — М. : Наука, 1982. — С. 146.

хвалу он [обобщенный «державец». — *А. М.*] да заслужит / и славу вековечную»⁶³⁹).

Одаривая певцов наряду с воинами, правитель способствует распространению славы-молвы о себе в мире: так, Видсид воспевает властительницу Эальххильд и утверждает, что, благодаря его словам

...хвала и молва
разнеслась широко
о ней по землям
в песносказанье
о том, как я видел
под сводом неба
лучшую, златовенчанную
повелительницу щедрую...⁶⁴⁰

М. Чернисс, исследовавший героические концепты и ценности в древнеанглийской поэзии, был убежден, что «главной целью германского героя было завоевать похвалу (в оригинале *praise* с отсылкой к англосаксонскому *lof*. — *А. М.*) среди людей и добиться того, чтобы его слава (в оригинале *glory*, с отсылкой к англосаксонскому *dom*. — *А. М.*) сохранялась вовеки»⁶⁴¹. Действительно, во многих англосаксонских эпических песнях личная слава-молва является главной мотивацией воина: так, в «Битве при Мэлдоне» военачальник призывает бойцов «стяжать великую славу» («*wolde dom gefeohtan*»)⁶⁴² перед лицом враждебных данов, а в «Битве при Брунанбурге» говорится, что Этельстан и Эдмунд «добыли славу / и честь всевечную»⁶⁴³. В староанглийской элегии «Скиталец» (конец X в.) лирический герой, тоскуя по былым временам, напоминает самому себе, что благородные мужи, стремящиеся к славе (*domgeorne*), претерпевают невзгоды, «запечатав / печали в сердце»⁶⁴⁴.

⁶³⁹ Видсид // Древнеанглийская поэзия. — М. : Наука, 1982. — С. 22. Англосаксонский текст цитируется по: *Treharne E., Walker G. The Oxford Handbook of Medieval Literature in English.* — Oxford : Oxford University Press, 2010. — P. 157.

⁶⁴⁰ Видсид // Древнеанглийская поэзия. — М. : Наука, 1982. — С. 20.

⁶⁴¹ *Cherniss M. Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Society.* — The Hague; Paris : Mouton, 1972. — P. 11. (перевод с английского наш. — *А. М.*)

⁶⁴² Битва при Мэлдоне // Древнеанглийская поэзия. — М. : Наука, 1982. — С. 145. Англосаксонский текст цитируется по: *The Battle of Maldon // Old English Reader.* — Peterborough, ON : Broadview Press, 2011. — P. 71.

⁶⁴³ Битва при Брунанбурге // Древнеанглийская поэзия. — М. : Наука, 1982. — С. 133.

⁶⁴⁴ Скиталец // Древнеанглийская поэзия. — М. : Наука, 1982. — С. 72. Пример англосаксонского словоупотребления дан по: *The Wanderer // Klinck A. L.*

Языческий концепт личной славы находим и в «Речах Высокого» («Старшая Эдда»):

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.
... знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава⁶⁴⁵.

Сигурд «Старшей Эдды» стремится совершить такие деяния, которые никто прежде него не совершал, — вновь ради славы. О возможности этого он спрашивает у мудреца Грипира, которому открыто будущее:

...видишь ли Сигурда
смелые подвиги,
каких на земле
еще не свершали?⁶⁴⁶

Сигурд «Саги о Волсунгах», убив дракона Фафни, заботится о том, чтобы покрыть свою одежду и доспехи изображениями этого гигантского змея — заботится с единственной целью: распространить молву и связать ее с собственным именем:

И для того был дракон начертан на всех его доспехах, чтобы всякий, кто его увидит, мог узнать, что это он ... убил того великого дракона, которого варяги называют Фафни. <...>
И когда примутся исчислять всех наивеличайших витязей и наиславнейших вождей, то всегда называют его в первую голову, и имя его — у всех на языке к северу от Греческого моря, и так будет, пока свет стоит⁶⁴⁷.

The Old English Elegies. A Critical Edition and Genre Study. — Montreal : McGill—Queen's University Press, 2001. — P. 75.

⁶⁴⁵ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит.-ра, 1975. — С. 196.

⁶⁴⁶ Ibid. С. 270.

⁶⁴⁷ Сага о Волсунгах. — М. — Л. : Academia, 1934. — С. 167.

Как только Сигурд убивает Фафни, Регин говорит герою: «Благо тебе, господин мой! ... этот подвиг будут помнить, пока свет стоит»⁶⁴⁸. Когда Сигурд вслед за драконом убивает самого Регина, своего наставника и помощника, это только увеличивает личную славу героя: так, очарованная славой Сигурда Брюнхильд вышивает «золотом на пяльцах те подвиги, что совершил Сигурд: гибель дракона и захват сокровища и смерть Регина»⁶⁴⁹. Брюнхильд выражает позицию самого эпического певца, когда заявляет, что власть конунга Гуннара, вся его держава и богатство стоят меньше той личной славы, которую стяжал Сигурд.

Сила нужна героям «Старшей Эдды» только для того, чтобы получить личную славу; они «не умеют» направлять это качество на другие цели (например, на помощь страдающему человеку). Раненый Сигмунд запрещает жене излечить его и вернуть к жизни, когда понимает, что боги более не намерены даровать ему победы в сражениях. После того как Один обесславил Сигмунда первым в его жизни поражением от Люнгни-конунга, герой, чтобы не претерпеть еще большее бесславие, отказывается от богатырской силы. Как можно видеть, это качество не нужно персонажу, если оно не обеспечивает ему приращение личной славы.

Певец «Саги о Тидреке» называет две главные ценности, к которым стремятся мужи, наделенные силой: личная имущественная честь (добыча) и личная слава-молва; со времен Всемирного потопы сила людей уменьшилась, однако никогда «не уменьшался задор и жадность к добыванию достатка и славы, и оттого происходили великие битвы»⁶⁵⁰.

Один из героев упомянутой саги — Самсон, отец Тидрека — спешит убить соседнего короля, пока тот не умер, чтобы об этом деянии пели в веках. Примечательно, что далеко к востоку от Норвегии певцы татарского эпоса обнаруживали такое же рвение в сердце своего героя Кадырберды, сына Тохтамыша, который опасается, что его враг Идегей умрет от старости и тем самым лишит его славы:

...надо ль быть храбрецом,
Чтобы справиться с мертвецом?
Надо летом Идиль пересечь,
Надо взять Идегея живым...

⁶⁴⁸ Ibid. С. 155.

⁶⁴⁹ Ibid. С. 171.

⁶⁵⁰ Приложение // Из саги о Тидреке Бернском. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://norroen.info/src /forn/thidrek/ru2.html>

<...>

Полюбуюсь паденьем врага,
Если славу добыл он в борьбе,
То и славу я вырву себе!⁶⁵¹

В общеэпическом мире одним из условий распространения молвы является особое бесчестие, наносимое врагу, — например, намеренно дерзкое требование дани, предполагающее изощренное унижение, которому в «Саги о Тидреке» Самсон хочет подвергнуть своего противника:

...прислать в качестве дани свою дочь, которую мой младший сын возьмет в наложницы... шестьдесят знатных и хорошо наряженных девушек, как и шестьдесят рыцарей с лучшим снаряжением, шестьдесят отборных ястребов и шестьдесят охотничьих собак. А у самого лучшего пса должен быть ошейник из золота и веревка, сплетенная из твоей бороды, дабы ты знал, что есть в мире могущественнее тебя⁶⁵².

Конунг Хаки («Круг земной» Снорри Стурлусона, «Сага об Инглингах») даже собственную смерть обустраивает как некий «перформанс», имеющий целью распространить молву:

...как он понимал, ему оставалось недолго жить. Он велел нагрузить свою боевую ладью мертвецами и оружием и пустить ее в море. Он велел затем закрепить кормило, поднять парус и развести на ладье костер из смолистых дров. Ветер дул с берега. Хаки был при смерти или уже мертв, когда его положили на костер. Пылающая ладья поплыла в море, и долго жила слава о смерти Хаки⁶⁵³.

Братья Эйрик и Ёрунд («Сага об Инглингах») в погоне за славой проявляют тонкое знание человеческой психологии и казнят своего врага, пленного конунга Гудлауга на самом берегу у мыса Страумейарнес — так, чтобы мореходы, проплывая мимо, всякий

⁶⁵¹ Идегей : татарский народный эпос. — Казань : Татар. книжн. изд-во, 1990. — С. 229, 233.

⁶⁵² Сага о Тидреке из Берна. Прядь о Самсоне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://norgoen.info/src/forn/thidrek/samson.html>

⁶⁵³ Стурлусон Снорри. Круг земной. — М. : Наука, 1980. — С. 23.

раз вспоминали о повешенном конунге и распространяли славу его убийц. Повествователь признает, что план сработал: «Братьев Эйрика и Ёрунда это очень прославило. Они стали знаменитыми»⁶⁵⁴. Распространению молвы способствуют также трудновыполнимые обеты, о принятии которых свидетельствуют внешние признаки, бросающиеся в глаза. Так, в частности, поступает у Снорри Стурлусона протагонист «Саги о Харальде Прекрасноволосом»:

Я даю обет и призываю в свидетели бога, который меня создал и всем правит, что я не буду ни стричь, ни чесать волос, пока не завладею всей Норвегией с налогами, подавными и властью над ней, а в противном случае умру⁶⁵⁵.

Особенно быстро молва расходится при условии, что обеты исполняются с исключительным рвением и небывалой жестокостью: тот же Харальд Прекрасноволосый, по свидетельству Снорри Стурлусона, «велел убивать всех людей и жечь поселения»⁶⁵⁶, чтобы добиться своей цели.

В «Песни о Нибелунгах» одной из причин убийства Зигфрида является то, что его великая слава может привлечь вассалов Гунтера на сторону нидерландского принца. Личная слава драконоубийцы становится проблемой для его царственного свояка и в «Старшей Эдде», и «Саге о Волсунгах», и в «Песне о Нибелунгах» с той лишь разницей, что в первых двух случаях это приводит к нежеланию Брюнхильд(ы) жить в браке с недостаточно славным мужчиной, а в последнем — к тому, что рыцари Гунтера оказываются склонными перейти на службу к более славному вождю.

Как можно видеть, даже после принятия христианства народы Западной Европы сохраняют в своем эпическом сознании языческую систему ценностей с концептом славы-молвы на первом месте. Иными словами, кризис этой аксиологической парадигмы, отразившийся в романах об Александре Великом, успешно преодолевается ими. Кроме того, разделение мира на христиан и «неверных», укоренившись в духовной культуре европейцев, парадоксальным образом позволило им легализовать в своих эпических песнях и другие концепты дохристианского эпоса: силу как право на добычу, личную честь героя как выражение той «стоимости» — складывающейся из ценности наследуемого имущества

⁶⁵⁴ Ibid. С. 23.

⁶⁵⁵ Ibid. С. 44.

⁶⁵⁶ Ibid. С. 44.

и имущества, добытого силой, — которой обладает его личность и др. Языческое понимание личной славы как гарантии посмертного блаженства возрождается. Чтобы попасть в рай, рыцарю необходимо удивить всех своей славной победой — или же славной смертью:

Вас в вышний рай по смерти примет бог,
Коль в муках вы умрете за него⁶⁵⁷.

Для короля — свой «план действий»: истребить или обратить так много неверных, захватить так много их имущества, чтобы это могло вызвать удивление и молву:

Карл император радостен и горд:
Взял Кордову он штурмом, башни снес,
Баллистами своими стены смел,
Рать оделил добычею большой —
Оружьем, золотом и серебром.
Язычников там нет ни одного:
Кто не убит в бою, тот окрещен⁶⁵⁸.

Властитель может стяжать персональную славу, записывая на «личный счет» насильственно крещеных сарацин, мавров и других неверных — это своего рода «очки» неимущественной славы, их подсчет ведется педантично, наряду с оценкой материальной добычи:

А если кто на это не согласен,
Тех вешать, жечь и убивать нещадно.
Насильно крещены сто тысяч мавров...⁶⁵⁹

Души насильственно обращенных как бы возлагаются на алтарь божества — подобно тому, как у Пиндара победители возлагали на алтари свои приношения в надежде на получение от богов бессмертной славы⁶⁶⁰ (и точно так же протагонист «Песни о моем Сиде» приносит часть добычи — барабаны марокканцев — к иконе

⁶⁵⁷ Песнь о Роланде : старофранцузский героический эпос. — М. — Л. : Наука, 1964. — С. 38.

⁶⁵⁸ Ibid. С. 7.

⁶⁵⁹ Ibid. С. 109.

⁶⁶⁰ См.: Пиндар. Псавмию Камаринскому // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. — М. : Наука, 1980. — С. 23–24.

Девы Марии). В ответ на принесенные дары Бог, в понимании эпического певца, дарует королю все новые победы. Их масштаб свидетельствует о том, что властитель по-прежнему находится в чести у «небесного сюзерена». Напротив, поражение — знак того, что монарх не угодил Богу, и тот попустил дьяволу обесславить его перед людьми. Об этом Карл предупреждает своего наследника:

Ах, Людовик, — сказал Карл, — сир сын,
Отныне ты должен править моим королевством.
...подумай о том, чтобы хорошо служить святой Церкви,
Чтобы дьявол не опозорил тебя (*ne te puisse honir*)⁶⁶¹.

Победа означает добычу, и молву о победе во многом обеспечивает исключительная щедрость при раздаче имущественной и квази-имущественной чести вассалам. Эту честь (наделы, золото, возможность жениться на достойной невесте и др.) вассал должен подтвердить и «отработать», не проявив трусости, иначе ему грозит позор, дурная молва, т.е. «обнуление» его личной славы.

Личная слава вообще чрезвычайно значима для протагонистов западноевропейской эпической поэзии. Так, для французского Роланда она дороже жизни двадцати тысяч соратников, которых он обрекает на смерть, опасаясь «срама» для себя в случае, если он протрубит в рог и призовет на помощь основные силы Карла:

«...Не стану Карла я обратно звать,
Себе и милой Франции на срам».
<...>
Роланд... в ответ: «Не дай господь!
Пусть не скажет обо мне никто,
Что от испуга позабыл я долг.
Не посрамлю я никогда свой род.
Неверным мы дадим великий бой.
Сразу я мавров тысячу семьсот,
<...>
Позор и срам страшны мне — не кончина...»⁶⁶²

Роланд преследует личные интересы: он беспокоится о долге вассальной чести, неисполнение которого обернется для него личным бесславием — «злыми песнями» («Служить всегда сеньору рад

⁶⁶¹ Коронавание Людовика. Французский оригинал и дословный русский перевод. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/roland/frenchepos/roi/louis1.htm>

⁶⁶² Песнь о Роланде : старофранцузский героический эпос. — М. — Л. : Наука, 1964. — С. 36.

вассал... / Пусть каждый рубит нехристей сплеча, / Чтоб не сложили песен злых про нас»⁶⁶³). Герой также заботится о чести своего рода, которая является составляющей его личной чести. Заявление рыцаря о том, что он стремится избежать «срама» не только для себя, но и для «милрой Франции», имеет риторический характер и не может быть свидетельством того, что протагонист мыслит французское рыцарство с точки зрения его коллективной славы. Такую славу в гораздо большей степени обеспечила бы победа Карла над сарацинами в том случае, если бы Роланд протрубил в рог и призвал на помощь императора. С учетом интересов всей «милрой Франции» и с точки зрения Карла такой поступок был бы правильным как позволяющий сохранить репутацию французского рыцарского сословия; разгром же императорского арьергарда, руководимого Роландом, нанес этой репутации серьезный ущерб. Выбор последнего, снижавшего благодаря дерзости и отваге бессмертную личную славу в ущерб как планам своего сюзерена, так и сущностным интересам своей страны, напоминает скорее военный поход князя Игоря Святославовича, описываемый — и очевидно осуждаемый — в русском «Слове о полку Игореве». Оливье справедливо упрекает Роланда:

Французов погубила ваша гордость.
Мы королю уж не послужим больше.
Подай вы зов, поспел бы он на помощь
И не избегли б нехристи разгрома,
Король Марсиль — плена или гроба.
Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
Теперь вы Карлу больше не помощник⁶⁶⁴.

Здесь мы убеждаемся еще раз в том, что не интересы монарха хочет соблюсти Роланд, но избежать упреков в трусости. Концепт личной славы заставляет «доброго вассала» трактовать свой долг чести по отношению к императору не как обязанность совершить именно то, что нужно и выгодно последнему в данный момент, но как необходимость поддерживать собственную репутацию любой ценой.

Сопоставимым образом Гийом Короткий Нос готов отправить соратников на верную смерть в безрассудной атаке противкратно превосходящих сил врага — лишь бы избежать личного бесславия, возможных упреков в трусости:

⁶⁶³ Ibid. С. 34.

⁶⁶⁴ Песнь о Роланде : старофранцузский героический эпос. — М. — Л. : Наука, 1964. — С. 54.

Хоть у неверных войско тысяч в сто,
Возьмемся за оружие — и в бой!⁶⁶⁵

Сострадание и жалость не мотивируют рыцаря, его интересует исключительно личная слава. Когда папа римский сообщает Гийому о том, что «язычники» захватили в плен тридцать тысяч христиан, включая короля Гефье, его жену и дочь, и намереваются в скором времени их всех казнить, рыцарь отвечает, что его дружина слишком мала, чтобы освободить единоверцев. Тогда папа обещает герою бессмертную славу, гарантированный «пропуск в рай» в обход всех заповедей:

Вам можно будет мясо есть всedневно
И жен держать, коль хватит сил, хоть десять,
И в грех любой впадать, пусть даже смертный,
За исключением разве что измены, —
Я вам даю заранее отпущенье.
Создатель вход откроет вам по смерти
Туда, где лишь его друзьям есть место,
Сам Гавриил введет вас в рай небесный⁶⁶⁶.

На таких условиях Гийом немедленно устремляется в бой. Протагонист подчеркивает, что его мотивация — не прослыть трусом, избежать бесславия:

Не потерплю я, — всяк да слышит это! —
Чтоб хвастал враг, хоть рать его несметна,
Что с ним я убоился столкновенья⁶⁶⁷.

Концепт личной славы как «моста в бессмертие» подразумевает прагматичное отношение к Богу как источнику побед, эту славу — земную и посмертную — обеспечивающих. Превосходство христиан над магометанами, с точки зрения французского эпического певца, заключается лишь в том, что Бог первых обладает совершенным могуществом, исключительной способностью даровать победу, тогда как Магомет и Аполлон (которым, по его мнению, поклоняются вторые) вполне естественно подобного могущества

⁶⁶⁵ Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985. — С. 93.

⁶⁶⁶ Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985. — С. 94.

⁶⁶⁷ Ibid. С. 94.

лишены. Таким образом — повторим это еще раз — Бог оказывается ценен не Сам по Себе, но как податель побед и источник славы. Соответственно, магометанский король Галафр принимает христианство не потому, что последователи этой религии поразили его сердце сострадательной любовью, силой молитвы, воздержанием от страстей или подвигами мученичества. Галафр видит, что христианский Бог способен даровать великую славу Гийому, обеспечив последнему победу над врагами. Иными словами, христианский Бог оказывается более могущественным и славным сюзереном, а следовательно, служить ему — большая честь: «Que Mahomez ne me puet plus aidier»⁶⁶⁸ («Ибо Магомет не может мне более помочь»), поясняет Галафр и принимает крещение.

Подобно тому как сюзерен наделяет вассала щедрой долей при дележе добычи, так Бог наделяет монарха «счастливой долей» побед. Выйдя поневоле из подчинения королю, отважный Сид устанавливает «прямые отношения» с небесами и теперь будет получать победы и славу напрямую от Бога:

Гавриил-архангел предстал ему:

«О Кампеадор, отправляйтесь в путь.

Доли славней (*cuota más gloriosa*) не дано никому —

Пока вы живы, удачи (*buena suerte*) вас ждут»⁶⁶⁹.

Cuota más gloriosa (букв.: «славнейшая доля») — это концепт личной славы, получаемой от Бога в виде:

а) той в широком смысле «удачи», которая приносит победы и добычу;

б) прижизненной славы-молвы об этих победах;

в) доступа в рай после смерти.

Слово *suerte* («удача», «судьба») указывает именно на языческое понимание славы-молвы как прижизненного суда людей и благоприятного суда небес, который обещан герою еще до смерти.

Безусловно, протагонист «Песни о моем Сиде» более всего заботится о сохранении и приумножении личной имущественной чести посредством грабежей, однако личная слава тоже важна для него. В частности, герой обещает помочь Альвару Фаньесу — и сделать это настолько решительно и эффективно, что об

⁶⁶⁸ Цит. по: Doerr H. M. The Function of Divine Interventions in Early Old French Narrative. — Madison : University of Wisconsin-Madison, 1997. — P. 255.

⁶⁶⁹ Песнь о Сиде // Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. — М. : Худож. лит.-ра. 1976. — С. 270.

этом «пройдет слава по всей Испании» (в русском переводе читаем: «Услышит о нас вся Испания вскоре»⁶⁷⁰, что могло бы натолкнуть на ложный вывод о том, что Сид беспокоится об общей славе национального рыцарства, однако в оригинале говорится именно о личной славе Кампеадора).

Итак, в западноевропейской эпической поэзии сохраняется дохристианское понимание славы. Как справедливо замечает С. Боура, «рыцарь средневекового французского эпоса... движем теми же мотивами, что и герой эпоса древнегреческого»; исследователь убежден, что этот мотив — стяжание того, что Гераклит называет «вечной славой у смертных»⁶⁷¹. Однако в современной этому периоду Византии эпический нарратив, судя по сохранившимся памятникам, сопротивляется пониманию личной славы как прижизненного приговора, выносимого людской молвой, — приговора, гарантирующего богатырю память в веках и «понуждающего» небеса открыть ему доступ в рай. В частности, Армурис, сын Армуриса (протагонист одноименной эпической песни), не интересуется уникальной добычей, которая способствовала бы распространению славы о нем (как интересуются такой добычей, например, Сослан или Кухулин). Ромейский герой не разыскивает чудовищ для того, чтобы совершить небывалый подвиг и таким образом остаться навсегда в памяти потомков (как Беовульф, Сигурд или Гэсэр). Его не интересует (как Вьяннямейнена) девушка, которая славится красотой на весь мир и потому может прославить своего жениха. Огромное отцовское копье он «приручает», а страшного отцовского коня приводит к повиновению не для того, чтобы продемонстрировать всему миру свою чудесную силу и особые права на него — для персонажа это всего лишь единственный способ убедить собственную мать в том, что он, Армурис, может покинуть дом вместе со старшими удальцами. Главная мотивация протагониста — любовь-сострадание к своему отцу, который двадцать лет томится в плену у сарацин; однако сюда примешивается, по-видимому, и желание восстановить личную честь, элементом которой является честь отцовская.

При этом Армуриса весьма заботит, какая молва распространится о его поступках:

⁶⁷⁰ Ibid. С. 272.

⁶⁷¹ Bowra C. M. Heroic poetry. — London : Macmillan, 1952. — Р. 4. (Боура, впрочем, ошибается, утверждая, что «к этой же компании принадлежат ... русские богатыри». — А. М.) Фрагмент Гераклита цитируется по: Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). — СПб. : Наука, 2014. — С. 189.

Над ним с другого берега смеется басурманин:
«У нас такие кони есть, что ветер не догонит,
Они любую птицу влет настигнут и изловят,
От них и зайцу не уйти ни под гору, ни в гору, —
...Но и они через Афрат не поплывут, не смогут;
А ты на кляче на своей туда же лезешь в воду?!»
Услышал это молодец, взыграл горячим гневом...⁶⁷²

В рассматриваемом эпизоде герой гневается потому, что его нерешительность вызывает смех иноверца и тем самым наносит ущерб *коллективной славе* христианского воинства. Важно подчеркнуть, что «басурманин» (*Σαρακηνός*) опять-таки говорит не о себе лично, но о сарацинском удальстве вообще, о сарацинских конях — как если бы они заведомо превосходили греческих. Образу прославленных басурманских наездников Армурис должен противопоставить собственное удальство, выступив достойным представителем всех христианских всадников.

Герой, воззвав к Богу о помощи, успешно преодолевает реку. Сарацин (к тому времени уже избитый Армурисом) все же продолжает расхваливать басурманское воинство, прежде всего — отвагу его бойцов:

Клянусь царь-солнцем ласковым и матерью царь-солнца,
Вчера нас было набрано сто тысяч копьеборцев,
Все удальцы отборные, с зелеными щитами,
И каждый против тысячи пойдет, не побоится,
И против тысячи, и тьмы, и против сотни тысяч⁶⁷³.

Как можно предположить, певец здесь играет на чувствах слушателя-христианина, позиционируя ценность той коллективной славы, которой якобы обладают басурманские воины. Эта ценность должна быть опровергнута протагонистом: вновь, как и на берегу Евфрата, Армурис понимает, что не имеет права нанести ущерб репутации христианского воинства. Он готовится совершить именно то, чем хвастают сарацины — бесстрашно устремиться в одиночку «против сотни тысяч». Однако в последний момент Армурис предпринимает еще одно усилие, избыточное и потому в полном смысле слова героическое, — чтобы не уронить славу

⁶⁷² Армурис // Памятники византийской литературы IX–XIV веков. — М. : Наука, 1969. — С. 110.

⁶⁷³ Ibid. С. 111.

своих единоверцев, он отказывается от внезапного нападения на врага, неготового к бою:

Раздумывает молодец, раздумывает, молвит:
«На безоружных не пойду — не то они сошлются,
Что безоружных я застиг, и чести в этом мало».
Вскричал он звонким голосом, вскричал, что было мочи:
«К оружию, поганые собаки-сарацины!
Скорей наденьте панцири, скорей седлайте коней,
Не медлите, не думайте: Армурис перед вами...»⁶⁷⁴

И хотя протагонист выкрикивает собственное имя, мы видим, что он заботится не только о личной славе, но также о том, чтобы его поведение способствовало славе все христианских воинов. Впоследствии слушатель-ромей торжествует, когда сами сарацины рассказывают своему амиру об отваге православного героя, в одиночку выехавшего против огромного войска. Не убийство множества сарацин есть главная победа Армуриса, но сам по себе рассказ «басурманина»: начало коллективной славы-молвы о ромеях.

Вполне оправданно утверждать, что эпическое сознание византийцев не признавало личную славу в качестве главной ценности; об этом свидетельствует и то, что в знаменитой поэме о Дигенисе Акрите протагонист не озабочен распространением молвы о своих подвигах: он всего лишь стремится не быть опозоренным, избежать бесславия. Ведь если приращение персональной славы еще не означает добрую молву обо всем византийском воинстве, то личное бесславие непременно обернется репутационным ущербом для последнего:

Не стану бить лежачего, позориться не стану,
Но если хочешь — поднимись, возьми оружие в руки,
И встретимся лицом к лицу, как подобает храбрым,
А добивать упавшего способны только трусы⁶⁷⁵.

Герой тяжело переживает блудную связь с освобожденной им девушкой, а затем — прелюбодеяние с девой-воительницей Максимо. Если в аксиологической системе языческих эпосов, как мы видели выше, телесная связь с красавицей способствует приращению личной славы, то Дигенис, напротив, упрекает Максимо в том, что она совершила «убийство», соблазнив его. Он прямо называет свое падение позором:

⁶⁷⁴ Ibid. С. 111.

⁶⁷⁵ Дигенис Акрит. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — С. 91.

Старался всеми силами порока я избегнуть
<...>
Еще сильнее страсть мою воспламенила дева.
Внимал я, зачарованный, речам ее сладчайшим,
Была красива и юна, прелестна и невинна,
И уступил рассудок мой преступному желанью,
И совершился весь позор и сочетание наше⁶⁷⁶.

У восточных же соседей Византии языческая ценность личной славы со времен «Шах-наме» Фирдоуси является одной из главных в концептосфере эпического сознания. Благодаря возможности трактовать насилие в отношении неверных как «доблесть» и «подвиг веры» этот концепт становится едва ли не доминирующим в той системе ценностей, которая характерна для героической поэзии исламизированных тюркских народов.

Так, персонаж персидской эпической поэмы «Шах-наме» богатырь Сухраб убежден, что он один во всем мире (не считая своего отца Рустама) достоин верховной власти. Причина — великая личная слава:

Лишь я и мой прославленный отец
Достойны на земле носить венец⁶⁷⁷.

Удальцы огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» завоевывают личную славу демонстративным бесстрашием, намеренно жестоким убийством возможно большего числа неверных и богатой добычей. О герое говорится: «Baş kesmiştir kan dökmüştür ganimet doyumluk ad kazanmıştır»⁶⁷⁸: «Он отрубил головы, пролил кровь, получил имя (то есть стал известным. — А. М.), получив [военную] добычу». Здесь *ad* — это «имя» в прямом значении, а *ad kazanmak* — глагольная конструкция, означающая «получить известность», «сделать имя».

Слава героя всегда «привязана» к его имени, точнее — к имени, полученному героем в наследство от своего отца. «Именная» слава является смыслом жизни для эпического протагониста, а такому сыну «от кого нет славы имени отца, лучше бы не выйти из спинного хребта отца, не войти в чрево матери, не родиться на свет»⁶⁷⁹.

⁶⁷⁶ Ibid. С. 106.

⁶⁷⁷ Фирдоуси. Шах-наме. — М.: Худож. лит.-ра, 1972. — С. 143.

⁶⁷⁸ Цит. по: Deveci, H.; Belet, D.; Türe, H. Dede korkut hdk yelerinde yer alan de erler <Values within Dede Qorqut Stories> // Electronic Journal of Social Sciences. 2013. Vol. 12. Issue 46. — Р. 309.

⁶⁷⁹ Книга моего деда Коркута : огузский героический эпос. — М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — С. 12.

Юный герой «Книги моего деда Коркута» по имени Богач-бек сталкивается с намеренно возведенной на него клеветой («дурной славой»); эту клевету распространяют о нем джигиты его собственного отца, Дерсе-хана. Проанализировав ложные обвинения в адрес Богач-бека, мы получаем представление о том, какие действия влекут за собой бесславие в художественном мире «Книги...». Нападение на сородичей, оскорбление стариков, охота на отцовскую дичь, попытки напоить собственную мать вином с тем, чтобы подговорить ее против собственного же отца, — все эти бесславные поступки, якобы совершенные юношей, наносят ущерб личной имущественной чести его отца. Честь старших сородичей есть важная составляющая личной чести, а уничтожение дичи является прямым покушением на чужую собственность, так же как и попытки отвратить от Дерсе-хана его женщину. За эти поступки последний готов убить собственного сына, чтобы «на соседнюю пеструю гору не поднялась молва»⁶⁸⁰ (т. е. пока его, Дерсе-хана, бесчестие не переросло в бесславие).

Приведем здесь показательную аналогию с русским былинным эпосом. Алеша Попович тоже опасается, что дурная слава о нем как о пьянице и распутнике (если он поддастся соответствующим соблазнам) дойдет до его «любимого батюшки». Однако личной славе попа Леонтия (даже если предположить, что у священника может быть личная слава) не способен повредить слух о том, что его юный сын, отнюдь не связанный узами супружества или монашескими обетами, пьет и гуляет с «девушками хорошими». Кроме того, если бы Алеша опасался, что этот слух повредит личной славе его отца, он и говорил бы о том, что дурная слава дойдет не до самого Леонтия, а до его окружения, жителей Ростова. Но юного богатыря не интересует мнение кого-либо, кроме мнения его собственного родителя:

Как пройдет-то про нас славушка недобрая
Ко попу ко Левонтию ко ростовскому
Да ко моёму ко батюшку!⁶⁸¹

Как логично предположить, Алеша опасается, что его отца огорчит тот ущерб, который пьянство и распутство сына причинят общей славе русского богатырства.

⁶⁸⁰ Ibid. С. 17.

⁶⁸¹ Поездка Алеши Поповича и бой его с Гогарином: [Былина] № 212 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 598.

Вернемся к восточным эпосам. Протагонист «Кероглу» гордится своим богатырством (в противовес богатству), и певец сообщает о том, что дочь султана Нигяр-ханум полюбила Ровшана именно за его богатырство. Однако концепт коллективной славы удальцов Ченлибеля в эпосе не развит, у каждого из них — своя личная слава, которая, как и в мире «Книги моего деда Коркута», зависит исключительно от количества славных побед, принесших герою не столько добычу, сколько — молву. Добыча в результате убийств и грабежа обеспечивает эпическому актору личную честь, тогда как для стяжания славы необходимо, как уже отмечалось выше, нечто удивительное: чудовищные разрушения, беспрецедентная жестокость, нечеловеческие страсти, чудесное оружие, женщины неземной красоты.

Поэтому «белобородые старцы» в «Книге моего деда Коркута» славят джигита, если он содеял масштабные разрушения и кровопролития (так, Кара-Гюне удостоивается славы за то, что обратил черный камень в пепел, Дундаз — за то, что сокрушил железные ворота в ущелье, а Шер Шемс-ад-дин, сын Гафлет-Ходжи, прославляется как тот, кто «заставил изрыгать кровь шестьдесят тысяч гяуров»⁶⁸²). Хвалят и воспевают также того, кто обрек славного противника на бесславную смерть, — например, Кара-Будаг превозносится за то, что «заставил изрыгать кровь вооруженного железным луком царя Кипчака»⁶⁸³. Для молвы достаточно внешних примет, свидетельствующих о героическом характере джигита: например, окровавленные усы или усы, связанные в семи местах на затылке героя, «уста, подобные конским», и конечно, огромные физические размеры (как, например, у Аруз-Коджи, тело которого не могла покрыть шуба из шкур шестидесяти козлов).

Слава-молва в тюркском эпосе устойчиво связана со страхом, который герой внушает своим врагам, а также мирным погонщикам, купцам, путешественникам. Ашуг Джунун утешает Кероглу, когда тот печалится об отсутствии у него детей:

Слава твоя по земле прошла,
Что ж ты печалишься, Кероглу?
При имени этом дрожат враги,
Что ж ты печалишься, Кероглу?
<...>

⁶⁸² Книга моего деда Коркута : огузский героический эпос. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — С. 58.

⁶⁸³ Ibid. С. 233.

Стонут враги, их терзает страх,
Падают птицы, бледнеет шах,
Что ж ты печалишься, Кероглу?
В горы страшится войти караван,
Плачет погонщик из дальних стран,
Страхом объят и купец, и хан,
Что ж ты печалишься, Кероглу?⁶⁸⁴

Ашуг поет именно о личной славе Кероглу — если герой покинет разбойничью столицу, удальцы разбредутся по свету и слава Ченлибеля померкнет. Каждого нового игида, которого Кероглу принимает в сообщество удальцов, он сначала побеждает (в честном единоборстве или хитростью, как Демирчиоглу) и «проводит под мечом», то есть принимает от него клятву на верную службу. Этим подчеркивается тот факт, что прочие игиды — не ровня Кероглу, и правом на личную славу обладает только он один.

Два равно прославленных героя не могут мирно сосуществовать в одном стане: так, Гизироглу Мустафабек мечтает померяться силами с Кероглу:

Еще в старину было сказано, что в одном котле двух молодецких голов не сварить. И Гизироглу говаривал: «Пусть или имя Кероглу гремит, или мое»⁶⁸⁵.

Слава кого-то из двух удальцов непременно должна затмить славу другого. Кероглу не может смириться с молвой о Гизироглу, которая распространяется в народе, а главное — с тем, что именем его соперника пугают детей:

У Гизироглу Мустафабека была булава с раздвоенным концом. О ней было известно всем. Когда матери проклинали своих детей, они говорили: «О, чтобы поразила тебя булава Гизироглу Мустафабека»⁶⁸⁶.

Концепт личной славы, характерный для тюркского эпоса, исключает само представление о том, что слава может быть коллективной, принадлежать не конкретному лицу, но сообществу богатырей. Отсутствует это представление и в башкирском эпосе

⁶⁸⁴ Кероглу. — Баку : Изд-во АН АзССР, 1959. — С. 94.

⁶⁸⁵ Ibid. С. 137.

⁶⁸⁶ Ibid. С. 138.

«Урал-батыр»: богатырь Шульген завидует родному брату Уралу, который совершил больше подвигов, разрушив, в частности, царство Катила⁶⁸⁷.

Личная слава значит для героев башкирского эпоса «Кусяк-бий» больше, чем собственная жизнь. Так, чтобы избежать бесславия, пирующий с соплеменниками Бабсак игнорирует предупреждения о готовящемся на него покушении, отказывается замечать подходящего убийцу Каракулумбета и вставать из-за стола (потому что так, по его мнению, могут поступать на пиру только женщины).

Я без страха на судьбу свою гляжу⁶⁸⁸.

Так заявляет герой в лицо тем, кто пытается спасти его жизнь: очевидно, он подразумевает, что его личной бессмертной славе не может угрожать убийца — напротив, злодеяние посреди пира есть «подарок» судьбы, ведь такая смерть обеспечит Бабсаку вечную славу-молву. Ценность личной славы для героя настолько высока, что ради ее сохранения и приумножения он отказывается даже от любви-сострадания к своей жене Яниле, которая, как Бабсак может предположить, после его смерти достается убийце.

Если бы герой был ориентирован на коллективную славу национального богатырства, он не допустил бы своей гибели, потому что такая гибель наносит ущерб общей репутации (например, будучи совершенным на пиру у князя Владимира, подобное преступление означало бы позор, «не честь-хвалу», для всех киевских богатырей).

Для героев татарского эпоса «Идегей» слава-молва — тоже главная ценность. Красноречивый Джанбай получает следующее характерное предложение от Нурадына:

Если хвалебную песнь в честь меня
Хитроумный Джанбай, ты споешь,
Я в живых оставлю тебя,
Я не обезглавлю тебя.
Если ж себя восхвалять начнешь,
Я тебя, нечестивца, убью⁶⁸⁹.

⁶⁸⁷ Урал-батыр // Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. — Уфа : Башкир. книжн. изд-во, 1987. — С. 94.

⁶⁸⁸ Кусяк-бий // Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. — Уфа : Башкирск. книжн. изд-во, 1987. — С. 479.

⁶⁸⁹ Идегей : татарский народный эпос. — Казань : Татарск. книжн. изд-во, 1990. — С. 182–183.

Персонажам татарского эпоса известны любопытные способы распространить молву о самих себе — за счет приобщения к чужой славе. Например, Кадырберды, сын Тохтамыша, сначала пытается Нурадына, усаживая его на стул с гвоздями, а затем, убедившись в том, что последний стойко претерпевает мучения, отпускает героя. Кадырберды понимает, что Нурадын своей нечеловеческой стойкостью уже обеспечил себе бессмертную славу — и поэтому лишает героя возможности умереть и «забрать» всю славу с собой в могилу. В этой ситуации сын Тохтамыша совершает неслыханный, почти противоестественный для восточного правителя (и потому достойный молвы) поступок: он отпускает своего заклятого врага на свободу, рассчитывая на то, что молва распространится теперь не только о стойкости Нурадына, но и о том, что Кадырберды оценил его нечеловеческое мужество.

Несколько иными средствами распространяет славу о самом себе протагонист бурятского эпоса «Абай Гэсэр». Он тоже отпускает на свободу своих побежденных врагов, трех шарбалинских ханов. Но предварительно подвергает их процедуре изощренного бесчестия, которое призвано породить изумление в народе и распространить молву о своем инициаторе:

Зачем же я стану издеваться над ханами?
И с широких спин трех шарбалинских ханов
ремни вырезал, с их боков ремешки вырезал,
с их полных холеных щек подошвы для унтов вырезал
и трижды их силы уменьшил⁶⁹⁰.

Слава, впрочем, может представлять и опасность для того, кто ей обладает. В эвенкийском нимнгакане о храбром Содани-богатыре сестра предупреждает своего отважного брата следующим образом:

Если наше имя сильно прославится
Наша слава распространится,
То придут еще неведомые чужеземцы⁶⁹¹.

⁶⁹⁰ Абай Гэсэр. — Улан-Удэ: Бурят. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. — С. 149.

⁶⁹¹ Храбрый Содани-богатырь // Эвенкийские героические сказания: Храбрый Содани-богатырь, Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 141.

И действительно, вскоре является великан из «нижнего мира», который требует сестру протагониста себе в жены, а самого Содани побеждает. Такое же — специфическое — понимание личной славы как угрозы для жизни эпического героя находим в песне о всесильном богатыре Дэвэлчене. «Небесная девушка» предупреждает его:

...Ваше имя
Прогремело в трех мирах,
Еще дальше распространилась
Ваша богатырская слава.
Поэтому чужих миров
Сильные атаманы,
Хитрые, как уходящая туча,
Коварные, как убегающая туча,
Приблизившись,
Вам угрожают⁶⁹².

Как можно видеть, концепт славы прямо противоположен здесь представлениям русского былинного певца об этой аксиологической категории.

Жажда славы, которую обеспечивает обладание уникальным, драгоценным имуществом движет и героями карельских рун. Так, Вяйнямейнен использует свою мудрость и колдовские силы исключительно в личных интересах: он рассчитывает обладать и мельницей Сампо, и прекрасной девой из Похьелы (чего невозможно достичь без обмана, потому что первое является той ценой, которую необходимо заплатить за владение вторым). Однако мельница и красавица нужны герою не для того, чтобы молоть муку и соль, и не потому, что он влюблен. Для распространения личной славы важен сам факт обладания некой ценностью, полученной в борьбе с необычными соперниками (с «хозяйкой Похьелы», с Ильмариненом). Показательно, что в отсутствие других песнослагателей Вяйнямейнену приходится самому распространять славу о своих деяниях и походах. Так, он охотно рассказывает о тех любовных подвигах, которые совершил на острове, а вернувшись из страны мертвых Туонелы, хвастает на пиру: «Многие туда уходят, / Да вернувшихся немного / Из покоев Туони мрачных»⁶⁹³.

⁶⁹² Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде // Эвенкийские героические сказания : Храбрый Содани-богатырь, Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. — Новосибирск : Наука, 1990. — С. 247.

⁶⁹³ Рода нашего напевы : избранные песни рунопевческого рода Перттуненов. — Петрозаводск : Карелия, 1985. — С. 47.

Русский эпический концепт личной славы

В русском эпосе представления о «честь-хвале», «выслуге богатырской» принципиально отличаются от описанного выше концепта личной славы, оставшегося по сути своей языческим: последний систематически девальвируется в былинах, утверждающих в ценностном центре слушателя уникальную идею коллективной славы русского богатырства.

Чем сильнее гремит во всем мире слава о киевских витязях, тем меньше у иноземных властителей желания отправиться на Русь с набегом или завоевательным походом. О. Ф. Миллер первым из исследователей национального эпоса заметил, что Илья Муромец стремится не к личной славе, но заботится о поддержании славы «вообще про богатырей, и то для того лишь, чтобы такая общая слава о богатырстве удерживала насильников от вторжения в Землю Русскую»⁶⁹⁴.

В былине об Илье Муромце и Калине, пропетой А. М. Крюковой, русский богатырь отказывается от наград и боярского титула под предлогом того, что избегает земной, прижизненной и «сусветной» — то есть, по В. И. Далю, «всесветной, общей, повсюдной, повсеместной»⁶⁹⁵ — славы:

Мне ненадобно на сём свети слава сосьветная...⁶⁹⁶

Отказ от подвигов, обеспечивающих личную славу и наносящих ущерб коллективной репутации русского богатырства, — верная примета былинного героя. Так, молодой Дюк Степанович по дороге в Киев обнаруживает Илью Муромца и Добрыню Никитича спящими в шатре и понимает, что не может проехать мимо погруженных в сон сторожей русской земли — и тем самым выставить их на посмешище:

Я проеду русских могучих богатырей
Им за преку будет за великую
За досаду будет за немалую⁶⁹⁷.

⁶⁹⁴ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское : Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. — СПб. : Тип. Н. Н. Михайлова, 1869. — С. 802.

⁶⁹⁵ Сусветный / Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/361442>

⁶⁹⁶ Илья Муромец и Калин: [Былина] № 2 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 47.

⁶⁹⁷ Дюк Степанович: [Былина] № 31 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864. — С. 179.

Напротив, общеэпический герой, убив за один раз двух сильнейших богатырей былинного Киева (и тем самым «похитив» их славу), гарантировал бы себе бессмертие в памяти потомков. Сопоставимым образом поступают, например, Одиссей в пещере Полифема, убийцы Сигурда в «Старшей Эдде», Игъялд-конунг в «Круге земном» Снорри Стурлусона, Гудред, сын Харальда Серого Плаща в исландской «Саге о Ньяле», герой татарского эпоса Идегей, убивающий спящего в шатре Альпа, а также калмыцкий батыр Мингйан, расправляющийся со спящим ханом Кюрменом. Дюк, однако, ищет не личной славы, он хочет стать членом прославленного сообщества русских богатырей — и потому с риском для жизни будит Илью и Добрыню.

Ярко выраженная девальвация личной славы как аксиологической категории происходит в ценностном центре протагониста (и слушателя) былины про Алешу Поповича и Змея Тугарина. Сразив Змеевича, юный богатырь не выдерживает испытания победой, он поддается искушению тщеславием: совершив подвиг ради общей «чести-хвалы» киевского богатырства и получив от Бога силу, необходимую для такого подвига, герой пытается присвоить добычу, записать славу победителя на свой «личный счет». Именно с этой целью он облачается в драгоценный доспех поверженного врага — чтобы все вокруг видели, кто именно сразил непобедимого Тугарина, перед которым трепетал сам князь Владимир.

Однако надев иноземное «платье цветное», Алеша принимает и систему ценностей общеэпического — а по сути, языческого — героя. В глазах сладострастной Апраксии он становится вторым Тугариным (княгиня принимает русского богатыря за своего фаворита и любит его им⁶⁹⁸), но для побратима (Екима Ивановича) Попович в тот же миг превращается в «чужого» — и, как следствие, едва не погибает. Попытка увеличить личную славу, въехав в Киев в трофейном доспехе и верхом на трофейном коне, с отрубленной головой великана на острие копья, — классический триумф общеэпического героя — в былине оборачивается бесславием: паробок Еким принимает победителя за татарина и одним ударом выбивает его из седла.

Обесценивание личной славы, на стяжание которой изначально направлен персонаж, происходит и в былинах о Садко. Протагонист этих новгородских эпических песен болезненно переносит бесчестие (его перестали звать на «почестные пиры»); желание

⁶⁹⁸ См., например: Алеша Попович и Тугарин: [Былина] № II/29 // Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропеч. А. А. Левенсона, 1894. — С. 100.

славы и превосходства над обидчиками толкает его на договор с Морским царем. Не золото нужно герою, но победа в споре с целым городом; однако гуслир попадает в роковую зависимость от властителя Подводного царства, и теперь, чтобы освободиться, ему необходимо смирить гордыню и претерпеть бесчестие: выбрать из сотен прекрасных дочерей своего нового господина самую некрасивую, «нечистую» — «девку-чернавку» (которая в некоторых вариантах названа даже «шелудивкой»).

В былине «Саул Леванидович» отец юного Костентинушки Саульевича, выручая сына из плена, куда тот попал по хитрому замыслу жителей Углича, недоумевает, каким образом последние могли не знать о том, что перед ними богатырь, победивший самого Кунгура-царя:

...он прежде того
Немало у Кунгура-царя || силы порубил,
Можно за то вам его благодарити и пожаловати,
А вы ево назвали вором-разбойником...⁶⁹⁹

Объяснение заключается в следующем: Костентинушка не единым словом не обмолвился угличанам о том, что именно он победил Кунгура и разогнал войско «полувецкое». Ничто во внешности героя не указывает на этот подвиг: ни одного трофея (вражеского знамени, отъятого у Кунгура оружия, наконец, отрубленной головы самого Кунгура) юноша не присвоил, — и, следовательно, в его планах не было распространить славу-молву о себе.

Аксиологический анализ былин показывает, что личная слава воспринимается русским эпическим сознанием как первоочередная по значимости проблема. Былинные герои либо подчиняют свои действия этой ценностной категории и расплачиваются за такой выбор потерей силы (Алеша Попович), свободы (Михайло Потык, Ставер Годинович, Иван Годинович, Садко) или даже жизни (Дунай Иванович, Василий Буслаев), либо — принимают миссию служения общей, коллективной славе русского богатырства, что влечет для сделавших такой выбор совершенно иные, положительные последствия.

Единственным исключением из указанного правила является сюжет о Волхе Всеславовиче. Этот герой с детства претендует на

⁶⁹⁹ Царь Саул Леванидович («Царь Саул Леванидович поехал за море синяя...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 139.

славу — и добивается ее, завладев чужим царством и чужой женой, а также проявив удивительную жестокость по отношению к жителям захваченного им города.

В детстве Волх обещает матери убить змея, овладевшего ею насильно, что привело к зачатию самого героя:

Провещилось чадо, проговорилось:
«Уж ты гой еси, матушка родимая!
Не дам я тебя змею во обиду.
Когда я буду на возрасте,
На возрасте — пятнадцать лет,
Уж ты скуй мне палицу во сто пуд;
Когда эта палица легка покажется,
Уж скуй матушка в полтора пуд;
Тогда-то я матушка буду со змеем воевать:
Я заеду-то к нему в пещерички змеиные
Сниму ему буйную головушку
Подниму его головушку на острый кол
Поднесу его головушку к твоему дворцу»⁷⁰⁰.

В ценностном плане это заявление Волха сводится к утверждению личной чести и личной славы в качестве начал, более важных, чем его собственная жизнь. Налицо классическая мотивация общеэпического героя, стремящегося отомстить виновнику своего бесчестия и бесславия. Бесчестие заключается в том, что Волх, будучи незаконнорожденным, не имеет возможности унаследовать имущество отца (в том числе, дружину). Бесславие (позор) героя обусловлено распространением молвы о его удивительном рождении (связь матери Волха со змеем). Поэтому Волх должен убить змея, нанесшего ущерб его родовой чести (которая есть элемент чести личной). Только кровавый трофей (голова на «остром колу») сможет вызвать распространение молвы о подвиге, — молвы, компенсирующей личное бесславие протагониста.

В момент, когда герой заявляет о своих планах (которые, повторим, свидетельствуют о предпочтении им ценностей личной славы и личной чести) слушателю неизвестно о возможных альтернативных сценариях, связанных с конкурирующими в ценностном центре героя аксиологическими категориями. Певец намекает на альтернативную ценность страдающего человека («Не дам я тебя

⁷⁰⁰ Цит по: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 13.

змею в обиду»), однако в сюжетном плане мотивировка героя как защитника страдающей «матушки родимой» не поддерживается: матери Волха никто больше не угрожает, сам же герой покидает дом вовсе не для того, чтобы предупредить очередное нападение змея.

На возможность альтернативных поведенческих моделей, ориентированных на иные ценности, указывает также реакция матери Волха при его рождении:

Тут ведь матушка родима ужахнуласе⁷⁰¹.

Мотивировка персонажа дана более развернуто в творчестве М. С. Крюковой:

Тут ведь и матушка родима ужахнуласе,
Ужахнуласе и была да й испугаласе:
«Ето шьто тако за чудо чудноё,
Ето шьто тако за диво дивноё?
На веку да я да не слыхала же,
Шьто молё дитя так говорило-то!
Ето како будёт да чудовишшо-то,
Чародей ли будёт да окоянной-от,
Погублять народ будет он, пожирать его?»⁷⁰²

Как правило, мы не включаем в поле нашего ценностного анализа тексты, записанные от М. С. Крюковой, однако в рассматриваемом случае такая запись может представлять интерес как пример оценивающей позиции, данной представителем крестьянской аудитории. Аксиологической доминанте ценностного центра главного героя здесь противопоставлена ценность страдающего человека (ведь планы Волха, в понимании его матушки, несут страдания людям).

У Кирши Данилова поется, что поход Волха является своего рода «упреждающим ударом»:

Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:

⁷⁰¹ Волх Святославьевич (Всеславьевич): [Былина] № 51 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Була-нин, 2002. — С. 216.

⁷⁰² Цит. по: *Jacobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Memoirs of the American Folklore Society. Vol. 42. Russian Epic Studies. — Philadelphia : American Folklore Society, 1949. — P. 26.*

Индейской царь нарежается,
А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри розарить⁷⁰³.

Однако Ф. М. Селиванов, по-видимому, справедливо полагал, что певцам нужно было обосновать для самих себя «необходимость нападения на чужое царство», потому что в противном случае «прославление захватнического похода князя с дружиной вступало в противоречие с идеологией воинского эпоса Киевской Руси»⁷⁰⁴. Е. М. Мелетинский также указывает, что «мотив угрозы Киеву со стороны индийского царя, скорее всего, позднее добавлен под влиянием других былин»⁷⁰⁵. О том, что эта мотивировка является попыткой певца оправдать в собственных глазах (и в глазах своей аудитории) поход Волха, свидетельствует следующее:

Во-первых, в записи сохранилась прямая связь между решением индийского царя о начале похода и распространением славы о Волхе, т. е. слава героя изначально является для первого угрозой, требующей неотложных мер. Таким образом, отнюдь не желание разорить Киев, осквернить его церкви и монастыри оказывается изначальной мотивацией индийского царя (эта мотивация заимствована, по-видимому, из былин о Калине), но уверенность в том, что столь славный богатырь, стремящийся к личной славе и к получению богатой добычи, представляет собой потенциальную — но более чем серьезную — угрозу. Именно так поется в былине, записанной от А. М. Крюковой, в которой молва о Волхе побуждает индийского царя озаботится обороной своего города:

Докатилась-то, дошла слава великая
До тово ли до Иньдейска славна города,
До тово ли до царя, царя Иньдейсково.
Говорил-то ведь тут да царь Иньдейския:
«Нам ведь надоть наладить оружья-ти всё военные,
Приготовить надоть нам ведь всё стрелы калёныя,

⁷⁰³ Волх (В)сеславьевич («По саду, саду, по зеленому...») // Древние Русские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 33.

⁷⁰⁴ Селиванов Ф. М. Русский эпос. — М.: Высшая школа, 1988. — С. 41.

⁷⁰⁵ Мелетинский Е. М. О былинных мотивах // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. — С. 338.

Ай не подошел шьтоб под нас богатырь-от пресильния,
Ише сильней-от, могуцёй Святославъевич»⁷⁰⁶.

Во-вторых, подтверждением того, что поход Волха изначально имел завоевательный и хищнический характер, является следующий факт: согласно всем вариантам былины, главный герой после победы не возвращается на родину (и в частности, не привозит захваченную добычу князю Владимиру), но остается править в чужой земле, т. е. по сути перестает быть русским богатырем и становится иноземным властителем.

Если предположить, что Волх заботится о защите Руси, то, победив Турец-санталя, он должен вернуться в Киев и служить князю Владимиру. Однако защита Руси не требует от Волха убивать иноземного царя (достаточно наложить на него дань в пользу Киева), и уж тем более не предполагает овладения иноземной царницей. Между тем именно царевубийство, добывание чужой жены и узурпация власти нужны герою, ориентированному на ценности личной славы и личной чести:

И тут Вольх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну...⁷⁰⁷

Волх остается самовольно править в чужой земле именно потому, что после захвата Индийского царства «счет» его личной чести становится выше, чем на службе у прежнего сюзерена, князя Владимира. В этой ситуации для языческого героя — каким и оказывается Волх — отказ от трона и возвращение в Киев суть бесчестие и, соответственно, бесславие.

Попытка автора былины из сборника Кирши Данилова трактовать поход Волха как необходимую меру для предупреждения вражеского нашествия свидетельствует о том, что в противном случае — в понимании певца — подобный поход являлся бы незаконным, преступным. Это подразумевает, что ценностный центр сказителя ориентирован на следующие ценности: а) ценность чести «внешней» по отношению к герою институции — законной власти, а также б) ценность страдающего человека (индийского царя, не сделавшего Волху никакого зла и не успевшего причинить

⁷⁰⁶ Волх Святославъевич (Всеславъевич): [Былина] № 51 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 217.

⁷⁰⁷ Волх (В)сеславъевич («По саду, саду, по зеленому...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 36.

никакого ущерба Руси — в отличие, например, от действительных агрессоров: Калина, Кудреванко, Скурлата, Батыги, трех королевичей, братьев Ливиков и др.; сострадание у эпической аудитории не могли также не вызывать мирные жители Индийского царства, казненные Волхом).

Последствием похода, совершенного протагонистом и его дружиной, становится распространение личной славы первого (молва о небывалой «хитрости»/«премудрости», позволившей Волху захватить неприступный город). Распространению молвы способствует также весть об удивительно щедром одаривании предводителем своей дружины — как до взятия города («шубы переменная», «ества переменная»⁷⁰⁸), так и после — притом что реальный вклад дружины в победу является весьма малым в сравнении с вкладом самого Волха.

Итак, вся без исключения активность протагониста ориентирована на ценности личной славы и личной чести и приводит к благоприятным для него последствиям. Динамика мотивирующих героя ценностей такова: возрастает ценность личной чести и личной славы, а также укрепляется «курс» инструментальных аксиологических категорий: колдовской силы и героического гнева, вызванного личным бесчестьем и личным бесславием.

Подобная позитивная динамика ценностей «ветхого человека» в русском эпосе встречается крайне редко и характерна только для двух былин («Василий Буслаев и новгородцы», «Садко — богатый гость»), каждая из которых является первой частью эпического диптиха. Если в открывающей диптих песне герой, мотивированный ценностями личной чести и(или) личной славы, достигает успеха (Василий побеждает новгородцев, а Садко торжествует в споре с Новгородом), то во второй части наступают крайне неблагоприятные для протагониста последствия (Василий погибает, тогда как Садко утрачивает свободу и только с большим трудом возвращается в мир людей, причем условием его возвращения становится отказ гусяря от ценностей личной чести и личной славы). Отмеченное сходство аксиомативной схемы быliny о Волхе с первой частью диптихов о Василии Буслаеве и Садко — рассмотренных также с точки зрения их аксиомативной организации — позволяет сделать предположение о том, что известный нам сюжет про премудрого Змеевича, князя-оборотня, захватившего власть в чужой стране, является только первой частью исторически существовавшего диптиха.

⁷⁰⁸ Волх (В)сеславьевич («По саду, саду, по зеленому...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 34.

В пользу этого предположения говорит и тот факт, что исполнение сюжета о рождении, охоте и воцарении Волха очень редко практиковалось эпическими певцами. Показательно также наблюдение В. Я. Проппа о том, что крестьяне исполняли эту былинку как бы неохотно, не до конца, избегая, в частности, петь о завоевательном походе героя и о его жестокостях⁷⁰⁹.

Логично предположить, что русскому эпическому сознанию противоречило возвеличивание персонажа, систематически совершающего поступки, которые не соответствуют этическому кодексу «чести-хвалы богатырской». При этом образ Волха не только противоположен христианскому идеалу богатыря, но даже и языческому идеалу воина соответствует не вполне. В частности, Волх:

- не сдерживает данного в младенчестве обещания отомстить Змею (никаких признаков того, что индийский царь есть на самом деле Змей, отец героя, в былинке обнаружить категорически невозможно);

- изменяет богатырскому поприщу ради колдовства (истребовав для себя еще в младенчестве богатырскую палицу, герой ей ни разу не воспользуется впоследствии);

- побеждает соперника бесчестно, прибегая не только к магии, но также к тайной порче вражеского оружия;

- убивает безоружного иноземного царя, не успевшего сделать никакого зла ни самому герою, ни его отечеству;

- перестает служить своей стране и превращается в иноземного властителя;

- не чтит институт законного брака;

- лишен сострадания к жителям захваченного города.

Уникальность былины о Волхе, ее исключительность и решительное отличие от всех других русских эпических песен заключается в следующем: несмотря на то что герой поступает вопреки представлениям сказителей о «чести-хвале богатырской», он добивается всех своих целей — и после этого не погибает, как Василий Буслаев, и не вразумляется (отказываясь от личной славы и личной чести), как Садко. Впрочем, песнь о Волхе предстает перед нами в качестве единственного в своем роде исключения из общего правила именно в том случае, если мы рассматриваем эту былинку как самостоятельное произведение (неслучайно, например, еще К. С. Аксаков противопоставлял прочим русским героическим песням предание о Волхе как рассказ о древнем чародее, который

⁷⁰⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. — С. 75.

«стоит совершенно одиноко меж всеми богатырями»⁷¹⁰). Однако, если рассматривать эту эпическую песню как первую часть диптиха, становится очевидным ее сходство с первыми частями других эпических диптихов, упомянутых выше.

Предположение ряда ученых — в частности, Б. А. Рыбакова⁷¹¹ и В. П. Аникина⁷¹² — о том, что в былине о Волхе воспевается идеал воина и властителя, не подтверждается результатами аксиологического анализа. Для всех былин, за исключением рассматриваемой, действует закон, связывающий мотивирующие героя ценности с последствиями его поступков: русское эпическое сознание последовательно девальвирует ценности «ветхого человека», в том числе личную славу и личную честь. В связи с этим успех Волха следует трактовать как временный триумф антигероя, которого впоследствии ждет неизбежное наказание.

Учитывая, что в образе Волха идеи личной чести и личной славы — а также «заплывчивого» богатырского сердца, дерзающего на любые преступления ради ценностей «ветхого человека», — достигают своего апофеоза, неудивительно, что русское эпическое сознание «вычеркивает» этого героя из перечня национальных богатырей, — он превращается в иноземного властителя, одного из многих опасных соседей князя Владимира. Не исключено, что вторая часть диптиха — песня о гибели иноземного царя-колдуна — была «поглощена» каким-либо из известных нам сюжетов, в котором имя Волха народная память не сохранила (по той, может быть, причине, что в конце своей жизни протагонист вполне превратился в Змеевича и уже очень мало напоминал прежнего юного героя, встретившегося на пути Микулы Селяниновича).

Элемент личной славы: обладание чужой или знаменитой красавицей по ее согласию

Слагаемыми личной славы общеэпического героя может быть молва об его удивительном подвиге (подтверждением чему в ряде случаев является трофей — доспехи Гектора, рука, оторванная Беовульфом у Гренделя, и т. д.), а также о нарушении запрета,

⁷¹⁰ Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими // Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М.: Тип. П. Бахметева, 1861. — С. 403.

⁷¹¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — С. 98.

⁷¹² Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — С. 236–238.

положенного простым смертным, о победе удивительным способом при помощи колдовства, об особенной, небывалой жестокости в отношении врагов, о присвоении имущества, ценность которого является легендарной и потому такое имущество (золото дракона и т. п.) уже как бы утрачивает свой материальный статус, то есть не может быть растрчено или обменено на что-либо. Объем настоящего исследования не позволяет нам подробно рассмотреть вопрос о том, насколько ценится в русских былинах — сравнительно с эпической поэзией, созданной другими народами, — каждый из этих элементов личной славы. Поэтому ниже мы помещаем результаты аксиологического анализа эпических памятников лишь в отношении одного из таких слагаемых — речь пойдет о ценности обладания знаменитой красавицей по ее согласию.

*Ценность обладания чужой красавицей
по ее согласию в мировой эпической поэзии*

Любовь красавицы — если не высшая, то одна из высших ценностей для гомеровского героя. Выбирая между властью, славой/ мудростью и любовью самой красивой женщины в мире, Парис предпочитает дар Афродиты. И неслучайно Елена оказывается несвободна: слава мужа, обладающего первой красавицей, велика, однако еще больше слава того, кого эта красавица добровольно предпочтет всем остальным, включая законного супруга. Тем значительнее в глазах Гомера (см. выше) ценность Пенелопы, которая хранит верность своему мужу, даже не имея от него вестей в течение многих лет.

Любовь прекрасной женщины в мире «Саги о Волсунгах» — высочайшая ценность. Поэтому мудрая Брюнхильд предупреждает Сигурда: «не поддайся путам прекрасных жен, которых на пиршествах видишь, чтоб не лишился ты сна и не впал в тоску»⁷¹³. Герой, плененный красотой чужой супруги, «впадет в тоску», если не сможет ею обладать, и уже ничто в мире не заменит ему желанной: ни радость побед, ни дары конунга, ни вино.

В «Старшей Эдде» («Речи Высокого») содержится совет воздерживаться от тайной связи с чужой женой — из чувства самосохранения. Чужая жена упоминается в одном ряду с прочими опасностями:

⁷¹³ Сага о Волсунгах. — М. — Л. : Academia, 1934. — С. 166.

...пиву не верь
и хитрому вору,
не доверяй
и жене другого⁷¹⁴.

Все эти предостережения доказывают — от обратного — великую ценность чужой жены для общеэпического героя. Только подлинно бесстрашный мужчина, не опасющийся «рун коварных» (т. е. порчи), мести обманутого супруга и предательства самой красавицы, достоин обладать столь ценным «имуществом».

Однако в аксиологической системе многих эпосов любовь красавицы не является предельной ценностью. В отличие от протагониста византийского любовного или западноевропейского куртуазного романа — а также от лирического героя поэзии трубадуров — общеэпический актер ценит красавицу не саму по себе, но лишь как средство стяжать славу-молву ее обладателя. Подразумевается, что любой другой воин (пахлаван, конунг, джигит, батыр) мечтает отобрать прекрасную возлюбленную. В большинстве случаев ее отбирают силой или похищают, однако в некоторых эпосах соблазнитель предпочитает овладеть чужой женой с ее согласия. Например, Сигурд предлагает свою любовь Брюнхильд, которая уже выдана за Гуннара; Нектанеб в «Повести о рождении и победах Александра Македонского», обманом выдав себя за божество, добивается добровольных ласк Олимпиады, жены македонского царя Филиппа⁷¹⁵; а в алтайском народном эпосе «Алтай-Бучай» два хана-близнеца Арнай и Чарнай подговаривают сестру и жену Алтай-Бучана опоить богатыря, после чего ослепляют последнего и уводят его женщин (с их согласия), а также его людей и скот в свои края.

Если супругу удастся в течение длительного времени удерживать прекраснейшую женщину при себе, это свидетельствует о его превосходстве над соперниками: он подтверждает право достойнейшего из мужей. Неслучайно герой ирландского эпоса Конхобар, услышав о том, что новорожденная Дейдрэ будет желанной для каждого улада и потому принесет раздоры и кровь, немедленно принимает решение оставить младенца за собой:

⁷¹⁴ Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит.-ра, 1975. — С. 201.

⁷¹⁵ Повесть о рождении и победах Александра Великого. — СПб. : Азбука—классика, 2006. — С. 33.

Знайте ж: много за эту девушку
Будет крови пролито в Уладе.
<...>
К ней короли будут свататься,
За нее бойцы свою жизнь отдадут.
Королевы будут завидовать ей,
Совершенством будет краса ее.
<...>
О Дейдрре, хоть тесна будет могила твоя,
Будет память о тебе долгою⁷¹⁶.

Конхобар не страшится того, что Дейдрре может стать причиной его гибели; ему важно стяжать славу того, кто обладает славнейшей из жен:

— Смерть этой девочке! — воскликнули улады.
— Нет! — сказал Конхобар. — Отнесите ее завтра ко мне.
Она будет воспитана, как я прикажу, и, когда вырастет, станет моей женой⁷¹⁷.

Однако Конхобару не удастся удержать красавицу: она влюбляется в Найси. Молодой герой получает особенную славу — именно потому, что похитил чужую жену по ее собственной воле. Красавица предлагает себя Найси следующим образом:

Позор и насмешка на твои уши,
если ты не уведешь меня с собой!⁷¹⁸

Итак, если Найси откажется от такой ценности, как первая красавица племени, его упрекнут в трусости. Соответственно, героя мотивирует отнюдь не тот факт, что Дейдрре влюблена в него; любовь здесь оказывается лишь средством, позволяющим достичь предельной ценности — личной бессмертной славы (а точнее, избежать бесславия).

И все же общеэпический герой чаще берет чужую женщину силой, а не с ее согласия, — однако не потому, что личная честь могучего насильника ценится выше, чем слава соблазнителя. При-

⁷¹⁶ Изгнание сыновей Уснеха // Ирландские саги. — Л. — М. : Academia, 1933. — С. 62–63.

⁷¹⁷ Ibid. С. 63–64.

⁷¹⁸ Ibid. С. 65.

чина в том, что концепт свободной любви красавицы — концепт, доминирующий в аксиологической системе западной куртуазной литературы, включая средневековый рыцарский роман и поэзию трубадуров, — нехарактерен для целого ряда национальных эпосов. Это не значит, что указанный концепт недооценен или мыслится в качестве «антиценности»; правильнее будет сказать, что он как будто не существует вовсе. Эпическое сознание очень часто не предполагает, что женщина способна любить по своей воле, она мыслится как своеобразное «одушевленное имущество» — почти что римский *instrumentum vocale*, — которое «обязано» любить того, кто ею обладает, — при том, впрочем, условии, что супруги равны по чести. Если герой добыл красавицу, пусть даже чужую жену, это автоматически означает, что ей придется полюбить своего нового господина — в том смысле, который доступен пониманию эпического певца и его аудитории.

Ярким исключением из общего правила является византийский эпос. Певец «Дигениса Акрита» не только вполне осознает ту цену, которую имеет для «ветхого человека» любовь красавицы и прелюбодейная связь, но и активно противостоит ей, предлагая своему слушателю концепт «вечной любви» между супругами в качестве абсолютной ценности. В этом смысле неудивительно, что и греческий рыцарский роман XII–XIV вв. (которому отнюдь не чуждо любование обнаженным женским телом, описание чувственных ласк и т. п.) тем не менее отрицает адюльтер и воспекает эротическое влечение при обязательном условии «вечной» взаимной любви между мужем и женой.

В византийском эпосе идее о том, что обладание «чужой» женой является ценностью, противостоит негативный концепт прелюбодеяния как греха или — и даже в большей мере — как своего рода болезни, пагубной страсти, обесценивающей «вечную» любовь супругов. Дигенис Акрит изменяет своей нежно любимой жене и тяжело переживает грех прелюбодеяния (он вступает в связь с прекрасной богатыркой Максимо, которая явилась ему в одной тунике, не скрывавшей ее наготы, «и руку правую ... поцеловала нежно», отчего в душе героя «разгораться начало ... желанья пламя»⁷¹⁹). Дигенис, пытаясь победить соблазн, напоминает самому себе слова из ветхозаветной «Книги Притчей Соломоновых»:

Старался всеми силами порока я избежать
И уговаривал себя и обвинял нещадно:

⁷¹⁹ Дигенис Акрит. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — С. 106.

«Проклятый, что стремишься ты к чужому достоянью,
Владея чистым родником, от всех других укрытым?»...⁷²⁰

(Ср.: «Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя. / Пусть [не] разливаются источники твои по улице, потоки вод — по площадям; / пусть они будут принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою. / Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей, любезною ланью и прекрасною серною: груди ее да уповают тебя во всякое время, любовью ее услаждайся постоянно. / И для чего тебе, сын мой, увлекаться постороннею и обнимать груди чужой?» [Притч. 5: 15–20]). Богатырю, впрочем, так и не удастся справиться со страстным влечением; в результате, уязвленный унижением от блуда и от того, что ему приходится врать жене, Дигенис убивает Максимо, которую он называет *μοιχεία* — «прелюбодейкой» (у Дж. Маврогордато⁷²¹), «распутницей» (в переводе А. Я. Сыркина⁷²²).

В понимании героя, когда Максимо под предлогом ранения в руку сняла свой доспех и частично обнажилась, она таким образом сама как бы «ранила» богатыря: «прекрасна Максимо была и ранила мне душу...»⁷²³. Дигенис сокрушается, что, победив девушку в поединке, он сжалился над ней и оставил ее в живых, тогда как она «в ответ» убила его духовно.

Концепт «духовного убийства» (посредством блуда, прелюбодеяния) был унаследован русским эпическим сознанием — в частности, подобное отношение к телесной близости помогает современному исследователю понять, отчего Маринке так важно, чтобы Добрыня согрешил с ней прежде, чем он покинет ее терем (ведь в таком случае герой потеряет богатырскую силу и окажется во власти колдуньи). И по этой же причине Садко, чтобы освободиться из плена в Подводном царстве, необходимо воздержаться от блуда с дочерью Морского царя.

Впрочем, в самом византийском эпосе блуд и прелюбодеяние не лишают героя богатырской силы и не угрожает ему гибелью (тот же Дигенис, овладев дочерью Аплорравда, а затем девой-воительницей Максимо, не испытывает на себе действия духовных законов, требующих наказания за совершенный грех).

⁷²⁰ Ibid. С. 106.

⁷²¹ Комментарии // Дигенис Акрит. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — С. 210.

⁷²² Дигенис Акрит. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — С. 107.

⁷²³ Ibid. С. 105.

Однако в понимании русского эпического певца подобное наказание неотвратимо: так, Илья теряет свою богатырскую силу после связи с женой Святогора, а его выросший сын, прижитый в блуде и воспитанный в «вере поганой» — Сокольник, — едва не лишает жизни самого богатыря. Греховные помыслы, страстное желание делают Добрыню Никитича уязвимым для любовной магии Маринки Потравницы, тогда как блудная связь с Лебедью Белой, совершившаяся прежде брака, лишает Михайло Потыка духовной силы, свободы и чести: он отказывается даже от богатырской миссии и жлет собственному князю.

Добавим, что в сербском эпосе жена, добровольно совершившая прелюбодеяние, непременно подвергается наказанию — в отличие от супруги похищенной или изнасилованной. Так, Банович Страхиня прощает свою жену, ставшую жертвой похитителя (Влаха Алии), несмотря на то что красавица, будучи запугана турком, приняла сторону последнего в его схватке со Страхиной. При этом важно, что жена Страхины не влюблена во Влаха — в отличие, например, от Видосавы, коварной супруги Момчилы, погубившей своего мужа, чтобы отдаться королю Вукашину. Слушатели второй песни наблюдают закономерный конец жены-прелюбодейки; Вукашин, ошеломленный ее коварством, отдает приказ слугам, после которого:

Те схватили суку Видосаву,
Ко хвостам коней ее вязали...⁷²⁴

Девальвируя ценность и значение супружеской измены, русская былина — подобно византийской и сербской эпической поэзии — в идеологическом плане противостоит не языческому этосу, отразившемуся в героических песнях соседних народов, но ценностям западноевропейской куртуазной литературы. Это, в частности, позволяет предположить, что былинные варианты, в которых Тугарин выступает в роли любовника-соблазнителя, могут быть более поздними по сравнению с теми разночтениями, где Змеевич ведет себя как насильник.

⁷²⁴ Жени́тба краля Вукашина // Сербский эпос. — М. — Л. : Academia, 1933. — С. 319.

*Русский эпический концепт
обладания чужой красавицей по ее согласию*

В былинах супружеская измена — очень распространенное явление. Герой может вступать в связь с чужой женой (суженой) по ее доброй воле (Чурила и Катерина, Дунай и Настасья Семеновна), добиваться ее согласия обманным путем (Алеша Попович и жена Добрыни) или же подвергнуться воздействию соблазнительницы. В последнем случае усилия красавицы могут завершиться успехом (Илья Муромец и жена Святогора) или оказаться тщетными (Добрыня и Змея, Садко и дочери Морского царя, глава переходных калик Касьян и княгиня Апраксия).

В ряде случаев герой становится жертвой измены: жена либо добровольно бежит с любовником (Лебедь Белая от Михайло Потыка), либо «привыкает» к похитителю и отказывается возвращаться к законному мужу (царица Соломанида).

Если Змей Тугарин обретает славу, соблазнив жену самого киевского князя, то для другого былинного прелюбодея — Чурилы Пленковича — условием распространения славы являются его многочисленные и частые любовные победы. В первом случае антагонист, явившись на пир, производит чарующее воздействие на одну только княгиню Апраксию (отчего она «порезала руку белую», заглядевшись «на молода Тугарина Змиевича»); Чурила же буквально заставляет влюбиться в себя многих представительниц прекрасного пола, включая ту же княгиню:

Премладое Чурило сын Пленкович
Улицами идет, переулками,
Желтыми кудрями все потряхивает:
Желтые-то кудри рассыпаются,
Как скачен жемчуг раскатается.
Смотрючись на красоту Чурилову,
Старицы по кельям опакишь дерут
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Молодые молодницы в голенище...
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Красные девки очелья дерут.
Смотрючись на красоту Чурилову,
Премладая-та княгиня Апраксия
Говорила князю Владимиру:
«Свет государь ты Владимир-князь!
Премладому Чуриле сыну Пленковичу

Не на этой ему службе быть;
Да быть ему в постельниках»⁷²⁵.

Демонстрация эффекта, производимого красотой Чурилы на «девушек, молодухек и стариц», не оставляет слушателю возможности для любования, а воспринимающему традицию певцу — для какой бы то ни было эстетизации блуда и супружеской измены. Это — один из самых неприятных персонажей русского героического эпоса: его грубость соответствует грубому, примитивному характеру физиологического влечения, возбуждаемого героем.

При внимательном прочтении былинных записей можно обратить внимание на то, что Чурила переживает два «аксилогических возраста». В юности, когда герой только приезжает в Киев и поступает на службу к князю Владимиру, он, по-видимому, еще не осознает вполне того воздействия, которое производит его красота на представительниц противоположного пола. Однако мы нигде не видим, чтобы Чурила пытался кого-либо соблазнить. Восторги «девиц» и «молодушек» как будто его не касаются, да и влюбленностью княгини Апраксии, которая пытается приблизить Чурилу к себе, юный богатырь не стремится воспользоваться. В известном смысле этот герой похож на тех «богатырей-подростков» (Василий Буслаев, Добрыня Никитич и др.), которые в детстве, еще не ведая своей силы, увечат сверстников во время игр: так же Чурила, сам того не желая, «увечит» сердца женщин. Возможно, именно поэтому князь Владимир и не осуждает его (наказывать героя не за что), но лишь старается отослать подальше от своего двора и влюбленной Апраксии.

В первой части дошедшего до нас эпического триптиха юный Чурила мотивирован не ценностью телесной любви, но ценностью личной имущественной чести. Он демонстрирует целую армию слуг, драгоценные платья и навыки наездника⁷²⁶, однако поражение в состязании с Дюком в одночасье лишает Чурилу личной чести: он уничтожен не только как наездник, но и как «щап», т. е. обладатель самой дорогой и красивой одежды. Если ранее о Чуриле говорил весь Киев, его богатству и удали изумлялся сам князь Владимир, его пыталась приблизить к себе княгиня Апраксия, то теперь, после

⁷²⁵ Чурило Пленкович: [Былина] № 24 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск: Губернская тип., 1864. — С. 126–127.

⁷²⁶ См., в частности: Молодость Чурилы: [Былина] № 223 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. Т. 3. — СПб.: Тип. Академии наук, 1900. — С. 157–163.

страшного ущерба, нанесенного личной чести богатыря, последний оказывается перед выбором. Он должен либо забыть о личной чести и стать настоящим витязем — то есть тем, кто мотивирован ценностью коллективной чести русского богатырства, — либо добиться множества любовных побед, используя для этого свою удивительную красоту.

На последний вариант с насмешкой указывает герою Дюк Степанович:

Поди шлайся меж бабами, меж девками⁷²⁷.

Наступает второй «аксиологический возраст» Чурилы, когда доминирующую позицию в его ценностном центре занимает не личная имущественная честь, но «именная» слава-молва (предельная ценность) в паре со стремлением обладать чужой красавицей (инструментальная ценность). Герой привыкает использовать свою особенную красоту и превращается в прославленного «бабьего угодника», которого былинный певец неслучайно называет «привязливым»: теперь Чурила сам ищет себе «добычу» — и находит ее. На эту славу-молву указывает и обманутый муж:

Говорит-то Перемят да сын Ивановиць:
«Говорил я тебе, Чурилишко привязливой, —
Не ездѣ, Чурило, ко чужим женам...»⁷²⁸

Об этой славе говорит и служанка в доме Екатерины/Авдотьи, которая хорошо наслышана о привычках Чурилы и о его «подвигах»:

Уш ты ой еси, Чюрило млады Плѣнкович!
<...>

Тибѣ полно ходить, цюжых жонок любить⁷²⁹.

Обладание чужой красавицей девальвируется в сознании слушателя, когда он слышит о печальном конце протагониста и его возлюбленной. При этом страстная любовь не отрицается пол-

⁷²⁷ Дюк // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : В 3 т. Т. 2. — М. : Сотрудник школ, 1910. — С. 222.

⁷²⁸ РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 33, л. 9 об., рукоп. «Перемет сын Иванович».

⁷²⁹ Чурило и неверная жена Перемяки: [Былина] № 238 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. II. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 207.

ностью: она сохраняется как самоубийственная, смертельная альтернатива жизни по «закону Божиему»⁷³⁰. Обуреваемая страстью и тоской по казненному Чуриле неверная жена отказывается просить прощения у Бермяты:

На ты слова женка ответ держит:
«Уж куды положил ты бѣла лебеда,
Уж теперь туды клади бѣлу лебѣдушку»⁷³¹.

Сюжетная развязка этой былины обнаруживает формальное сходство с финалом песни о жене Данилы Ловчанина, которая предпочитает умереть на теле своего убитого супруга. Однако ценностное содержание в этих двух случаях противоположно: жена Данилы мотивирована любовью к законному мужу, а также благочестивой ревностью о ценности христианского брака, который подвергается поруганию со стороны князя Владимира (иными словами, ценность брака для нее превышает ценность собственной жизни). Неверная жена Бермяты-Перемѣта, напротив, выше своей жизни ценит страстную «любовь телесную», тогда как законный брак для нее не имеет значения.

При этом в обоих случаях действует общий закон: любящая женщина («лебедь белая») везде следует за своим любимым («ясным соколом» или «белым лебедем»). Об этом же предупреждает князя Владимира мудрый Илья Муромец:

Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Изведёшь ты ясново сокола,
Не пымать тее белой лебеди!⁷³²

Таким образом, ответственность за судьбу женщины возлагается на богатыря: если герой, подобно Чуриле, инициирует беззаконные отношения, то он обрекает любимую на бесславный конец, потому что страсть и тоска, в понимании певца, помешают женщине раскаться. Для русского эпического сознания нет ничего героиче-

⁷³⁰ См., в частности: Чурило и неверная жена Перемьякина: [Былина] № 317 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 73.

⁷³¹ [Чурило и неверная жена]: [Былина] № 4 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 59.

⁷³² Данило Ловчанин с женою: [Былина] № I/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 3. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 34.

ского в добровольной смерти жены-изменницы, казнимой на теле любовника. Хотя кто-то из слушателей и даже певцов мог сочувствовать Катерине — возможно, вспоминая собственный жизненный опыт, как вспоминал его, по всей видимости, В. Д. Шишолов, который, по свидетельству Н. Е. Ончукова, «несколько раз всхлипывал» во время сказывания этой старины⁷³³, — все же ценность брака («закона Божия») среди русских крестьян XIX века была, вероятно, слишком высока, чтобы скорбеть о казненных прелюбодеех так же, как о законных супругах Даниле и Настасье, погибших из-за княжеских козней.

Это подтверждается, во-первых, тем, что очень многие варианты рассматриваемой былины пронизаны очевидной симпатией и состраданием к «старому» Бермяте, который жалеет неверную жену и предлагает ей покаяться, но в ответ слышит от красавицы лишь оскорбления («ах ты старый пес, ты седая борода»⁷³⁴) и угрозы (а в одном из беломорских вариантов коварной Катерине даже удастся отравить мужа и служанку⁷³⁵).

Во-вторых, талантливые певцы, хорошо помнившие старину, не заканчивали ее казнью изменницы: самоубийственному сценарию супружеской измены в финале противопоставляется жизнеутверждающий образ нового брака Бермяты и «девушки-чернавушки».

Наконец, следует отметить полное отсутствие симпатии певцов к Чурилу в завершающей былине эпического триптиха, посвященному этому персонажу: тон сказителей теперь совершенно чужд тому любованию юностью и беспечной удалей, которое ощущается в первой части. В песне про Чурилу и Катерину уже не говорится о том, что первый красив; его образ соответствует скорее насмешливому эпитету «Чурило сухоногое», которым Дюк награждает персонажа в старине Сивцева-Поромского⁷³⁶. В духовном же плане наездник Чурилушка первой части и соблазнитель Чурила Щаплинкович третьей — как будто два разных человека. Первый «не виноват» в своей красоте и богатстве и никого не соблазняет,

⁷³³ Василий Дорофеевич Шишолов // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 276.

⁷³⁴ Чурила: [Былина] № 35 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 241.

⁷³⁵ Чурило и неверная жена: [Былина] № 103 // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

⁷³⁶ Дюк: [Былина] № 225 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 186.

тогда как второй предстает перед нами в качестве неисправимого прелюбодея, однако лишенного возможности справиться даже со служанкой (на которую, заметим, его чары уже не действуют). Не будет преувеличением сказать, что былина показывает участь героя-соблазнителя в мире, который перестал быть миром «ветхих людей» и, соответственно, тех персонажей, которые попирают законный брак. В былинном Киеве больше нет Маринки Потравницы с ее теремом, который посещают «дочери отецкие и жены молодецкие», здесь супружество уже ценится весьма высоко — настолько, что даже служанки готовы ради этой ценности рисковать жизнью.

Трагедией заканчивается и попытка другого богатыря — Дуная Ивановича — соблазнить девушку королевского рода ради распространения славы-молвы о себе самом. Богатырка Настасья (Авдотья) Семоновна еще не замужем, и формально речь о супружеской измене в этом случае не идет. Однако королевская дочь не может быть ровней богатырю, а следовательно, герой «перехватывает» невесту у подразумеваемого жениха и будущего законного супруга. При этом Дунай не просто ухитряется жениться на королевской дочери, но именно соблазнить ее, добиться «любви телесной» по согласию красавицы еще до брака с ней.

Чувство Дуная к полянице — не любовь, а именно страсть, вызванная во многом превозношением, ведь он втайне обладает королевной. Такое обладание без любви не имеет ценности, если его не «конвертировать» в славу-молву, — поэтому Дунай и не может сохранить эту связь в тайне и хвастает о ней на пиру у короля Семена Леховиньского:

Королевну за ручку повожено,
С королевной на перинушке полежено!⁷³⁷

Соблазнительно чудом удается избежать казни. Уже вернувшись на Русь, он не оставляет честолюбивых планов породниться с дочерью короля и убеждает князя Владимира (иногда сам, а в некоторых вариантах — через Добрыню Никитича) свататься к младшей дочери Семена Леховиньского. Дунай соглашается на роль свата, надеясь достичь собственной корыстной цели, — с помощью богатырей-помощников, выделенных ему для сватовства князем Владимиром, добыть себе Настасью-богатырку. Этот план удается. На пиру в честь «двойной» свадьбы Дунай хвастается:

⁷³⁷ [Молодец и королевна] // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1960. — С. 213.

Во всем городе во Киеве
Нет такого молодца на Дуная Ивановича:
Сам себя женил, а друга подарил⁷³⁸.

Герой говорит о себе прежде, чем о своем князе. Это — подсказка слушателю: персонаж хвастается не исполненной «работой богатырской», но тем, что успешно использовал миссию сватовства и воссоединился с возлюбленной. Очевидна и мотивация Дуная: он стремится превзойти всех киевских богатырей, и для этого женится на королевне, становясь таким образом — один во всей столице былинной Руси — ровней самому князю, с которым они теперь женаты на сестрах. Неслучайно в мезенском варианте герой похвастается: «Как нет же меня да едрене богатыря!»⁷³⁹, а в другом разночтении хвастается, что «нет на свети меня сделисте-сметисте!»⁷⁴⁰. Из приведенных примеров видно, что Дунай оценивает брак с королевной как своего рода удачный проект или сделку, потребовавшую превосходной «сметки»: герою удалось не только освободиться из «погребов» князя Владимира, где он томился много лет, но и добыть возлюбленную, отомстив обидчику — Семену Леховиньскому.

Всего этого богатырь достигает благодаря тому, что Настасья влюблена в него. Однако «незаконное» обладание влюбленной красавицей — понимаемое как ценность в той степени, в какой оно позволяет добиться славы, — девальвируется в конце быliny, когда Дунай убивает жену и самого себя. Как можно видеть, перед нами не история страстных влюбленных, которых погубило неравенство социального статуса, но трагедия человека, соблазнившего красавицу ради славы, — но так и не сумевшего ее полюбить.

В роли инициатора супружеской измены (впрочем, несостоявшейся) выступает в русском героическом эпосе также Алеша Попович. Он предпринимает попытку разрушить законный брак Добрыни Никитича и распространяет ложную весть о гибели побратима, чтобы при посредничестве самого князя Владимира посвататься к его жене.

⁷³⁸ Дунай: [Былина] № 94 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. — С. 192.

⁷³⁹ Дунай: [Былина] № 403 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 518.

⁷⁴⁰ РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 10а, л. 1–9; п. 13, ед. хр. 14, л. 73–73 об. (п. з.); б. ркп. — там же, п. 14, ед. хр. 10, л. 2–10.

Тот самый герой, который в юности проявляет ревнование о святине христианского брака («закона Божия») и сострадание к преданному своим окружением князю Владимиру, по прошествии времени входит в новый «аксиологический возраст». Структура ценностного центра персонажа меняется: личная слава-молва, которая не имела для Алеши значения в начале его богатырского пути, теперь играет в сознании богатыря все более значимую роль. Впрочем, как мы уже отмечали выше, первый шаг в этом направлении персонаж делает сразу после победы над Змеем Тугариным — когда поддается искушению славой, надевая трофейное «платье цветное». Для собственного побратима Екима Ивановича Алеша в тот же миг превращается в «чужого» и едва не погибает (а в варианте А. М. Крюковой «братёлко крестовый» даже отрубает голову «облатившемуся» в иноземный доспех герою⁷⁴¹).

Теперь вся жизнь Алеши подчинена поискам личной славы, и для этого он, в частности, пытается «перехватить» у Добрыни его жену, Настасью Микулишну. Эпическому певцу хорошо известно, что дочь богатыря-оратая Микулы Селяниновича — лучшая супруга в былинном Киеве (в старинах поется, что «жонитьба» Добрынюшке Никитичу «удаваласи», в отличие от других богатырей⁷⁴²). Таким образом, логично предположить, что Алеша не влюблен в Настасью, но для него важно обладание лучшим, ценнейшим «имуществом» — и здесь мы находим классическую мотивацию общеэпического героя, которая возникает в душе богатыря-христианина.

Будучи лишенным физической силы и вынужденный потому полагаться на помощь Божию, а также на свою ловкость и сметливость, Алеша испытывает, с одной стороны, необходимость постоянно доказывать самому себе и окружающим, что он не в меньшей степени русский богатырь, чем наделенные физической мощью Добрыня Никитич, Илья Муромец и проч. С другой стороны, любая победа и любой подвиг для этого героя превращаются в соблазн ощутить себя лучшим из киевских витязей (и действительно, Алеша способен побеждать самых чудовищных врагов одной молитвой и хитростью). Наиболее же очевидным способом доказать самому себе и окружающим свой статус достойнейшего из богатырей оказывается для персонажа обладание лучшей из жен-

⁷⁴¹ Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина: [Былина] № 47 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 203.

⁷⁴² Добрыня Никитинец (Добрыня и Алеша): [Былина] № 150 // Онежские былины. — М. : Гос. лит. музей, 1948. — С. 609.

щин былинного Киева. При этом Поповичу необходимо, чтобы Настасья *добровольно предпочла* его — тем самым как бы признавая исключительно высокий статус уроженца Ростова, равный статусу змеборца Добрыни.

Таким образом, будучи мотивирован стяжанием личной славы, Алеша начинает относиться к браку не по-христиански: не как к святыне, но как к способу обозначить уровень личной чести и стяжать персональную славу. Поэтому для Поповича так ценен свободный выбор Настасьи; и по этой же причине вернувшемуся на свадьбу собственной жены Добрыне важно выяснить, пошла ли Настасья за Алешу по доброй воле.

Итак, в ценностном центре Алеши Поповича удивительным образом возрождается языческий концепт брака как «воздаяния» герою сообразно его личной чести. Ради этого персонаж отваживается на поругание «закона Божия». Его сердце перестает быть «сердцем богатырским» — потому, что оно неспособно более ревновать о святынях и преисполняться любовью-жалостью к страдающему человеку (к обманутой Настасье, которая поневоле станет прелюбодейкой, к престарелой матери Добрыни и, наконец, к самому побратиму).

Певец вызывает чувство сострадания к Добрыни и Настасье в сердцах слушателей, его аудитория со страхом ожидает решения последней — и с облегчением узнает, что красавица по-прежнему чтит ценность брака, что ее сердце исполнено любовью-состраданием к законному мужу. Таким образом, обладание чужой женой как способ стяжать славу отрицается в былине. Вместо славы Алеша пожинает бесславие и позор. Певец устами самого Поповича резюмирует:

Да не всякому жонитьба удавается:
Удавалась Добрынюшке Никитичу,
Не удалася Иванушку Годиновичу,
Хуже нет того — Олешеньке Поповичу⁷⁴³.

В других былинах прелюбодейные наказываются еще более строго. Илья Муромец — любимый эпический герой русского народа — вступает в связь с женой Святогора, за которую едва не расплачивается смертью (былина про Илью и Сокольника). Первая часть этого диптиха дошла до нас только в прозаическом пересказе.

⁷⁴³ Добрыня Никитинец (Добрыня и Алеша): [Былина] № 150 // Онежские былины. — М.: Гос. лит. музей, 1948. — С. 609.

Сказитель Леонтий Богданов неслучайно подробно описывает замечательную внешность жены Святогора, его задача — дать слушателю представление о силе прилога блудного помысла, «атаковавшего» Илью. Святогор держит свою жену в ларце также неслучайно: он знает о том, что та подвержена блудной страсти и понимает, какой соблазн ее поразительная красота представляет для любого мужчины. И действительно, последняя не упускает возможности изменить супругу: обнаружив Илью на дереве, принуждает его к близости, угрожая: «буде не послушаешься, разбужу Святогора богатыря и скажу ему, что ты насильно меня в грех ввел»⁷⁴⁴.

В побывальщине Илья совершает блуд с чужой женой — как мы видим, из страха за свою жизнь; грех лишает богатыря чудесной силы, полученной им ранее от калик переходящих, и герой оказывается во власти сластолюбивой красавицы. Помещение Ильи в «карман» (т. е. седельный мешок) Святогора есть акт совершенного унижения, это «не честь-хвала богатырская» — как можно видеть, в русском эпосе связь с чужой красавицей снова влечет за собой не славу, но позор. П. Н. Рыбников упоминает вариант былины, в котором Илья довольно долго остается в «кармане» Святогора (и, соответственно, в распоряжении его неверной жены) — до тех пор, пока та «не могла уже войти в хрустальный ларец», очевидно, из-за беременности⁷⁴⁵.

Между тем, согласно некоторым разночтениям, Муромец не довольствуется единственной близостью с Златыгоркой, но даже после смерти Святогора разыскивает ее и неоднократно посещает:

А ко той как бабы да ко Златыгорки
А к ней гулял-ходил удалой ведь доброй молодець,
А по имени старой казак Илья Муромець.
Он ходил-гулял, Илеюшка, к ней двенаццэт лет,
Он ведь прижил ей чадышко любимое⁷⁴⁶.

Однако согласно первой версии Илья находит в себе силы для покаяния: он рассказывает Святогору «все по правды по истины»⁷⁴⁷.

⁷⁴⁴ [Получение силы] // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 13.

⁷⁴⁵ См. примечание П. Н. Рыбникова к былине № 8, «Святогор с Ильей Муромцем» // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : В 3 т. Т. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Типография А. Семена, 1861. — С. 39.

⁷⁴⁶ Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 81 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 386

⁷⁴⁷ [Получение силы] // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 13.

В общеэпическом понимании такая «исповедь» совершенно немислима: признавая за собой отсутствие прав на обладание красавицей, Илья тем самым бесчестит себя и фактически просит пощады у другого богатыря. Но в былине представления о чести носят христианский характер: священный институт брака и жалость к страдающему человеку (обманутому Святогору) располагаются выше, чем личная честь.

Итак, Илья готов принять смерть от руки гиганта (прежде именно этим угрожала ему Златыгорка); герой освобождается от морального рабства и возрождается как богатырь, способный на подвиг сострадания. В сердце Муромца пробуждается жалость к Святогору, обманутому неверной женой: по сути, Илья готов пожертвовать собой, лишь бы тот узнал правду.

Русское эпическое сознание предполагает наказание за блуд, но в рассматриваемом «диптихе» действие этого духовного закона откладывается до тех пор, пока не вырастет Сокольник, сын Ильи, воспитанный бывшей женой Святогора в «вере поганой», — нужно ли говорить, без какого-либо участия Муромца. Сокольник становится могучим богатырем; по сути, это новый Илья, только другой: болезненно гордый, непримиримый враг Руси и «веры русской». Во второй части эпического «диптиха» незаконнорожденный сын приезжает на Русь, чтобы убить отца, разрушить Киев и искоренить православную веру.

При этом у сына больше моральных прав на победу, чем у отца. В данном случае не важно, что сын исповедует «поганую» веру, а отец — «веру русскую». Принадлежность к «своим» (для певца и слушателя) богатырям само по себе не обеспечивает Илье победу: сказитель и его аудитория вероятно чувствовали, что «по совести», отец-прелюбодей должен потерпеть поражение. Грех лишает воина-христианина права на победу, и наоборот, «татарин», воспитанный в «поганой» вере, может иметь моральное право на победу над тяжко согрешившим воином-христианином. Отрицательные ценностные координаты давнего греха, совершенного героем, теперь становятся вполне очевидными для слушателей:

Каки-то ли тяжки грехи попутали —
Как права нога стара казака да окатилася,
Да лева его нога да подломила...⁷⁴⁸

⁷⁴⁸ Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 68 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 365.

Композиционная схема «преступление — наказание» в этой ситуации реализована в полной мере: герой должен погибнуть. Однако выясняется, что всю свою жизнь Илья пытался искупить грех блуда: он помогал вдовам и «малым детушкам», он без страха «стоял»

...за вдов за благоверных,
А за ту сироту да маломожонну...⁷⁴⁹

Илья виноват перед вдовой Святогора (матерью Сокольника) и ее сыном, которые были оставлены им без попечения; он виноват перед сыном еще и потому, что юноша лишен наследуемой чести, его происхождение позорно. Однако, не имея возможности помочь лично Сокольнику и его матери, герой на протяжении многих лет после совершенного греха стремился помочь любому беззащитному ребенку и любой вдове. Узнав об этом, слушатель понимает, что Илья заслужил прощение; у богатыря «силы втрое прибыло»:

Подхватила полоса да ветра буйново
Да сбросила Сокольника на сыру землю⁷⁵⁰.

Однако Илья выживает и побеждает не благодаря своей физической силе. Право на победу обеспечивает духовная работа, которую он совершал на протяжении многих лет.

Девальвировать супружескую измену как ценность в сознании слушателя призваны в том числе образные параллели: так, Муромец совершает грех с женой Святогора, когда тот спит, — и спустя много лет Сокольник пытается убить именно спящего Илью. Таким образом грех, совершенный богатырем по отношению к Святогору, приравнивается к подлому удару копьём, который Сокольник направляет в своего спящего отца.

В первой части диптиха, как мы помним, искренний рассказ Святогору («по правде по истине») о блуде с его женой спасает Илью от трусости, бессилия и рабства, в которые ввергла его Златыгорка, а также от мести со стороны великана. Во второй части искренний рассказ Ильи о грехе с матерью Сокольника избавляет героя от возмездия за прелюбодеяние (копье Сокольника попадает

⁷⁴⁹ Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 66 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 310.

⁷⁵⁰ Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 79 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 379.

в крест на груди богатыря, и слушатель понимает, что Спаситель взял на Себя этот грех).

Юный Сокольник перед выездом из дому вооружается подзорной трубой⁷⁵¹, и то же самое делает его «седатый» отец на заставе. Таким образом, отец и сын в этом отношении ведут себя одинаково, и такое сходство дает слушателю надежду на то, что Сокольник продолжит дело Ильи, — однако очень быстро выясняется, что цели у героев противоположные. Если отец защищает родную землю (что предполагает служение во славу Божию и почитание коллективной славы русского богатырства), то сын ищет отца только для того, чтобы отомстить ему (т. е. кровью смыть бесчестие своего незаконного рождения и стяжать вместо наследуемой чести славу того, кто победил самого Муромца).

Образ Сокольника (сын, главной целью которого является убийство отца⁷⁵²) есть воплощение народной идеи о возмездии за прелюбодеяние. Особую силу этому образу придает то, что в Сокольнике соединяется русская природа и «поганое» воспитание (он, в частности, «тотарскими утехами забавляицся»⁷⁵³). Как следствие, Сокольник становится абсолютным злом для обеих «сторон»: он решается на убийство и «поганой» матери, и русского отца. Когда Илья разрывает его тело на две части, бросая одну половину на «татарский» берег, а другую оставляя на русской земле, он подчеркивает тем самым, что русская и татарская половины были изначально соединены незаконно, действием греховной страсти. При этом Илья наказывает прежде всего самого себя, ведь таким образом он утрачивает единственного сына, которого мечтал бы видеть в кругу русских богатырей.

В отличие от Ильи Муромца и Алеши Поповича былинный Добрыня Никитич являет слушателю пример «неупадчивости»: духовной силы и стойкости в противостоянии соблазну. Впервые искушению блудной страстью он подвергается в юности, будучи еще неженатым, — когда Маринка Потравница использует против него свою любовную магию. И хотя герой, встав в воскресенье утром, когда все идут в церковь, проходит мимо нее и направляется к Маринке, ему удается удержаться от греха.

Спустя много лет уже женатый Добрыня подвергается чрезвычайно сильному плотскому соблазну, причем два раза подряд.

⁷⁵¹ Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 81 // Былины : В 25 т. Т. 3. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2003. — С. 386

⁷⁵² См., в частности: Ibid. С. 387.

⁷⁵³ Ibid. С. 388.

Сначала его пытается очаровать Змея, которая способна принять облик прекрасной девушки или молодой женщины:

Ты не бей же меня, да змею лютую,
Я те дам ище себя да красную девицу!⁷⁵⁴

Убив Змею, герой освобождает ее пленницу — самую достойную невесту былинного Киева, княжью племянницу Забаву Путятичну. Девица — в полном соответствии с канонем западноевропейского любовного романа — влюбляется в своего освободителя, как будто «позабыв» о том, что он женат:

За твою великую за выслугу
Я бы назвала нынь другом да любимым...⁷⁵⁵

Однако былинный герой, вопреки упомянутому канону, воздерживается от обладания прекрасной племянницей князя. В сознании слушателя это должно было вызвать, как нам представляется, если не деконструкцию, то по крайней мере самую решительную девальвацию эротической внебрачной любви как ценности. Вместо нее утверждается ценность любви-сострадания — к жене, оставленной дома, осаждаемой женихами и хранящей верность своему супругу в течение многих лет.

В былине про Садко в Подводном царстве происходит такое же изменение аксиологических координат внебрачной эротической страсти. Протагонисту предлагается выбрать самую красивую и соблазнительную из множества дочерей Морского царя, однако связь с любой из них означает вечное рабство ее отцу, и только воздержание может вернуть героя в мир людей, к его законной жене.

Наконец, самым решительным образом девальвируется ценность прелюбодеяния в старине про Касьяна и сорок калик: «плоть женская», понуждающая княгиню Апраксию добиваться близости с предводителем странников, воспринимается певцом и его аудиторией в качестве страшной угрозы для жизни самого героя. Как явствует из сюжета, воздержание для протагониста этой былины значит даже больше, чем возможность сохранить саму свою жизнь.

⁷⁵⁴ Добрыня и змея: [Былина] № 59 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 250.

⁷⁵⁵ Добрыня Никитич: [Былина] № 5 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894. — С. 48.

Жестокое наказание ожидает былинных красавиц, по доброй воле изменивших своим супругам: будут казнены Марья/Авдотья Лебедь Белая (старина про Михайло Потыка), Катерина (былина о Чуриле и неверной жене), царица Соломанида/Соломаниха (песни о том, как была увезена жена царя Соломана).

В понимании общеэпического героя вывезти чужую невесту или жену из-за моря, из дальней земли (не важно, для самого себя или для своего господина) — деяние, достойное великой славы-молвы. Былинный певец вполне осведомлен об этой особенности эпического сознания: так, в старине про Соломана-Соломенного и его неверную жену поется:

А тепере Торокашко-вор во славушки:
Он достал ведь царичу из-за моря...⁷⁵⁶

В большинстве вариантов этой старины жена царя Соломана, будучи вывезенной обманом на купеческом корабле, охотно принимает новую роль супруги царя Василия Окуловича. В некоторых разночтениях красавица отказывается изменять своему законному мужу, но Торокашке без труда удастся ее уговорить:

А на это царица не соглашайцэ,
Прямо в воду она да спускайцэ.
Ишше начял детина уговаривать...⁷⁵⁷

После чего поется, что «царица согласиласе»⁷⁵⁸. На возможную причину такой сговорчивости намекает сам обманутый царь Соломан: он говорит о том, что жене не доставало богатства и она была терзаема «скорбью»:

Одолело ли ее богатство,
Одолела ли ее скорбь великая,
Ушли ли она за новá замуж?⁷⁵⁹

⁷⁵⁶ Василий Окулович и Соломан: [Былина] № 327 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 125.

⁷⁵⁷ Ibid. С. 125.

⁷⁵⁸ Ibid. С. 125.

⁷⁵⁹ Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 32–36, маш. «Соломан и Василий Окулович», быватьщина.

Для общеэпического сознания вполне естественно оставить прежнего супруга и предпочесть нового, обладающего большей имущественной честью и личной славой. Царь Василий Окулович превосходит Соломана богатством: в частности, на новой родине дорогу перед Соломанидой слуги устилают дорогими сукнами. Похитители заботятся о том, чтобы на корабле, куда обманом увлекают царицу, находились драгоценные «товары заморские», которые произведут на нее впечатление. И все же главное, что обеспечивает успех замыслу похитителей — это установленные на корабле деревья с «птицами райскими»:

Ты на карабли сади да по три дерева,
А на деревья ты сади птиц райских —
Щобы пели они да песни царские,
Звеличали царя да Василия Окуловича!⁷⁶⁰

Райские птицы сами по себе суть ценное имущество, свидетельствующее о высоком «рейтинге» личной чести Василия Окуловича. Но главная «функция» этих птиц — соблазнить Соломаниду великой личной славой «прекрасного царя»⁷⁶¹. «Скорбь великую», которую подозревает мудрый Соломан, могло вызвать в сердце красавицы именно то обстоятельство, что она принадлежит не самому славному владыке на свете.

В финале этой былины не только прославившийся своей сметкой Торокашко, но и оба прелюбодея — царь Василий Окулович и соблазнившаяся его великой славой Соломанида — оказываются на виселице («на реле высокой») в соседних петлях. Образ любовников, которые, будучи повешенными, раскачиваются бок о бок, аксиологически идентичен образам «белого лебедя» и «белой лебедушки», зарубленных обманутым Бермятой. Однако в рассматриваемой былине вместо присказки про неразлучных птиц используется загадка Соломана про второе колесо, которое всегда следует за колесом первым. Певец рассказывает о мести

⁷⁶⁰ Василий Окулович и Соломан: [Былина] № 327 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 124.

⁷⁶¹ Василий Окулович и Соломан: [Былина] № 316 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 68.

оскорбленного мужа без тени сожаления к казнямым: «Два милá тешатся, а и сводник тут»⁷⁶².

Как можно видеть, в русских былинах «удельный вес» супружеской измены значительно выше, чем в большинстве мировых произведений эпической поэзии. Иными словами, соблазнение чужой жены для былинного сказителя не является ни ценностью, ни вообще чем-либо положительным. Это следует из того, что во всех рассмотренных нами случаях прелюбодеяние влечет за собой трагические для героев последствия.

Личная слава как идеал «ветхого человека»

Тот факт, что личная слава девальвируется в русских былинах, соответствует установке христианского сознания на ее подавление как порочной страсти (т. е. страсти гордости или тщеславия; ср. приведенные выше цитаты из Иоанна Златоуста: «здешняя слава — слава пустая и суетная»; «ничего не станем делать из-за людской славы», «истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу, считать ее за ничто»). В христианском понимании личная, «языческая» слава является искушением и грозит не только посмертными муками, но и кознями завистников еще при жизни человека (как это отражено, например, в сюжете византийского «Прекраснейшего рассказа об удивительном муже по имени Велизарий»⁷⁶³).

⁷⁶² Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 32–36, маш. «Соломан и Василий Окулович», бывальщина.

⁷⁶³ См., в частности: *Попова Т. В.* Византийская народная литература. История жанровых форм эпоса и романа. — М.: Наука, 1985. — С. 48.

ОБЩАЯ СЛАВА РУССКОГО БОГАТЫРСТВА

Слава общая (слава всего богатырства) как ценностная мотивация

Соборная (общая) слава русских богатырей есть, по сути, совокупность славных (т.е. ставших общеизвестными, в том числе нередко — за границами Руси) подвигов, совершаемых многими витязями не ради личной славы каждого из них, но — порой вопреки этой личной славе — бескорыстно, «во славу Божию».

Алеша Попович — выбирает путь служения общей славе богатырства, несмотря на возможную угрозу жизни⁷⁶⁴; из сострадания к князю Владимиру он по сути вызывает сильнейшего противника (Змея Тугарина) на поединок, хотя его еще не принуждает к этому необходимость мстить за бесславие⁷⁶⁵; отказывается от немедленной мести за бесславие, нанесенное броском ножа⁷⁶⁶; ради побратима одевается в женскую одежду, смиряясь при этом с перспективой личного бесславия (былины о Михайло Потыке); женится на обесславленной (Елене Сбродовне/Анастасье Петровичне)⁷⁶⁷;

Василий Игнатьевич — откликается на беду князя Владимира⁷⁶⁸; отказывается убивать князя Владимира из жалости к нему — вопреки воле своего нового повелителя⁷⁶⁹;

Глеб Володьевич — помогает страдающим корабельщикам⁷⁷⁰;

⁷⁶⁴ См., в частности: Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин: [Былина] № 85 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 333.

⁷⁶⁵ См., в частности: Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин: [Былина] № 85 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 335.

⁷⁶⁶ См., в частности: Алеша Попович, Еким и Тугарин: [Былина] № 64 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 262.

⁷⁶⁷ См., в частности: Олеша Попович и сестра братьев Долгополовых: [Былина] № 3 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 25–26.

⁷⁶⁸ См., в частности: Василий Игнатьевич и Батыга: [Былина] № 212 // Былины : В 25 т. Т. 2. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 164–165.

⁷⁶⁹ См., в частности: Василий Игнатьевич [Былина] № 11 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 43.

⁷⁷⁰ См., в частности: Князь Глеб Володьевич: [Былина] № 80 // Беломорские былины. — М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 431–433.

Микула Селянинович — бескорыстно помогает «глупому» Вольге⁷⁷¹; избавляет от гибели «мужичков», которые незадолго до этого пытались его ограбить⁷⁷²;

Добрыня Никитич — покидает свой родной город из жалости к тем, кто страдает от его забав⁷⁷³; приходит на помощь пленникам Змеи⁷⁷⁴; убивает Змею — несмотря на ее мольбы, — чтобы предотвратить ее дальнейшие нападения на Русь⁷⁷⁵; защищает от бесчестия Забаву Путятичну⁷⁷⁶; пересилив страх, отправляется в поход на «орды немирные» ради славы русского богатырства⁷⁷⁷; преодолевает страх ради спасения побратимов (во время посольства Василия Казимировича)⁷⁷⁸; отправляется в дальние края просить подаяния ради того, чтобы найти Михайло Потыка⁷⁷⁹; бережет от бесславия свою жену, Настасью Микулишну, возвращаясь на ее свадьбу, и оставляет в живых коварного соперника, Алешу Поповича («Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»);

⁷⁷¹ См., в частности: Вольга и Микула: [Былина] № 73 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 7–8.

⁷⁷² См., в частности: Вольга и Микула: [Былина] № 156 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 519, 522.

⁷⁷³ См., в частности: Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем: [Былина] № 113 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. I. — СПб.: Тропа Троянова, 2002. — С. 354.

⁷⁷⁴ См., в частности: Добрыня женится: [Былина] № 24 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 123.

⁷⁷⁵ См., в частности: Добрыня и Змея: («Как во славном городе во Киеви...») // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 318–319.

⁷⁷⁶ См., в частности: Добрыня и змея: [Былина] № 73 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 378.

⁷⁷⁷ Добрыня Чудь покорил («В стольном городе в Киеви...») // Древние Русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977. — С. 106–107.

⁷⁷⁸ См., в частности: Василий Касимирович отвозит дани Батею Батеевичу: [Былина] № 352 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 258–259.

⁷⁷⁹ См., в частности: Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 223–225.

Дунай Иванович — не убивает спящего Добрыню Никитича⁷⁸⁰; Дюк Степанович — жертвует свои драгоценные наряды киевским монастырям⁷⁸¹ или раздает их бедным и сиротам⁷⁸²; прощает Чурилу Пленковича⁷⁸³; остается на богатырской службе князю Владимиру, несмотря на поразившую его бедность и неустроенность жизни в Киеве⁷⁸⁴;

Ермак Тимофеевич — готов выступить против царя Калина «за князя и княгиню», «за стольный Киев град»⁷⁸⁵;

Илья Муромец — стремится помочь каликам⁷⁸⁶; принимает заповедь «Не помысли злом на Татарина,/Не убей в чистым поле хресьянина»⁷⁸⁷; нарушает собственную заповедь «не кровавить... сабли» ради жителей осажденного города⁷⁸⁸; спешит положить конец страданиям, которые испытывают жертвы Соловья⁷⁸⁹; (в большинстве вариантов) оставляет в живых Пелю Соловеевну/Марью Соло-

⁷⁸⁰ См., в частности: Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 310 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. Т. III. — СПб.: Тропа Троянова, 2003. — С. 41.

⁷⁸¹ См., в частности: О Дюке Степановиче: [Былина] № 28 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 152.

⁷⁸² См.: [Былина] № 230, 263 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 томах. Т. II. — СПб.: Тропа Троянова, 2003; Дюк Степанович: [Былина] № 30 // Былины Севера. Т. 1. — М. — Л.: Акад. наук СССР, 1938.

⁷⁸³ См., в частности: О Дюке Степановиче: [Былина] № 28 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 151.

⁷⁸⁴ См., в частности: О Дюке Степановиче: [Былина] № 30 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1862. С. 184.

⁷⁸⁵ Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 19 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 102–103.

⁷⁸⁶ См., в частности: Об Илье Муромце. Воспитание: [Былина] № 2 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 2.

⁷⁸⁷ [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 34.

⁷⁸⁸ Илья Муромец и Соловей Разбойник: [Былина] № 56 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. — С. 416–418.

⁷⁸⁹ См.: Илья Муромец и Чернигов. Соловей разбойник. Приезд в Киев: [Былина] № 3 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 6.

выинову и не стремится отнять золото у ее братьев и сестер, других детей Соловья⁷⁹⁰; защищает князя и княгиню от свиста⁷⁹¹; не мстит Алеше Поповичу за бесчестие⁷⁹²; рискуя жизнью, рассказывает о своем грехе Святогору⁷⁹³, а затем посещает его отца⁷⁹⁴; оставляет юного Добрыню Никитича в живых⁷⁹⁵; отправляется просить подаяние ради Михайло Потыка⁷⁹⁶; защищает вдов и сирот⁷⁹⁷; милостив к Сокольнику после нанесенного им бесчестия⁷⁹⁸; соглашается служить князю Владимиру после того, как был заточен им в темницу⁷⁹⁹; отказывается служить Калину против князя Владимира⁸⁰⁰; милостив к разбойникам⁸⁰¹;

⁷⁹⁰ См.: Илья Муромец и Чернигов. Соловей разбойник. Приезд в Киев: [Былина] № 3 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 7–8.

⁷⁹¹ См., в частности: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 38.

⁷⁹² См., в частности: [Первая поездка Ильи Муромца]: [Былина] № III/4 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1860. — С. 39.

⁷⁹³ См., в частности: Святогор с Ильёю Муромцем: [Былина] № 8 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 39.

⁷⁹⁴ См., в частности: Святогор: [Былина] № 1 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 1. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. — С. 7.

⁷⁹⁵ См., в частности: Бой Добрыни с Ильёю Муромцем: [Былина] № 71 // Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 368.

⁷⁹⁶ См., в частности: Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 223–225.

⁷⁹⁷ См., в частности: Илья Муромец и Калин царь: [Былина] № 296 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 458.

⁷⁹⁸ См., в частности: Бой Ильи Муромца с сыном: [Былина] № 70 // Беломорские былины. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 362.

⁷⁹⁹ См., в частности: Илья Муромец и Калин царь: [Былина] № 296 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 459.

⁸⁰⁰ См., в частности: Илья Муромец и Калин-царь // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. Т. 2. — М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 30.

⁸⁰¹ См., в частности: Илья Муромец и станичники: [Былина] № 12 // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М.: Синодальная Типография, 1908. — С. 27.

Казарин — освобождает полонянку и воздерживается от насилия над ней⁸⁰²;

Константин Саульевич — спешит на помощь отцу⁸⁰³;

«Королевич из Крякова» (Лука Петрович) — милостив к побежденному им «татарину»⁸⁰⁴;

Михайло Данилович — милостив к «старчищу», который его бесчестит⁸⁰⁵;

Михайло Потык — спасает от гибели детенышей змеи⁸⁰⁶, проявляет верность Марье Вахромеевне⁸⁰⁷;

Садко — рискуя жизнью, спасает от гибели корабельщиков⁸⁰⁸;

Сухман — приходит на помощь Непре-реке⁸⁰⁹;

Хотен Блудович — милостив к Часовичам⁸¹⁰ а также к «невольным» ратникам Часовой вдовы⁸¹¹;

Однако не только главные герои былин совершают бескорыстные поступки ради страдающего человека. Так, князь Владимир

⁸⁰² См., в частности: Козарин: («Во города да во Цернигови...») // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. I. — СПб. : Тропа Троянова, 2002. — С. 233.

⁸⁰³ См., в частности: Царь Саул Леванидович («Царь Саул Леванидович поехал за море синяе...») // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М. : Наука, 1977. — С. 136.

⁸⁰⁴ См.: Королевичи из Крякова: [Былина] № 302 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 477–478.

⁸⁰⁵ См., в частности: Данило Игнатьевич с сыном: [Былина] № I/2 // Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 3. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 50.

⁸⁰⁶ См., в частности: Потык: [Былина] № 374 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 396.

⁸⁰⁷ См., в частности: Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 37 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 227.

⁸⁰⁸ См., в частности: Садко: [Былина] № 75 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 304.

⁸⁰⁹ См., в частности: Сухман Рехмантьевич: [Былина] № 8 // Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. — С. 116.

⁸¹⁰ См., в частности: Хотен Блудович: [Былина] № 306 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 17–18.

⁸¹¹ См., в частности: Хотен Блудович: [Былина] № 308 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 515.

пытается защитить Алешу Поповича от гнева Змея Тугарина⁸¹²; он же прощает княгиню Апраксию, обесславившую его публично⁸¹³; Настасья Микулишна ради Добрыни Никитича добровольно накладывает на себя «заповедь... женскую»⁸¹⁴. Илья Муромец (как второстепенный персонаж) приходит на помощь Чуриле Пленковичу⁸¹⁵, а затем Алеше Поповичу⁸¹⁶, которые могли бы понести справедливое наказание от Дюка Степановича и Добрыни Никитича соответственно. Тот же Илья, уже старый и обессиленный, из сострадания к Ермаку бросается в бой⁸¹⁷.

Княгиня Апраксия (в вариантах — племянница или «дочь... одинокая» князя Владимира⁸¹⁸), рискуя навлечь на себя гнев киевского властителя, тайно ухаживает на томящимся в темнице Ильей Муромцем⁸¹⁹. Девка, служанка Бермяты, из сострадания к последнему отказывается от щедрых посулов Чурилы⁸²⁰.

Особо отметим, что иноземные воины в былинах не совершают поступков, направленных на помощь страдающему человеку и способствующих прибавлению общей славы русского

⁸¹² См., в частности: Алеша Попович и Еким Иванович: [Былина] № II, 28 // Русские былины старой и новой записи. — М.: Скоропеч. А. А. Левенсона, 1894. — С. 95.

⁸¹³ См., в частности: Молодость Чурилы: [Былина] № 223 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 164.

⁸¹⁴ См., в частности: Добрыня. Жена за другого [Былина] № 7 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 25.

⁸¹⁵ См., в частности: О Дюке Степановиче: [Былина] № 28 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1862. — С. 150.

⁸¹⁶ См., в частности: Добрыня в отъезде; Алеша Попович: [Былина] № 26 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 145–146.

⁸¹⁷ См., в частности: Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче: [Былина] № 19 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М.: Тип. А. Семена, 1861. — С. 105.

⁸¹⁸ Илья Муромец и Калин царь: [Былина] № 75 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 2. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. — С. 19–20.

⁸¹⁹ См., в частности: Илья Муромец и Калин царь: [Былина] № 296 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1900. — С. 457.

⁸²⁰ См., в частности: Чурило и неверная жена: [Былина] № 69 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 277.

богатырства, — и, по-видимому, не могут их совершить, потому что в таком случае этих персонажей необходимо будет отнести уже к числу русских героев.

Соборная слава — возрастающая ценность

Актеры былин весьма часто (в 58 эпических ситуациях) поступают, ориентируясь на ценность общей, соборной славы русского богатырства — молвы о подвигах «во славу Божию», совершаемых из любви к страдающему человеку. Только такие бескорыстные подвиги не могут быть трактованы как увеличивающие личную славу героя, их совершившего.

Все без исключения поступки главных героев (49 примеров) и персонажей второго ряда (9 примеров), совершенные с такой целью, приводят к *благим* для действующих лиц последствиям (победе, освобождению из неволи, успешному оказанию помощи страдающему человеку и дальнейшему распространению соборной славы русского богатырства).

В 45 случаях (из упомянутых выше 58) былинный актер не просто мотивирован ценностью страдающего человека, которому необходимо помогать «во славу Божию», но предпочитает эту ценность в драматической ситуации аксиологического выбора (то есть при наличии конкурирующей ценности — как правило, личной славы или личной чести).

Илья Муромец мотивирован ценностью соборной славы русского богатырства в 16 эпических ситуациях; Добрыня Никитич — в 10, Алеша Попович — в 3; Микула Селянинович, Дюк Степанович, Казарин, Лука Петрович («королевич из Крякова»), Михайло Данилович, Хотен Блудович, Бермята/Перемяк — в 2 ситуациях каждый. По одному примеру предпочтения этой ценности находим в сюжетах, где действуют Василий Игнатьевич, Константин Саулович, Михайло Потык, Ермак Тимофеевич, Садко и Сухман.

Не совершают поступков, нацеленных на приращение соборной славы русского богатырства, следующие акторы: Василий Буслаев, Волх Всеславович, Вольга, Василиса Микулична, Дунай Иванович, царь Соломан, Чурила Пленкович.

Из былинных персонажей второго плана мотивированы ценностью соборной славы русского богатырства: князь Владимир (2 примера); Алеша Попович (как персонаж былины про Михайло Потыка), матушка Василия Буслаева, матушка Хотена Блудовича, побратимы Потыка (из той же былины), служанка Бермяты/

Перемяка, Добрыня Никитич (в былине про Сокольника), Илья Муромец (как персонаж былины про Ермака) — по 1 эпической ситуации для каждого актора.

Способность поставить страдающего человека выше собственной жизни — и выше огромного большинства общеэпических ценностей — является отличительной чертой русских богатырей и «своих» персонажей былинного эпоса: ни один из их антагонистов не предпринимает ни одного действия, ориентированного на служение этой аксиологической категории.

Последствия недооценки соборной славы актором

Выше шла речь о ситуациях ценностного выбора, в которых главные герои или второстепенные персонажи совершают поступки «во славу Божию» ради страдающего человека и отвергают при этом альтернативные действия, ориентированные на некие иные ценности. Между тем в былинах весьма часто действующие лица предпочитают соборной славе другие аксиологические категории. Таких случаев нами обнаружено 62 (в том числе 40 актов ценностного выбора, сделанного не в пользу соборной славы русского богатырства, совершают главные герои, 8 — второстепенные персонажи и 14 — антагонисты). В 61 случае из 62 отвержение ценности соборной славы оборачивается дурными для актора последствиями, т. е. — в соответствии с логическим законом отрицания отрицания — «курс» исследуемой ценности укрепляется и в сознании былинных героев, и в сознании эпической аудитории.

Из протагонистов русских былин ценностью соборной славы чаще других пренебрегают: Дунай Иванович (8 ситуаций), Василий Буслаев (7 ситуаций) и Михайло Потык (5 ситуаций). Илья Муромец совершает выбор не в пользу соборной славы русского богатырства 6 раз, а Добрыня Никитич — 4 раза. Недоценивают ценность подвигов «во славу Божию» следующие богатыри: Алеша Попович и Василий Игнатович (по 2 примера каждый), Волх Всеславович, Иван Годинович, Константин Саульевич, хвастливый богатырь (из былины про Камское побоище), Садко, Михайло Данилович (в варианте с нападением на неузнанного отца) — по 1 примеру.

Былинные персонажи второго ряда также в ряде случаев отвергают ценность страдающего человека: таковы киевляне и княгиня Апраксия («Алеша Попович и Змей Тугарин»), матушка Василия Буслаева, князь Владимир, братья Сбродовичи, пирую-

щие богатыри (в былине про посольство Василия Казимировича), Настасья королевична; Соловей-разбойник пренебрегает ценностью страдающего человека дважды; по меньшей мере один раз аналогичным образом поступают: Абатуй (былина о Добрыне и Василии Казимировиче), Алеша Попович (как антагонист в былине про Добрыню, Настасью и Алешу), Апраксия (в старине про сорок калик), «голый шап» Давыд Попов, Лебедь Белая, Маринка («Глеб Володьевич»), нахвальщик, невеста Ивана Годиновича, царица Соломанида и Тугарин.

Нами выявлен один исключительный случай, когда герой пренебрегает ценностью страдающего человека ради некой иной аксиологической категории и это не влечет для него дурных последствий. В редком варианте былины про Илью Муромца и Соловья-разбойника протагонист, стремясь защитить от поругания сватыню христианского брака («честного» института), истребляет детей своего противника на том основании, что все они живут в кровосмесительных браках. В остальном 61 случае как сами богатыри, так и их антагонисты переживают негативные последствия ценностного выбора, если он сделан не в пользу страдающего человека.

Итак, выявленная закономерность заключается в следующем: в былинном мире поступок, который мотивирован ценностью соборной славы русского богатырства (основанной, в свою очередь, на подвигах сострадания «во славу Божию») приводит к благим для действующего лица последствиям. Такие поступки в былинах совершают только «свои» акторы. Наоборот, поступки действующих лиц русского героического эпоса, связанные с пренебрежением соборной славой как ценностью, вызывают (за единственным оговоренным выше исключением) дурные для них последствия. На этом основании ценность соборной славы русского богатырства может быть с полной уверенностью отнесена к числу укрепляемых.

Предельная ценность коллективной славы героев в эпосах других народов

В «Одиссее» Гомера концепт коллективной славы сообщества героев (уроженцев Итаки, ахейцев вообще или группы мореплавателей, путешествующих вместе с протагонистом) отсутствует. В «Илиаде» представление о некой общей славе ахейцев лишь однажды возникает в речи Агамемнона, когда тот пытается пристыдить соратников и тем самым разжечь их воинский дух:

Было бы стыдно для наших и самых далеких потомков
Знать, что такой многолюдный и храбрый народ, как ахейский,
Попусту самой бесплодной войной воевал, и сражался
С меньшею ратью врагов, и конца той войны не увидел⁸²¹.

Как можно заметить, коллективная слава здесь мыслится лишь в контексте посмертной памяти у потомков; другая, не менее важная функция коллективной славы, — ее способность «отпугивать» внешних врагов, предотвращать их агрессию — невозможна в мире Гомера. У ахейцев не развито еще понятие единой родины, которую должно защищать от вторжений (каждый из героев защищает лишь свой остров или город — землю и дом, жену и детей, слуг и рабов, скот, посадки и т. д.).

В «Рамаяне» находим концепт коллективной славы, который гипотетически предполагает удержание врагов от нападений: во время боя с великим ракшасом Кумбхакарной войско обезьян несет потери и его предводитель обращается к теряющим самообладание бойцам со следующей речью:

...если один одолеет он множество наше,
То выявит миру тем самым ничтожество наше!
Мы шкуру спасем, но утратим достоинство наше.
Бесчестье падет на несметное воинство наше⁸²².

Как мы видим, воинам предлагается оценить коллективную славу выше ценности собственной жизни (именно такой выбор сделали Алеша и Еким на былинной росстани). Однако представление об общей славе в «Рамаяне» доступно только самоотверженным воинам-обезьянам, тогда как люди, включая главного героя, заботятся исключительно о личной чести (для Рамы ее составляющей является также восстановление чести богов) и персональной молве.

Ирландскому эпическому сознанию неизвестен концепт коллективной славы героев-уладов: в частности, на пиру у Брикрена Кухулин, Конал Победоносный и Лойгайре Сокрушитель спорят о том, кто из них славнейший.

Когда из воинов Беовульфа только один осмеливается прийти вождем на помощь в его битве с драконом, этот единственный смельчак, укоряя трусов, говорит отнюдь не об ущербе, нанесенном коллективной славе ведеров или геатов. Вместо этого он

⁸²¹ Гомер. Илиада. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1949. — С. 41.

⁸²² Рамаяна // Махабхарата. Рамаяна. — М. : Худож. лит-ра, 1974. — С. 524.

упрекает каждого из дружинников в том, что тот не «отработал» в бою даров (колец, ратных сбруй), полученных им от Беовульфа.

Для французского Роланда, как мы видели выше, личная слава (а также возможность избежать личного бесславия) значит неизмеримо больше, чем коллективная репутация христианского рыцарства. Более всего героя пугает перспектива, что лично про него сложат «злые песни»:

Que malvaïse cançon de nus chantet ne seit!⁸²³

Обращаясь к Оливье, протагонист говорит во множественном числе, однако отнюдь не подразумевает существования некой коллективной чести французского рыцарства. Именная слава каждого из рыцарей имеет отдельный «счет», и, как мы знаем, каждая *chanson de geste* воспекает конкретного героя. Таким образом, Роланд напоминает собрату, что про каждого из них могут сложить свою песню, о содержании которой стоит позаботиться. Общая репутация французских рыцарей, включая Оливье, для Роланда значит неизмеримо меньше, чем его личная слава.

Подобно Роланду, вождь англосаксов в «Битве при Мэлдоне» ценит жизни своих бойцов (и, соответственно, репутацию всего подчиненного ему воинского сословия) неизмеримо меньше, чем личную славу. Поэтому он позволяет норманнам покинуть остров, где они первоначально разместились, и, перейдя узкий брод в виду врага, выстроиться для битвы на ровном берегу. Герой опасается, что стесненное положение викингов обеспечит его людям слишком легкую победу, которая лишит лично его славы одержавшего верх в честном бою при равных условиях. По словам певца, вождем англосаксов движет *ofermode*, что Д. Р. Р. Толкин трактовал как проявление «всепоглощающей гордости»⁸²⁴. С точки же зрения исследователя англосаксонской «героической идентичности» С. Гвары, автор эпической поэмы противопоставляет здесь мотивировку вождя («эгоистическая слава») интересам всего воинского сословия⁸²⁵.

⁸²³ Brault G.J. La Chanson de Roland: Student Edition. — University Park and London : The Pennsylvania State University Press, 1997. — P. 64. Ср. в русском переводе: «Чтоб не сложили песен злых про нас» (Песнь о Роланде : старофранцузский героический эпос. — М. — Л. : Наука, 1964. — С. 34).

⁸²⁴ См.: Drout D.C.D. J.R.R. Tolkien Encyclopedia : Scholarship and Critical Assessment. — New York and London : Routledge, 2007. — P. 284. См. также: Hare K.G. Christian Heroism and Holy War in Anglo-Saxon England. — Baton Rouge : Louisiana State University, 1997 [unpublished PhD dissertation]. — P. 248–249.

⁸²⁵ Gwara S. Heroic Identity in the World of Beowulf. — Leiden and Boston : Brill, 2008. — P. 327.

Некое подобие представления о коллективной славе-молве национального богатырства находим в калмыцком эпосе. Джангар обращается к своим батырам, которых он в разное время принудил себе служить и заклеил в знак собственного господства, со следующей речью:

Так прославляли вы громко прозвание мое,
Что за пределами нашей земли далеко
Распространило оно сиянье свое.
И на меня человек замыслил напасть⁸²⁶.

Сначала «гордый турецкий султан», а затем и хан Кюрмен планируют нашествие на страну Бумба, завидуя славе Джангара. Тот поясняет:

Ныне, когда в государствах мира всего
Имя мое прославляют, державу мою, —
Возненавидел он громкую славу мою.
Он говорит: «На бугристой тверди земной
Слишком прославлен Джангар...»⁸²⁷

Однако в рассматриваемом случае фиксируется не коллективная слава богатырей Бумбы, но личная слава их сюзерена, повелителя, подчинившего себе батыров и как бы отобравшего у каждого из них славу. К этому выводу нас приводит обычай Джангара клеймить богатырей, переходящих к нему на службу, — обычай, исключаящий сохранение за каждым из батыров личной славы: отныне подвиги, совершенные ими, увеличивают только славу их повелителя. И мы убеждаемся в правильности этого предположения, когда слышим от певца, что хан Кюрмен намерен сокрушить Джангара именно потому, что в свое время победил его отца. Это означает, что Кюрмен считает молву о величии Джангара преувеличенной, сомневается в его реальной силе и рассчитывает без труда «похитить» славу того, кто правит Бумбой.

Былинный Киев хранит общая слава Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и Екима Ивановича, Михайло Потыка, Сухмана, Данилы Игнатьевича, братьев Сбродовичей и других

⁸²⁶ Джангар // Новый мир. Т. 16. Вып. 4–5. 1940. — С. 196.

⁸²⁷ Калмыцкий народный эпос «Джангар» / Песнь десятая. О битве Мингяна с ханом Кюрменом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://djangar.kalmykia.net/epos-djangar-21.htm>

богатырей — потому, что эпический князь Владимир не присвоил их славу, в отличие от Джангара. Слава последнего преувеличена по сравнению с его действительной личной славой как богатыря, — и эта «чужая» слава не защищает Бумбу от вторжения извне, но, напротив, провоцирует иноземных властителей проверить державу на прочность.

Итак, эпические герои — за исключением византийских и русских — не склонны оценивать коллективную славу национального воинства выше собственной жизни⁸²⁸. Напротив, нередки случаи, когда персонажи, защищая и преумножая личную славу, совершают поступки, наносящие прямой ущерб своему «сословию» с точки зрения его общей репутации. Например, в адыгейской нартиаде Батрадз, узнав о том, что нарти замышляют отравить его соратника Бадына прямо на пиру, рекомендует последнему не участвовать в празднестве, однако не препятствует отравителям. Каждый из нартив беспокоится о личной славе, не заботясь об общей репутации нартив как сообщества, — и если богатырь внутренне не согласен с планом коварного отравления, он отказывается от участия в пире, «чтобы не быть соучастником дурного дела», но не более того. Уклонение от соучастия в преступлении объясняется желанием избежать личного бесславия, однако нарти не заботятся о том, какая молва распространится о них по миру после того, как одного из них подло убьют единоплеменники.

Не беспокоятся об общей славе нартиского племени и юные герои осетинского эпоса: вместе с Сосланом они выдвигаются против войска Уарби, однако предпочитают бегство, оставляя Сослана в одиночестве. Таким же образом нередко ведут себя и джигиты в «Книге моего деда Коркута»: отступление перед превосходящими силами противника не воспринимается ими как бесславное. Здесь будет уместно провести сравнение с русским эпосом, персонажи которого никогда не обращаются в бегство⁸²⁹, что объясняется высочайшей ценностью коллективной славы в иерархии аксиологических концептов былины. «Честь-хвала богатырская» ценится выше, чем жизнь каждого из богатырей в отдельности именно

⁸²⁸ Мы говорим именно о коллективной чести национального богатырства, а не о ценности личной имущественной чести сюзерена, которую вассал обязан защищать и увеличивать по «долгу чести», — о различии этих концептов сказано выше.

⁸²⁹ Мы не принимаем во внимание, разумеется, авторский текст Л. А. Мея «Отчего перевелись богатыри на Святой Руси», который в конце XIX века попал во многие хрестоматии и оказал влияние на творчество некоторых крестьянских певцов начала века XX.

потому, что как только иноземные цари узнают о трусости кого-либо из русских витязей, это немедленно будет расценено ими как слабость всей «воинской корпорации» и спровоцирует очередной завоевательный поход на Киев. Герой же огузского эпоса, в понимании певца и слушателей, имеет моральное право отступить (разумеется, с боем, будучи теснимым врагом). Например, Казан-хан поучает своего сына поступать именно так:

Я пойду, ударю своим черным булатным мечом; это —
гяуры нечистой веры; я буду рубить им головы; отходя,
буду сражаться; отходя, буду бороться; ты смотри, как я
ударяю мечом, рублю головы, поучайся...⁸³⁰

Певец резюмирует: «В тот день молодцы-беки и герои, отходя, сражались»⁸³¹. Казан спасается бегством от гяуров и прячется:

...вдруг его ресниц коснулся меч; его черная кровь зажурчала, опустилась на его глаза; он устремился в сокрытые места⁸³².

Протагонист татарского эпоса «Идегей» отступает, бежит и прячется в камышах — поведение, совершенно немыслимое для русского богатыря, но вполне оправданное с точки зрения татарского эпического певца: этот поступок не может нанести ущерба национальной славе татарского богатырства и, следовательно, мыслится как разумный, «стратегически верный».

Когда гяур-тагавор нанес герою огузского эпоса Дундазу удар палицей весом «в шестьдесят батманов», удалой джигит «повернул своего кавказского коня, вернулся назад»⁸³³. В том же бою «не умевший отступать Дюлек-Вуран... нанес гяуру сильный удар сверху вниз, не мог одолеть его»⁸³⁴ — и поскакал обратно, избегая боя. В песне о Бисате огузы спасаются бегством, а в песне о Депе-Гэзе они обращаются в бегство несколько раз, и это отнюдь не наносит ущерба их коллективной славе, потому что такого концепта в ценностной парадигме «Книги моего деда Коркута» просто не существует:

⁸³⁰ Книга моего деда Коркута. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — С. 51.

⁸³¹ Ibid. С. 52.

⁸³² Ibid. С. 57.

⁸³³ Ibid. С. 75.

⁸³⁴ Ibid. С. 75.

Огузы не справились с Депе-Гэзом, всполошились, бежали; Депе-Гэз преградил им все пути кругом, не выпустил их. Одним словом, семь раз огузы хотели бежать, семь раз он преграждал им пути⁸³⁵.

По этой же причине слабость молодого Уруза не угрожает бесславием всему огузскому богатству:

Гяуры обступили джигитов Уруза, перебили их и пленили Уруза... схватили его, связали ему белые руки от локтей..., заставили его плакать, взывая к отцу, заставили рыдать, взывая к матери⁸³⁶.

Хотя былинный Добрыня Никитич плачет на груди у своей матери, ни он сам, ни кто-либо еще из героев русского эпоса не имеет права рыдать, будучи в плену; в понимании русского певца это нанесет непоправимый ущерб общей славе киевского богатырства и будет способствовать агрессии очередного иноземного царя. Более того, былинный герой не имеет даже морального права сколько-нибудь продолжительное время находиться в плену — об этом мы скажем во второй части нашего исследования при анализе былинного концепта «талана-участи».

Русскому витязю недоступны и некоторые уловки, «военные хитрости», к которым прибегают персонажи других национальных эпосов, но которые могли бы нанести ущерб коллективной «чести-хвале богатырской». Напротив, протагонист тюркского эпоса не опасается дурной молвы о том, каким образом он победил Демирчиоглу: избегая схватки один на один, Кероглу изменяет внешность и входит в доверие к сыну кузнеца:

Проехали они еще немного. Кероглу видит, что Ченлибель остался далеко позади. Если они схватятся и поднимут тут шум, удалцы не услышат и не поспеют на помощь. Приложил он губы к уху Демирчиоглу и как крикнет! Демирчиоглу перекувырнулся и свалился прямо под ноги коня⁸³⁷.

В заключение следует указать на концепты, характерные для аксиологических систем некоторых национальных эпосов и имеющие определенное сходство с категорией коллективной славы

⁸³⁵ Ibid. С. 78.

⁸³⁶ Ibid. С. 52.

⁸³⁷ Кероглу. — Баку : Изд-во АН АзССР, 1959. — С. 53.

в русских былинах. Это, во-первых, представление о личной чести короля, равной во французском героическом эпосе славе всей Франции. И во-вторых, — положение сербского эпического певца о юнацкой славе как «отпугивающей» врагов.

В «Короновании Людовика» певец приравнивает бесчестие короля к позору (бесславию) всей Франции:

А если есть человек, который причинит ему
(королю. — А. М.) зло,
Он должен преследовать его по равнине, до леса,
Пока не оставит его либо побежденным либо мертвым;
А если он не сделает так, Франция потеряет свою славу;
Жесты говорят тогда, что не его надо было короновать⁸³⁸.

Содержание рассматриваемого концепта, по сути, обратно тому идеалу общей славы, который мы находим в былинах. Как уже отмечалось выше, русский богатырь ценит общую славу национальной «воинской корпорации» выше собственной жизни и готов ради нее претерпеть личное бесчестие. Французский король, напротив, обязан строго охранять личную честь, личные имущественные права; он не имеет права никого прощать и щадить, но должен жестоко мстить за личное бесславие, которое в противном случае станет бесславием для всей Франции.

Существенным отличием является и то, что за ущерб, нанесенный коллективной славе русских богатырей, невозможно отомстить; этот ущерб можно только предотвратить. Что же касается ущерба для личной чести французского короля, то подобный ущерб должен быть немедленно восстановлен посредством отмщения, самых жестоких казней. Карл Великий заповедует своему сыну Людовику безжалостно расправляться с гордецами, которые пытаются противиться королю Франции и не подчиняются ему. Неповиновение феодала есть бесчестие для монарха (ведь последний лишается таким образом части своего имущества) и должно быть отмщено с максимальной жестокостью, так, чтобы о расправе пошла великая слава-молва:

Всю его землю разори и разграбь.
Если сможешь схватить его и держать в руках,

⁸³⁸ Коронование Людовика. Французский оригинал и дословный русский перевод. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/roland/frenchepos/roi/louis1.htm>

Не будь с ним ни милосердным, ни жалостливым;
Напротив, прикажи отрезать ему конечности,
Сжечь его в костре или в воде утопить;
Если французы увидят тебя попранным
Скажут нормандцы в упрек:
«Такого короля нам не надо.
Горе тому,
Кто пойдет с таким когда-нибудь на войну
Или кто будет бывать при его дворе!
А его добро мы разделим между собой»⁸³⁹.

Различие с былинным концептом коллективной славы-молвы очевидно: если последняя предохраняет Русь от внешних вторжений, то личная честь короля — приравненная к славе всей Франции и поддерживаемая с демонстративной жестокостью — защищает от внутренних бунтов, удерживая в повиновении горделивых феодалов.

Кроме того, ценность «честь-хвалы богатырской» в былинном мире не связывается с именем и статусом киевского князя. Защита князя есть одна из задач богатырства, наряду с заботой о православной вере, монастырях и святых образах, о христианском браке, о «честных» вдовах и девицах, о сиротах и т. д. Во французском же эпосе объектом защиты является личная честь короля, два его «тела» — физическое и символическое⁸⁴⁰.

Концепт коллективной славы находим в сербских эпических песнях. Он идентичен былинному с той лишь оговоркой, что общей немеркнувшей славой для сербского певца и его слушателей обладают юнаки, павшие на Косовом поле. Оставшийся в живых воин рассказывает царице Милице о героической смерти князя Лазаря, старого Юга и восьми братьев Юговичей, Бановича Страхины и Милоша, которые, поразив султана Мурата и двенадцать тысяч турок, «остави спомен роду српском / Да се прича и приповиједа / Док је људи и док је Косова»⁸⁴¹ — букв.: «оставляют память роду сер-

⁸³⁹ Коронавание Людовика. Французский оригинал и дословный русский перевод. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/roland/frenchepos/roi/louis1.htm>

⁸⁴⁰ О двух «телах» короля подробнее см.: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

⁸⁴¹ Цар Лазар и царица Милица // Српске народне пјесме. Књ. 2 : у којој су пјесме јуначке најстарије. — У Бечу : у штампарији Јерменскога манастира, 1845. — С. 295.

бов, / Чтобы шла молва и велся рассказ, / Покуда жив народ и стоит Косово».

В рассматриваемом случае сама природа славы-памяти о погибших исключает понимание этого начала в качестве действующего инструмента по предотвращению вражеской агрессии. Впрочем, именно такой славой (хотя и личной) обладает Королевич Марко. Его присутствие в стане турецкого султана обеспечивает последнему победы над «арапами». Когда же «арапы» узнают, что Марко покинул армию султана, они воодушевляются и начинают теснить турок. Слава-молва о победах Марко (как и слухи о подвигах русских былинных богатырей) является крайне эффективным оружием «информационной войны», средством подавить боевой дух противника. Отличие заключается лишь в том, что Марко — одинок, и поэтому речь идет исключительно о его личной славе.

Как можно видеть, в сербском эпосе две функции славы-молвы как бы разделены в темпоральном плане: слава-память присуща павшим косовским героям, славой же как инструментом устрашения обладает одинокий юнак Марко, совершающий свои подвиги уже после Косовской битвы, находясь на службе у турецкого султана.

В заключение настоящего раздела необходимо уточнить еще один аспект. Упоминания о славе национального рыцарства, единоплеменных удальцов, джигитов и батыров встречаются во множестве средневековых текстов и в огромном количестве фольклорных записей — например, в романе «Персефорест» некий персонаж говорит о том, что остров Британия «высоко ценится благодаря славному рыцарству»⁸⁴². Подобные места мы вынуждены игнорировать, поскольку нас интересуют не комплименты и выражения патриотических чувств, но только те случаи, когда коллективная слава той или иной национальной «воинской корпорации» является для героя мотивирующей ценностью, превышающей цену его собственной жизни. Именно этот критерий мы положили в основу нашего аксиологического анализа, по результатам которого находим возможным сформулировать следующую закономерность: ценностный центр общеэпического героя ориентирован на приращение личной славы — и, соответственно, на минимизацию личного бесславия. Исключением являются эпосы православных народов: греческого, сербского и русского, с их систематическим

⁸⁴² Цит. по: *Королева Е. М.* История Александра Великого: отрывки из романа «Персефорест» (перевод со среднефранцузского) // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2012. № 27. — С. 129.

нивелированием личной славы как положительно нагруженной категории. Уникальной же особенностью русского эпоса — повторим это еще раз — является наличие развитого представления о коллективной славе национального богатырства как инструмента по сдерживанию вражеских нашествий.

Русский эпический концепт «общая слава богатырей»

Итак, в русском эпосе трактовка «честь-хвалы», «выслуги богатырской» принципиально отличаются от описанного выше концепта личной славы, оставшегося по сути своей языческим: последний систематически девальвируется в былинах, утверждающих в ценностном центре слушателя уникальное представление о коллективной славе русского богатырства.

Удачное определение былинной славы, которое дал Ф. М. Селиванов⁸⁴³, необходимо расширить: основное значение этого слова в русском эпосе — добрая молва, признание во всем мире заслуг русского богатырства по защите на земле Божьих установлений и страдающего человека; таким образом, молва, удерживающая сильных мира сего от беззакония. А также — средство и форма сохранения этой молвы; то, что вызывает, в частности, приток новых богатырей в Киев.

Как мы уже неоднократно отмечали выше, связь коллективной славы-молвы с обороной Киева — и вообще русской земли — имеет для эпического певца (и его героев) конкретный смысл: чем больше гремит во всем мире слава о русских богатырях, тем меньше у иноземных властителей желания отправиться на Русь с набегом или завоевательным походом.

Помимо внешних «наильников» соборная слава киевских богатырей призвана смирять своих же, русских удальцов, удерживать их от разного рода злоупотреблений и бесчинств. Неслучайно Илья Муромец заботится о том, чтобы весть о его победах достигла ушей Чурилы Пленковича⁸⁴⁴: «старой», разумеется, не пытается затмить Чурилу блеском личной славы, его послание — всего лишь предупреждение столичному «щалу», богачу и соблазнителью.

⁸⁴³ См.: Селиванов Ф. М. Общественно-эстетическая функция былин // Полифункциональность фольклора. — Новосибирск : НГПИ, 1983. — С. 55.

⁸⁴⁴ Подробнее об этом сюжете см.: Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское : Сравнительно-критические наблюдения над словесным составом народно-го русского эпоса. — СПб. : Н. И. Михайлов, 1869. — С. 572.

Отказ от подвигов, обеспечивающих личную славу и наносящих ущерб коллективной репутации богатырства, — верная примета положительного былинного героя. Именно это побуждает молодого Дюка Степановича разбудить Илью Муромца и Добрыню Никитича, которых он застает спящими в шатре по дороге в Киев (см. выше).

Хотя перспектива разбудить Илью и Добрыню страшит про-тагониста, для него совершенно немислимо напасть на спящих. Между тем для «неверных» героев (а также для многих персонажей мировой эпической поэзии, о чем говорилось выше) это вполне приемлемый вариант действия:

Где не взялся... татарченок.
Татарченок-бусурманченок;
Он взошел в шатер, сам дивуется:
— Еще быть это Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
Сонного мне убить — не честь не хвала,
А разбудить его — не сладити.
Цап-царап его во белую грудь.
Он не попал, злодей, во белую грудь,
Он попал, злодей, в чуден зóлот крест;
От креста копье загибалось⁸⁴⁵.

Именно Илья Муромец — как «старой», то есть старший из богатырей, — имеет моральное право выражать общую оценку того вклада, который каждый из русских витязей вносит в общую «копилку» соборной славы. Так, дружинники Алеши Поповича в мезенском варианте готовы устремиться в бой в надежде, что про их славный подвиг узнает «старый казак Илья Муромец сын Иванович»:

Не дошедши старик нам поклонится⁸⁴⁶.

Другой пример того, как былинный герой отторгает личную славу, находим в песнях про Константина Саульевича, который, как мы показали выше, став победителем Кунгура-царя, не при-

⁸⁴⁵ Илья Муромец и татарченок // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 218.

⁸⁴⁶ Старина про Алешу Поповича: [Былина] № 7 // [Ефименко П. С.] Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. — М. : Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878.

сваивает ничего из имущества последнего, т. е. не стремится приписать победу именно себе — и, более того, предпочитает оказаться в темнице, лишь бы не хвастать о совершенном подвиге.

Обесценивание личной славы, к стяжанию которой сначала стремится герой, происходит и в былине о Садко; именно желание славы-молвы толкает гусяра на сговор с Морским царем. Не золото нужно герою, но — слава одиночки, взявшего верх над целым городом.

Выше мы уже затрагивали вопрос о том, что в ценностном центре протагониста былины про Алешу и Тугарина к концу сюжета происходит резкое возрастание ценности личной славы. Сразив Змеевича, Алеша не выдерживает испытания победой и пытается присвоить «платье цветное» Тугарина, как и его летающего коня, чтобы записать славу победителя на «личный счет». Когда слушатель узнает о том, что Попович надевает иноземное «платье цветное... ценой в сто тысячей», снятое с обезглавленного тела Тугарина, он догадывается о том, что Алеша в духовном плане перестает быть русским героем. В былине это перерождение ярко иллюстрируется реакцией его побратима Екима Ивановича, для которого победитель символически превращается в побежденного. Паробок Еким принимает героя за «татарина» и одним ударом выбивает его из седла, а в одном из вариантов — даже убивает:

Наредилсэ всё Тугарина да в платьё в чветноё.
Он садилсэ на его всё на добр́а коня;
Иише платьё у ево ведь было на сто тысецей,
Ай убор-то у коня-та — цёны не было.
Он поехал тут ко б́ратёлку крестовому,
Ай к тому ли он к Екиму-то Ивановичу.
Тут увидел ево б́ратёлку крестовой-от;
Он ведь думат — едет змей Тугарин сам;
Он наладил всё свою да стрелочку калёную,
Он стрелял-то всё в Алёшеньку Поповиця.
Он свалилсэ тут Алёшенька з добр́а коня;
Он отьсек взял у ево всё буйну голову,
Отдирал-то он сь его да платьё цъветноё,
Он увидел на грудях ево да золотой-то крест:
«Охте мне-ценько теперече тошнёшенько!
Я убил-то своего брата крестового»⁸⁴⁷.

⁸⁴⁷ Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина: [Былина] № 47 // Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. — С. 203.

Чудом выживший — или воскрешенный «мертвою и живой водой», как в цитированном варианте, — Попович вынужден снять с себя «платье цветное», однако не может удержаться от соблазна въехать в город с отрубленной головой Тугарина, воздетой на копье. В некоторых вариантах он даже глумится над этой частью тела — с очевидной целью распространить славу-молву о себе. Подобный «прием», рассчитанный на то, что люди будут рассказывать друг другу о победителе и его запоминающемся триумфе, соответствует распространенному в эпической поэзии многих народов мотиву надругательства над телом убитого противника.

С этого момента вся былинная «биография» Алеши Поповича представляет собой историю напряженной внутренней борьбы с тщеславием, гордостью. Будучи единственным из киевских богатырей, полностью лишенным физической силы, этот герой все время пытается превзойти и затмить остальных, заполучив все лучшее, самое ценное — ради славы обладателя (в том числе, как мы говорили выше, и лучшую жену былинного Киева, Настасью Микулишну, а также сестру братьев Сбродовичей). Неслучайно в ряде вариантов старины про Камское побоище именно Алеша высказывает горделивую идею вызвать на бой «силу небесную» — такой помысел характерен для тщеславного героя и является своего рода «точкой экстремума» в процессе его духовного перерождения в богатыря-язычника.

Итак, ценность личной славы в былинах последовательно девальвируется, и этот концепт вытесняется представлением о соборной славе русского богатырства. В мезенской былине, записанной П. С. Ефименко, русские богатыри перед боем с великой силой Мамаю надеются не на личную славу, но — на соборную:

И пройдет славушка про нас не малая⁸⁴⁸.

В былинном мире Киев славится именно своими богатырями:

А й как на тот ли тот ли стольне Киев град,
А идет честь ведь слава великая,
А й что во том ли гради да во Киеви,
Есть старой казак да Илья Муромеч⁸⁴⁹.

⁸⁴⁸ Старица про Илью Муромца: [Былина] № 8 // [Ефименко П. С.] Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. — М.: Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. — С. 33.

⁸⁴⁹ Дюк: [Былина] № 218 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. Т. 3. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1900. — С. 133.

Избалованный роскошью иноземец Дюк Степанович отправляется из «Индеи богатой» в сравнительно бедный, но героический Киев только потому, что этот город «славен богатырями»⁸⁵⁰:

...Посмотреть князя да со княгинею,
Русских могу́чих да бога́тырей⁸⁵¹.

Примечательно, что сходный концепт коллективной славы-молвы находим в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, где говорится, что русская земля «въдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли» — потому, что «сотворивший великаа и дивнаа» князь Владимир Святославович «мужествомъ же и храборѣствомъ прослуша въ странахъ многих, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словутъ»⁸⁵².

Русские богатыри совершают свои подвиги не для приращения личной славы и не ради личной чести (добычи или мести), но для того, чтобы молва о их славе разошлась по миру. В нижегородском варианте Илья Муромец, рассеяв «темную силушку», нагнанную под Чернигов тремя иноземными царевичами, оставляет последних в живых и отпускает со следующим наказом:

Вы поедѣте по svýmъ мѣстам,
Вы чините вездѣ такову славу́,
Што святая Русь не пустá стоит,
На святой Руси есть сильны́-могу́чи бога́тыри⁸⁵³.

Как справедливо заметил (вслед за О. Ф. Миллером) педагог В. Я. Стоюнин, Илья Муромец — как «старой», то есть старшина киевских витязей — хлопочет о славе «только затем, чтобы враги знали силу святорусских богатырей и боялись бы ее»⁸⁵⁴. Ученый обратил внимание на то, что этот персонаж «не видит славы» в том, чтобы проливать кровь, «слезить» отцов и матерей, «вдовить»

⁸⁵⁰ Впрочем, наряду с богатырством, Киев также знаменит «боярами большебрюхими» и «людьми лукавыми», о которых Дюка предупреждает его матушка.

⁸⁵¹ Дюк Степанович и Чурила Пленкович: [Былина] № 145 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 617.

⁸⁵² Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Т. I : XI–XII вв. — СПб. : Наука, 1997. — С. 42, 44.

⁸⁵³ Первая поездка Ильи Муромца // Илья Муромец. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 27.

⁸⁵⁴ Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы. — СПб. : Типо-литогр. и фотот. П. И. Бабкина, 1898. — С. 430.

молодых жен, пускать по миру сирот⁸⁵⁵. Здесь мы подходим важнейшие особенности коллективной славы русского богатырства: далеко не каждый подвиг может способствовать ее приращению, но только тот, который совершен героем не в его собственных интересах. Необходимо согласится и с другим замечательным российским исследователем — А. Н. Сиротининым — в том, что «не слава и не жажда наживы вызвали богатыря (Илью Муромца. — А. М.) из родительского дома, а создание своего долга пред Богом и родиной»⁸⁵⁶.

Упомянутое выше избавление жителей Чернигова от осады не входило в планы Ильи Муромца, не могло способствовать его личным интересам и, более того, явилось прямым нарушением его собственной заповеди (данной в честь Светлой Пасхи) «не кровавить сабельку» и не накладывать стрелу на тетиву по дороге в Киев. Герой мог бы проехать мимо осажденного города и успеть к «обеде воскресенской» — однако он опаздывает на столь важную для него пасхальную службу (ради которой и предпринято само путешествие по «дорожке прямоезжей»), чтобы помочь жителям Чернигова. Объяснить этот поступок тайной корыстью или карьерными планами невозможно: Илья не собирается становиться воеводой в освобожденном городе и не рассчитывает на дары благодарных горожан — ведь такую честь он отвергает. Что же тогда движет героем?

Разгадку находим в самих былинных записях: певец помогает слушателю постичь «иррациональную» мотивацию героя, изображая несчастных жителей осажденного города, которые на пасхальной службе плачут и прощаются друг с другом, ожидая скорую гибель, — вместо того, чтобы радоваться, как и положено радоваться в этот праздничный день всякому христианину. Этот удивительный образ — плач и ожидание смерти в праздничном храме в день, когда Бог победил смерть, — вызывает в сердце слушателя любовь-жалость. И точно такое же чувство, разгораясь в «неутерпчивом сердце богатырском», охватывает всего Илью Муромца — и дает герою право на вмешательство и победу, окрыляет его смелостью и вызывает прилив чудесной силы.

Жалость к страдающему человеку или, выражаясь языком новозаветных заповедей, любовь к ближнему — вот что движет русским эпическим героем. В былинах эта мотивация крайне редко

⁸⁵⁵ Ibid. С. 431–432.

⁸⁵⁶ Сиротинин А. Н. Беседы о русской словесности. — СПб. : Я. Башмаков и Ко, 1913. — С. 90.

совпадает с прагматическим расчетом на добычу, на восстановление поруганной славы или чести (исключение — совпадение любви-жалости к родителю или родственнику с мотивацией восстановить личную честь последнего, которая является составляющей личной чести самого героя). Однако действие, совершенное из любви-жалости, в общеэпической системе ценностей почти всегда является безрассудным, опасным и вредным, потому что не направлено ни на одну из тех аксиологических категорий, совокупность которых образует содержание эллинской и любой другой дохристианской или внехристианской мудрости.

Действие, связанное с риском для жизни, но отнюдь не мотивированное личным благом, — то есть деяние, совершаемое без рациональной цели, единственно из сострадания, из-за невозможности противостоять внутреннему категорическому императиву любви — является для общеэпического персонажа чем-то, напоминающим добровольное членовредительство или даже самоубийство, тогда как для христианского сознания это — подвиг ради славы Божией. Единственным объяснением такого подвига (совершаемого, необходимо повторить, с непременным риском для жизни героя), может быть только невозможность поступить иначе, сдержат «неутерпчивое сердце», охваченное состраданием.

Мотивацией героя, действующего из любви-сострадания, является подражание Христу и желание соблюсти Его заповедь о деятельной любви к ближнему. В понимании русского эпического певца каждый подвиг, совершаемый ради Христа, — то есть исключительно потому, что так велел поступать Сын Человеческий — увеличивает и распространяет славу Божию на земле. Таким образом, коллективная слава русского богатырства функционально есть средство по предотвращению вражеских нашествий, а содержательно она выступает как совокупность подвигов, совершаемых бескорыстно, — во славу Божию и даже в известном смысле в ущерб собственным интересам и личной славе.

Слава общеэпического героя может увеличиваться от его злодеяний, — причем, как мы видели выше, совершенных с особой изобретательностью именно в расчете на молву. Нередко сама по себе победа приносит герою славу, безотносительно того, был ли он прав или справедлив — победителей не судят. Так, Гектор сражается не по велению сердца и отнюдь не для того, чтобы восстановить справедливость, ведь беззаконие Париса очевидно. Троянцы же отнюдь не раскаиваются и упорствуют в нечестии, рассчитывая, что сама по себе победа даст им славу и оправдает их перед потомками. Такое невозможно в отношении коллективной славы рус-

ского богатырства. Если бы киевские витязи оказались в подобной ситуации, то были бы обречены, потому что в былинном мире первая же несправедливая победа лишит их всего «капитала» коллективной чести-хвалы, накопленной поколениями героев, совершавших подвиги во славу Божию.

Действительно, способствовать увеличению общей богатырской славы может только такое деяние, которое невозможно отнести на «личный счет» славы того или иного героя. Подобным подвигом является упомянутое выше освобождение Чернигова от «темной силушки» — потому, что оно было предпринято вопреки заповеди, добровольно наложенной на себя протагонистом. С точки зрения общеэпического сознания, нарушив собственную заповедь и вступив в ненужную ему битву, герой обесславил себя и, как следствие, лишил возможности стяжать молву. Далее, отказываясь от заслуженной чести — в частности, от статуса воеводы — персонаж признает свой низкий социальный статус и тем самым бесчестит себя самого. Заметим, что былинный Илья, прибыв в Киев, никому не рассказывает о имевшем место «дорожном эпизоде».

Другой не менее важной особенностью концепта коллективной славы русского богатырства является то, что подвиг героя, призванный преумножить эту общую славу, ни при каких обстоятельствах не может быть истолкован — ни певцом, ни самим героем, ни слушателем — как поступок, обеспечивающий «личный прорыв» в бессмертие («пропуск в рай», подобный тому, который получает за свои подвиги Гийом Оранжский).

Апофеозом коллективной славы русского богатырства становится в былинах победа киевских витязей над войском Калина-царя: избавление Руси от самой страшной опасности, когда-либо грозившей православной вере. После этой победы «уровень» славы достигает такой высоты, что для богатырей возникает соблазн бросить вызов «силе небесной» — самим ангелам. Заметим, что и в этом отрицательном случае герои подразумевают свою общую славу, а не славу личную — например, Ильи Муромца, или Добрыни Никитича.

Как мы уже замечали выше, «слава» в былинах — не только инструмент по предотвращению вражеских нашествий, но и средство (а также форма) сохранения и распространения молвы, вызывающей приток новых витязей в Киев. Когда богатыри «первого поколения» состарились, эстафету принимают совсем молодые — такие, как Ермак Тимофеевич. Его появление и утверждение в статусе защитника русской земли происходит в тот драматичный момент, когда уже никто, казалось бы, не может ответить на вызов вражеского нашествия:

Когда во Киеве была добра́ пора,
Тогда во Киеве было защитчиков,
Защитчиков и заступчиков,
А как стало во Киеве недобра́ пора,
Так нет во Киеве защитчиков,
Защитчиков и заступчиков⁸⁵⁷.

Здесь мы еще раз убеждаемся в том, что распространение доброй славы о подвигах богатырей по миру — не прихоть тщеславных витязей, но единственно возможный и эффективный способ держать мир в курсе того, что Киев по-прежнему «славен богатырями». В связи с этим совершенно необходимым оказывается особый вид оповещения о новых молодых богатырях и о недавно совершенных подвигах — то, что называется «похвалой богатырской».

Такая похвальба, возводимая некоторыми исследователями в ранг главного мотива, побуждающего былинных героев к действию (например, по мнению Ф. И. Буслаева, «хвастовство богатырей на пиру составляет основное содержание наших былин»⁸⁵⁸), в действительности не имеет никакого отношения к желанию прославить собственное имя в веках. Это поведение предполагает исключительно функциональный смысл: богатырь таким образом информирует князя и всех присутствующих о своей «выслуге» — исполненной миссии. Похвальба не может быть обещанием подвига или своего рода рыцарским обетом: это доклад князю и всему миру об уже произведенной «работе богатырской».

В понимании былинного певца использование богатырской силы допустимо только для защиты «законов Божьих» и страдающего человека. Если же сила применяется «вхолостую», для последующего превозношения героя или для устрашения кого-либо, это — «не честь хвала богатырская».

Именно так ведут себя антагонисты русского былинного эпоса: Змей Тугарин, Сокольник, Чурила; про последнего поется:

Да едѣ молодец да и сам тешится,
Да с коня-де на коня перескакиваѣт,
Из седла в седло перемахиваѣт,
Через третьего да на четвертого,

⁸⁵⁷ Илья Муромец и Калин царь: [Былина] № 105 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. Т. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1896. — С. 240.

⁸⁵⁸ Цит. по: *Липец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. — М. : Наука, 1969. — С. 286—287.

Да вверх копьё побрасывает,
Из ручки в ручку подхватывает⁸⁵⁹.

Для всех киевских витязей вслед за «пустой» похвалой непременно наступают самые неблагоприятные последствия. Преждевременное хвастовство не страшно для боярина, купца или крестьянина, и только богатыря оно лишает силы или даже жизни. Представители других сословий за княжым столом хвастают чем угодно (богатством, женой, оружием и др.), но богатырь не может хвастать ни золотом, ни конями — ничем, кроме своей «выслуги»:

...Как скачен нам жемцюг да всё не выслуга,
Кабы чистое серебро — не похвальба...⁸⁶⁰

Князь Владимир и пирующие с ним привыкли к обилию «пустой» похвалы за столом, и поэтому рассказ о «выслуге» нередко воспринимается ими с недоверием; доклад требует доказательств (в качестве такового, например, Илья Муромец демонстрирует киевскому князю и его окружению связанного Словья-разбойника).

Повторим еще раз: в былинном мире похвальба преждевременная или «не по заслуге» непременно наказывается. Ставер, похваставший молодой женой, оказывается в заточении; Святогор, похваляющийся тем, что «Как бы я тяги нашел, / Так я бы всю землю поднял!», как раз по колени «угрязает» в землю⁸⁶¹. Даже «богатый гость» Садко рискует понести суровую кару за свою «пустую» похвальбу:

Не хватае у Сатка больше золота
Купить тут запасов да хлебных
Да товаров да красных.
За свое за бахвальство за ложное
За своё пустое за хвастанье

⁸⁵⁹ Молодость Чурилы: [Былина] № 223 // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. Т. 3. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1900. — С. 163.

⁸⁶⁰ Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовичей: [Былина] № 117 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 531.

⁸⁶¹ Про Святогора богатыря: [Былина] № 7 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861. — С. 33.

Отсечь наб Сатку буйна голова,
Прикончить Сатку своя скоро жизнь⁸⁶².

А река Смородина прямо указывает утопающему богатырю на действие духовного закона, согласно которому «пустая» похвальба лишает силы: «не я тебя топлю, добрый молодец, топит тебя похвальба — твоя пагуба»⁸⁶³.

Но как быть начинающему богатырю, который еще не совершил подвигов, а уже попал на пир к князю? В таком затруднительном положении оказывается молодой Дюк Степанович — и принимает мудрое решение: хвастает своей старой матушкой (подчеркнем, что он рассказывает не о собственной «золотой казне», а именно о богатстве матушки). Поскольку Дюк уже воспринимается князем как богатырь, ему немедленно предлагают доказать, что «не пустым ли ты, детина, да похваляешься?»⁸⁶⁴.

Наказание за преждевременную похвальбу ожидает и Сухмана. Он похваляется тем, что сможет добыть «лебедь белую... не кровавлену» — задача ничтожная по сравнению с битвой, предпринятой им один на один с вражьей силой в «сорок тысяч злых татаровей»⁸⁶⁵. Но киевский князь спрашивает богатыря не о выигранном сражении, а о белой лебеди, которую герою так и не удалось добыть. В былинном мире ответственность представителя «богатырской корпорации» за пустое бахвальство на княжьем пиру настолько велика, что такая вина не может быть искуплена даже последующей «выслугой». И это тоже вынужденная мера, действенный способ сохранить честь богатырского сословия.

Героям русских былин вообще приходится чрезвычайно строго охранять свою коллективную репутацию. Илья Муромец хвалит Дуная Ивановича за то, что тот оставил в своем шатре записку с угрозой («Уж и кто попьёт-поест а покушает, / Не уехать и живому да из... ах из чиста поля»⁸⁶⁶), не потому, что Муромцу импонирует

⁸⁶² Садко, Вольга и Микула // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. Т. 1. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1894. — С. 14.

⁸⁶³ «Когда было молодцу...» // Великорусские народные песни. Т. I. — СПб. : Гос. тип., 1895. — С. 369.

⁸⁶⁴ Дюк Степанович и Чурила Пленкович: [Былина] № 151 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 637.

⁸⁶⁵ Про Сухмана: [Былина] № 80 // Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 226.

⁸⁶⁶ [Добрыня и Дунай]: [Былина] № 49 // Былины Севера. Т. 1. Мезень и Печора. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — С. 349.

забота Дуная о собственном имуществе: такие записи «берегут» честь богатырства. Впрочем, другому богатырю не подобает принимать такие угрозы всерьез. Это прекрасно понимает Добрыня Никитич:

А приеду я в стольнѣй Киѣв-град,
Станут богатыри всё испрашивать,
А и станут вси русьские всё разведывать,
А што им я скажу, што, ах, поведаю?
Не честь-хвала молодецкая,
Да не выслуга богатырская⁸⁶⁷.

Единственным выходом из сложившейся ситуации оказывается вынужденный поединок двух русских витязей, — поединок, принятый ими ради самого поединка, а не ради победы:

— Те спасибо нонь, Дунай да сын Ивановиц,
Не оставляешь свой шатер без угроз молодецких,
Те спасибо-ле, Добрынюшко Микитич млад,
Не боишься ты угроз да молодецких⁸⁶⁸.

В этой ситуации «старой» Илья выступает в привычной роли хранителя коллективной славы русского богатырства. Однако Муромец беспокоится и о том, чтобы не «перевелись богатыри на Руси»:

В нашу державу святорусскую
Пойдут семена — плод богатырский,
То лучше злата и серебра⁸⁶⁹.

Поэтому Илья следит за тем, чтобы богатыри не перебили друг друга и не пострадали от несправедливости киевского князя. Он, в частности, примиряет Алешу Поповича и братьев Сбродовичей

⁸⁶⁷ Бой Добрыни с Дунаем: [Былина] № 134 // Былины : В 25 т. Т. 1. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001. — С. 579.

⁸⁶⁸ Бой Добрыни и Дуная // Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974. — С. 141.

⁸⁶⁹ Михайло Потык сын Иванович: [Былина] № 15 // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1862. — С. 61.

(Долгополых)⁸⁷⁰, а потом спасает Алешу от разъяренного Добрыни⁸⁷¹; кроме того, избавляет от смерти Чурилу, проигравшего «заклад» с Дюком⁸⁷².

Русское эпическое сознание осведомлено о том, какую ценность имеет личная слава для противников Руси и устойчиво соотносит этот концепт с «чужим» миром. Как мы видели выше, показная сила, удалство, богатство — демонстрируемые для распространения молвы — присущи в русском эпосе прежде всего антагонистам. Более того, былинные герои нередко провоцируют своих врагов, обоснованно полагая, что стремление к личной славе является главной «пружиной» их поступков. Так, царь Соломан, чтобы избежать немедленной гибели от руки Василия Окуловича, парадоксальным образом предлагает последнему устроить ему, Соломану, публичную казнь через повешение — дабы его противник мог благодаря этому распространить славу-молву о себе:

А ты дави-тко меня царя Соломана,
А ты дави-тко миня да нонь при публики, —
А пройдёт эта славушка по фсея земли:
А задавил ты миня — царя Соломана!⁸⁷³
А на то Васильюшко соглашайсье⁸⁷³.

Аналогичным образом Добрыня Никитич, как было отмечено выше, напоминает Змее: если она убьет его, купающегося в реке и потому безоружного, то такое убийство не принесет ей славы.

* * *

Итак, русские былины являются единственным принципиальным исключением из общего для мировой эпической поэзии правила, согласно которому слава может принадлежать лишь конкретному герою и понимается как специфический субститут инди-

⁸⁷⁰ См., в частности: Алеша Попович и сестра братьев Долгополых: [Былина] № 3 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литогр. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 25.

⁸⁷¹ См., в частности: Женидьба Добрыни и неудавшаяся женидьба Алеши: [Былина] № 62 // Марков А. В. Беломорские былины. — М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. — С. 324.

⁸⁷² См., в частности: Дюк Степанович: [Былина] № 24 // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литогр. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — С. 128.

⁸⁷³ Василий Окулович и Соломан: [Былина] № 365 // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. Т. III. — СПб. : Тропа Троянова, 2003. — С. 338.

видуального бессмертия или же как залог посмертного блаженства. Русское эпическое сознание, напротив, мыслит славу в качестве коллективного свойства всего национального богатырства (сообщества «крестовых братьев») — как начало, призванное удержать иноземных владык от вторжений на Русь и обеспечить защиту на земле Божьих установлений и страдающего человека.

Слава богатырства и идеал христианской любви

В ценностном центре многих былинных героев центральную позицию занимает концепт сострадающего и благочестивого (т. е. почитающего святыни) «сердца богатырского», — тот альтруистический принцип, который А. А. Ухтомский называл «доминантой на лицо другого»⁸⁷⁴. Богатыри этого типа, с одной стороны, не желают личной славы и личной чести (т. е. свободны от «заплывчивости» и «зависти»), а с другой стороны, не гnevаются при нанесении им личного бесчестия или бесславия. При этом бескорыстные подвиги сострадания, совершаемые исключительно из любви к ближнему и часто вопреки личным интересам героя, вызывают удивление у всех тех, кому ценность деяний «во славу Божию» недоступна, — что и обеспечивает распространение молвы о русских богатырях во всем мире.

⁸⁷⁴ «Только там, где ставится доминанта на лицо другого как на самое дорогое для человека, — впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки, ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, — ему открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» (*Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Избранные труды. — Л.: Наука, 1978. — С. 89*).

Выводы

Как следует из нашего исследования, частные смыслы былин в своей совокупности являются отнюдь не конгломератом разновременных и противоречивых семантических линий, «отложившихся» в эпической традиции за время ее исторического бытования в различных социальных средах, но — элементами единой ценностной парадигмы: аксиологической картины мира, общей для всех певцов, исполнявших воспринятые традицией варианты былин.

При этом ценности, влияющие на поступки действующих лиц русской героической поэзии, составляют две конкурирующие мировоззренческие модели. Эти модели имеют аналогичную иерархию; при сравнении ценностей, занимающих в них идентичные высшие позиции, выясняется, что для обозначения таких парных ценностей в языке былин используются одни и те же слова: «слава» («слава́ великая», «славушка») и «честь» («почести», «чешь», «чесь»).

Одноименные парные аксиологические категории славы и чести в содержательном плане исключают друг друга и конкурируют в ценностном центре былинного актора. Совершая тот или иной поступок, главные герои, второстепенные персонажи и антагонисты русского эпоса предпочитают одну из двух конкурирующих парных ценностей (при этом одно и то же действующее лицо в различных ситуациях может предпочесть различные ценности). В рамках каждой пары та или иная из двух конкурирующих ценностей, будучи предпочтена героем и становясь таким образом аксиологической доминантой его ценностного центра, как правило, приводит к дурным для самого героя последствиям, тогда как противоположная по содержанию ценность неизменно, за редчайшими исключениями, — к последствиям благоприятным.

Картина мира, основанная на аксиологической доминанте героического гнева, а также желания личной славы и личной чести (и которой свойственен примат предельных ценностей личной славы и личной чести) характерна для эпической поэзии многих народов мира (за исключением русской, сербской и византийской) и совпадает с осуждаемым в христианстве мировоззрением «ветхого человека» — не обязательно язычника, но того, кто, даже будучи воцерковленным, не исполняет на деле заповеди Христа о любви к Богу и ближнему.

Аксиологические доминанты соборной славы киевского богатырства и общей чести защищаемых витязями реалий — материальных и нематериальных святынь — в развитой форме свойственны русскому эпическому сознанию (отдельные составляющие таких доминант обнаруживаются, впрочем, в византийской и в сербской эпической поэзии). На этом основании можно уверенно говорить о том, что картина мира, утверждаемая русскими сказителями в сознании своих слушателей, в сущностных чертах — в том, что касается наивысших, предельных, конечных ценностей, — тождественна христианским представлениям о «новом человеке», отвергающем себялюбие и исполняющем на деле новозаветные заповеди.

Таким образом, предельные ценности русского эпического сознания — страдающий человек и установленные Богом законы, святыни — указывают на главное содержание национального эпического контекста, т. е. «затекстового» знания певцов, которое в процессе исполнения былин непосредственно не высказывается и напрямую эпических героев не мотивирует. Это знание о наивысшей и абсолютной ценности, определяющей ценность ближнего и ценность святынь, которые обретают свое достоинство и значение исключительно в связи с подобным «за-предельным» началом. Такое начало не может вместить в себя художественная реальность эпоса, но вполне вмещает русское эпическое сознание: мы говорим о Христе, заповедавший необходимость любви к Богу и ближнему.

Добавим, что русский былинный эпос в ценностном плане кардинально отличается от героической поэзии других народов (за исключением сербской и византийской) в силу того, что только в былинах высшие ценности «ветхого человека» — личная слава и личная честь — последовательно девальвируются и замещаются ценностями христианскими.

Действительно, сравнение предельных ценностей русского былинного эпоса с предельными ценностями других эпосов — а также сопоставление былинных духовных законов (т. е. той логики, которая определяет причинно-следственную связь между поступком и его последствиями) с духовными законами других эпических нарративов — обнаруживает глубочайшие различия между ними. Таким образом, представляется совершенно оправданным сделать вывод о том, что аксиологическая система русских былин либо никогда не содержала «языческих» ценностей, либо — за редчайшими исключениями — полностью преодолела их.

В отличие от эпической поэзии других христианских народов (за оговоренными выше немногочисленными исключениями), в случае которой христианские черты имеют поверхностный характер и не затрагивают сферу ценностных мотиваций героев, в русском эпосе языческие и христианские аксиологические доминанты не примиряются, но самым решительным образом противопоставляются. И если «Беовульф», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде» — а также испанская «Песнь о моем Сиде» и армянский «Сасна црер» — являются в ценностном плане памятники языческими (хотя и созданными христианизированными народами), то русские былины должны быть признаны совершенно уникальным явлением мировой культуры: единственным в своем роде образцом христианского героического эпоса.

Список использованных источников

Записи русского (эпического) фольклора: публикации

1. Великорусские народные песни. Т. I. — СПб.: Гос. тип., 1895.
2. [Гуляев, С. И.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. — Новосибирск : Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939.
3. [Ефименко, П. С.] Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2. Народная словесность. — М. : Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878.
4. [Копержинский, К. А.] Былины Восточной Сибири (Новые записи) // Русский фольклор. Т. II. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
5. [Миллер, В. Ф.] Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. — Петроград. : Тип. Имп. Акад. наук, 1915.
6. [Озаровская, О. Э.] Бабушкины старины. — Петроград : Огни, 1916. — 122 с.
7. [Ончуков, Н. Е.] Печорские былины. — СПб. : Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904.
8. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. — СПб. : Тропа Троянова, 2002—2003.
9. Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М. : А. А. Левенсон, 1901.
10. Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.
11. Былины : В 25 т. Т. 1—4. — СПб. : Наука; М. : Классика, 2001—2004.
12. Былины Печоры и Зимнего берега: (Новые записи). — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
13. Былины Пудожского края. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1941.
14. Былины Севера. Т. 1—2. — М. — Л. : Акад. наук СССР, 1938—1951.
15. Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1960.
16. Былины новой и недавней записи из разных местностей России. — М. : Синодальная Тип., 1908.
17. Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М. : Наука, 1974.
18. Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. — М. : Наука, 1977.
19. Илья Муромец (Народная сказка) // Москвитянин. 1843. Ч. 6. № 11.
20. Новгородские былины. — М. : Наука, 1978.

21. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. — СПб. : тип. Акад. наук, 1894–1900.
22. Онежские былины. — М. : Гос. лит. музей, 1948.
23. <Отрывок былины об Иване Годиновиче> / *Ширяева П. Г., Кравчинская В. А.* Две былины в записях конца XVII–XVIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
24. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. — М. : Тип. А. Семена, 1860.
25. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 3. — М. : Тип. А. Семена, 1861.
26. Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 5. — М. : Тип. Бахметева, 1863.
27. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I–II. Народные былины, старины и побывальщины. — М. : Тип. А. Семена, 1861–1862.
28. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. — Петрозаводск : Губернская тип., 1864.
29. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
30. Русские былины старой и новой записи. — М. : Скоропеч. А. А. Левенсона, 1894.
31. Сказитель Ф. А. Конашков. — Петрозаводск : ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948.

Записи русских былин : архивные материалы

32. Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 8–13, маш.
33. Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 32–36, маш. «Соломан и Василий Окулович», бывальщина.
34. РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 33, л. 9 об., рукоп. «Перемет сын Иванович».
35. ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 502.1; 503.1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, маш., № 3 «Ставер Годинович».
36. ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 507.1, 508.1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, маш., № 2 «Василий Буслаевич».
37. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 35 об. — 42 об. (полев.), тетр. 4, л. 13 об. — 18 об. (перебел.)
38. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 11, л. 18 — 20 об. (полев.), тетр. 3, л. 41 об. — 43 (перебел.)
39. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 12, л. 2–6 (полев.), тетр. 3, л. 54 об. — 57 (перебел.)

40. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 425, л. 567–579, маш.
41. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 10, л. 48–50, маш.
42. РО ИРЛИ, р. V, к. 5, п. 14, ед. хр. 10а, л. 1–9; п. 13, ед. хр. 14, л. 73–73 об. (п. з.); б. рkp. — там же, п. 14, ед. хр. 10, л. 2–10.

***Мировая эпическая поэзия;
художественная и историографическая литература***

43. Абай Гэсэр. — Улан-Удэ : Бурят. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960.
44. Александрия // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV века. — М. : Худож. лит-ра, 1982.
45. Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. — М. — Л. : Наука, 1966.
46. Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. — Уфа : Башкир. книжн. изд-во, 1987.
47. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М. : Худож. лит-ра, 1975.
48. Бурятский героический эпос. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963.
49. *Говоров Д. М.* Непобедимый Мюльджю Бёгё : олонхо. В двух кн. Кн. II. — Якутск : Бичик, 2010. — С. 245.
50. *Гомер.* Илиада. — М. : Гос. изд-во. худож. лит-ры, 1949.
51. Гэсэр : бурятский героический эпос // Байкал. 1973. № 1.
52. Давид Сасунский // Армянский фольклор. — М. : Наука, 1967.
53. [Дестунис Г. С.] Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода : Опыт перевода и объяснения // Сборник Отдела русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 34. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1884.
54. Джангар // Новый мир. Т. 16. Вып. 4–5. 1940.
55. Джангар : калмыцкий народный эпос. — Элиста : Калмиздат, 1971.
56. Дигенис Акрит. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
57. Древнеанглийская поэзия. — М. : Наука, 1982.
58. Древнеанглийская поэма «Исход». Глава VIII / *Яценко М. В.* О древнеанглийской поэме «Исход» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2014. № 4 (39).
59. «Жрец к “Горе Бессмертного”...» // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит-ра, 1973.
60. Идегей : татарский народный эпос. — Казань : Татарск. книжн. изд-во, 1990.
61. Идукай и Мурадым // Башкирское народное творчество : исторический эпос. — Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1987.

62. Ирландские саги. — Л. — М. : Academia, 1933.
63. Ирландские саги. — М. — Л. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961.
64. Исландские саги. Ирландский эпос. — М. : Худож. лит-ра, 1973.
65. История Александра Великого // Поздняя греческая проза. — М. : ГИХЛ, 1961.
66. Кабардинская эпическая поэзия : избранные переводы. — Нальчик : Кабард. кн. изд-во, 1956.
67. Калевипоэг : эстонский героический эпос // Героический эпос народов СССР : в 2 т. Т. 2. — М. : Худож. лит-ра, 1975.
68. Кероглу. — Баку : Изд-во АН АзССР, 1959.
69. Кероглу // Народная поэзия Азербайджана. Л. : Советский писатель, 1978.
70. Книга моего деда Коркута. — М. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962.
71. Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. — М. : Наука, 1985.
72. Кусяк-бий // Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1987.
73. *Лев Диакон*. История. — М. : Наука, 1988.
74. Манас : эпизоды из киргизского народного эпоса. — М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960.
75. Махабхарата. Книга пятая : Удьяогарва или книга о старании. — Л. : Наука, 1976.
76. Нарты : героический эпос балкарцев и карачаевцев. — М. : Наука, 1994.
77. «О все выдавшем» со слов Син-Леке-Уннинни, заклинателя // Поэзия и проза Древнего Востока. — М. : Худож. лит-ра, 1973.
78. Осетинские нартские сказания. — Дзауджикау : Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1948.
79. Памятники византийской литературы IX–XIV веков. — М. : Наука, 1969.
80. Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. — М. : Худож. лит-ра, 1976.
81. Песнь о Роланде : старофранцузский героический эпос. — М. — Л. : Наука, 1964.
82. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. — М. : Наука, 1980.
83. Повесть о рождении и победах Александра Великого. — СПб. : Азбука-классика, 2006.
84. Рамаяна // Махабхарата. Рамаяна. — М. : Худож. лит-ра, 1974.
85. Рода нашего напевы : избранные песни рунопевческого рода Пертту-ненов. — Петрозаводск : Карелия, 1985.
86. Сага о Волсунгах. — М. — Л. : Academia, 1934.
87. Сасунские удалцы (Армянский народный эпос) : избранные варианты. — Ереван : Ван Арьян, 2004.

88. Сербский эпос. — М. — Л. : Academia, 1933.
89. Сказания о нартах : осетинский эпос. — Цхинвали : Иристон, 1981.
90. Скандинавская баллада : сборник. — Л. : Наука, 1978.
91. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Т. I : XI—XII вв. — СПб. : Наука, 1997.
92. *Стурлусон Снорри*. Круг земной. — М. : Наука, 1980.
93. *Фирдоуси*. Шах-наме. — М. : Худож. лит.-ра, 1972.
94. Эвенкийские героические сказания : Храбрый Содани-богатырь, Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. — Новосибирск : Наука, 1990.
95. *Brault G.J.* La Chanson de Roland : Student Edition. — University Park and London : The Pennsylvania State University Press, 1997.
96. *Euripides*. Iphigenia at Aulis // Euripides. Bacchae. Iphigenia at Aulis. — Rhesus. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003.
97. *Klinck A. L.* The Old English Elegies. A Critical Edition and Genre Study. — Montreal : McGill—Queen's University Press, 2001.
98. Old English Reader. — Peterborough, ON : Broadview Press, 2011.
99. Pindar I : Olympian Odes. Pythian Odes. — Cambridge, MA and London : Harvard University Press, 1997.
100. Stará pov st o Stojmírovi a Brunsvíkovi kní atech eských. — V Praze : Václav Hanka, 1827.
101. The Poems of Bacchylides : from a Papyrus in the British Museum. — London : British Museum. Department of Manuscripts, 1897.
102. *Treharne E., Walker G.* The Oxford Handbook of Medieval Literature in English. — Oxford : Oxford University Press, 2010.
103. [Federovski M.] Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy. T. I. — Warszawa : Skład Główny w Księgarni M. Arcta, 1888.
104. [Kozłowski K.] Lud. Pieśni, podania, baśnie, zwyczaje i przesady ludu z Mazowsza Czerskiego wraz z tańcami i melodyami. — Warszawa : w drukarni Karola Kowalewskiego, 1869.
105. [Su il Fr.] Moravské národní písn s náp vy do textu v ad nými. — Brno : K. Winiker, 1860.
106. [Караџић Вук Стефановић] Српске народне пјесме. Књ. 2: у којој су пјесме јуначке најстарије. — Беч : Штампарија Јерменског манастира, 1845.
107. Српске народне пјесме. Књ. 2: у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу: у штампарији Јерменског манастира, 1845.

***Богословская и житийная литература;
философская литература***

108. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. — М. : Мысль, 1983.
109. *Иероним Стридонский*. Жизнь святого Иллариона // Иероним Стридонский. Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 4. — Киев : Тип. Е. Т. Керер, 1880.
110. *Иоанн Златоуст*. Беседа III на Иоан. I, 1 // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 8. — СПб. : Изд. С.-Петербург. Дух. Акад., 1902.
111. *Иоанн Златоуст*. Беседа IV на 2 Тим. II, 1–7. // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского. Т. 11. — СПб. : Изд. С.-Петербург. Дух. Акад., 1905.
112. *Иоанн Златоуст*. Беседа XXIX на Иоан. III, 22 // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 8. — СПб. : Изд. С.-Петербург. Дух. Акад., 1902.
113. *Иоанн Златоуст*. Беседы на Книгу Бытия / Беседа VIII // Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 4. — СПб.: Изд. С.-Петербург. Дух. Акад., 1896.
114. *Преподобный Макарий Египетский*. Слово 2. О добродетелях и пороках, бывающих с согласия человека, о древе жизни и познания добра и зла и о медном змие // Преподобный Макарий Египетский. Духовные слова и послания. — М. : Индрик, 2002.

Научная литература: монографии и статьи

115. *Акименко, Н. А.* Языковое сознание эпического сказителя в поэме «Беовульф»: цели, ценности, стратегии // Альманах современной науки и образования. 2009. № 12 (31). Часть 2.
116. *Аксаков, К. С.* О различии между сказками и песнями русскими // Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. — М. : Тип. П. Бахметева, 1861.
117. *Алексидзе, А. Д.* Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). — Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1979.
118. *Аникин, В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. — М. : Изд-во МГУ, 1980.
119. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. — М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.

120. *Бахтин, М. М.* Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. — М. : Худож. лит.-ра, 1975. — С. 457.
121. *Гильфердинг, А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1894.
122. *Громыко, М. М., Буганов, А. В.* О воззрениях русского народа. — М. : Паломникъ, 2000.
123. *Игунов, А. Г.* Актуальная поэтика былины. Статья 2 // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 5.
124. *Канторович, Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
125. *Климас, И. С.* Русское фольклорное слово. — Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. См. также: Состав кластера «оценочные характеристики человека» в фольклорном эпосе и лирике // Традиционная культура. 2010. Т. 11. № 2 (32).
126. *Кошарная, С. А.* Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек — Природа» в русской языковой картине мира. Автореф. дисс... д.ф.н. — Белгород, 2002.
127. *Лебедев, А. В.* Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). — СПб. : Наука, 2014.
128. *Левин, И.* Двоеверие и народная религия в истории России. — М. : Индрик, 2004.
129. *Лотман, Ю. М.* Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах киевского периода // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. В 3-х т. Т. II. — Таллинн : Александра, 1992.
130. *Ляцкий, Е. А.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. — М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1895.
131. *Маслин, М. А.* К вопросу о национально-государственной идеологии России // XXVIII Рождественские православно-философские чтения «Понимание вселенского и национального в русской православной мысли» : сборник трудов конференции / М. А. Маслин. — Нижний Новгород : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2019. — С. 9—13.
132. *Мелетинский, Е. М.* О былинных мотивах // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2003.
133. *Миллер, О. Ф.* Илья Муромец и богатырство киевское : Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. — СПб. : Тип. Н. Н. Михайлова, 1869.

134. *Мосс, М.* Опыт о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. — М. : КДУ, 2011.
135. *Непомнящий, В. С.* Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. — М. : Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001.
136. *Попова, Т. В.* Византийская народная литература. История жанровых форм эпоса и романа. — М. : Наука, 1985.
137. *Протп, В. Я.* Русский героический эпос. — М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958.
138. *Путилов, Б. Н.* Примечания // Былины : сборник. — Л. : Сов. писатель, 1986.
139. *Рыбаков, Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
140. *Селиванов, Ф. М.* Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). — М. : Кругъ, 2009.
141. *Селиванов, Ф. М.* Общественно-эстетическая функция былин // Полифункциональность фольклора. — Новосибирск : НГПИ, 1983.
142. *Селиванов, Ф. М.* Русский эпос. — М. : Высшая школа, 1988.
143. *Серебренникова, Е. Ф.* Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология : этносемиотика ценностных смыслов / коллективная монография. — М. : ТЕЗАУРУС, 2011.
144. *Сиротинин, А. Н.* Беседы о русской словесности. — СПб. : Я. Башмаков и Ко, 1913.
145. *Скафтымов, А. П.* Поэтика и генезис былин : очерки. — М. — Саратов : В. З. Яксанов, 1924.
146. *Смирнов, А. А.* Древний ирландский эпос // Ирландские саги. — М. — Л. : Academia, 1933.
147. *Стасов, В. В.* О происхождении русских былин // В. В. Стасов. Собрание сочинений В. В. Стасова : В 4 т. Т. III. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1894.
148. *Стоюнин, В. Я.* О преподавании русской литературы. — СПб. : Типо-литогр. и фотот. П. И. Бабкина, 1898.
149. *Ужанков, А. А.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. — М., Литературный институт имени А. М. Горького, 2011.
150. *Ухтомский, А. А.* Доминанта. — СПб. : Питер, 2002.
151. *Ухтомский, А. А.* Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Избранные труды. — Л. : Наука, 1978.
152. *Филонов, А. Г.* Русская хрестоматия. Т. 1. Эпическая поэзия. — СПб. : Тип. Иосафата Огризко, 1864.

153. Харитонов, В. И. Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека. Дисс... к.ф.н. — Курск, 1997.
154. Шталь, И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. — М. : Наука, 1983.
155. Яценко, М. В. Древнеанглийская поэма «Даниил» в контексте Кодекса Юниуса // Вестник КГУ. 2016. № 6.
156. Algeo, J., Butcher, C. A. The Origins and Development of the English Language. — Cengage Learning, 2013.
157. Bosworth, J. A Dictionary of the Anglo-Saxon Language. — London : Longman, 1838.
158. Bowra, C. M. Heroic poetry. — London : Macmillan, 1952.
159. Cherniss, M. Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Society. — The Hague; Paris : Mouton, 1972.
160. Drout, D.C.D. J.R.R. Tolkien Encyclopedia : Scholarship and Critical Assessment. — New York and London : Routledge, 2007.
161. Gwara, S. Heroic Identity in the World of Beowulf. — Leiden and Boston : Brill, 2008.
162. Hare, K. G. Christian Heroism and Holy War in Anglo-Saxon England. — Baton Rouge : Louisiana State University, 1997 [unpublished PhD dissertation].
163. Jacobson, R., Szeftel, M. The Vseslav Epos // Memoirs of the American Folklore Society. Vol. 42. Russian Epic Studies. Philadelphia: American Folklore Society, 1949.
164. Jastrow, M. Jr., Clay, A. T. An Old Babylonian Version of the Gilgamesh Epic. On the Basis of Recently Discovered Texts. — New Haven : Yale University Press, 1920.
165. Merry, B. Belisarius, the Tale of // Encyclopedia of Modern Greek Literature. — Westport, London : Greenwood Publishing Group, 2004.
166. Schmidt, M. Gilgamesh : The Life of a Poem. — Princeton : Princeton University Press, 2021.

Электронные ресурсы

167. Беовульф. Тексты : Битва с Гренделем (древнеанглийский оригинал и дословный русский перевод) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/text2.htm>
168. Беовульф. Тексты : вступление (древнеанглийский оригинал и дословный русский перевод) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/texts.htm>
169. Блаж. Феофилакт Болгарский. Толкование на группу стихов: Кол: 3: 9—9 // К Колоссянам послание ап. Павла, Глава 3, стих 9 [Электрон-

- ный ресурс]. Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/k-kolossanam-poslanie-ap-pavla/glava-3/stih-9/>
170. *Гомер*. Одиссея. Песнь двадцать четвертая. Русский перевод и оригинальный древнегреческий текст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1344030024>
171. *Гомер*. Одиссея. Песнь девятая. Русский перевод и оригинальный греческий текст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1344030009>
172. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Честь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/375190>
173. Калмыцкий народный эпос «Джангар» / Песнь десятая. О битве Мингяна с ханом Кюрменом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://djangar.kalmykia.net/epos-djangar-21.htm>
174. *Кант И.* Основоположения к метафизике нравов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/index.php?cp=document&id=32&print=1>
175. Коронование Людовика. Французский оригинал и дословный русский перевод. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/roland/frenchepos/roi/louis1.htm>
176. Песнь о Хильдебранде // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://norroen.info/src/other/hildebrand/sulina.html>
177. Повесть о Манасе Великодушном / О том, как Манас поехал искать Кошойа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eposmanas.ru/maksutov/-880/>
178. Приложение // Из саги о Тидреке Бернском [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://norroen.info/src/forn/thidrek/ru2.html>
179. Прозаический вариант эпоса «Манас» / Глава IX. Семетей. Поездка Семетей в Талас [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eposmanas.ru/prozaicheskiy%20variant%20epos%20manas/-177/11532814.html>
180. Сага о Тидреке из Берна. Прядь о Самсоне [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://norroen.info/src/forn/thidrek/samson.html>
181. Сусветный. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/361442>
182. *Феофан Затворник*. Толкование на группу стихов: Кол: 3: 9–9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/k-kolossanam-poslanie-ap-pavla/glava-3/stih-9/>
183. Честь. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1087902/ЧЕСТЬ>
184. Эккехард из Ауры. Всеобщая хроника [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ekkehard_Uraugiensis/text5.phtml?id=4366

185. Эккехард из Ауры. Всеобщая хроника [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ekkehard_Uraugiensis/text6.pht ml?id=4367
186. Якутский героический эпос Олонхо. Нюргун Боотур Стремительный / Песнь вторая. Стих 32. Голос Байаная [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jakut.ru/pesn2/stih_32_golos_bajanaia.htm
187. Beowulf. Diacritically-marked text and facing translation / XXI. 1388. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heorot.dk/beo-rede-f21.html>
188. Beowulf / VIII [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heorot.dk/beo-rede-f8.html>
189. Beowulf / X [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heorot.dk/beo-rede-f10.html>
190. Couronnement de Louis [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.francaisancien.net/activites/textes/Couronnement/col800.htm>
191. Gilgame , Enkidu and the Nether World / Version A, from Nibru, Urim, and elsewhere [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr1814.htm>
192. Gilgame , Enkidu and the Nether World / Version A [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.8.1.4#>
193. Gilgame and the Bull of Heaven. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.8.1.2#>
194. Gilgame and Huwawa / Version A [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=t.1.8.1.5#>
195. Gilgame and Huwawa / Version B [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr18151.htm>
196. The Death of Gilgamesh / Another version from Nibru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/section1/tr1813.htm>

Приложение

(справочное)

Аксиомативы устного героического эпоса русского народа: предельные ценности (список)

ЦЕННОСТЬ: ЛИЧНАЯ СЛАВА	
Действующее лицо	Аксиоматив
Конкурирует (недооценивается) и укрепляется:	
Часова Вдова как антагонист Хотена Блудовича	Антагонист, ценящий личную честь выше личной славы, терпит поражение и переживает бесславие.
Мотивирует при конкуренции и укрепляется:	
Алеша Попович	Въезд в город с трофеем. Герой, ценящий личную славу, вначале торжествует.
Волх Всеславьевич	Притязания младенца. Герой, ценящий личную славу, побеждает.
	Превосходство в охоте. Герой ценит личную славу и побеждает.
	Захват царства. Герой ценит личную славу и побеждает.
Нахвальщик как антагонист Ильи Муромца	Антагонист, ценящий личную славу выше общей чести русского богатырства, вначале побеждает.
Михайло Потык	Верность Марье. Герой, ценящий личную славу, обретает свободу и семью. Тип IV (ценность восстановления личной славы совпадает с ценностью страдающего человека).
Царь Соломан	Герой, ценящий личную славу (нацеленный на компенсацию бесславия), побеждает.
Василиса Микулична	Герой, ценящий личную славу (стремление избежать бесславия), побеждает.
Мотивирует и девальвируется:	
Михайло Потык	Спуск в могилу. Герой ценит личную славу (стремление избежать бесславия) выше, чем собственную жизнь, и (едва не) погибает.

Добрыня («Бой Добрыни с Ильей Муромцем»)	Схватка с Ильей. Герой, ценящий личную славу, терпит (моральное) поражение.
Змея как антагонист Добрыни Никитича	Первая победа. Антагонист, ценящий личную славу (стремление избежать бесславия), терпит поражение.
Антагонист Ивана Годиновича	Антагонист, ценящий личную славу (стремление избежать бесславия), погибает.
Илья Муромец («Илья Муромец и Калин-царь»)	Похвальба шубой. Герой, ценящий личную славу, теряет свободу.
Садко	Месть Новгороду. Герой, ценящий личную славу, теряет свободу и (едва не) погибает.
Садко	Спор о выкупе товаров. Герой, ценящий личную славу, теряет свободу и (едва не) погибает.
Царь Василий, антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную славу, погибает.
Часовичи как антагонисты Хотена Блудовича (Вариант)	Антагонисты (Часовичи), ценящие личную славу, погибают или теряют свободу.
Мотивирует и девальвируется при конкуренции:	
Змей Тугарин как антагонист Алеши Поповича	Антагонист ценит личную славу (от обладания лучшей женщиной по ее согласию) выше святыни брака и погибает.
	Антагонист ценит личную славу (от обладания недоступной красавицей по ее согласию) выше ценности страдающего человека (князя) и погибает.
Алеша Попович («Алеша Попович и сестра Петровицы/Сбродовицы»)	Герой, ценящий личную славу (от обладания недоступной красавицей по ее согласию) выше страдающего человека, переживает бесславие.
Василий Буслаев	Отцовская заповедь. Герой, ценящий личную славу выше страдающей личности (души покойного отца), вначале торжествует, но затем погибает бесславно.
	Кулачный бой. Герой, ценящий личную славу (стремление избежать бесславия) выше страдающего человека (новгородцев), вначале торжествует, но затем погибает бесславно.

Василий Буслаев	Обесславливание встречной. Герой, ценящий личную славу (стремление избежать беславия) выше страдающего человека, вначале торжествует, но затем погибает бесславно.
	Убийство крестного. Герой, ценящий личную славу (стремление избежать беславия) выше страдающего человека, вначале торжествует, но затем погибает бесславно.
	Убийство крестного. Герой, ценящий личную славу (стремление избежать беславия) выше «честного» института (крестного отечества), вначале торжествует, но затем погибает бесславно.
	Явление на заставу. Герой, ценящий личную славу (стремление избежать беславия), вначале торжествует, но затем погибает бесславно.
	Кошунство вместо богомолья: Ердань-река. Герой, ценящий личную славу выше «честного» объекта (святыни), погибает бесславно.
	Кошунство вместо богомолья: «сухая кость». Герой, ценящий личную славу выше «честного» объекта (святыни: мощей мученика за Христа), погибает бесславно.
	Кошунство вместо богомолья: камень Алатырь. Герой, ценящий личную славу выше «честного» объекта (святыни), погибает бесславно.
Антагонист Игнатовича	Антагонист, ценящий личную славу выше страдающего человека, погибает.
	Антагонист, ценящий личную славу выше «честных» объектов, погибает.
Добрыня Никитич	Первая поездка — змееныши. Герой ценит личную славу выше страдающих людей (пленников Змеи) и терпит поражение (теряет силу, славу и свободу).
	Купание. Герой, ценящий личную славу (стремление избежать беславия) выше «честного» объекта (святыни), едва не погибает.

Добрыня Никитич	Ложный мир. Герой, ценящий личную славу (т. е. положение «большого брата» Змеи) выше «честного» объекта («чести-хвалы» всего русского богатырства), теряет славу и свободу.
	Ложный мир. Герой, ценящий личную славу (т. е. положение «большого брата» Змеи) выше страдающих людей (пленников Змеи), теряет славу и свободу.
Алеша Попович как антагонист Добрыни Никитича («Добрыня и Алеша»)	Антагонист, ценящий личную славу (от обладания недоступной красавицей по ее согласию) выше страдающего человека (Добрыни Никитича, а также его матушки и самой Настасьи), подвергается бесславию.
Дунай Иванович	«Молодец и королевна»: похвальба. Герой, ценящий личную славу выше страдающего человека (королевны), (едва не) погибает.
Соловей-разбойник как антагонист Ильи Муромца	Свист на пиру. Антагонист ценит личную славу выше страдающих людей (мучимых его свистом) и погибает.
Похваляющийся богатырь («Камское побоище»)	Вызов небесам. Герой ценит личную славу (как часть коллективной славы вне Христа) выше ценности соборной славы русского богатырства ради Христа и (едва не) погибает.
Константин Саульевич	Пренебрежение миссией. Герой, ценящий личную славу выше страдающего человека (отца), теряет свободу.
Михайло Потык	Пренебрежение миссией. Герой ценит личную славу (брак с королевной) выше страдающих людей (русских витязей, проигранных князем Владимиром и попавших в неволю) и переживает бесславие, утрачивает свободу и (едва не) погибает.
	Принятие «поганой» заповеди. Герой ценит личную славу (брак с королевной) выше ряда святынь (собственной души, брака, «чести-хвалы» русского богатырства) и (едва не) погибает.
	Ложь о телегах с данью. Герой ценит личную славу (брак с королевной) выше, чем страдающих людей (пленных русских витязей).

Михайло Потык	Погоня. Герой ценит личную славу (восстановление после бесславия) выше страдающих людей (пленных русских витязей) и утрачивает свободу.
Садко	Месть Новгороду. Герой, ценящий личную славу выше «честного» объекта (собственной души), (едва не) погибает.
Антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную славу (обладание недоступной красавицей по ее согласию) выше «честного» объекта (законного брака), погибает.
Святогор	Тяга земная. Герой, ценящий личную славу выше «честного» объекта («сил небесных»), (едва не) погибает.
Запава, персонаж второго ряда («Соловей Будимирович»)	Персонаж, ценящий личную славу (брак с удивительным женихом) выше «честного» объекта (девичества), переживает бесславие.
Конкурирует, недооценивается и девальвируется:	
Алеша Попович	Вызов сильнейшего. Герой ценит страдающего человека (князя Владимира) выше личной славы.
	Бросок ножа. Герой ценит «честной» объект («честные столы») выше личной славы.
	Бросок ножа. Герой ценит страдающего человека (князя Владимира) выше личной славы.
Микула Селянинович	Герой, ценящий страдающего человека (Вольгу) выше, чем личную славу, побеждает.
	Герой, ценящий страдающего человека («мужичков») выше, чем личную славу, побеждает.
Илья Муромец	«Бой Добрыни с Ильей Муромцем». Герой ценит страдающего человека выше личной славы и одерживает моральную победу (намеренно уступает в поединке).
	«Бой Добрыни с Ильей Муромцем». Герой ценит общую славу богатырства выше личной славы.

Добрыня Никитич	«Добрыня и Настасья». Герой ценит «честной» обычай (обручение) выше личной славы и торжествует.
	«Добрыня и Змея». Предложение Змеи. Герой, ценящий страдающего человека выше личной славы, побеждает.
	«Добрыня и Василий Казимирович». Герой ценит страдающих людей (побратимов) и совершенно не ценит личную славу — и побеждает.
	«Добрыня и Алеша». Добрыня неузнанный. Герой, ценящий страдающего человека (Настасью) выше личной славы, побеждает.
Дюк Степанович	Спящие в шатре. Герой, ценящий соборную «честь-хвалу» русского богатырства выше личной славы, побеждает.
	Бесчестье в храме. Герой, ценящий ряд «честных» реалий (херувимское пение, молитву, церковную службу) выше личной славы (вопреки угрозе бесславия), побеждает.
Илья Муромец	Осажденный город. Герой, ценящий страдающих людей (горожан) выше собственной славы (угрозы бесславия при нарушении заповеди), побеждает.
	Доклад о подвиге. Герой, ценящий страдающих людей (князя, княгиню) выше личной славы (несмотря на бесславие от недоверия князя), побеждает.
	Бросок ножа. Герой, ценящий общую «честь-хвалу» русского богатырства выше личной славы (несмотря на бесславие), побеждает.
	Бросок ножа. Герой, ценящий страдающего человека (Алешу Поповича) выше личной славы (несмотря на бесславие), побеждает.

Илья Муромец	Отказ служить Калину. Герой, ценящий страдающих людей (князя, горожан) выше личной славы, обретает свободу и побеждает.
	«Илья Муромец и голи кабацкие»: бунт. Герой ценит общую «честь-хвалу» русского богатырства выше личной славы (не страшится бесславия) и побеждает.
	«Три поездки Ильи Муромца»: разбойники. Герой, ценящий потенциально страдающих людей (разбойников) выше личной славы, побеждает.
Лука Петрович («Королевич из Крякова»)	Герой, не ценящий личную славу, спасает брата.
Михайло Данилович	Отказ от службы врагу. Герой ценит «честные» объекты (святыни) выше личной славы.
	Встреча с отцом. Герой ценит страдающего человека (старика) выше личной славы (вопреки бесславию).
Михайло Потык	Верность Марье. Герой, ценящий страдающего человека (Марью) выше личной славы, обретает свободу.
Алеша Попович как персонаж второго ряда («Михайло Потык»)	Алеша Попович в женском платье. Персонаж ценит страдающего человека выше личной славы и побеждает.
Мать Хотена Блудовича, персонаж второго ряда	Персонаж, ценящий страдающего человека (обидчицу) выше личной славы, восстанавливает личную славу.
Бермята / Перемьяк («Чурила и Катерина»)	Герой, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной славы, побеждает.
	Герой, ценящий страдающего человека (Катерину) выше личной славы, побеждает.
Итого: позитивная динамика, кол-во аксиомативов	9
Итого: негативная динамика, кол-во аксиомативов	68

ЦЕННОСТЬ: ЛИЧНАЯ ЧЕСТЬ	
Действующее лицо	Аксиомотив
Конкурирует, недооценивается и укрепляется:	
Нет	Нет
Мотивирует и укрепляется:	
Волх Всеславьевич	Притязания младенца. Герой ценит личную честь (восстановление после родового бесчестия) и побеждает.
	Содержание дружины. Герой ценит личную честь и побеждает.
	Захват царства. Герой ценит личную честь (приращение имущества) и побеждает.
Глеб Володьевич	Герой, ценящий личную честь (возвращение ценного имущества), побеждает.
Родственница Добрыни, персонаж второго ряда («Добрыня и Маринка»)	Угроза Маринке. Персонаж, ценящий личную (родовую) честь, торжествует.
Нахвальщик как антагонист Ильи Муромца	Явление мстителя. Антагонист, ценящий личную честь (восстановление родовой чести), вначале побеждает.
Соловей Будимирович (в редком варианте)	Герой, ценящий личную честь (обладание красавицей) выше страдающего человека (соперника), побеждает.
Василиса Микулична	Героиня, ценящая личную честь (статус боярской супруги), побеждает.
Хотен Блудович	Герой, ценящий личную (родовую) честь, побеждает.
Мотивирует и девальвируется:	
Вольга	Герой ценит личную честь (стремится восстановить контроль над своими земельными наделами) и подвергается бесславию.
Змей Тугарин как антагонист Алеши Поповича	Антагонист, обладающий исключительной личной честью, погибает.
Дунай Иванович	Герой, ценящий личную честь (обладание ценным имуществом), теряет личную честь и погибает.
Дюк Степанович	Похвальба именем. Герой, ценящий личную честь (обладание ценным имуществом), теряет свободу.

Пелька Соловеевна, персонаж второго ряда («Первая поездка Ильи Муромца»)	Персонаж, ценящий личную (родовую) честь, терпит поражение.
Садко	Месть Новгороду. Герой, ценящий личную честь (приращение ценного имущества), теряет свободу и (едва не) погибает.
Ставр Годинович, персонаж второго ряда	Персонаж, ценящий личную честь (обладание ценным имуществом), теряет свободу.
Сухман	Герой, ценящий личную честь (воздаяние при дворе князя), погибает.
Чурила	Эффектное появление. Герой, ценящий личную честь (обладание ценным имуществом), подвергается бесславию.
Мотивирует и девальвируется при конкуренции:	
Алеша Попович	Эпизод с «платьем цветным». Герой ценит личную честь (прибавление ценного имущества) выше общей «чести-хвалы» русского богатырства и подвергается бесславию и (едва не) погибает.
Братья Сбродовичи/Петровичи, персонажи второго ряда	Персонажи ценят личную (родовую) честь выше страдающего человека (сестры) и подвергаются бесчестию.
Сестра Сбродовичей/Петровичей, персонаж второго ряда	Персонаж ценит личную честь (утехи плоти) выше «честного» положения (девичества) и теряет личную славу.
Встречный мужик, персонаж второго ряда («Вавило и скоморохи»)	Персонаж, ценящий «честных» незнакомцев («святых людей») ниже личной чести (обладание имуществом), переживает бесчестие (теряет детей).
Василий Буслаев	Дружина не для паломничества. Герой, ценящий личную честь (дружину) выше нематериальных святынь (душа отца, заповедь отца), временно торжествует, но затем погибает бесславно.
	Гнев об избиении дружины. Герой, ценящий личную честь (дружину) выше страдающего человека, временно торжествует, но затем погибает бесславно.

Василий Буслаев	Непокорство Новгороду. Герой, ценящий личную честь (обладание имуществом в Новгороде) выше страдающих людей (потерпевших увечья), временно торжествует, но затем погибает бесславно.
	Разбой вместо богомолья. Герой, ценящий личную честь (прибавление имущества) выше, чем христианские святыни, погибает бесславно.
Матушка Василия Буслаева, персонаж второго ряда	Матушка советует своему сыну собрать дружину. Персонаж ценит личную (родовую) честь выше страдающих людей (потерпевших увечья) и временно торжествует, но затем теряет дитя.
Василий Игнатьевич	Бесчестье от бояр. Герой ценит личную честь (воздаяние от властителя) выше страдающего человека и (едва не) погибает.
	Покушение на Владимира. Герой, ценящий личную честь (воздаяние от властителя) выше «честного» установления (законной власти), (едва не) погибает.
«Мужички», персонажи второго ряда («Вольга и Микула»)	Персонажи, ценящие личную честь (имущество) выше страдающего человека (Микулы), (едва не) погибают.
Маринка как антагонист Глеба Володьевича	Антагонист, ценящий личную честь (ценное имущество) выше страдающих людей (корабельщиков), погибает.
Добрыня Никитич	Добрыня и Маринка: посещение первым второй. Герой, ценящий личную честь (телесные утехи) выше «честного» установления (законного брака), утрачивает силу и свободу.
Дунай Иванович как антагонист Добрыни Никитича («Бой Добрыни с Дунаем»)	Антагонист, ценящий личную честь (ценное имущество) выше общей «чести-хвалы» русского богатейства, утрачивает свободу.
Дунай Иванович	«Молодец и королевна»: похвальба. Герой, ценящий личную честь (обладание красавицей) выше страдающего человека (королевы), (едва не) погибает.

Дунай Иванович	Кровавое сватовство. Герой, ценящий приращение личной чести (обладание королевной) выше страдающего человека (самой королевны и ее отца), погибает.
	Спящая королевна. Герой, ценящий приращение личной чести (обладание королевной, «чествование» плоти) выше сострадания (к королевне), погибает.
	Спящая королевна. Герой, проявляющий жажду чести (обладание королевной, «чествование» плоти) вопреки ревнованию о «честном девичестве», погибает.
	Дунай Иванович — мечь жене. Герой, ценящий личную честь выше страдающего человека, губит свою семью и погибает сам.
	«Дунай Иванович — сват». Казнь. Герой, ценящий личную честь выше «честного» установления (брака), погибает.
Настасья королевична, персонаж второго ряда («Дунай Иванович — сват»)	Презрение жены. Персонаж, ценящий личную честь (обладание равным по чести супругом) выше страдающего человека (Дуная), погибает.
	Презрение жены. Персонаж, ценящий личную честь (обладание равным по чести супругом) выше «честного» установления (законного брака), погибает.
Чурила как антагонист Дюка Степановича	Антагонист ценит личную честь властителя выше «честных» объектов и реалий (церковного строения, херувимской песни, хлеба и вина) и терпит поражение.
Калин-царь как антагонист Ермака	Антагонист, ценящий личную честь (прибавление ценного имущества — всего Киева) выше «честного» установления (законного брака), погибает.
Иван Годинович	Герой ценит личную честь (обладание недоступной красавицей) выше «честного» установления (законный брак) и переживает бесславие и бесчестие.
	Герой ценит личную честь (обладание недоступной красавицей) выше страдающего человека (самой красавицы) и переживает бесславие и бесчестие.

Отец красавицы, персонаж второго ряда («Иван Годинович»)	Персонаж, ценящий личную честь (прибавление имущества) выше нематериальной святыни (христианской веры), терпит бесчестье.
Красавица, персонаж второго ряда («Иван Годинович»)	Персонаж, ценящий личную честь (супруг царской крови, ценное имущество) выше нематериальной святыни (христианской веры), погибает.
Соловей-разбойник как антагонист Ильи Муромца	Антагонист, ценящий личную честь (как прибавление имущества) выше «честной» практики (беспрепятственный доступ к святыням Киева), погибает.
	Антагонист, ценящий личную честь (сохранение рода) выше «честного» установления (христианский брак), погибает.
Илья Муромец	Блуд с женой Святогора. Герой, ценящий личную честь (обладание красавицей, «чествование» плоти) выше страдающего человека (Святогора), утрачивает свободу и харизматический дар силы.
	Блуд с женой Святогора. Герой, ценящий личную честь (обладание красавицей, «чествование» плоти) выше «честного» установления (законный брак), утрачивает физическую свободу.
	Зачатие «сколотыша». Герой, ценящий личную честь (обладание красавицей, «чествование» плоти) выше «честного» установления (законный брак), (едва не) погибает.
Нахвальщик как антагонист Ильи Муромца	Мечь «сколотыша». Антагонист, ценящий личную честь (как восстановление от бесчестья) выше страдающего человека (собственной матери), погибает.
	Мечь «сколотыша». Антагонист, ценящий личную честь (как восстановление от бесчестья) выше «честного» установления (почитание родителей), погибает.
	Отказ от богатырства. Антагонист, ценящий личную честь (как восстановление от бесчестья) выше соборной «чести-хвалы» русского богатырства, погибает.

Разбойники как антагонисты Ильи Муромца («Три поездки Ильи Муромца»)	Антагонисты ценят личную честь (ценное имущество) выше «честного» принципа («чести-хвалы» русского богатырства) и посрамляются.
Михайло Потык	Отказ от миссии. Герой ценит личную честь («чествование» плоти — пьянство, телесные утехи) выше страдающих людей (русских витязей, проигранных князем Владимиром и ставших пленниками в чужой стране) и (едва не) погибает.
	Принятие «поганой» заповеди. Герой ценит личную честь (обладание королевной) выше ряда «честных» реалий (собственная душа, институты христианского брака и русского богатырства) и (едва не) погибает.
	Ложь о телегах с данью. Герой ценит личную честь (обладание королевной) выше, чем «честные» институты (законная власть, русское богатырство), и утрачивает смелость, свободу, и также (едва не) погибает.
Лебедь Белая как антагонист Михайло Потыка	Антагонист, ценящий личную (родовую) честь выше страдающего человека (Михайло Потыка), погибает.
	Антагонист, ценящий личную (родовую) честь выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Садко («Садков корабль стал на море»)	Герой, ценящий личную честь (прибавление имущества) выше нематериальной святыни (обет), теряет свободу и (едва не) погибает.
Торокашка как антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную честь (воздаяние от властителя) выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Царь Василий как антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную честь (обладание красавицей) выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Царица Соломонида как антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную честь (прибавление имущества) выше страдающего человека (царя Соломана), погибает.
	Антагонист, ценящий личную честь (прибавление имущества) выше «честного» установления (законный брак), погибает.

Антагонист Соловья Будимировича	Антагонист, ценящий личную честь (обладание княжьей племянницей) выше «честной» практики (помолвка), терпит поражение.
	Антагонист, ценящий личную честь (обладание княжьей племянницей) выше страдающего человека (матушки главного героя), терпит поражение.
Княгиня Апраксия как антагонист Касьяна («Сорок калик...»)	Антагонист, ценящий личную честь (телесные утхи) выше страдающих людей (князя Владимира, Касьяна), лишается славы.
	Антагонист, ценящий личную честь (телесные утхи) выше «честного» установления (законный брак), лишается телесных утех.
Часова вдова как антагонист Хотена Блудовича	Антагонист, ценящий личную имущественную честь (а также честь родовую) выше личной славы, терпит поражение и бесславие.
Чурила как антагонист Бермяты/Перемяка («Чурила и Катерина»)	Антагонист, ценящий личную честь (обладание женщиной как добычей) выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Конкурирует, недооценивается и девальвируется:	
Алеша Попович	Выбор пути. Герой не ценит личную честь (яства/пития/плотские утхи) и побеждает.
	Бесчестие «на приезде». Герой ценит страдающего человека (князя Владимира) выше личной чести (восстановления от бесчестия) и побеждает.
	Вызов сильнейшего противника на бой. Герой ценит страдающего человека (князя Владимира) выше личной чести (вопреки угрозе бесчестия) и побеждает.
	Вызов сильнейшего противника на бой. Герой ценит «честное» установление (законный брак) выше личной чести (вопреки угрозе бесчестия) и побеждает.
	Бросок ножа. Герой ценит «честные» объекты (столы в княжеской палате, саму палату) выше личной чести.

Князь Владимир, персонаж второго ряда («Алеша Попович и Змей Тугарин»)	Персонаж ценит страдающего человека (Алешу) выше личной чести и избегает бесславия, бесчестия.
Владыка Черниговский, персонаж второго ряда («Алеша Попович и Змей Тугарин»)	Персонаж ценит страдающего человека (Алешу) выше личной чести и побеждает.
Сестра Петровичей/Сбродовичей, персонаж второго ряда	Персонаж ценит любовь-сострадание выше личной чести и избегает гибели.
Василий Игнатьевич	Герой ценит общую честь русского богатырства и киевские святыни выше личной чести (не требует платы за свой подвиг) и побеждает.
	Герой, ценящий страдающего человека (князя Владимира) выше личной чести (не требует платы за свой подвиг), избегает бесчестия и гибели.
Микула Селянинович	Герой, ценящий потенциально страдающих людей («мужичков») выше, чем личную честь (добычу), побеждает.
	Герой, ценящий потенциально страдающего человека (Вольгу) выше, чем личную честь (вопреки бесчестию — предложению Вольги о службе ему), побеждает.
Добрыня Никитич	Изгнание. Герой ценит страдающих людей (изувеченных им жителей Рязани) выше, чем личную честь.
	«Добрыня и Маринка». Отказ от связи. Герой, ценящий «честное установление» (законный брак) выше личной чести (телесных утех), освобождается от колдовства и побеждает.
	Отказ от любви освобожденной красавицы. Герой ценит «честные» установления и практики (брак, обручение) выше личной чести (телесные утех, приращение имущества в браке с княжеской племянницей) и торжествует.

Добрыня Никитич	Предложение Змеи. Герой, ценящий страдающих людей (пленников Змеи) выше личной чести (золота, коня, красавицы), побеждает.
	Покорение чуди. Герой ценит общую «честь-хвалу» русского богатырства (стремится избежать бесславия) выше личной чести.
	«Добрыня и Алеша». Срочное возвращение Добрыни. Герой ценит «честное» установление (законный брак) выше личной чести (вопреки бесчестию) и торжествует.
	«Добрыня и Алеша». Добрыня неузнанный. Герой, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной имущественной чести (вопреки бесчестию), побеждает
	«Добрыня и Алеша». Тайный знак невесте. Герой ценит страдающего человека (Настасью) выше личной чести (восстановления после бесчестия).
	«Добрыня и Алеша». Наказание соперника. Герой ценит страдающего человека (Алешу) выше личной чести (восстановления после бесчестия).
Дюк Степанович	«Добрыня и Алеша». Наказание соперника. Герой ценит честной объект (богатырство) выше личной чести (восстановления после бесчестия).
	Персонаж ценит общую славу русского богатырства выше личной чести Дуная.
Дюк Степанович	Богатырство ценнее богатства. Герой, ценящий соборную славу русского богатырства выше личной чести (богатства), побеждает.
	Слава богатырства и недостойнство князя. Герой, ценящий общую честь русского богатырства выше личной чести властителя, побеждает.
	Похвальба о матушке. Герой, ценящий «честного» человека (собственную матушку) выше личной чести, побеждает.

Дюк Степанович	Соревнование нарядами. Герой ценит «честные» объекты (киевские святыни) выше личной чести и побеждает.
	Раздача нарядов. Герой ценит страдающих людей (нищих) выше личной имущественной чести и побеждает.
	Прощение Чурилы. Герой ценит страдающего человека (Чурилу) выше личной чести.
Князь Владимир, персонаж второго ряда («Дюк Степанович»)	Персонаж ценит «честные» объекты и практики (церковные строения, херувимское пение, хлеб, иконы) выше личной чести.
Илья Муромец как персонаж второго ряда («Дюк Степанович»)	Илья защищает главного героя. Персонаж ценит «честные» объекты и практики (церковные строения, херувимское пение, хлеб, иконы) выше личной чести властителя.
Настасья Митреяновна, персонаж второго ряда («Иван Годинович», вариант)	Персонаж, ценящий нематериальную святыню (веру) выше личной имущественной чести, торжествует.
Илья Муромец как персонаж второго ряда («Дюк Степанович»)	Илья защищает Чурилу. Персонаж ценит общую честь русского богатырства выше личной чести Дюка.
Святогор, персонаж второго ряда («Илья Муромец и Святогор»)	Покаяние. Персонаж, ценящий ревнование о «честном» установлении (законный брак) выше личной чести, преодолевает бесчестие.
Илья Муромец	«Паршивый жеребчик». Герой, ценящий страдающее существо выше личной чести, побеждает.
	«Первая поездка Ильи Муромца». Герой, лишенный личной имущественной чести, побеждает.
	Осажденный город. Герой, ценящий страдающих людей (осажденных горожан) выше личной имущественной чести (награды), побеждает.
	Дети Соловья. Герой, ценящий страдающих людей (дети Соловья) выше личной чести властителя (князя Владимира), побеждает.

Илья Муромец	Доклад о подвиге. Герой, ценящий «честное» установление (законная власть) выше личной чести (вопреки бесчестию «по приезде»), побеждает.
	«Илья Муромец и Святогор». Передача силы. Герой, не ценящий личную честь (силу как право на добычу), получает харизматический дар силы.
	«Илья Муромец и Идолище в Царьграде». Герой, ценящий «честные» практики и установления (нищенство «Христа ради», законный брак) выше личной чести, побеждает.
	«Илья Муромец и нахвальщик». Узнавание. Герой, ценящий страдающего человека (Сокольника) выше личной чести (вопреки попытке убийства), побеждает.
	Илья выходит из темницы. Герой, ценящий страдающего человека (князя Владимира) выше личной чести (вопреки бесчестию), побеждает.
	Илья выходит из темницы. Герой, ценящий «честные» объекты и положения (святыни Киева, вдовство, сиротство и др.) выше личной чести (вопреки бесчестию), побеждает.
	Илья не служит Калину. Герой, ценящий честные объекты и положения (святыни Киева, вдовство, сиротство и др.) выше личной чести, обретает свободу и побеждает.
	«Три поездки Ильи Муромца». Разбойники. Герой, ценящий потенциально страдающих людей (разбойников) выше личной чести (вопреки попытке бесчестия), побеждает.
	«Три поездки Ильи Муромца». Королевна. Герой, ценящий «честной» феномен (соборная слава русского богатырства) выше личной чести (телесные утхи), сохраняет свободу и распространяет славу о киевских витязях.
	«Три поездки Ильи Муромца». Клад. Герой ценит «честной» объект (церковь) выше личной чести (богатства).

Апраксия или Запав, персонаж второго ряда («Илья Муромец и Калин-царь»)	Илья в темнице. Персонаж, ценящий страдающего человека (Илью) выше личной (родовой) чести, избегает гибели.
Казарин	Освобождение пленницы. Герой, лишенный личной чести, побеждает.
	Влечение к освобожденной. Герой, ценящий страдающего человека (пленницу) выше личной чести (обладание красавицей), избегает бесславия.
	Влечение к освобожденной. Герой, ценящий «честное» положение (девичество) выше личной чести (обладание красавицей), избегает бесславия.
Татарин, персонаж второго ряда («Казарин»)	Татарин сулит брак. Персонаж, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной чести (обладание красавицей), избегает смерти.
Константин Саульевич	Разгром Кунгура. Герой, ценящий страдающего человека (отца) выше личной чести (ценного имущества), побеждает.
Лука Петрович («Королевич из Крякова»)	Герой, не ценящий личную имущественную честь (добычу — коня и доспех), спасает брата.
Михайло Данилович	Обретение доспеха. Герой не ценит личную честь и побеждает.
	Отказ от власти над татарами. Герой не ценит личную честь (обладание войском) и побеждает.
	Встреча с отцом. Герой ценит страдающего человека (старика) выше личной чести (вопреки попытке убийства).
	Отказ от чествования. Герой, ценящий страдающих людей (жителей Киева) выше личной чести (награды), побеждает.
	Отказ от чествования. Герой, ценящий «честные» объекты и реалии (святые Киева, православную веру) выше личной чести (награды), побеждает.

Михайло Потык	Побратимы идут по миру. Персонажи, ценящие страдающего человека (Потыка) выше личной чести (вопреки отказу последнего от коня, оружия, доспеха и др. имущества), возвращают героя свободу.
Марья Афромеевна, персонаж второго ряда («Михайло Потык»)	Молитва о русском муже. Персонаж, ценящая «честные» институции и реалии (православную веру, русское богатырство) выше личной чести (вопреки бесчестью от брака с простым богатырем), спасает героя.
Садко	Уклонение от блуда. Герой, не ценящий личную честь (обладание красавицей), обретает свободу.
	Возвращение. Герой ценит «честные» объекты и реалии (православные храмы, собственная душа) выше личной чести (богатства).
Морской царь как антагонист Садко («Садков корабль стал на море»)	Антагонист ценит «честную» нематериальную сущность — «душу» главного героя — выше личной чести (драгоценных подношений).
Соловей Будимирович	Герой, ценящий «честные» практики и объекты (обручение, пиршественные столы), выше личной чести (вопреки попытке бесчестья), побеждает.
Касьян («Сорок калик...»)	Герой, ценящий «честную» институцию (русское богатырство) выше личной чести («любовь телесная»), обретает святость.
Хотен Блудович	Герой, ценящий страдающих людей (Часовичей, «невольных ратников») выше личной (родовой) чести (вопреки родовому бесчестью), побеждает.
Б е р м я т а / П е р е м я к («Чурила и Катерина»)	Герой, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной чести (возмещения ущерба личной чести), побеждает.
	Герой, ценящий страдающего человека (Катерину) выше личной чести (возмещения ущерба личной чести), побеждает.
«Девка служаночка», персонаж второго ряда («Чурила и Катерина»)	Персонаж, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной чести (даров), торжествует.

«Девка служаночка», персонаж второго ряда («Чурила и Катерина»)	Персонаж, ценящий страдающего человека (Бермяту/Перемяка) выше личной чести (даров), торжествует.
Итого: позитивная динамика, кол-во аксиомативов	9
Итого; негативная динамика, кол-во аксиомативов	72

ЦЕННОСТЬ: СОБОРНАЯ СЛАВА РУССКОГО БОГАТЫРСТВА (МОЛВА О ПОДВИГАХ, СОВЕРШЕННЫХ «ВО СЛАВУ БОЖИЮ»)	
Действующее лицо	Аксиоматив
Конкурирует и укрепляется (через отрицание отрицания):	
Алеша Попович	Присвоение добычи. Герой ценит личную славу, личную честь выше общей «чести-хвалы» русского богатырства и (едва не) погибает.
	Сестра Сбродовичей. Герой, ценящий личную славу (обладание недоступной красавицей) выше страдающего человека (Олены), претерпевает бесчестие.
Змей Тугарин как антагонист Алеши Поповича	Антагонист ценит личную честь (обладание «лучшей» женщиной) выше ценности страдающего человека (князь Владимир) и погибает.
Апраксия, персонаж второго ряда	Персонаж, ценящая личную честь (плотские утехы) выше страдающего человека (князь Владимир), подвергается бесславию.
Киевляне, персонажи второго ряда	Персонажи, ценящие личную честь Тугарина выше страдающего человека (князь Владимир), подвергаются посрамлению.
Братья Петровичи/Сбродовичи, персонажи второго ряда	Персонажи ценят личную (родовую) честь выше страдающего человека (Олены) и подвергаются бесчестию.
Василий Буслаев	Неисполнение отцовской заповеди. Герой, ценящий личную славу выше посмертной учести собственного отца и выше нематериальной святости (отцовская заповедь), временно торжествует, но затем погибает бесславно.

Василий Буслаев	Нанесение увечий. Герой, ценящий личную честь, личную славу и силу (как личное право) выше страдающих людей (изувеченные в бою новгородцы), получает славу и честь, но затем погибает бесславно.
	Заговаривание «червленого вяза». Герой, ценящий личную честь, личную славу и колдовскую силу (как личное право) выше страдающих людей (изувеченные в бою новгородцы), временно торжествует (получает славу и честь), но затем погибает бесславно.
	Кулачный бой. Герой, ценящий личную славу (восстановление после бесславия) выше страдающих людей, вначале торжествует, но затем погибает бесславно.
	Бесчестие встречной. Герой, ценящий личную славу (восстановление после бесславия) выше страдающего человека, временно торжествует, но затем погибает бесславно.
	Гнев об избиении дружины. Герой, ценящий личную честь (дружину) выше страдающих людей, временно торжествует, но затем погибает бесславно.
	Обещания отомстить за увечья и спор. Герой, ценящий личную честь выше страдающих людей, восстанавливает ее силой и временно торжествует (получает славу и честь), но затем погибает бесславно.
Матушка Василия Буслаева, персонаж второго ряда	Совет набирать дружину. Персонаж, ценящий личную (родовую) честь выше страдающих людей (изувеченные в бою новгородцы) временно торжествует, но затем переживает бесчестье и теряет своего сына.
Василий Игнатьевич	Бесчестье от бояр и их казни. Герой ценит личную честь (добычу, награду) выше страдающих людей (бояре) и (едва не) погибает.
Князь Владимир, персонаж второго ряда («Василий Игнатьевич»)	Князь выдает героя татарам. Персонаж, не ценящий страдающего человека (Василия), (едва не) погибает.
Царь, антагонист Василия Игнатовича («Василий Игнатьевич»)	Антагонист, ценящий личную славу выше страдающих людей (киевляне), погибает.

Волх Всеславович	Захват города. Герой ценит личную честь и личную славу выше страдающих людей (жители города) и побеждает.
Маринка как антагонист Глеба Володьевича	Антагонист, ценящий личную честь (ценное имущество) выше страдающих людей (корабельщиков), погибает.
Добрыня Никитич	«Бой Добрыни с Ильей Муромцем». Герой, ценящий личную славу (о победах в состязаниях), терпит (моральное) поражение.
	Служба при дворе киевского князя. Герой не ценит страдающих людей (пленников Змеи) и утрачивает личную честь: опускается, доходит до воровства.
	Первый бой со Змеей. Герой ценит личную славу (победителя змеенышей) выше страдающих людей (пленников Змеи) и терпит поражение (теряет силу, славу и свободу).
	Ложный мир со Змеей. Герой, ценящий личную славу («большого брата» Змеи) выше страдающих людей (пленников Змеи), вынужден на много лет расстаться со своей семьей.
Абатуй, антагонист Добрыни Никитича («Добрыня и Василий Казимирович»)	Антагонист наносит ущерб общей славе русского богатырства и погибает.
Богатыри, персонажи второго ряда («Добрыня Никитич и Василий Казимирович»)	Персонажи, не испытывающие сострадания к князю Владимиру), не проявляют смелости и теряют личную славу.
Дунай Иванович как антагонист Добрыни Никитича («Бой Добрыни с Дунаем»).	Антагонист, ценящий личную честь (ценное имущество) выше страдающего человека, утрачивает свободу.
Алеша Попович как антагонист Добрыни Никитича («Добрыня и Алеша»)	Антагонист, ценящий личную славу (обладание недоступной красавицей по ее согласию) выше страдающих людей (Добрыни, его матушки, Настасьи), подвергается бесславию.

Дунай Иванович	«Молодец и королева». Похвальба. Герой ценит личную славу (обладание недо-ступной красавицей по ее согласию) выше страдающего человека (самой красавицы) и (едва не) погибает.
	«Молодец и королева». Похвальба. Герой ценит приращение личной чести (будущий статус супруга королевны) выше страдающего человека (самой королевны) и (едва не) погибает.
	Кровавое сватовство. Герой, ценящий приращение личной чести (будущий статус супруга королевны) выше страдающих людей (самой королевны и ее отца), погибает.
	Спящая королева. Герой, ценящий приращение личной чести (будущий статус супруга королевны) выше страдающего человека (самой королевны), погибает.
	Месть жене. Герой, ценящий личную славу (восстановление после бесславия) выше страдающего человека (жена), губит свою семью и затем убивает себя.
Настасья королевична, персонаж второго ряда («Дунай Иванович — сват»)	Презрение жены. Персонаж, ценящий личную честь выше страдающего человека (Дуная), погибает.
Иван Годинович	Герой ценит личную честь (ее приращение благодаря статусу невесты) выше страдающего человека (самой невесты) и переживает бесславие и бесчестие.
Красавица, персонаж второго ряда («Иван Годинович»)	Персонаж, намеренно причиняющий страдания главному герою, погибает.
Соловей-разбойник как антагонист Ильи Муромца	«Первая поездка Ильи Муромца». Антагонист, ценящий личную честь (добычу) выше страдающих людей (прохожих, проезжих), погибает.
	Свист на пиру. Антагонист, ценящий личную славу (будущую молву о своем свисте в полную силу) выше страдающих людей (жертв свиста), погибает.

Илья Муромец	Блуд с женой Святогора. Герой, ценящий свою жизнь выше страдающего человека (Святогора), утрачивает свободу и смелость.
	Блуд с женой Святогора. Герой, ценящий личную честь (телесные утечи) выше страдающего человека (Святогора), утрачивает харизматический дар силы.
	Зачатие «сколотыша». Герой, не ценящий страдающих людей (вдову Святогора, собственного ребенка от нее), (едва не) погибает.
	Похвальба Ильи. Герой, ценящий общую честь русского богатырства (как сообщества вне Христа) выше страдающего человека (Сокольника), утрачивает харизматический дар силы и (едва не) погибает.
Нахвальщик как антагонист Ильи Муромца	Месть «сколотыша». Антагонист, ценящий личную честь (восстановление ущерба, причиненного наследуемой чести) выше страдающего человека (собственной матери), погибает.
Королевна, антагонист Ильи Муромца («Три поездки Ильи Муромца»)	Антагонист не ценит страдающих и потенциально страдающих людей (пленников, Илью) и погибает.
Похваляющийся богатырь, персонаж второго плана («Камское побоище»)	Вызов небесам. Герой ценит личную славу (как часть коллективной славы русского богатырства вне Христа и против Христа) выше ценности общей славы русского богатырства ради Христа и (едва не) погибает.
Константин Саульевич	Оставление миссии. Герой, ценящий личную славу (обретение царства) выше страдающего человека (отца), теряет свободу.
Михайло Данилович	Нападение на отца (вариант). Герой, не ценящий страдающего человека (старика), утрачивает силу.
Михайло Потык	Оставление миссии. Герой ценит личную славу (обладание королевной по ее согласию) выше страдающих людей (витязей, проигранных князем Владимиром и попавших в неволю) и утрачивает «сердце богатырское».

Михайло Потык	Оставление миссии. Герой ценит личную честь (телесные утхи и пьянство) выше страдающих людей (витязей, проигранных князем Владимиром и попавших в неволю) и утрачивает «сердце богатырское».
	Ложь о телегах с данью. Герой ценит личную славу (обладание королевной по ее согласию) выше, чем страдающих людей (русских витязей в неволе).
	Ложь о телегах с данью. Герой ценит личную честь (ее приращение за счет статуса невесты) выше, чем «честные» институции и установления (законная власть, русское богатырство) и утрачивает смелость.
	Погоня. Герой ценит личную славу (восстановление ущерба, причиненного бесславием) выше страдающих людей (русских витязей в неволе) и утрачивает свободу.
Лебедь Белая как антагонист Михайло Потыка	Антагонист, ценящий личную (родовую) честь (ценное имущество своего отца) выше страдающего человека (Потыка), погибает.
Садко («Садков корабль стал на море»)	Герой, ценящий страдающих людей (товарищей, корабельщиков) ниже собственной жизни, теряет свободу.
Царица Соломанида	Антагонист, ценящий личную честь (приращение собственного имущественного статуса) выше страдающего человека (царя Соломана), погибает.
Антагонист Соловья Будимировича	Антагонист, ценящий личную честь (ее приращение в связи с перспективой женитьбы на княжеской племяннице) выше страдающих людей (главного героя и его матушки), терпит поражение.
Княгиня Апраксия как антагонист Касьяна («Сорок калик...»)	Антагонист, ценящий личную честь (телесные утхи) выше страдающего человека, лишается славы.
Мотивирует и укрепляется при конкуренции:	
Алеша Попович	Выбор пути. Герой, ценящий служение общей «чести-хвале» русского богатырства выше жизни и личной чести (плотских утех), побеждает.

Алеша Попович	Бросок ножа. Герой ценит страдающего человека (князя Владимира) выше личной славы (вопреки бесславию).
	Вызов сильнейшему противнику. Герой ценит страдающего человека (князя Владимира) вопреки угрозе бесславия.
Князь Владимир, персонаж второго ряда («Алеша Попович и Змей Тугарин»)	Князь Владимир защищает Алешу. Персонаж ценит страдающего человека (Алешу) выше личной чести.
Василий Игнатович	Сострадание к князю Владимиру. Герой, ценящий страдающего человека (Владимира) выше личной чести (наград, даров) избегает бесчестия и гибели.
Микула Селянинович	Герой, ценящий страдающих людей («мужичков») выше, чем личную честь (добычу), побеждает.
	Герой, ценящий потенциально страдающего человека (Вольгу) выше, чем личную славу (вопреки бесславию в связи с предложенной службой в дружине), побеждает.
Добрыня Никитич	Изгнание. Герой ценит страдающих людей (изувеченных им жителей Рязани) выше личной чести (имущества в городе) вопреки бесславию.
	Предложение Змеи. Герой, ценящий страдающих людей (пленников Змеи) выше личной славы (победителя Змеи и обладателя труднодоступной красавицы по согласию последней), побеждает.
	Предложение Змеи. Герой, ценящий страдающих людей (пленников Змеи) выше личной имущественной чести (золота, коня и невесты, обладающей высоким статусом), побеждает.
	Покорение чуди. Герой ценит общую славу-молву о русских богатырях выше личной чести (телесных утех).
	«Добрыня и Василий Казимирович». Добрыня ценит страдающих людей (побратимов) выше личной славы и побеждает.

Добрыня Никитич	«Добрыня и Алеша». Срочное возвращение. Герой ценит страдающих людей (жителей Киева) выше личной чести.
	«Добрыня и Алеша». Добрыня неузнанный. Герой, ценящий страдающего человека (Настасью) выше личной славы (вопреки бесславию в связи с согласием жены выйти за другого), торжествует.
	«Добрыня и Алеша». Тайный знак невесте. Герой ценит страдающего человека (Настасью) выше личной чести (восстановления ущерба личной чести) и торжествует.
	«Добрыня и Алеша». Наказание соперника. Герой ценит страдающего человека (Алешу) выше личной чести (вопреки попытке последнего нанести ущерб его личной чести) и торжествует.
Дюк Степанович	Раздача нарядов. Герой ценит страдающих людей (киевских нищих) выше личной имущественной чести (драгоценных нарядов) и побеждает.
	Прощение Чурилы. Герой ценит страдающего человека (Чурилу) выше личной чести и личной славы (вопреки его попытке нанести ущерб личной чести и личной славе).
Илья Муромец	Родительское благословение. Герой, ценящий страдающих людей (родителей) выше личной славы (вопреки желанию личной славы), побеждает.
	«Паршивый жеребчик». Герой, ценящий страдающее существо выше личной чести, побеждает.
	Осажденный город. Герой, ценящий страдающих людей (осажденных горожан) выше личной чести (награды), побеждает.
	Осажденный город. Герой, ценящий страдающих людей (осажденных горожан) выше личной славы (вопреки бесславию в связи с нарушением заповеди), побеждает.
	Дети Соловья. Герой, ценящий страдающих людей (дети Соловья) выше личной чести властителя (князя Владимира), побеждает.

Илья Муромец	Доклад о подвиге. Герой, ценящий страдающего человека (князя Владимира) выше личной славы (вопреки бесславию в связи с недоверием), побеждает.
	Бросок ножа. Герой, ценящий страдающего человека (Алешу) выше личной славы (вопреки бесславию в связи с броском ножа), побеждает.
	Бой с Добрыней. Герой ценит страдающего человека (Добрыню) выше личной славы (вопреки бесславию, вызванного поражением).
	«Илья Муромец и нахвальщик». Узнавание. Герой, ценящий страдающего человека (Сокольника) выше личной чести (вопреки ущербу личной чести), побеждает.
	Илья выходит из темницы. Герой, ценящий страдающего человека (князя Владимира) выше личной чести (вопреки личному бесчестию), побеждает.
	Илья не служит Калину. Герой, ценящий страдающих людей (жителей Киева) выше личной чести (даров), обретает свободу и побеждает.
	«Три поездки Ильи Муромца». Разбойники. Герой, ценящий потенциально страдающих людей (разбойников) выше личной чести (вопреки попытке бесчестия), побеждает.
	«Три поездки Ильи Муромца». Разбойники. Герой, ценящий потенциально страдающих людей (разбойников) выше личной славы, побеждает.
Казарин	Влечение к освобожденной. Герой, ценящий страдающего человека (пленницу) выше личной чести (приращения личной чести от обладания красавицей), избегает бесчестия и бесславия.
Константин Саульевич	Разгром Кунгура. Герой, ценящий страдающего человека (отца) выше личной чести, побеждает.

Лука Петрович («Королевич из Крякова»)	Герой, проявляющий сострадание (к поверженному противнику) вопреки жажде личной славы, избегает бесчестия.
	Герой, проявляющий сострадание (к поверженному противнику) вопреки жажде личной чести, спасает брата.
Михайло Данилович	Встреча с отцом. Герой ценит страдающего человека (старика) выше личной чести (вопреки попытке бесчестия).
	Отказ от чествования. Герой, ценящий страдающего человека выше личной чести (даров), побеждает.
Михайло Потык	Верность Марье. Герой, ценящий страдающего человека (Марью) выше личной славы (компенсации ущерба личной славе), обретает свободу и избегает гибели.
Алеша Попович как персонаж второго ряда («Михайло Потык»)	Алеша в женском платье. Персонаж ценит страдающего человека (Потыка) выше личной славы.
Побратимы Михайло Потыка, персонажи второго ряда	Побратимы идут по миру. Персонажи, ценящие страдающего человека (Потыка) выше личной чести, возвращают герою свободу.
Хотен Блудович	Герой, ценящий страдающего человека (мать), получает дар харизматической силы.
	Герой, ценящий страдающих людей (Часовичей, «невольных ратников») выше личной чести, побеждает.
Блудова вдова, персонаж второго ряда («Хотен Блудович»)	Персонаж, ценящий страдающего человека (обидчицу) выше личной славы (вопреки бесславию), восстанавливает личную славу.
Б е р м я т а / П е р е м я к («Чурила и Катерина»)	Герой, ценящий страдающего человека (Катерину) выше личной славы (вопреки бесславию), побеждает.
	Герой, ценящий страдающего человека (Катерину) выше личной чести (вопреки бесчестию), побеждает.
«Девка служаночка», персонаж («Чурила и Катерина»)	Персонаж, ценящий страдающего человека (Бермяту/Перемяка) выше личной чести (даров), торжествует.

Мотивирует и укрепляется:	
Князь Владимир, персонаж второго ряда («Бой Добрыни с Дунаем»)	Персонаж ценит общую славу русского богатырства выше личной чести героя (Дуная).
Василий Игнатьевич	Отклик на беду. Герой ценит страдающего человека (князя Владимира) и побеждает.
Глеб Володьевич	Помощь корабельщикам. Герой, ценящий страдающих людей (корабельщиков), побеждает.
Родственница Добрыни Никитича, персонаж второго ряда («Добрыня и Маринка»)	Родственница угрожает Маринке. Персонаж, ценящий страдающего человека (Добрыню), торжествует.
Добрыня Никитич	Второй бой со Змеей. Герой, ценящий страдающих людей (пленников Змеи), побеждает.
	Честь освобожденной пленницы — защита от Алеши. Герой, ценящий страдающего человека (Запаву), торжествует.
	«Добрыня Никитич и Василий Казимирович». Герой, ценящий соборную славу русского богатырства, проявляет ярость-ревнование и побеждает.
	«Бой Добрыни с Дунаем». Герой, ценящий славу русского богатырства, избегает гибели.
Настасья, персонаж второго ряда («Добрыня и Алеша»)	«Заповедь женская». Персонаж, ценящий страдающего человека (Добрыню Никитича), избегает бесславия.
Илья Муромец как персонаж второго ряда («Добрыня и Алеша»)	Наказание соперника. Персонаж ценит общую славу русского богатырства.
Илья Муромец как персонаж второго ряда («Дюк Степанович»)	Персонаж ценит страдающего человека (Чурилу).
Илья Муромец	Калики. Герой, ценящий страдающего человека, получает харизматическую силу и побеждает.
	Дочь Соловья. Герой, ценящий страдающего человека, побеждает.

Илья Муромец	Прямоезжая дорога. Герой, ценящий страдающих людей (проезжих) выше собственной жизни, побеждает.
	«Илья Муромец и Святогор». Покаяние. Герой, ценящий страдающего человека (Святогора) выше личной чести и личной славы, получает харизматическую смелость.
	«Илья Муромец и Святогор». Отец Святогора. Герой, ценящий страдающего человека (Святогора) выше собственной жизни, получает силу.
	Илья и нахвальщик. Молитва Ильи. Герой, ценящий страдающих людей (вдов и сирот) выше собственной жизни, побеждает.
Апраксия, Завава — персонаж второго ряда («Илья Муромец и Калин-царь»)	Илья в темнице. Персонаж, ценящий страдающего человека (Илью) выше личной (родовой) чести, избегает гибели.
Михайло Потык	Змея-помощница. Герой, ценящий страдающих существ (змею, детей змеи), обретает свободу.
Соловей Будимирович	Герой, ценящий страдающего человека (свою матушку), побеждает.
Василиса Микулична («Ставр Годинович»)	Герой, ценящий страдающего человека (Ставра), побеждает.
Матушка Василия, персонаж второго ряда («Василий Буслаев»)	Персонаж ценит страдающих людей (новгородцев) выше собственной жизни.
Ермак	Герой ценит страдающих людей (жителей Киева) выше собственной жизни.
Илья Муромец как персонаж второго ряда («Илья, Ермак и Калин-царь»)	Персонаж ценит страдающего человека (Ермака) выше собственной жизни и обретает харизматическую силу и побеждает.
Казарин	Освобождение пленницы. Герой, ценящий страдающего человека (пленницу) выше собственной жизни, побеждает.
Садко	Пляска Морского царя. Герой, ценящий страдающих людей (тонущих корабельщиков) выше собственной жизни, обретает харизматический дар разума.

Сухман	Нападение на переправу. Герой, ценящий страдающее существо («Непру-реку») выше собственной жизни, получает харизматический дар силы.
Мотивирует и девальвируется:	
Нет	—
Мотивирует и девальвируется при конкуренции:	
Нет	—
Конкурирует, недооценивается и девальвируется:	
Илья Муромец	Герой, ревнующий о «честном» установлении (брак), выше ценности страдающего человека (дети от кровосмесительной связи в роду Соловья), побеждает.
Соловей Будимирович (вариант)	Герой, ценящий личную честь выше страдающего человека (Давыда Попова), побеждает.
Итого: позитивная динамика, кол-во аксиомативов	127
Итого: негативная динамика, кол-во аксиомативов	2
ЦЕННОСТЬ: ЧЕСТЬ ДРУГОГО («ЧЕСТНОГО» ОБЪЕКТА, УСТАНОВЛЕНИЯ И Т. Д.)	
Конкурирует и укрепляется (отрицание отрицания):	
Змей Тугарин как антагонист Алеши Поповича	Антагонист ценит личную славу (обладание лучшей женщиной по ее согласию) выше «честного» установления (законного брака).
Князь Владимир, персонаж второго ряда («Алеша Попович и Змей Тугарин»)	Персонаж не ценит честь русского богатырства и подвергается бесславию.
Княгиня Апраксия, персонаж второго ряда («Алеша Попович и Змей Тугарин»)	Персонаж, подвергающийся бесчестью «честное» установление (законный брак), подвергается обличению (бесславию).
Киевляне, персонажи второго ряда («Алеша Попович и Змей Тугарин»)	Персонаж, ценящий личную честь (в связи с угрозой бесчестья) выше «честного» установления (законный брак), терпит поражение.

Олена, персонаж второго ряда («Алеша Попович и сестра Петровицей/Сбродовичей»)	Персонаж ценит личную честь (плотские утехи) выше «честного» установления (законный брак) и подвергается бесславию.
Мужик, персонаж второго ряда («Вавило и скомо-рохи»)	Персонаж, ценящий «честных» странников («святых людей») ниже личной чести, переживает бесчестие (теряет детей).
Василий Буслаев	Неисполнение отцовской заповеди. Герой, ценящий личную честь выше нематериальной святости (отцовской заповеди), временно торжествует, но затем погибает.
	Герой, ценящий физическую силу (как личное право) выше «честной» институции (крестного отцовства) временно торжествует, но затем погибает бесславно.
	Герой, ценящий физическую силу (как личное право) выше «честного» положения (материнства), погибает бесславно.
	Кошунство вместо богомолья — «Ердань-река». Герой, ценящий личную славу выше святости (почитаемой христианами реки), погибает.
	Кошунство вместо богомолья — «сухая кость». Герой, ценящий личную славу выше святости (мощи мученика за веру), погибает.
	Кошунство вместо богомолья — камень Алатырь. Герой, ценящий личную славу выше святости (камня Алатыря), погибает.
	Разбой вместо богомолья. Герой, ценящий личную честь (добычу) выше, чем нематериальную святость (собственную душу), погибает бесславно.
Василий Игнатович	Покушение на князя Владимира. Герой, ценящий личную честь выше святости (законной власти), едва не погибает.
Царь, антагонист Василия Игнатовича	Антагонист, ценящий личную славу выше «честных» объектов (святых Киева), погибает.
Князь Владимир, персонаж второго ряда (былины про Василия Игнатовича/Пьяницу)	Персонаж не держит в чести русских богатырей и едва не погибает.

Добрыня Никитич	«Добрыня и Маринка» — посещение Добрыней Маринки. Герой, ценящий личную честь (телесные утхи) выше нематериальной святыни брака, утрачивает силу.
	«Добрыня и Маринка» — посещение Добрыней Маринки. Герой, ценящий личную честь (телесные утхи) выше нематериальной святыни брака, утрачивает свободу.
	Купание Добрыни. Герой, ценящий личную славу (при угрозе беславия) выше «честного» объекта («Ердань-реки»), едва не погибает.
	Ложный мир со Змеей. Герой, ценящий личную славу выше честной институции (русского богатырства), теряет честь и свободу.
Богатыри на пиру, персонажи второго ряда («Добрыня Никитич и Василий Казимирович»)	Персонажи, не ценящие «честную» институцию (русское богатырство), утрачивают смелость и теряют личную славу.
Дунай Иванович	Спящая королева. Герой, ценящий личную честь (обладание красавицей, плотские утхи) выше честного положения (девичества), погибает.
	Казнь. Герой, ценящий личную честь (месть при бесчестии) выше «честного» установления (законного брака), погибает.
Настасья королевична, персонаж второго ряда («Дунай Иванович — сват»)	Презрение жены. Персонаж, ценящий личную честь (при бесчестии, вызванном браком с недостойным) выше «честного» установления (законного брака), погибает.
Чурило как антагонист Дюка Степановича	Антагонист ценит личную честь властителя (князя Владимира) выше «честных» объектов и реалий (херувимской песни, церковного строения, хлеба и др.) и терпит поражение.
Царь, антагонист Ермака	Антагонист, ценящий личную честь (добычу) выше «честного» установления (законного брака), погибает.
Иван Годинович	Герой ценит личную честь (добыча недоступной красавицы, месть о бесчестии) выше «честного» установления (законный брак) и переживает бесславие и бесчестие.

Отец красавицы, персонаж второго ряда («Иван Годинович»)	Персонаж, ценящий личную честь (брак дочери с царем) выше нематериальной святыни (веры), терпит бесчестие.
Красавица, персонаж второго ряда («Иван Годинович»)	Персонаж, ценящий личную честь выше нематериальной святыни (веры), погибает.
Соловей-разбойник	«Первая поездка Ильи Муромца». Антагонист, ценящий личную честь (добычу) выше «честного» принципа (беспрепятственный доступ к святыням Киева), погибает.
	«Первая поездка Ильи Муромца». Антагонист, ценящий личную имущественную честь (свой род, его продолжение) выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Илья Муромец	«Илья Муромец и Святогор» — блуд с женой Святогора. Герой, ценящий личную честь (блуд, плотские утехи) выше «честного» установления (законный брак), утрачивает харизматический дар силы.
	Илья и нахвальщик — зачатие «сколотыша». Герой, ценящий личную честь (блуд) выше нематериальной святыни брака, (едва не) погибает.
	Илья и нахвальщик — похвальба Ильи. Герой, не ценящий (бесчестящий) «честную» институцию (русское богатство), утрачивает харизматический дар силы.
Идолище	Антагонист, бесчестящий «честную» институцию (нищенство «Христа ради»), погибает.
Нахвальщик как антагонист Ильи Муромца	Илья и нахвальщик — месть «сколотыша». Антагонист, ценящий личную честь (восстановление после бесчестия) выше честных институций (отцовства и материнства), погибает.
	Илья и нахвальщик — отказ от богатства. Антагонист, ценящий личную честь выше соборной чести русского богатства, погибает.
Князь Владимир как антагонист Ильи Муромца («Илья Муромец и голи кабацкие»)	Богатыри не в чести. Антагонист, не ценящий «честную» институцию (русское богатство), терпит поражение.

Разбойники, антагонисты Ильи Муромца («Три поездки Ильи Муромца»)	Антагонисты ценят личную имущественную честь (добычу) выше общей чести русского богатейства и посрамляются.
Похваляющийся богатырь («Камское побоище»)	Герой, ценящий личную славу (как часть коллективной славы русского богатейства вне Христа) выше ценности общей чести русского богатейства ради Христа, (едва не) погибает.
Михайло Потык	Принятие «поганой» заповеди. Герой ценит личную славу (обладателя удивительной и недоступной красавицы по ее согласию) выше ряда нематериальных святынь (собственная душа, законный брак, русское богатейство) и (едва не) погибает.
	Принятие «поганой» заповеди. Герой ценит личную честь (в т. ч. плотские утехи) выше ряда нематериальных святынь (собственная душа, законный брак, русское богатейство) и (едва не) погибает.
Лебедь Белая как антагонист Михайло Потыка («Михайло Потык»)	Антагонист, ценящий личную (родовую) честь выше нематериальных святынь (законный брак, вера), погибает.
	Антагонист, ценящий личную честь (статус царицы) выше нематериальной святыни (законный брак) погибает.
Садко	Месть Новгороду. Герой, ценящий личную славу (как победителя) выше «честной» реальности (собственной души), (едва не) погибает.
	Месть Новгороду. Герой, ценящий личную честь (имущество) выше «честной» реальности (собственной души), (едва не) погибает.
	«Садков корабль стал на море». Герой, ценящий личную честь выше нематериальной святыни (обет), теряет свободу.
Торокашка, антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную честь (дары властителя) выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Царь Василий, антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную славу (обладание чужой красавицей по ее согласию) выше «честного» установления (законный брак), погибает.

Царица Соломанида, антагонист царя Соломана	Антагонист, ценящий личную честь выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Святогор («Святогор и тяга земная»)	Герой, ценящий личную славу выше «честных» сущностей («сил небесных»), (едва не) погибает.
Давыд Попов антагонист Соловья Будимировича	Антагонист, ценящий личную честь (обладание княжеской племянницей) выше «честной» практики (обручение), терпит поражение.
Запава, персонаж второго ряда («Соловей Будимирович», вариант)	Персонаж, ценящий личную славу (брак с удивительным супругом) выше «честного» положения (девичество), переживает ущерб личной славе.
Княгиня Апраксия как антагонист Касьяна («Сорок калик...»)	Антагонист, ценящий личную честь (телесные утехы) выше «честных» установлений и практик (законный брак, паломничество), лишается чести (телесных утех) и подвергается бесславию («дурная болезнь»).
Алеша Попович как персонаж второго ряда («Сорок калик...»)	Персонаж, не ценящий «честные» институции (богатырство/каличество), подвергается бесславию.
Князь Владимир как антагонист Ставра Годиновича	Антагонист, не ценящий «честное» установление (законный брак), посрамляется (переживает личное бесславие).
Часова вдова как антагонист Хотена Блудовича	Антагонист, ценящая личную честь выше «честной» институции (русское богатырство), терпит поражение.
Чурила как антагонист Бермяты/Перемяка	Антагонист, ценящий личную славу (обладание женщиной по ее согласию) выше «честного» установления (законный брак), погибает.
Мотивирует и укрепляется при конкуренции:	
Алеша Попович	Герой ценит «честное» установление (законный брак) выше личной чести (он обеспечен «на приезде») и побеждает.
	Герой ценит «честные» установления и объекты (законный брак, столы в княжеской палате) выше личной славы (он обесславлен броском ножа).

Алеша Попович	Герой ценит «честное» установление (законный брак) выше личной чести (вызывает сильнейшего противника на бой без необходимости мстить за бесчестие).
Владыка Черниговский, персонаж второго ряда («Алеша Попович и Змей Тугарин»)	Персонаж ценит «честное» установление (законный брак) выше личной чести антагониста.
Вавило	Герой чтит «святых людей» выше собственной жизни, личной чести и личной славы (угроза поражения).
Матушка Вавилы, персонаж второго ряда	Персонаж, ценящий «честной» объект («святых людей») выше собственной жизни и личной чести (достатка), избегает личного бесчестия, утраты ребенка.
Василий Игнатьевич	Защита киевских святынь. Герой ценит «честные» объекты выше личной чести (награды) и побеждает.
Добрыня Никитич	«Добрыня и Маринка» — отказ от связи. Герой, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной чести (плотские утхи), освобождается от колдовства и побеждает.
	«Добрыня и Василий Казимирович». Герой, ценящий «честную» институцию (русское богатырство), получает харизматическую смелость и побеждает.
	«Добрыня и Настасья». Герой ценит «честную» практику (обручение) выше личной славы (вопреки бесславию) и торжествует.
	«Добрыня и Настасья». Герой ценит «честные» практики и установления (законное обручение, законный брак) выше личной чести (плотские утхи — предложение Змеи, предложение Запавы) и торжествует.
	Честь освобожденной пленницы. Герой, ценящий «честное» положение (девичество) выше личной славы (обладание красавицей княжеского рода по ее согласию), торжествует.

Добрыня Никитич	Честь освобожденной пленницы. Герой, ценящий «честное» положение (девичество) выше личной чести (обладание красавицей как добычей), торжествует.
	«Добрыня и Алеша». Срочное возвращение. Герой ценит «честное» установление (законный брак) выше личной чести (вопреки бесчестию) и торжествует.
	«Добрыня и Алеша». Срочное возвращение. Герой ценит «честные» объекты (святыни Киева) выше личной чести (в связи с угрозой личного бесчестия — утраты жены) и побеждает.
	«Добрыня и Алеша». Добрыня неузнанный. Герой, ценящий нематериальную святыню брака выше личной имущественной чести, побеждает.
	«Добрыня и Алеша». Наказание соперника. Герой ценит «честную» институцию (русское богатырство) выше личной чести (вопреки личному же бесчестию).
Настасья, персонаж второго ряда («Добрыня и Настасья»)	Обручение. Персонаж, ценящий «честные» установления, положения и обычаи (брак, девичество, обручение), получает харизматическую силу и побеждает.
Дюк Степанович	Спящие в шатре. Герой, ценящий общую честь русского богатырства выше личной славы, побеждает.
	Бесчестие в храме. Герой, ценящий нематериальную святыню (церковную службу) выше личной чести, побеждает.
	Слава русского богатырства и недостойность князя. Герой, ценящий общую честь киевских витязей выше личной имущественной чести властителя, побеждает.
	Похвальба о матушке. Герой, ценящий «честные» положения (материнство, вдовство) выше личной чести, побеждает.
	Соревнование нарядами. Герой ценит «честные» объекты (святыни Киева) выше личной чести (отказывается носить одежды, превышающие по цене стоимость русских святынь) и побеждает.

Илья Муромец как персонаж второго ряда («Дюк Степанович»)	Илья защищает главного героя. Персонаж ценит «честные» объекты выше личной чести властителя.
	Илья защищает антагониста. Персонаж ценит общую честь русского богатырства выше личной чести Дюка.
Князь Владимир, персонаж второго ряда («Дюк Степанович»)	Персонаж ценит честные объекты и реалии (церковное пение, церковное строение, хлеб и др.) выше личной славы.
Красавица, персонаж второго ряда («Иван Годинович», вариант)	Персонаж ценит нематериальную святыню (веру) выше личной имущественной чести и торжествует.
Илья Муромец	Дети Соловья. Герой, ставящий «честную» институцию (законный брак) выше ценности страдающего человека (дети от кровосмешения), побеждает.
	Доклад о подвиге. Герой, ценящий «честное» установление (законная власть) выше личной чести (вопреки личному же бесчестию от князя), побеждает.
	Бросок ножа. Герой, ценящий общую честь русского богатырства выше личной славы (вопреки личному же бесславию от Алеши Поповича), побеждает.
	Илья и Идолище. Герой, ценящий «честные» институции и установления (нищенство, брак) выше личной чести, побеждает.
	«Илья Муромец и Калин-царь». Илья выходит из темницы. Герой, ценящий «честные» объекты и положения (святыни Киева, вдовство, сиротство и др.) выше личной чести, побеждает.
	«Илья Муромец и Калин-царь». Илья не служит Калину. Герой, ценящий «честные» объекты выше личной чести, обретает свободу и побеждает.
	«Илья Муромец и голи кабацкие». Бунт. Герой ценит общую честь русского богатырства выше личной славы и побеждает.

Илья Муромец	«Илья Муромец и голи кабацкие». Бунт. Герой ценит общую честь русского богатырства выше личной славы и побеждает.
	«Три поездки Ильи Муромца». Королева. Герой, ценящий «честную» институцию (русское богатырство) выше личной чести (плотские утхи), сохраняет свободу и приумножает славу русского богатырства.
	«Три поездки Ильи Муромца». Клад. Герой ценит «честной» объект (церковь) выше личной чести (богатства).
Святогор, персонаж второго ряда («Илья Муромец и Святогор»)	Покаяние. Персонаж ценит «честное» установление (законный брак) выше личной чести (обладание красавицей) и становится свободным от бесчестия.
Казарин	Влечение к освобожденной. Герой, ценящий «честное» положение (девичество) выше личной чести, избегает бесславия.
Татарин, антагонист («Казарин»)	Татарин сулит брак. Антагонист, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной чести (обладание красавицей как добычей), избегает смерти.
Михайло Данилович	Отказ от чествования. Герой, ценящий «честные» объекты (святыни) выше личной чести (наград), побеждает.
Марья Афромеевна, персонаж второго ряда («Михайло Потык»)	Молитва о русском муже. Персонаж, ценящая «честные» институции («веру русскую», русское богатырство) выше личной чести (бесчестие от брака с простым богатырем), спасает героя и торжествует.
Соловей Будимирович	Герой, ценящий «честные» обычаи и объекты (обручение, пиршественные столы), выше личной чести (вопреки угрозе бесчестия), побеждает.
Касьян («Сорок калик...»)	Герой, ценящий «честную» институцию (русское богатырство) выше личной чести («любви телесной»), обретает святость.
Хотен Блудович	Герой, ценящий «честные» положения (материнство, вдовство), получает дар харизматической силы.

Бермьта / Перемьяк («Чурила и Катерина»)	Герой, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной славы (вопреки бесславию от измены жены), побеждает.
	Герой, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной чести (вопреки личному же бесчестию), побеждает.
Девка, персонаж второго ряда («Чурила и Катерина»)	Персонаж, ценящий «честное» установление (законный брак) выше личной чести (подарков), торжествует.
Мотивирует при конкуренции:	
Садко	Возвращение. Герой ценит «честные» объекты и реалии (православные храмы, свою собственную бессмертную душу) выше личной чести (богатства) и торжествует.
Морской царь, антагонист («Садков корабль стал на море»)	Антагонист ценит «честную» реалию (душу главного героя) выше личной чести (даров).
Мотивирует и укрепляется:	
Вавило	Герой, ценящий «честного» человека (свою матушку), побеждает.
	Герой, ценящий «честных» незнакомцев («святых людей») выше собственной жизни, получает харизматический дар игры «во звоньчатой во переладец» и побеждает.
Мужик, персонаж второго ряда («Вавило»)	Персонаж, ценящий собственную жизнь выше «честного» объекта («святых людей»), переживает бесчестие (теряет детей).
Настасья, персонаж второго ряда («Добрыня и Алеша»)	«Заповедь женская». Персонаж, ценящий «честное» установление (законный брак), избегает бесславия.
Добрыня Никитич	Первая победа. Герой, ценящий нематериальную святыню (славу «святых отцов»), получает силу и обретает свободу.
Илья как персонаж второго ряда («Илья, Ермак и Калин-царь»)	Персонаж ценит «честное» установление (законный брак) выше собственной жизни, обретает харизматическую силу и побеждает.

Ермак	Герой ценит «честное» установление (законный брак) выше собственной жизни.
Побратим героя, персонаж второго ряда («Иван Годинович»)	Персонаж ценит общую честь русского богатырства выше собственной жизни и побеждает.
Илья Муромец	Илья и нахвальщик — молитва Ильи. Герой, ценящий «честные» реалии (вдовство, сиротство) выше собственной жизни, побеждает.
	Прямоезжая дорога. Герой, ценящий «честную» традицию («обеденку христовую») выше собственной жизни, побеждает.
Похваляющийся богатырь, персонаж второго ряда («Камское побоище»)	Покаяние. Герой, ценящий «честную» реальность — собственную душу — выше собственной жизни и личной славы (угрозы беславия), избегает гибели.
Михайло Данилович	Освобождение из оков. Герой ценит святости и побеждает.
Завава, персонаж второго ряда («Соловей Будимирович»)	Персонаж ценит «честную» традицию (обручение) и торжествует.
Царь Соломан	Герой, ценящий «честное» установление (законный брак), побеждает.
Касьян («Сорок калик...»)	Герой, ценящий соборную честь русского богатырства выше собственной жизни, обретает святость.
Добрыня Никитич как персонаж второго ряда («Сорок калик...»)	Персонаж, ценящий соборную славу русского богатырства, избегает беславия.
Василиса Микулична (былины про Ставра Годиновича)	Герой, ценящий «честное» установление (законный брак), побеждает.
Сухман	Нападение на переправу. Герой, ценящий «честные» объекты (церкви, монастыри) выше собственной жизни, получает харизматическую силу.
Мотивирует и девальвируется:	
Нет	—
Мотивирует и девальвируется при конкуренции:	
Нет	—

Конкурирует и девальвируется:	
Нет	—
Итого: позитивная динамика, кол-во аксиомативов	124
Итого: негативная динамика, кол-во аксиомативов	0

Миронов Арсений Станиславович

Эпос русских: ценности

Часть 1

Предельные ценности
русского эпического сознания:
честь и слава

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Корректурa: *И. А. Птицын*

Компьютерная верстка: *М. Е. Заболотникова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: info@heritage-institute.ru